B 7/7
t. I
1841 ~1

В 7/7 1841/2 3

МОСКВИТЯНИНЪ.

ЧАСТЬ I.

№ 1.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ.

....Нынѣшняя Россія, то есть Россія Европейская дипломатическая, политическая, военная, Россія коммерческая, мануфактурная, Россія школьная, литтературная, — есть произведеніе Петра Великаго. Какое бы явленіе въ сихъ сферахъ гражданской жизни ни стали мы разсматривать, о какомъ бы учрежденіи ни стали мы разсуждать, всѣ подобныя изслѣдованія доводятся непремѣнно до Петра Великаго, у котораго въ рукахъ концы всѣхъ нашихъ нитей соединяются въ одномъ узлѣ. Куда мы ни оглянемся, вездѣ встрѣчаемся съ этою колоссальною фигурою, которая бро-

саетъ отъ себя длинную тѣнь на все наше прошедшее, и даже заститъ намъ древнюю Исторію, которая въ настоящую минуту все еще какъ будто держитъ свою руку надъ нами, и которой, кажется, никогда не потеряемъ мы изъ виду, какъ бы далеко ни ушли въ будущемъ.

Обозрѣвая царствованіе Императора Петра Великаго, съ намѣреніемъ представить оное въ одной общей картинѣ, опредѣлить его значеніе въ системѣ Русской и Европейской Исторіи, невольно чувствуешь трепетъ, падаешь духомъ, и не знаешь, съ чего начать, что сказать, и что умолчать. Сколько созданій! Сколько разрушеній, преобразованій! Сколько дѣйствій и происшествій всякаго рода! Мысль устаетъ летать отъ одного предмета къ другому, и удивленная, изнеможенная, приходитъ въ замѣшательство, останавливается....

Что за зрѣлище представляетъ онъ самъ своею особою, съ своимъ твердымъ характеромъ, съ своей желѣзной волею, съ своими пылкими страстями, темпераментомъ, даже съ своимъ лицемъ и исполинскимъ ростомъ! Что за зрѣлище представляетъ Россія и ея жители, съ ихъ образомъ мыслей, привычками, нуждами, предразсудками, обстоятельствами, стариною — завѣтнымъ наслѣдіемъ предковъ, Россія тысячелѣтняя, смирная, терпѣливая, благочестивая, самодовольная, страна, въ которую насланъ былъ судьбою этотъ величайшій изъ всѣхъ Преобразователей, ничѣмъ не довольный!

Сколько разнаго дѣла дѣлается въ одно время, — одно подготовляется, другое начинается, третье на половинѣ, четвертое близко къ концу, — съ какимъ

рвеніемъ, жаромъ, усердіемъ, какъ будто всѣмъ работникамъ заданы уроки, назначенъ срокъ, подъ строгою отвѣтственностію. Всѣ торопятся, суетятся, спѣшатъ кончить, и боятся опоздать. Шумъ, крикъ, стукъ. Нѣтъ покоя ни днемъ, ни ночью. Нѣтъ остановки, передышки на минуту. Не успѣютъ справиться съ однимъ, какъ уже принимаются за другое. Все разсчитано по часамъ, по минутамъ; все переведено будто на вѣрную математическую машину.

Одно сѣмя бросается предъ вашими глазами въ землю, другое перезябаетъ, третье только что изникло изъ почвы, а это уже цвѣтетъ, а это уже приноситъ плодъ, — и всѣ онѣ произрастаютъ рядомъ, въ одно время.

Какое движеніе, какая дѣятельность, живость, во всѣхъ концахъ обширнаго Царства. И что за разнообразіе!

Здѣсь роются въ горахъ и достаютъ руду, тамъ изъ руды куютъ желѣзо, дальше сверлятъ изъ желѣза стволъ, а еще дальше стрѣляютъ ужъ изъ новаго ружья.

Вотъ выписаны овцы, вотъ онѣ расплодились, вотъ настрижено съ нихъ шерсти, вотъ выткано изъ нея сукно въ только что отстроенной фабрикѣ, вотъ кроятъ новое невиданное платье, и вотъ оно напяливается на горько плачущій народъ, у котораго только что выбрита борода.

Здѣсь скапываютъ бугры, тамъ зарываютъ рвы, громоздятъ насыпи, мѣряютъ землю, выжигаютъ болота, валятъ лѣса, прорубаютъ засѣки, и при

послѣднемъ взмахѣ лопаты, отбрасывающей остальный камень съ новой дороги, показывается вдали первый обозъ, который подъѣзжаетъ къ готовому сообщенію.

Нынѣ исчисляется народъ, и производится первый рекрутскій наборъ, завтра формируется армія, и прямо съ ученья идетъ на генеральную баталію, поутру побѣждена, а къ вечеру празднуетъ викторію.

Но вотъ понадобились люди, и работники, какъ въ святочной игрѣ, отрываются отъ одного дѣла къ другому, перебѣгаютъ съ края на край. Каменщикъ кидается за топоръ, плотникъ спѣшитъ къ творилу, купецъ хватаетъ ружье, солдатъ садится предъ зерцало, крестьянинъ на заводъ, помѣщикъ на корабль.

Вдругъ нагрянули враги — новая перемѣна: всѣ бѣгутъ къ нимъ на встрѣчу, кто съ поля, кто отъ станка, кто изъ суда, кто изъ лавки! Проводили незваныхъ гостей, и опять всѣ по своимъ мѣстамъ, какъ ни въ чемъ не бывалые, принимаются за прерванное дѣло. Замололи жернова, заходилъ топоръ, запрыгали шестерни, пошли на службу и огонь и вода, и воздухъ и земля.

Всѣ дѣлаютъ розное, мечутся безпрестанно изъ угла въ уголъ, но никто не мѣшаетъ другъ другу; напротивъ оказывается взаимная помощь, выходитъ ладъ — какой же всемогущій чародѣй управляетъ всею совокупностію этихъ многочисленныхъ, разнородныхъ дѣйствій?

Нѣтъ, не чародѣй, а Геній, Петръ. Смотрите — вонъ онъ стоитъ посреди широкаго поля, Русскаго Царства, рабочей своей полаты, между тысячами и тьмами своихъ работниковъ. Видите — онъ выше ихъ всѣхъ на пол-аршина.... Что такое сверкаетъ въ рукѣ его, не волшебный ли жезлъ какой? Какъ горятъ его глаза, какъ движется все его тѣло! Смотрите — какъ поворачиваетъ онъ головою направо и налѣво, какъ бросаетъ свои пронзительные взоры во всѣ стороны, и какъ работа вскипаетъ у Русскаго человѣка тамъ, куда онъ оборачивается, и силы прибываетъ, и время увеличивается: часъ выростаетъ днемъ, день вытягивается мѣсяцемъ, мѣсяцъ старѣетъ годомъ, трудное становится легкимъ, невозможное возможнымъ.

Смотрите, какъ, по его движеніямъ, то вдругъ на сѣверѣ изъ болота выскочитъ городъ, то на югѣ пустится по морю Флотъ, то на западѣ встанетъ линія крѣпостей, то на востокѣ скорымъ маршемъ выступитъ въ походъ армія! Или — вдругъ весь народъ обривается, переодѣвается, разлучается по сословіямъ, по городамъ, по провинціямъ, по губерніямъ.

Онъ самъ не свой; онъ помогаетъ, кажется, всякому работнику, присутствуетъ своимъ духомъ во всякой работѣ! Какъ жарко принимаетъ онъ къ сердцу всякую удачу и неудачу! Удовольствіе и досада перемѣняются ежеминутно на лицѣ его. Онъ видитъ все — вотъ въ городѣ недостроена башня, вотъ въ арміи не комплектенъ полкъ, вотъ на кораблѣ покривилась мачта, вотъ на фабрикѣ спился наемный Нѣмецъ! Онъ бросается стремглавъ съ своего мѣста, хватается

за топоръ, долото, за кормило, выкидываетъ артикулъ, строитъ, чинитъ, ломаетъ; сыплются награды и наказанія, снаряжаются ассамблеи и экзекуціи; гдѣ гнѣвъ, тутъ и милость.

Чего здѣсь нѣтъ: и трагедія, и комедія, и романъ, и исторія, и волшебная сказка....

Спрашиваю — не удивительное ли это зрѣлище?

Что долженъ былъ сказать всякой благоразумный человѣкъ, смотря на всѣ сіи дѣйствія, предпріятія, замыслы? Не долженъ ли онъ былъ осудить оныя, по всѣмъ законамъ ума, по всѣмъ соображеніямъ разсудка, осудить со всею строгостію, какъ несбыточныя, безполезныя, пагубныя? Позволительно ли приниматься вдругъ за все, сказалъ бы онъ, позволительно ли.... а между тѣмъ сіи несбыточныя намѣренія осуществлялись, и не мало по малу, а много по многу, и обширнѣйшее въ Европѣ государство преобразовывалось по желанію одного человѣка! Такова была сила воли у Петра Великаго, такова была его дѣятельность, — и вмѣстѣ такова была покорность Русскаго народа, терпѣніе, готовность.

Да, Петръ Великій сдѣлалъ много въ Россіи. Смотришь и не вѣришь, считаешь и не досчитаешься. Мы не можемъ открыть своихъ глазъ, не можемъ сдвинуться съ мѣста, не можемъ оборотиться ни въ одну сторону, безъ того, чтобъ онъ вездѣ не встрѣтился съ нами, дома, на улицѣ, въ церкви, въ училищѣ, въ судѣ, въ полку, на гуляньѣ — все онъ, все онъ, всякой день, всякую минуту, на всякомъ шагу!

Мы просыпаемся. Какой нынѣ день? 1 Января, 1841 года.—Петръ Великій велѣлъ считать годы отъ Рождества Христова, Петръ Великій велѣлъ считать мѣсяцы отъ Января.

Пора одѣваться — наше платье сшито по фасону, данному Петромъ Первымъ, мундиръ по его формѣ. Сукно выткано на фабрикѣ, которую завелъ онъ; шерсть настрижена съ овецъ, которыхъ развелъ онъ.

Попадается на глаза книга — Петръ Великій ввелъ въ употребленіе этотъ шрифтъ, и самъ вырѣзалъ буквы. Вы начнете читать ее — этотъ языкъ при Петрѣ Первомъ сдѣлался письменнымъ, литературнымъ, вытѣснивъ прежній церковный.

Приносятъ газеты — Петръ Великій ихъ началъ.

Вамъ нужно искупить разныя вещи — всѣ онѣ, отъ шелковаго шейнаго платка до сапожной подошвы, будутъ напоминать вамъ о Петрѣ Великомъ: однѣ выписаны имъ, другія введены имъ въ употребленіе, улучшены, привезены на его кораблѣ, въ его гавань, по его каналу, по его дорогѣ.

За обѣдомъ отъ соленыхъ сельдей и картофелю, который указалъ онъ сѣять, до виноградnаго вина, имъ разведеннаго, всѣ блюда будутъ говорить вамъ о Петрѣ Великомъ.

Послѣ обѣда вы ѣдете въ гости — это ассамблея Петра Великаго. Встрѣчаете тамъ дамъ — допущенныхъ до мужской компаніи по требованію Петра Великаго.

Пойдемъ въ Университетъ — первое свѣтское училище учреждено Петромъ Великимъ.

Вы получаете чинъ — по табели о рангахъ Петра Великаго.

Чинъ доставляетъ мнѣ дворянство — такъ учредилъ Петръ Великій.

Мнѣ надо подать жалобу — Петръ Великій опредѣлилъ ей форму. Примутъ ее — предъ зерцаломъ Петра Великаго. Разсудятъ — по Генеральному регламенту.

Вы вздумаете путешествовать — по примѣру Петра Великаго; вы будете приняты хорошо — Петръ Великій помѣстилъ Россію въ число Европейскихъ Государствъ, и началъ внушать къ ней уваженіе, и проч. и проч. и проч.

Мѣсто въ системѣ Европейскихъ Государствъ, управленіе, раздѣленіе, судопроизводство, права сословій, табель о рангахъ, войско, флотъ, подати, ревизіи, рекрутскіе наборы, фабрики, заводы, гавани, каналы, дороги, почты, земледѣліе, лѣсоводство, скотоводство, рудокопство, садоводство, винодѣліе, торговля внутренняя и внѣшняя, одежда, наружность, аптеки, госпитали, лѣкарства, лѣтосчисленіе, языкъ, печать, типографіи, военныя училища, академія — суть памятники его неутомимой дѣятельности и его Генія.

Онъ видѣлъ все, обо всемъ думалъ, и приложилъ руку ко всему, всему далъ движеніе, или направленіе, или самую жизнь. Что теперь ни думается нами, ни говорится, ни дѣлается, все, труднѣе или легче, далѣе или ближе, повторяю, можетъ быть доведено до Петра Великаго. У него ключь — или замокъ.

Это очевидно, и до сихъ поръ нѣтъ никакого сомнѣнія, никакого спора. Но съ сихъ поръ и начинается сомнѣніе, начинается споръ.

Въ какомъ отношеніи Россія Петрова находится къ Россіи прежней, и не былолибъ лучше, еслибъ прежняя Россія была предоставлена естественному своему теченію, или — еслибъ преобразованіе было произведено не такъ быстро, не съ такимъ насиліемъ, или — еслибъ произведено было преобразованіе иное?

Слава имѣетъ свои фазы, какъ луна: она наростаетъ и умаляется. Петръ Великій не пользовался и не могъ пользоваться во время своей жизни счастіемъ любви общей; только небольшое количество окружавшихъ людей было предано ему, искренно или своекорыстно. Но съ перваго поколѣнія по его кончинѣ начинается уже въ Россіи неограниченное безусловное благоговѣніе къ нему; слишкомъ сто лѣтъ продолжалось оно. Нынѣжъ напротивъ слышатся голоса противные, и слышатся довольно часто. Положимъ — они безотчетны, какъ первые, но наука не можетъ и не должна оставлять ихъ безъ вниманія....

Говорятъ: Петръ Великій, введя Европейскую цивилизацію, поразилъ Русскую національность, — это самое главное и благовидное обвиненіе.

Допустимъ сначала такъ, но — спрошу я обвинителей, возможно ли было Россіи уклониться отъ Европейской цивилизаціи, хотябъ она имѣла для насъ много неприличныхъ, даже вредныхъ свойствъ?

Россія есть часть Европы, составляетъ съ нею одно географическое цѣлое, и слѣдовательно по физической необходимости должна раздѣлять судьбу ея, и участвовать въ ея движеніи, какъ планета

повинуется законамъ своей солнечной системы. Можетъ ли планета перескочить изъ одной сферы въ другую? Можетъ ли Россія оторваться отъ Европы? Волею и неволею она должна была подвергнуться вліянію Европы, когда концентрическіе круги западнаго образованія, распространяясь безпрестанно далѣе и далѣе, приблизились къ ней, и начали ее захватывать. Назовите это образованіе, пожалуй, чумою — но для такой чумы, самой тонкой, самой упругой, не существуетъ никакихъ заставъ, никакихъ карантиновъ, никакихъ таможенъ, никакихъ преградъ. Эфиръ всепроницающій, зло необходимое, неизбѣжное!

Можемъ ли мы теперь отказаться отъ употребленія машинъ, отъ употребленія паровъ, желѣзныхъ дорогъ? Не можемъ, даже потому только, что живемъ въ Европѣ. Не можемъ—пары принесутся сами, и повезутъ насъ по Волгѣ, по Днѣпру, по Черному морю, будутъ ткать намъ сукно, тянуть бумагу; желѣзныя дороги придутъ сами, и лягутъ по нашимъ гатямъ, какъ прежде пришли и установились типографическіе станки, какъ прежде пришли и грянули пушки. Если Австрійцы будутъ поспѣвать изъ Вѣны до Варшавы въ день, то какъ же намъ ѣхать туда недѣлю!

Точно также, прежде Петра Великаго, мы не могли отказаться отъ пороха, отъ огнестрѣльнаго оружія, иначе былибъ побиты на первомъ сраженіи, и насъ бы не стало.

Разберемъ теперь главныя преобразованія Петровы.

Петръ преобразовалъ войско, и обучилъ оное на Европейскій манеръ. Чтоже? Развѣ это было не необходимо? Ему надо было сражаться съ Европейскими врагами, со Шведами, Прусаками, Поляками или Нѣмцами; слѣдовательно ихъ оружіемъ, ихъ пріемами, ихъ тактикой и стратегіей. На ружье съ обухомъ идти нельзя. Или дожидаться ему было Карла? Скажутъ: онъ самъ напалъ на Карла. Но кто поручится, чтобъ Карлъ, достигнувъ зрѣлыхъ лѣтъ, оставилъ его въ покоѣ, и не задумалъ кончить плановъ о сѣверной монархіи Карла Густава, котораго онъ превосходилъ еще браннымъ духомъ? А Польша, которая только что предъ Петромъ должна была возвратить намъ часть Малороссіи, — развѣ нельзя было предполагать у ней втораго Стефана Баторія? Въ новое время нельзя смотрѣть на государства порознь; нѣтъ — онѣ составляютъ уже одно живое органическое цѣлое. Вопросъ о преобразованіи войска при Петрѣ тѣсно связанъ съ вопросомъ о безопасности и самобытности Россіи. Рѣшусь сказать даже вотъ что: еслибъ не было прежде Петра, могъ ли бы Александръ бороться съ Наполеономъ?

Петръ преобразовалъ войско — не посовѣтуютъ ли Петру пощадить стрѣльцевъ. Я согласенъ, что въ ихъ исторіи есть нѣсколько пиитическихъ моментовъ, но оставить ихъ на свободѣ послѣ бунтовъ въ пользу Софіи и ея любимцевъ, готовыхъ вѣрить всякой лжи и проливать какую угодно кровь, оставить ихъ съ тѣмъ, чтобъ изъ нихъ, съ первыми удачными опытами, сдѣлались опричники или преторіанцы, не подумаю ни на минуту, не смотря на

ихъ національность; и надо быть слишкомъ закоснѣлу въ предразсудкѣ, чтобъ защищать стрѣльцевъ.

И такъ преобразованіе войска, особенно для Петра, было необходимо, а съ войскомъ связаны рекрутскіе наборы, и постои, и ревизіи, и подушныя деньги, и выписные иностранцы.

И начало этому преобразованію положено было гораздо прежде — чуть ли не со временъ Бориса Годунова, которому служило уже много иностранцевъ, и служило съ успѣхомъ, что продолжалось при самозванцѣ, при Михаилѣ и Алексѣѣ.

Учрежденіе флотовъ имѣло также свою необходимость: овладѣвъ приморскими берегами, или, думая овладѣть ими, чтобъ не подвергаться безпрерывной опасности внезапнаго нападенія, надо было позаботиться о средствахъ и мѣрахъ удержать ихъ за собою, защитить, т. е. должно было основать гавани, настроить кораблей, выучиться мореплаванію, выписать мастеровъ, послать путешественниковъ въ чужіе краи.

Не думаю я, чтобъ кто нибудь сказалъ еще, что намъ не нужны были берега, и Петръ первый долженъ былъ оставить ихъ за Шведами, Поляками, Турками, — въ такомъ случаѣ вопросъ о самомъ политическомъ существованіи Россіи подвергся бы сомнѣнію, о существованіи, безъ коего нельзябъ было теперь и разсуждать о дѣйствіяхъ Петровыхъ.

Скажутъ, жила Россія безъ береговъ почти тысячу лѣтъ? Жила, пока всѣ сосѣди заняты были

дома, пока они оставались въ дали отъ нея, и не могли еще простирать на нее своихъ видовъ. Обстоятельства перемѣняются, — теперь и Китай не далеко отъ Англіи.

А покореніе береговъ, то есть, присоединеніе Лифляндіи, стоило Петру Великому двадцатилѣтней войны, которая была почти главною задачею всей его жизни, первою заботою, отъ осады Нарвы до Ништадскаго мира, и кончилась только за четыре года передъ его кончиною. Сколько мѣръ и распоряженій соединено было съ этою тягостною и рѣшительною войною!

Впрочемъ и эта мысль, мысль о покореніи Лифляндіи, досталась ему также по наслѣдству отъ его предковъ, которые по какому-то удивительному предчувствію, (замѣтному часто въ Исторіи государствъ и наукъ), были особенно ей привержены: припоминаю о двадцатилѣтней войнѣ Іоанна Грознаго, который только въ очарованіи своего болѣзненнаго страха, уступилъ ее Баторію; припоминаю о глубокомысленныхъ государственныхъ мѣрахъ и усиліяхъ Бориса Годунова, и наконецъ о походѣ въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Слѣдовательно Петръ Великій былъ здѣсь только дѣятельнымъ, счастливымъ совершителемъ предпріятія, замышленнаго, можетъ быть и безъ дальнихъ видовъ, его предками.

Для войска, для флота, нужны оружіе, аммуниція,— станутъ ли осуждать Петра, что онъ заботился объ учрежденіи фабрикъ и мануфактуръ, вызывалъ мастеровъ и давалъ имъ жалованье, долженъ былъ поощрять торговлю?

Точно также можно найдти причины, и вмѣстѣ примѣры въ прежней Исторіи, слабые начатки, прочихъ нововведеній Петровыхъ, кои, разумѣется, могли повлечь за собою, при немъ и послѣ него, вредныя слѣдствія вмѣстѣ съ полезными, какъ и всѣ самыя превосходныя человѣческія предпріятія, западныя и восточныя, сѣверныя и южныя, прошедшія, настоящія и будущія.

Русскій языкъ представляетъ мнѣ въ этомъ отношеніи примѣръ самый разительный, на который я обращу вниманіе: не точно ль такая же революція происходила въ языкѣ, какъ и въ государствѣ. Что за отвратительная масса словъ иностранныхъ! Баталіи, викторіи, артикулы, ранги, регламенты, ассемблеи, фискалы, комплименты, церемоніи, секретари, провинціи, дедикаціи, решпекты, привилегіи, цыдулы, съ подписью Piter! Настоящее вторженіе двадесяти языкъ! Но не былоль необходимо такое противуестественное состояніе въ его время, переходъ отъ чужаго церковнаго языка къ собственному, разговорному? Моглилибъ мы безъ него говорить и писать этимъ чистымъ, звучнымъ, яснымъ языкомъ, коимъ говоримъ и пишемъ теперь? Не изъ этой ли хаотической массы возникнуло и разцвѣло наше славное слово?

Да! Преобразованія Петровы были необходимы, по естественному ходу вещей въ самой Россіи, не только въ сосѣднихъ государствахъ, въ Европѣ.

Съ другой стороны западная, Европейская цивилизація, со всѣмъ ея добромъ и зломъ, достигла тамъ до такой степени силы, что физически начала притягивать къ себѣ Россію.

И такъ вопросъ нашъ о преобразованіи, или принятіи западнаго елемента, получаетъ теперь совсѣмъ иную форму, вотъ какую: могло-ль необходимое столкновеніе, сближеніе, Россіи съ Европою, произойдти иначе? Нелучше ли бъ было при ономъ совсѣмъ не дѣйствовать? Признаюсь: вообразить на его мѣстѣ Ѳеодора или Іоанна, я не могу, не почувствовавъ трепета во всемъ составѣ своемъ о самобытности Россіи. Или нельзя было дѣйствовать и распоряжаться лучше Петра Великаго? Нельзя ли было взять въ руки этотъ мечь обоюду-острый осторожнѣе, ловчѣе, искуснѣе Петра Великаго? Кто осмѣлится отвѣчать на такой вопросъ, кто скажетъ: можно? Не знаю; по крайней мѣрѣ не я. Я не берусь ни за что на свѣтѣ предложить другой планъ Полтавскаго сраженія, другой проэктъ Ништадскаго мира.

Даже вопросъ о бритьѣ бороды и вопросъ о Нѣмецкомъ платьѣ, я не осмѣливаюсь, за Петрово время, рѣшить безусловно. Также какъ и о скорыхъ мѣрахъ, жестокостяхъ, казняхъ, кромѣ не многихъ случаевъ, гдѣ были виною болѣе всего его темпераментъ и обстоятельства. Петръ ненавидѣлъ стрѣльцевъ — но вспомнимъ, какъ онъ, семилѣтній отрокъ, трепеталъ отъ нихъ въ Соборѣ во время перваго бунта; вспомнимъ, какъ онъ, въ одной рубашкѣ, долженъ былъ убѣжать отъ нихъ въ лѣсъ изъ Преображенскаго, и потомъ къ Троицѣ; и наконецъ вспомнимъ, какъ онъ принужденъ былъ прервать вожделѣнное свое путешествіе, и отъ Италіи прискакать стремглавъ въ Россію, гдѣ всѣмъ его предначинаніямъ грозила гибель неминуемая. Мудрено ли, что

послѣ такихъ случаевъ Петръ приходилъ въ трепетъ услышавъ одно имя стрѣльца? Впрочемъ всѣ сіи вопросы гораздо мельче, незначительнѣе, и относятся не столько къ Государю, какъ къ человѣку, не столько къ Русской Исторіи, какъ къ Біографіи Петра Великаго, который и въ этомъ отношеніи представляетъ значительную задачу психологическую.

Въ заключеніе этого разсужденія о преобразованіяхъ я обращу вниманіе новыхъ судей на прежніе два періода преобразованій, даже болѣе внутреннихъ, болѣе глубокихъ, дѣйствительныхъ, и обнимавшихъ всѣ сословія, а не одно какое либо въ особенности, которыя какъ будто совсѣмъ позабываются ими: я говорю о Норманнахъ, коими изъ Славянскаго мирнаго патріархальнаго семейства образовано бранное государство, и о Монголахъ, коими потрясенъ былъ весь характеръ народный, и измѣнились всѣ гражданскія отношенія. Тотъ и другой перевороты были необходимы: нельзя было уклониться отъ Норманновъ, и оставаться въ патріархальномъ состояніи; нельзя было укрыться отъ Монголовъ и сохранить формы временъ среднихъ; точно также нельзя было не подпасть Европейскому вліянію въ XVIII вѣкѣ, и счастіе Россіи, что на это время посылалъ ей Богъ Петра Великаго.

Петра Великаго осуждаютъ еще за то, что онъ возбудилъ будто пристрастіе къ иностранному. Согласенъ — это пристрастіе все еще господствуетъ въ Россіи и причиняетъ много вреда, поражая Русскіе таланты обидной недовѣрчивостію на пути совершенствованія, препятствуя ихъ свободному развитію, касаясь самыхъ чувствительныхъ струнъ на-

ціональнаго сердца. Согласенъ, что одно слово — Англичанинъ, Нѣмецъ, Французъ, кто бы то ни было, лишь бы не Русскій, даетъ еще въ нашемъ обществѣ часто право на учтивость, довѣренность, уваженіе, и на оборотъ, одно слово — Русской, возбуждаетъ недовѣрчивость, подозрительность; но Петра Великаго не посмѣю я обвинять въ этомъ пристрастіи, въ этомъ оскорбленіи отечества, хотя оно и ведетъ свое начало отъ его царствованія; также не посмѣю, какъ Гуттенберга, за дурныя и вредныя книги.

Петръ любилъ иностранцевъ, это правда, но отнюдь не въ обиду своихъ подданныхъ. Онъ привлекалъ ихъ къ себѣ, находя между ними, и очень естественно, болѣе людей способныхъ и готовыхъ для исполненія его плановъ; но онъ имѣлъ полную довѣренность къ Русскимъ. Да! безъ этой довѣренности, которая, отрасль вѣры, есть мать всѣхъ великихъ дѣйствій общественныхъ; безъ этой довѣренности, говорю, могълибъ онъ, послѣ Нарвы, подумать одну минуту о борьбѣ съ Карломъ XII, могълибъ онъ исполнить сотую долю своихъ предпріятій? Онъ имѣлъ довѣренность къ Русскимъ, и Русскіе не обманули его: Нарвскіе бѣглецы разбили непобѣдимыхъ Шведовъ со всею ихъ Европейскою тактикою. Петру Великому служили Крюйсы, де Кроа, Вейды; но Лифляндію покорилъ ему Шереметевъ, поразить Шведовъ подъ Полтавою помогъ Меньшиковъ, разбивать вражескія флотиліи Голицынъ.

Самъ онъ былъ Русскимъ человѣкомъ по преимуществу, со всѣми Русскими добродѣтелями, страстями и недостатками.

*

Слѣдовательно наше пристрастіе къ иностранцамъ есть только злоупотребленіе случайнаго отношенія его къ нимъ. Впрочемъ, скажу здѣсь нѣсколько и въ оправданіе: пристрастіе къ иностранцамъ есть наслѣдственный порокъ всѣхъ Славянскихъ племенъ отъ самой глубокой древности, порокъ, въ коемъ обвиняютъ ихъ даже чужіе писатели. Что наше, того намъ и не надо, — вотъ, къ прискорбію, девизъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ Славянскихъ Исторій, которой изгладится въ той мѣрѣ какъ разпространится истинное просвѣщеніе.

Петръ Великій, введя образованіе западное, прервалъ, говорятъ, отечественное, воспрепятствовалъ естественному его развитію. Это образованіе было, точно, но оно и есть. Любя съ самыхъ юныхъ лѣтъ толкаться въ народѣ, начинать разговоры на постоялыхъ дворахъ, базарахъ и гуляньяхъ, заводя знакомства въ деревняхъ и рядахъ, я встрѣчалъ и встрѣчаю часто, между воспитанниками Псалтыри и Часослова, людей высокаго просвѣщенія и образа мыслей, здравомыслящихъ, благородныхъ, талантливыхъ. Съ длинными своими бородами, въ долгополыхъ кафтанахъ, съ грубыми пріемами и нестройною рѣчью, они стоятъ на высокой нравственной степени, и служатъ для меня представителями того предъ-Петровскаго религіознаго, духовнаго образованія, которое я считаю вообще предназначеннымъ собственно Россіи. Но Петръ Великій не мѣшалъ этому образованію, прививая западное только къ высшимъ сословіямъ. Кромѣ нѣкоторыхъ случайныхъ, временныхъ, обстоятельствъ, по соприкосновенію съ прочими государственными дѣлами, онъ работалъ на другомъ полѣ. Петръ Великій

не вырывалъ книгъ и рукописей изъ рукъ ихъ. И онѣ остались, приносятъ свои плоды. Смотря на этихъ людей, я вижу только, что съ формами Петра Великаго они сдѣлалибъ гораздо болѣе добра, принеслибъ болѣе пользы отечеству и человѣчеству.

Петръ Великій есть сокровище Русской Исторіи, описанное подробно, но еще не изслѣдованное, неоцѣненное во всѣхъ частяхъ своихъ съ точностію. Много работы надъ нимъ критикѣ, наукѣ: разсмотрѣть его какъ Государя, какъ Русскаго, какъ гражданина, какъ отца, какъ супруга, какъ человѣка! Что дѣлалъ онъ для своего времени, что дѣлалъ для потомства, на вѣкъ? Какія мѣры были общими, какія частными? Въ какой степени? На кого простирались его дѣйствія? Что было въ нихъ внутренняго? Что было внѣшняго? Въ какомъ отношеніи были его учрежденія къ прежнимъ? Многія его, по нашему и даже собственному его мнѣнію, нововведенія, суть ничто иное, какъ древнія постановленія, имѣющія глубокій корень въ Русской почвѣ только въ новыхъ формахъ, съ новыми именами. Вотъ задача молодымъ нашимъ ученымъ юристамъ. Пусть они объяснятъ эту важную и занимательную часть Русской Исторіи. Тогда мы увидимъ, что Петръ Первый былъ во многихъ случаяхъ только великимъ исполнителемъ, довершителемъ, который въ своей душѣ, въ своемъ умѣ, нашелъ запросы, содержавшіеся въ его народѣ, и естественныхъ отношеніяхъ его Государства къ прочимъ, нашелъ, взалкалъ, и рѣшился удовлетворить ихъ, разумѣется по личному своему усмотрѣнію. Тогда только можетъ быть, получимъ, мы основательное право почтить однѣ учрежденія и осудить другія, по примѣру Карамзина, учрежденія,

къ коимъ увлекся онъ, овладѣнный духомъ преобразованія, ибо этотъ духъ, какъ и всякой другой, можетъ ослѣпить человѣка, породить пристрастіе, и возбудить желаніе разрушать все и передѣлывать, какъ духъ войны гонитъ Суворова и Наполеона на поле битвы, и услужливо доказываетъ имъ ея необходимость, какъ духъ системы въ Философіи или Исторіи или Политикѣ соединяетъ насильственно быти, и ставитъ ихъ подъ извѣстнымъ угломъ зрѣнія.

Тогда вмѣстѣ возвратится подобающая честь и нашей древней Исторіи, коею пренебрегаетъ легкомысленное и опрометчивое невѣжество, невидя ее близорукими своими глазами изъ за Петра Перваго, полагая, въ слѣпотѣ своей, что первое Государство міра, въ пол-экватора и четверть меридіана, рѣшающее судьбы Европы и всего міра, родилось въ одночасье, что Петръ Великій дѣйствовалъ случайно, что колоссъ можетъ держаться на пескѣ или воздухѣ, что сумма можетъ быть безъ слагаемыхъ.

Заключаю: Петръ Великій былъ Геній, которому мало подобныхъ представляетъ Исторія, еслибъ даже иные и уравнялись съ нимъ въ томъ или другомъ достоинствѣ или свойствѣ. Правда, трудно Русскому судить о немъ равнодушно и безпристрастно sine ira et studio, если Нѣмцы до сихъ поръ еще не могутъ говорить хладнокровно о Александрѣ Македонскомъ, по замѣчанію Герена, (такую силу имѣютъ на насъ великіе люди). — Правда, мы родимся и воспитываемся подъ его вліяніемъ, начинаемъ мыслить объ немъ уже предубѣжденные, а въ зрѣломъ возрастѣ тотчасъ уже восхищаемся имъ,

благоговѣемъ предъ нимъ; національная наша гордость въ лучшіе пылкіе годы жизни питается размышленіями объ немъ: нигдѣ не было такого великаго Государя, сказалъ еще юный Карамзинъ, — и мы поднимаемъ выше свою голову, смотримъ веселѣе на Европейскую Исторію. Безпристрастіе можетъ быть плодомъ только долговременнаго, глубокаго изученія, зрѣлаго человѣческаго образованія. — Все это правда; но геніальности Петра Великаго отдаютъ равную честь Русскіе и иностранцы, порицатели и почитатели. Дѣйствія Петровы продолжаются до сихъ поръ, и имѣютъ вліяніе не только на Россію, но и на всю Европу, на весь міръ; — такіе люди не являются безъ надобности, или должно отвергнуть присутствіе Десницы міродержавной надъ дѣлами человѣческими. Мысль нелѣпая! Видно нуженъ былъ онъ, а не кто либо иной! Смиримся и благоговѣемъ!

Для Данта была учреждена особая каѳедра въ Университетахъ Италіанскихъ. Я почитаю себя счастливымъ, что могъ цѣлой семестръ посвятить въ Московскомъ Университетѣ изслѣдованіямъ о нашемъ Петрѣ. Петръ постóитъ Данта! Чѣмъ больше будутъ о немъ думать, говорить, писать, тѣмъ будетъ яснѣе становиться вся Русская Исторія.

И не одной Русской Исторіи принадлежитъ Петръ Великій. Всеобщая Исторія имѣетъ полное право на этого сына судебъ.

Скажу здѣсь нѣсколько словъ и о мѣстѣ, которое тамъ принадлежитъ ему.

Я говорилъ о западномъ образованіи, и его вліяніи на насъ со стороны отрицательной, я осмѣлился даже сравнить оное съ чумою, называлъ зломъ неизбѣжнымъ, но оно имѣетъ свою сторону положительную, свое добро неотъемлемое. Два государства были въ древнемъ мірѣ, Римское и Греческое; на развалинахъ Римскаго государства основались всѣ западныя государства; Греческое представляется Россіею. Западныя государства приняли Христіанскую вѣру изъ Рима, Россія изъ Константинополя, церковь Римская и Греческая. Образованіе западное отличается точно также отъ восточнаго: одному принадлежитъ изслѣдованіе, другому вѣрованіе; одному безпокойство, движеніе, другому спокойствіе, пребываемость, одному неудовольствіе, другому терпѣніе, стремленіе внѣ и внутрь, сила средобѣжная и средостремительная, человѣкъ западный и восточный. Оба эти образованія, отдѣльно взятыя, односторонни, неполны, одному недостаетъ другаго.

Онѣ должны соединиться между собою, пополниться одно другимъ, и произвести новое полное образованіе западо-восточное, Европейское-Русское.

Вотъ здѣсь, лице Петра Великаго получаетъ для меня обще-историческое значеніе, какъ основателя соединенію двухъ всемірныхъ образованій, какъ начинателя новой эпохи въ исторіи человѣчества! Вотъ здѣсь сердце мое начинаетъ биться сильнѣе, при сладостной мечтѣ, что моему отечеству суждено явить міру плоды этого вожделѣннаго, вселенскаго просвѣщенія, и освятить Западную пытливость Восточною Вѣрою.

Западное образованіе, принесенное Петромъ Великимъ, взяло у насъ преимущество сначала надъ домашнимъ національнымъ образованіемъ, — и очень естественно: младшее государство въ Европѣ, какъ младшее дитя въ семействѣ, подвергается всегда вліянію старшихъ. Но теперь мы начинаемъ освобождаться изъ подъ этого насильственнаго ига Европейскаго, мы начинаемъ думать о собственныхъ своихъ стихіяхъ, пользоваться Европейскимъ опытомъ, наукою, искусствомъ, съ разсужденіемъ, небезусловно, откидывать ненужное для себя, неприличное, несвойственное, покушаемся выражать свою національность въ словѣ, въ мысли, въ дѣлѣ, въ жизни.

Императоръ Александръ, вступивъ въ Парижъ, положилъ послѣдній камень того зданія, котораго первый основный камень положенъ Петромъ Великимъ на поляхъ Полтавскихъ. Періодъ Русской Исторіи отъ Петра Великаго до кончины Александра должно назвать періодомъ *Европейскимъ*. Съ Императора Николая, который въ одномъ изъ первыхъ своихъ указовъ, по вступленіи на престолъ, повелѣлъ, чтобъ всѣ воспитанники, отправленные въ чужіе краи, будущіе Профессоры, были именно Русскіе, съ Императора Николая, котораго Министръ въ троесловной своей формулѣ Россіи, послѣ православія и самодержавія поставилъ народность, съ Императора Николая, при которомъ всякое предпріятіе на пользу и славу отечества, предпріятіе Русское, принимается съ благоволеніемъ, начинается новый періодъ Русской Исторіи, періодъ *національный*, которому, на высшей степени его развитія, будетъ принадлежать, можетъ

быть, слава сдѣлаться періодомъ въ общей Исторіи Европы и человѣчества.

Я старался представить картину царствованія Петра Великаго, представить его значеніе въ Русской и Всеобщей Исторіи, необходимость его преобразованія, неосновательность однѣхъ осужденій и возможность другихъ, наконецъ обязанность, которая лежитъ на Русскихъ ученыхъ изслѣдовать во всѣхъ отношеніяхъ этотъ примѣчательнѣйшій періодъ въ Русской Исторіи.

Въ заключеніе я долженъ сказать, что наши первые писатели, достойные сыны отечества, отъ начала Русской Словесности до сихъ поръ, живо чувствуя великость и высокость Петровыхъ заслугъ и подвиговъ, пытались выразить національное чувство благодарности и удивленія великому Государю, и воздвигнуть ему памятникъ, чтобъ былъ

Металловъ тверже онъ и выше пирамидъ,

чтобъ не сломилъ его

Ни громъ, ни вихорь быстротечный,

но завистливая судьба всякой разъ исторгала изъ рукъ ихъ лиру и хартію. Я говорю о Ломоносовѣ, Карамзинѣ и Пушкинѣ.

Ломоносовъ началъ воспѣвать Петра въ эпической поэмѣ, которую не успѣлъ кончить. Это было одно изъ послѣднихъ и любимыхъ его твореній.

Карамзинъ, сказавъ о Петрѣ Великомъ нѣсколько словъ въ путешествіи, и потомъ произнесши суж-

деніе о немъ въ своей знаменитой Запискѣ о Россіи, также не могъ представить Петра Великаго въ томъ Обозрѣніи Русской Исторіи, которое предполагалъ онъ сочинить, отъ вступленія на престолъ фамиліи Романовыхъ до нашего времени, Обозрѣніи, въ которомъ, разумѣется, первое мѣсто принадлежало бы Петру Великому.

Въ послѣдній разъ мы лишились за симъ трудомъ славнаго нашего Пушкина, который оставилъ намъ только слѣдующіе драгоцѣнные стихи, показывающіе, какъ понималъ онъ своего Героя.

Но правдой онъ привлекъ сердца,
Но нравы укротилъ наукой,
И былъ отъ буйнаго стрѣльца
Предъ нимъ отличенъ Долгорукой.

Самодержавною рукой
Онъ смѣло сѣялъ просвѣщенье.
Не презиралъ страны родной,
Онъ зналъ ея предназначенье.

То академикъ, то герой,
То мореплаватель, то плотникъ,
Онъ всеобъемлющей душей
На тронѣ вѣчный былъ работникъ.

Сими словами я могъ бы кончить свое разсужденіе но есть еще слова, слова завѣтныя, сказанныя другимъ Русскимъ Геніемъ, пламеннымъ другомъ просвѣщенія, нашимъ учителемъ, нашимъ отцемъ, Ломоносовымъ. Ихъ приведу я въ заключеніе:

«Я въ полѣ межь огнемъ, я въ судныхъ засѣда-«ніяхъ межь трудными разсужденіями, я въ разныхъ

«художествахъ между многоразличными махинами; я «при строеніи городовъ, пристаней, каналовъ, между «безчисленнымъ народа множествомъ, я межь стена- «ніемъ валовъ Бѣлаго, Чернаго, Балтійскаго, Каспій- «скаго моря и самаго Океана духомъ обращаюсь; «вездѣ Петра Великаго вижу, въ потѣ, въ пыли, въ «дыму, въ пламени; и не могу самъ себя увѣрить, что «одинъ вездѣ Петръ, а не многіе; и не краткая жизнь, «но лѣтъ тысяча. Съ кѣмъ сравню Великаго Госуда- «ря! Я вижу въ древности и въ новыхъ временахъ «обладателей великими названныхъ. И правда, предъ «другими велики; однако предъ Петромъ малы. Иной «завоевалъ многія Государства; но свое отечество безъ «призрѣнія оставилъ. Иной побѣдилъ непріятеля, уже «великимъ именованнаго; но съ обѣихъ сторонъ про- «лилъ кровь своихъ гражданъ, ради одного своего «честолюбія, и вмѣсто тріумфа слышалъ плачь и ры- «даніе своего отечества. Иной многими добродѣтелями «украшенъ; но вмѣсто чтобъ воздвигнуть, не могъ «удержать тягости падающаго государства. Иной былъ «на земли воинъ, однако боялся моря. Иной на морѣ «господствовалъ, но къ землѣ пристать страшился. «Иной любилъ науки, но боялся обнаженной шпаги. «Иной ни желѣза, ни воды, ни огня не боялся; одна- «ко человѣческаго достоянія и наслѣдства не имѣлъ «разума. Комужь я Героя нашего уподоблю? Часто «размышлялъ я, каковъ тотъ, которой всесильнымъ «мановеніемъ управляетъ небо, землю и море; дохнетъ «духъ его, и потекутъ воды; прикоснется горамъ и «воздымятся. По мыслямъ человѣческимъ предѣлъ «предписанъ! Божества постигнуть не могутъ! Обыкно- «венно представляютъ его въ человѣческомъ видѣ. И «такъ ежели человѣка Богу подобнаго, по нашему

«понятію, найти надобно, кромѣ Петра Великаго не «обрѣтаю.

«А ты, великая душа, сіяющая въ вѣчности и ге-«роевъ блистаніемъ помрачающая, красуйся.... Мы «тобою возвышены, укрѣплены, просвѣщены, укра-«шены.... Прими въ знакъ благодарности недостой-«ное сіе приношеніе. Твои заслуги больше, нежели «всѣ силы наши?»

Погодинъ.

Сентября 11 дня
1838 г.

МОСКВА.

Городъ чудный, городъ древній,
Ты вмѣстилъ въ свои концы
И посады и деревни,
И палаты и дворцы! —

* *
*

Опоясанъ лентой пашень,
Весь пестрѣешь ты въ садахъ:
Сколько храмовъ, сколько башень
На *семи* твоихъ холмахъ!...

* *
*

Исполинскою рукою
Ты какъ хартія развитъ,
И, надъ малою рѣкою,
Сталъ великъ и знаменитъ!

* *
*

На твоихъ церквахъ старинныхъ
Выростаютъ деревà;
Глазъ не схватитъ улицъ длинныхъ....
Это *матушка Москва!*

* *
*

Кто, силачь, возьметъ въ охабку
Холмъ Кремля-Богатыря?
Кто собьетъ златую шапку
У *Ивана звонаря?*...

* *
*

Кто *Царь-колоколъ* подыметъ?
Кто *Царь-пушку* повернётъ?
Шляпы — кто, гордецъ, не сниметъ
У *Святыхъ*, въ Кремлѣ *воротъ?!*...

* *
*

Ты не гнула крѣпкой выи
Въ бѣдовой своей судьбѣ:
Развѣ пасынки Россіи
Не поклонятся тебѣ!...

* *
*

Ты, какъ мученикъ, горѣла
Бѣло-каменная!
И рѣка въ тебѣ кипѣла
Бурно-пламенная!

* *
*

И подъ пепломъ ты лежала
Полоненною;
И изъ пепла ты возстала
Неизмѣнною!...

* *
*

Процвѣтай-же славой вѣчной,
Городъ храмовъ и палатъ!
Градъ *срединный*, *градъ сердечный*,
Коренной Россіи градъ!

Ѳ. Глинка.

I.

ЗНАКОМСТВО ДМИТРІЕВА СЪ КАРАМЗИНЫМЪ.

(изъ записокъ И. И. Дмитріева). *

....Чтобъ не наскучить дальнѣйшимъ описаніемъ мѣлочныхъ случаевъ, постараюсь скорѣе пробѣжать первую половину авторской моей жизни, или лучше сказать, одно къ ней приготовленіе. Между тѣмъ, повинуясь моему сердцу, не могу промолчать о двухъ моихъ знакомствахъ; онѣ памятны будутъ во всю жизнь мою. Но прежде нежели начну говорить о первомъ, да позволено мнѣ будетъ отступить назадъ нѣсколькими годами.

Въ 1770 году въ провинціальномъ городѣ Симбирскѣ, старшій братъ мой и я, десятилѣтній отрокъ, находились на свадебномъ пиру подъ руководствомъ нашего учителя Г. Манженя. Въ толпѣ пирующихъ увидѣлъ я въ первый разъ пятилѣтняго мальчика въ шелковомъ перувьеневомъ камзольчикѣ съ рукавами, котораго *Русская* нянюшка подводила за руку къ новобрачной и окружавшимъ ее барышнямъ. Это былъ будущій нашъ Исторіографъ Карамзинъ. Отецъ его, Симбирскій помѣ-

* За сообщеніе этаго драгоцѣннаго отрывка издатель обязанъ благодарностію племяннику покойнаго, достойному литтератору нашему, Михаилу Александровичу Дмитріеву.

щикъ, отставной Капитанъ Михайло Егоровичъ, соединился тогда вторымъ бракомъ съ родною сестрою моего родителя, воспитанною по ея сиротству въ нашемъ семействѣ.

Съ того времени до зрѣлаго моего возраста я не имѣлъ случая видѣть его, зналъ только, что онъ въ отрочествѣ своемъ обучаемъ былъ Нѣмецкому языку тамошнимъ пятидесятилѣтнимъ врачемъ изъ Нѣмцевъ, котораго прозвище я позабылъ, но очень помню его привлекательную, не смотря на спинный горбъ, физіогномію; онъ говорилъ тихо; въ глазахъ и на устахъ его сіяли кротость и человѣколюбіе. Я узналъ и полюбилъ его по случаю болѣзни младшаго моего брата, еще младенца, который отъ оспы на нѣсколько дней потерялъ зрѣніе. Добрый старикъ думалъ утѣшить его, привозя къ нему разные дѣтскіе гостинцы; но эти вещи лишь болѣе раздражали больнаго, потому что не могъ ихъ видѣть. Тогда онъ обратился къ другому средству: перевезъ къ намъ маленькой свой клавесинъ, и въ каждое посѣщеніе игралъ на немъ по одной штучкѣ передъ кроватью младенца, желая тѣмъ сколько нибудь развлекать его и успоконвать.

Съ приближеніемъ юношескаго возраста, Карамзинъ отправленъ былъ въ Москву, и отданъ въ учебное заведеніе Г. Шадена, одного изъ лучшихъ Профессоровъ Московскаго Университета, гдѣ и находился до вступленія его въ настоящую службу. По тогдашнему обыкновенію въ гвардейскихъ полкахъ, онъ записанъ былъ, такъ же какъ и я, малолѣтный, въ Преображенской полкъ Подпрапорщикомъ. Тогда началось наше знакомство, и вотъ такимъ образомъ:

Однажды я, будучи еще и самъ Сержантомъ, возвращаюсь съ прогулки; слуга мой, встрѣтя меня на крыльцѣ, сказываетъ мнѣ, что кто-то ждетъ меня, пріѣхавшій изъ Симбирска. Вхожу въ горницу, и вижу миловиднаго, румянаго юношу, который съ пріятною улыбкою вручаетъ мнѣ письмо отъ моего родителя.

Стоило только услышать имя Карамзина, какъ мы уже были въ объятіяхъ другъ друга. Стоило намъ сойтись три раза, какъ мы уже стали короткими знакомцами.

Едва ли не съ годъ мы были неразлучными. Склонность наша къ Словесности, можетъ быть, что-то сходное и въ нравственныхъ качествахъ, укрѣпляли нашу связь день отъ дня болѣе; мы давали взаимный отчетъ въ нашемъ чтеніи. Между тѣмъ я показывалъ ему иногда и мелкіе мои переводы, которые были печатаемы особо и въ тогдашнихъ журналахъ; слѣдуя моему примѣру, онъ принялся и самъ за переводы. Первымъ опытомъ его былъ *Разговоръ Австрійской Маріи Терезіи* съ нашей *Императрицею Елисаветою* въ *Елисейскихъ поляхъ*, переведенный имъ съ Нѣмецкаго языка.

Я совѣтывалъ ему показать его книгопродавцу Миллеру, который покупалъ и печаталъ переводы, платя за нихъ по произвольной оцѣнкѣ и согласію переводчика, книгами изъ своей книжной лавки. Не могу безъ улыбки вспомнить, съ какимъ торжественнымъ видомъ добрый и милый юноша — Карамзинъ, вбѣжалъ ко мнѣ, держа въ обѣихъ рукахъ по два томика *Фильдингова Томаса Іонеса* (Томджона) въ маленькомъ форматѣ, съ картинками, перевода Харла-

мова. Это было первымъ возмездіемъ за словесные труды его.

По кончинѣ отца своего, онъ вышелъ въ отставку Поручикомъ, и уѣхалъ на родину. Тамъ я видѣлся и пробылъ съ нимъ короткое время. Я нашелъ его уже играющимъ ролю надежнаго на себя свѣтскаго человѣка: рѣшительнымъ за вистовымъ столомъ, любезнымъ и занимательнымъ въ дамскомъ кругу, и политикомъ передъ отцами семейства, которые, хотя и не привыкли слушать молодежь, но его слушали. Такая жизнь не охладила, однакожъ, въ немъ прежней охоты къ Словесности; при первомъ нашемъ свиданіи съ глазу на глазъ, онъ спрашиваетъ меня, занимаюсь ли по прежнему переводами? Я сказываю ему, что недавно перевелъ изъ книги: *Картина Смерти Г. Карачіоли*, разговоръ выходца съ того свѣта съ живымъ другомъ его. Онъ удивился странному моему выбору, и дружески совѣтывалъ мнѣ бросить эту работу, убѣждая тѣмъ, что по выбору перевода судятъ и о свойствахъ самаго переводчика, и что я выборомъ моимъ конечно не заслужу завиднаго о себѣ мнѣнія. А я, промолвилъ онъ, думаю переводить изъ Волтера съ Нѣмецкаго. — Что же такое? — Бѣлаго быка.— Какъ! эту дрянь! и еще подложную! вскричалъ я, повторя ему его же заключеніе, и оба земляки поквитались.

Но разсѣянная свѣтская жизнь его не долго продолжалась. Землякъ же нашъ, покойный Иванъ Петровичъ Тургеневъ, уговорилъ молодаго Карамзина ѣхать съ нимъ въ Москву. Тамъ онъ познакомилъ его съ Николаемъ Ивановичемъ Новиковымъ,

основателемъ, или по крайней мѣрѣ главной пружиной Общества *Дружескаго Типографическаго* *. При словѣ объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ не льзя умолчать объ лѣности или равнодушіи нашихъ авторовъ, особенно же издателей журналовъ. Никто изъ нихъ не сказалъ ни слова по случаю его кончины, и мы даже понынѣ, знаемъ только объ немъ по однимъ слухамъ, — замѣчательномъ, повторю, по заслугамъ его въ Словесности, и по чрезвычайному въ жизни его перевороту. Я не оставлю сказать здѣсь въ своемъ мѣстѣ, все что объ немъ знаю, хотя для дѣтей нашихъ.

Въ этомъ-то дружескомъ обществѣ началось образованіе Карамзина, не только авторское, но и нравственное. Въ домѣ Новикова, онъ имѣлъ случай обращаться въ кругу людей степенныхъ, соединенныхъ дружбою и просвѣщеніемъ; слушать Профессора Шварца, преподававшаго Лекціи о Богопознаніи, и высокихъ предназначеніяхъ человѣка. Между тѣмъ знакомился и съ молодыми любословами, окончавшими только учебный курсъ. Новиковъ употреблялъ ихъ для перевода книгъ съ разныхъ языковъ. Между ними по всей справедливости почитался отличнѣйшимъ Александръ Андреевичь Петровъ. Онъ знакомъ былъ съ древними и новыми языками при глубокомъ знаніи отечественнаго слова, одаренъ былъ необыкновеннымъ умомъ и способностью

* Это общество называлось *Компанія Типографическая*. Публичное открытіе его происходило торжественно; объ этомъ открытіи говорится въ одномъ мѣстѣ записокъ, изъ которыхъ взятъ этотъ отрывокъ. М. Д.

къ здравой критикѣ; но къ сожалѣнію ничего не писалъ для публики, а упражнялся только въ переводахъ, изъ коихъ извѣстны мнѣ первые два года еженедѣльника подъ названіемъ: *Дѣтское чтеніе; Учитель* въ двухъ томахъ; *Хризомандеръ* мистическое сочиненіе; и *Багуатгета*, такъ же родъ Мистической поэмы, писанной на Санскритскомъ языкѣ, и переведенной съ Нѣмецкаго *.

Карамзинъ полюбилъ Петрова, хотя они были не во всемъ сходны между собою: одинъ пылокъ, откровененъ и безъ малѣйшей желчи; другой же угрюмъ, молчаливъ и подъ часъ насмѣшливъ; но оба питали равную страсть къ познаніямъ, къ изящному, имѣли одинакую силу въ умѣ, одинакую доброту въ сердцѣ, и это заставило ихъ прожить долгое время въ тѣсномъ согласіи подъ одною кровлею, у Менщиковой башни, въ старинномъ каменномъ домѣ, принадлежавшемъ дружескому обществу. Я какъ теперь вижу скромное жилище молодыхъ Словесниковъ: оно раздѣлено было тремя перегородками; въ одной стоялъ на столѣ, покрытомъ зеленымъ сукномъ, гипсовый бюстъ мистика *Шварца*, умершаго не задолго передъ пріѣздомъ моимъ изъ Петербурга въ Москву, а другая освящалась

* Багуатгета переведена имъ съ Англійскаго и напечатана въ 1788 году. Вотъ когда уже было извѣстно на Русскомъ языкѣ произведеніе Санскритской литературы; а мы объ этомъ и забыли. Когда, по поводу новѣйшихъ изысканій о Санскритскомъ языкѣ въ Европѣ, начали объ немъ говорить наши журналы, ни одинъ не упомянулъ о Русскомъ переводѣ Багуатгеты. М. Д.

Іисусомъ на Крестѣ, подъ покрываломъ чернаго крепа. Карамзинъ оплакалъ раннюю смерть своего товарища въ сочиненіи: *Цвѣтокъ надъ гробомъ Агатона.* *

Послѣ свиданія нашего въ Симбирскѣ, какую перемѣну я нашелъ въ миломъ моемъ пріятелѣ! Это былъ уже не тотъ юноша, который читалъ все безъ разбора, плѣнялся славою воина, мечталъ быть завоевателемъ чернобровой, пылкой Черкешенки: но благочестивый ученикъ мудрости съ пламеннымъ рвеніемъ къ усовершенію въ себѣ человѣка. — Тотъ же веселый нравъ, таже любезность, но между тѣмъ главная мысль, первыя желанія его стремились къ высокой цѣли. Тогда я почувствовалъ передъ нимъ всю мою незначительность, и удивлялся, за что онъ любитъ меня еще по прежнему. Мы прожили не долго вмѣстѣ. Послѣ того еще нѣсколько разъ встрѣчались въ Москвѣ, и наконецъ разлучились уже на долгое время: онъ отправился въ чужіе краи, но не на счетъ общества, какъ многіе о томъ разглашаютъ, а на собственномъ иждивеніи. ** Со дня вступленія его въ дружеское общество до путешествія, онъ перевелъ и выдалъ съ Нѣмецкаго языка два или три тома *Штурмовыхъ Размышленій*, подъ заглавіемъ, помнится мнѣ, *Бесѣды съ Богомъ; Галлерову* поэ-

* Нынѣшніе литературные судьи, незнающіе ничего, что было до ихъ рожденія, мѣшаютъ этого Петрова съ извѣстнымъ лирикомъ того же имени; здѣсь не лишнее имъ замѣтить, что они два лица розныя. М. Д.

** Біографамъ Карамзина слѣдуетъ это замѣтить. Сколько разъ повторено было и въ книгахъ и въ журналахъ, что Карамзинъ путешествовалъ на счетъ этого общества: это несправедливо. М. Д.

му: *о происхожденіи зла; Эмилію Галотти*, трагедію Г. *Лессинга; Юлія Цесаря*, трагедію *Шекспира;* одну пѣснь (не напечатанную) изъ *Мессіяды*, поэмы *Клопштока;* съ Французскаго: Les veillées du Château Г-жи Жанлисъ, и за отсутствіемъ Петрова, продолжалъ около года *Дѣтское Чтеніе*, въ которомъ напечаталъ первую повѣсть, имъ сочиненную, и первые опыты свои въ Поэзіи.

Благодаря извѣстному собирателю и знатоку нашихъ древностей и достопримѣчательностей, И. М. Снегиреву, Издатель можетъ продолжить это біографическое извѣстіе о Карамзинѣ собственноручною его запискою, написанною имъ для Н. Н. Бантыша Каменскаго. М. П.

Αὐτόγραφον

Надворный Совѣтникъ

Николай Михайловъ сынъ Карамзинъ родился 1 Декабря 1766 года въ Симбирской Губерніи; учился дома и наконецъ въ пансіонѣ у Московскаго Профессора Шадена, отъ котораго ходилъ также и въ разные классы Московскаго Университета. Служилъ въ Гвардіи. Первыми трудами его въ Словесности были переводы, напечатанные въ Дѣтскомъ Чтеніи. По возвращеніи своемъ изъ чужихъ краевъ, издавалъ два года Московскій Журналъ; послѣ Аглаѣ, Аониды и Вѣстника Европы. Полныя сочиненія его напечатаны въ осьми томахъ. Онъ перевелъ еще

Марлинскаго повести и многія мелкія сочиненія, изданныя подъ именемъ Александра Александровича Бестужева-Марлинскаго. Въ 1803 году сдѣлался Россійскимъ Исторіографомъ, и съ того времени занимается сочиненіемъ Россійской Исторіи.

Патріархъ Іоаннъ Грозный, Димитрій Донской, Князь Пожарскій, Князь Дмитрій Пожарскій, Князь Пожарскій, Князь Пожарскій, Князь

въ Государственной и приватныхъ людей экономіи, а особливо въ купечествѣ, приносили пользу сообщеніемъ знанія о состояніи внутрь Государства, въ чемъ гдѣ избытокъ или недостатокъ, напримѣръ плодородія хлѣба или недорода, вывозовъ откуду какихъ товаровъ или припасовъ, либо привозу, и о многихъ другихъ вещахъ, надобныхъ какъ для извѣстія во всѣхъ въ Государствѣ присутственныхъ мѣстахъ, и для знанія приватнымъ людямъ, торгами и промыслами пропитаніе себѣ имѣющимъ. Того ради представляю, чтобъ о учрежденіи таковыхъ Вѣдомостей учинить опредѣленіе къ апробаціи его С. Г. А. П., въ чемъ особливо означить: 1) чтобъ сіи Вѣдомости печатать на одномъ Россійскомъ языкѣ, 2) къ онымъ бы припечатывать все что къ обыкновеннымъ Вѣдомостямъ припечатывается для извѣстія, 3) вмѣсто того припечатывать къ онымъ о ученыхъ дѣлахъ, сокращенія новыхъ книгъ и проч. Начало положить съ Новаго года. 4) Представить доношеніемъ Правительствующему Сенату о присылкѣ изъ Губерній и городовъ потребныхъ къ тому извѣстій, которымъ здѣлать для вновь поданія проэктъ въ Академіи....

Это записка объ изданіи Вѣдомостей въ Россіи принадлежитъ Ломоносову—первыя четыре строки на предыдущей страницѣ сняты съ его руки. М. П.

IV.

СТИХИ КНЯЗЯ АНТІОХА КАНТЕМИРА,

ИЗЪ 3 САТИРЫ, ЗАМѢНЕННЫЕ ВЪ ПЕЧАТНОМЪ ИЗДАНІИ ДРУГИМИ, ст. 57—78.

Но ужъ онъ надъ гробомъ свисъ; внукъ скочокъ ожидаетъ;
Заключеннымъ тѣмъ мѣшкамъ волю сей дать знаетъ;
И богатство, что теперь дѣда бѣдно мучитъ,
Потомъ у внука въ рукахъ намъ уже наскучитъ.
Таковъ Тиціи, а сосѣдъ его уже противно
Расточаетъ все, все грошъ, все есть не дивно.
Не печется уже сей какъ множить мамону,
Лишняго не любитъ онъ въ мѣшкѣ денегъ звону.
Отъ главы до пятъ все въ немъ богато сіетъ,
Столъ пространный, весь приборъ въ золотѣ блистаетъ,
Домъ пышно весь убранный, питье дорогое.
Думалъ бы, что Крезусъ онъ; нѣтъ, все то чужое.
Не столько онъ получитъ себѣ въ годъ доходу,
Сколько въ картахъ денегъ въ часъ броситъ какъ бы въ воду,
А что въ домѣ, что на немъ, то все долгомъ пахнетъ, —
И когда онъ жирѣетъ, то деревня чахнетъ.
Дамонъ не скупъ, и нетчивъ, въ роскоши умѣренъ,
Сказать ничего нельзя, на тайну невѣренъ.
Какъ когда ново вино, вложенное въ судно,
Кипитъ, шипитъ, пѣнится, держать его трудно;
Дуетъ доски, обручи рветъ, и мѣръ не зная,
Выбьетъ втулку, свирѣпо устми вытекая.

(Изъ собственной тетради Князя Кантемира, полученной мною отъ покойнаго А. Ѳ. Мерзлякова.)

V.

ЖАЛОБА СУМАРОКОВА.

Сіе письмо послано къ Вашему Сіятельству * поутру въ день представленія моей трагедіи; но посланному не удалося онаго подать, а я наглостію Князя У. столько тронутъ былъ огорчаяся, что по сіе время умноживъ мою гипохондрію мучуся; ибо сверьхъ того что У. купивъ выхоженную мною привилегію отнялъ у меня ложу, и мнѣ приказалъ объявить три раза то, что онъ меня безденежно и въ партеръ пускать не будетъ, хотя не только авторы и основатели театровъ, но и актеры, входъ и въ чужихъ государствахъ безденежный имѣютъ.

Обороните меня отъ Князя У. — Ежели жъ должно подати мнѣ формально челобитную, такъ я подъ покровительствомъ Вашего Сіятельства ища правосудія и разсмотрѣнія, учинить готовъ и то.

А. Сумароковъ.

6 Октября **, 1775.

---

* Вѣроятно къ Московскому Градоначальнику, Графу Захару Григорьевичу Чернышеву.

** Въ подлинной жалобѣ годъ и мѣсяцъ написаны рукою самаго Сумарокова, который ошибся было въ мѣсяцѣ, и написалъ Февраля, а потомъ зачеркнувъ приписалъ сверху Октября.

VI.

ОБЪЯСНЕНІЕ ДЕРЖАВИНА

НА ЗАПИСКУ Г-НА РЖЕВСКАГО, ПОДНЕСЕННУЮ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ.

(ГОСУДАРЫНЪ ИМПЕРАТРИЦЪ ЕКАТЕРИНЪ II). *

Записка сія содержитъ нѣсколько правды, болѣе же несправедливость; а именно:

1. Что онъ Г. Ржевской одинъ не составляетъ Совѣстнаго Суда; это правда, — я говорилъ.

2. Что будто указывалъ на него пальцомъ и говорилъ ему *ты;* это неправда.

3. Болѣзнями ли отозвались Засѣдатели отъ присутствія, я не знаю; но то правда, что они въ присутствіи не находились, и что не было нужды приглашать меня не въ полное собраніе къ выслушанію мнѣній, когда оныя поданы были еще въ Ноябрѣ мѣсяцѣ, и когда можно было прежде, или послѣ избрать для того присутственный удобнѣйшій день, а не торжественный, и на масленицѣ.

4. Что въ продолженіи чтенія тѣхъ мнѣній оное было прервано моимъ и другихъ разговорами, это правда.

5. Будто я говорилъ, что мнѣніе Совѣстнаго Суда была копія съ мнѣнія противной стороны посредниковъ, и писано однимъ перомъ, это неправда.

* Помѣщаемъ эту дѣловую записку, изображающую явно пылкій характеръ Державина, котораго мы еще слишкомъ мало знаемъ съ этой стороны. М. П.

6. Что Г. Ржевской имѣетъ право согласиться съ мнѣніемъ котораго нибудь посредниковъ,—это не совсѣмъ справедливо; ибо онъ долженъ соглашаться съ ближайшимъ къ правиламъ Совѣстнаго Суда: но объ этомъ ни слова ни кѣмъ говорено не было.

7. Что Совѣстный Судъ ни съ тѣмъ, ни съ другимъ мнѣніемъ посредниковъ согласенъ не былъ, — неправда. — Самыя тѣ мнѣнія докажутъ, что Дмитріевъ обвиненъ.

8. Что я вскочилъ со стула съ тѣлодвиженіемъ, это правда. — Для того что безъ тѣлодвиженія встать не можно.

9. Что я оборотясь къ нему началъ кричать изъ всей силы съ укоризнами о непорядочномъ отправленіи его должности, это неправда; о должности его ни слова говорено не было. А какъ онъ самъ въ своей запискѣ разсудилъ таковымъ себя представить; то оная, и сіе мое объясненіе, утвердятъ истинну.

10. Что я просилъ учрежденія, — это правда; а чтобы вырвалъ я его изъ рукъ Секретаря, и увидя мою ошибку хлопнулъ онымъ, — это неправда.

11. Что я говорилъ ему о доведеніи до слуха Ея Императорскаго Величества о его безпорядкѣ, это неправда; а что выѣхавъ изъ Совѣстнаго Суда былъ я въ комнатѣ Его Сіятельства Графа Платона Александровича и при многихъ людяхъ говорилъ о притѣсненіи учиненномъ Дмитріеву, и что я буду жаловаться Ея Величеству, это правда.

12. Что онъ Г. Ржевской остановилъ меня и просилъ, дабы я сказалъ мое согласіе, или нѣтъ, на которое либо мнѣніе; но я ему отвѣчалъ грубымъ то-

номъ, что тогда скажу оное, когда будетъ въ Совѣстномъ Судѣ Засѣдатель Крокъ и другіе, а съ нимъ дѣла имѣть не хочу,—это неправда и быть не могло; для того, что коль скоро я вышелъ изъ присутственной Камеры, то ни мало не останавливаяся уѣхалъ.

13. Что всему тому свидѣтели не токмо посредники Всеволожскаго, но и оба тяжущіеся и вся канцелярія — это правда; они могутъ быть свидѣтелями, хотя никого въ судейской Камерѣ кромѣ Секретаря и посредниковъ не было; но чтобъ были справедливыми, въ томъ на нихъ, яко благопріятствующихъ Всеволожскому положиться не могу. Равно и Г. Ржевской, я думаю не положится на Дмитріева; если же онъ на него ссылается, то пусть его спросятъ. Дмитріевъ долженъ по присягѣ сказать, что былъ у насъ разговоръ съ господиномъ Ржевскимъ обоюдно горячій, но не непристойной или ему обидной, каковымъ онъ его въ жалобѣ своей представляетъ; *хотя въ прочемъ не одинъ разъ имѣлъ я несчастіе, что въ подобныхъ случаяхъ противу меня согласившіеся тонкіе и хладнокровные люди старались обратить въ предосужденіе мнѣ правоту мою и горячую любовь къ истинѣ;* но и здѣсь въ томъ кажется не предъуспѣли; потому что основываясь на законахъ и истинѣ, и защищая праваго, не вышелъ я нигдѣ изъ благопристойности. Множество чрезъ мои руки перешедшихъ совѣстныхъ разбирательствъ въ здѣшней и другихъ губерніяхъ, и даже по особымъ Высочайшимъ повелѣніямъ моему одному лицу и посредству ввѣренныхъ, и не въ такихъ важныхъ дѣлахъ мною кончены были, и никто изъ

тяжущихся нигдѣ не приносилъ на меня жалобъ. Дѣлами свидѣтельствоваться я почитаю себѣ правиломъ, а слова употребить нахожу принужденнымъ въ собственное мое защищеніе; имѣя притомъ утѣшительное въ душѣ моей оправданіе собственнаго суда совѣсти моей, по которой не рѣдко выбираемъ въ посредники не отрекался ни когда защищать невинность.

Сказавъ такимъ образомъ по частямъ записки, что было и чего не было, смѣю представить для лучшей ясности всю совокупность сего произшествія. — 26 числа минувшаго мѣсяца повѣсткою приглашенный по дѣлу Всеволожскаго и Дмитріева, подлинно я былъ въ Совѣстномъ Судѣ. Нашелъ тамъ Г. Ржевскаго одного безъ Засѣдателей, собесѣдующаго съ посредниками Всеволожскаго; тяжущимся приказалъ онъ изъ судейской камеры выдти. Тутъ предложены были мнѣнія посредниковъ и слушаны прежде мое, а потомъ Г. Васильева и Сушкова. Въ продолженіи перваго Сушковъ, а втораго, я, въ полголоса дѣлали наши примѣчанія на нѣкоторыя мѣста.—По прочтеніи тѣхъ мнѣній, которыя оказались несогласными, надобно было изъяснять разсужденіями ихъ противорѣчія и избирать средства къ соглашенію тяжущихся на примиреніе, по точной силѣ Высочайшаго учрежденія статьи 400-й. Но я видя, что никого нѣтъ изъ Засѣдателей, кто бы могъ уважить мои мысли, и примѣтя, что Г. Ржевской на сторонѣ противной, спросилъ, гдѣ же господа присутствующіе? Тутъ Г. Ржевской вспыхнулъ и сказалъ: какіе присутствующіе, вотъ мнѣніе Совѣстнаго Суда подписанное всѣми, которое мнѣ тогда и пока-

залъ, удивляяся, что безъ общаго разсужденія по мнѣніямъ посредниковъ, изъ которыхъ противнаго мнѣ я никогда не видалъ и не слыхалъ, предварительно заготовлено уже было опредѣленіе Совѣстнаго Суда, былъ я любопытенъ выслушать оное. Когдажь увидѣлъ, что всѣ правости моей стороны или умолчены, или отвергнуты; а напротивъ того, не токмо мысли, но цѣлыя фразы помѣщены противнаго мнѣ мнѣнія, то я оборотясь къ Г. Васильеву весьма учтиво сказалъ: это кажется ваши мысли. Тутъ сей съ умѣренностію, а Г. Ржевскій съ досадою говорилъ, что онъ съ нимъ по дачѣ мнѣнія не видался и не стакался, и тому подобное, чѣмъ и прерываемо было чтеніе. Но какъ въ окончаніи онаго услышалъ я, что Дмитріевъ обвиняется и въ томъ, о чемъ онъ суду и объясненій не подавалъ; то почувствовавъ сильнѣйшимъ образомъ несправедливость и угнетеніе Дмитріева, не могъ вытерпѣть, чтобъ не спросить Высочайшаго учрежденія, и хотѣлъ въ защиту угнетаемаго опереться на тѣ статьи, гдѣ въ правила Совѣстному Суду предписаны осторожность, милосердіе, чтобъ ни чью судьбу не отягощать, доставить каждому принадлежащее, примирять, а не обвинять тяжущихся; но Г. Ржевской отказалъ было мнѣ и въ томъ, а потомъ когда по приказу его Учрежденіе Секретаремъ было подано и положено на концѣ стола, для чего я и всталъ со стула и хотѣлъ помянутыя статьи прочесть; но вообразя, что всѣ мои представленія были бы безъуспѣшны для того, что другихъ присутствующихъ не было, а одинъ Совѣстный судья по Высочайшему учрежденію 396-й статьи Совѣстнаго Суда не составляетъ, и не кого было просить записать

въ журналъ мною говореннаго; то я оставя отверстымъ Учрежденіе какъ оно было, удалился изъ суда, не говоря ни одного слова, въ намѣреніи на безпорядокъ принести жалобу Ея Императорскому Величеству, а тѣмъ самымъ недопустить до угнѣтенія Дмитріева....

Наконецъ ежели по прозьбѣ Дмитріева Г. Ржевской не далъ ему и мнѣнія Совѣстнаго Суда, сказавъ, что сдѣлать ему того невозможно, то послѣ всего того осмѣливаюсь вопросить, гдѣ же по сему дѣлу былъ тотъ совѣстный, благотворный и Святый судъ, которой установленъ премудрою нашею Законодательницею для защиты угнѣтаемаго человѣчества?

VII.

ДВА ПИСЬМА ПЕТРОВА. *

I.

Извините что я не могу имѣть чести видѣть Васъ. Болѣзнь препятствуетъ, которая грозитъ меня приковать къ постелѣ. Но увѣрьтесь, Милостивый Государь, что я всякой зовъ отъ васъ, почитаю за знакъ вашей ко мнѣ дружбы и благоволенія. Желаю вамъ щастія, если вы играете въ карты; естьли смотрите на воинской шишакъ, или конской уборъ, чтобъ тотъ

* Помѣщаются въ образчикъ легкаго слога семидесятыхъ годовъ, — при соблюденіи подлиннаго правописанія. М. П.

былъ сдѣланъ точно по вашему вкусу; чтобъ Ангелъ который Васъ хранитъ, напоминалъ вамъ о томъ человѣкѣ, которово вы нѣкогда столь много любили, и, я боюся сумнѣваться, любите. Онъ есть и будетъ

Вашего Сіятельства и проч.

В. Петровъ.

18 Нояб.
775.

II.

Я вчера былъ такъ тяжко боленъ какъ третьёводни. Сперва ознобъ, потомъ жаръ, послѣ потъ находитъ, а легче нѣтъ. И такъ я остаюсь безутѣшенъ, что не увижу васъ севодни, а можетъ быть и завтре и послѣ завтре. Стараясь прогнать лихорадку неядѣніемъ сильно ослабѣлъ я. Посылаю къ Вамъ Оду Его Сіятельству, П. А. Р. которой я велѣлъ напечатать только сто экземпляровъ на лобской бумагѣ. Вы прикажите напечатать ее въ вашей типографіи на александрійской, съ какими Вамъ угодно прикрасами. А съ печатной, я думаю, типографщики не здѣлаютъ ошибки. Въ прочемъ поручая себя вашему благоволенію имѣю честь быть и проч.

P. S. Пришлите ко мнѣ Французскаго Пиндара. Я теперь попытаюсь узнать доброту перевода.

СТИХОТВОРЕНІЯ.*

I.

ВИДѢНІЕ.

Какъ темнота широко воцарилась!
Какъ замеръ шумъ деннаго бытія!
Какъ сладостно дремотою забылась
Прекрасная, любимая моя!
Весь міръ лежитъ въ торжественномъ покоѣ,
Увитый сномъ и дивной тишиной;
И хоры звѣздъ, какъ празднество ночное,
Свои пути свершаютъ надъ землей.

* *
*

Что пронеслось какъ вешнее дыханье?
Что надо мной такъ быстро протекло?
И что за звукъ, какъ арфы содроганье,
Какъ лебедя звенящее крыло?
Вдругъ свѣтъ блеснулъ, пол-неба распахнулось;
Я задрожалъ, безмолвный, чуть дыша....
О, передъ кѣмъ ты сердце встрепенулось?
Кого ты ждешь? — скажи, моя душа!

* *
*

* Почитаю себя счастливымъ, что могу посредствомъ своего журнала передать публикѣ нѣсколько знакомыхъ и любимыхъ звуковъ, — коихъ она давно не слыхала. М. П.

Ты здѣсь, ты здѣсь, владыка пѣснопѣній,
Прекрасный царь моей младой мечты!
Небесный другъ, мой благодатный геній,
Опять, опять, ко мнѣ явился ты!
Все тажь весна ланиты оживленной,
И тотъ же блескъ твоихъ эѳирныхъ крылъ,
И тѣжь уста съ улыбкой вдохновенной;
Всё тотъ же ты:—но ты не то, что былъ.

* *
*

Ты долго жилъ въ лазурномъ томъ просторѣ
И на челѣ остался лучь небесъ;
И цѣлый міръ въ твоемъ глубокомъ взорѣ,
Міръ ясныхъ думъ и творческихъ чудесъ.
Прекраснѣе, и глубже, и звучнѣе,
Твоихъ рѣчей пѣвучая волна;
И крѣпкій станъ подъемлется смѣлѣе,
И звонкихъ крылъ грознѣе ширина.

* *
*

Передъ тобой съ волненьемъ тайнымъ страха
Сливается волненіе любви.
Склонись ко мнѣ; возьми меня изъ праха,
По прежнему мечты благослови!
По прежнему эѳирнымъ дуновеньемъ,
Небесный братъ, коснись главы моей;
Всю грудь мою наполни вдохновеньемъ;
Земную мглу отъ глазъ моихъ отвѣй!

* *
*

И полный силъ, торжественный и мирный,
Я возстаю надъ бездной бытія....
Проснись, тимпанъ! проснися, голосъ лирный!
Въ моей душѣ проснися, пѣснь моя!

Внемлите мнѣ, вы страждущіе люди;
Вы, сильные, склоните робкій слухъ;
Вы, мертвыя и каменныя груди,
Услыша пѣснь, примите жизни духъ!

Хомяковъ.

II.

ЗАВѢТНОЕ МГНОВЕНІЕ.

Есть день въ году, во днѣ есть часъ,
Въ часѣ *завѣтное мгновенье*,
Когда мы *чей-то* слышимъ гласъ
И чуемъ вкругъ себя движенье
Невидимыхъ, безплотныхъ силъ.
Какъ цѣпь чудесныхъ сновъ златая,
Незримое, кругомъ летая,
Намъ вѣетъ жизнью.... Чьихъ-то крылъ
Мы чувствуемъ прикосновенье:
Съ нимъ въ душу свѣтъ и теплота! —
И въ это дивное мгновенье
Земнымъ доступна *высота*.

* *
*

Стерегижъ сей мигъ небесный
Подъ грозой земныхъ суетъ:
Мигъ летучій, мигъ чудесный —
Стереги, младой поэтъ!

Ѳедоръ Глинка.

III.

СЛѢПОМУ ПОЭТУ.

Въ день именинъ его.

Поздравляю, старецъ юный,
Зорко видящій слѣпецъ!
Я забылъ съ Ѳемидой струны;
Но съ тобой — я вновь пѣвецъ!

—

Ломоносова потомокъ,
Сынъ Державинскихъ знаменъ,
Ты межъ насъ живой обломокъ
Присно-памятныхъ временъ —

—

Тѣхъ дней вѣка золотова,
Какъ небесной правды лучь—
Даромъ Бога былъ даръ слова,
Чистъ, свободенъ и могучь!

—

Отъ того и въ поздни годы
Сладкозвученъ голосъ твой,
Что нестарющей природы
Отголосокъ онъ живой.

—

Вы тогда въ избыткѣ чувства
Пѣли Бога и Царей,
И восторгъ вашъ безъ искусства
Проникалъ въ сердца людей!

—

И они благоговѣя,
Сознавали, что пѣвцы,
Духомъ Вышняго владѣя,
Вышней истины жрецы!

—

Громы битвы, сладость мира,
Чувства славы и любви:
Вотъ что пѣла ваша лира,
Дней минувшихъ соловьи!

—

Миртомъ васъ вѣнчали дѣвы
И въ невинности своей
Ваши вторили напѣвы
При колѣняхъ матерей.

—

Сынъ гармоніи, любови,
Человѣчества органъ,
Не просилъ поэтъ вашъ крови,
Какъ надъ трупомъ хищный вранъ!

—

Нынѣ — также были бои,
Потрясающіе свѣтъ,
Нынѣ также есть герои —
Отъ чего же пѣсень нѣтъ?

—

Русской станъ у вратъ Царьграда,
Въ царствѣ Персовъ русской штыкъ:
Отъ чего же, славы чада,
Гимнъ высокій не возникъ?

—

Отъ чего, Благословенный,
Агнецъ нашъ сразившій льва!
Прахъ твой славила священный
Только старая Москва?

—

Отъ того, что вѣкъ реальный
Хочетъ денегъ, пить и ѣсть:
Гонитъ онъ міръ идеальный,
И поэзію и честь!

—

Воинъ льетъ потоки крови;
Но гдѣ слава? гдѣ поэтъ?
Въ вѣкъ корысти—нѣтъ любови,
И высокихъ пѣсень нѣтъ!

—

Пой, Пѣвецъ! — лишенный зрѣнья,
Ты не зришь, что зримо намъ;
Но міръ внутренній творенья
Не закрытъ твоимъ очамъ!

—

Не затѣмъ ли ты оставленъ
Въ поколѣніи другомъ,
Чтобъ твой вѣкъ—въ тебѣ былъ явленъ
И не прóслылъ ложнымъ сномъ!

—

Не за тѣмъ ли зрѣнья очи
Лишены, чтобъ ты не зрѣлъ
Лицъ земныхъ темнѣе ночи
И небесное намъ пѣлъ!

Мих. Дмитріевъ.

IV.

ПРЕКРАСНЫЙ ДЕНЬ.

Прекрасный день въ лазури безпредѣльной
Раскинулся и радуетъ меня,
И небо все слилося въ яхонтъ цѣльной
Оправою свѣтилу дня.

* *
*

Горящее всемірными лучами,
Какъ Бога глазъ, на небѣ зажжено,
Надъ нашими тревожными главами
Спокойно плаваетъ оно.

* *
*

Земля цвѣтетъ невѣстою румяной,
И взоръ, живымъ веселіемъ горя,
Съ ея одежды, радугою тканой,
Пьетъ жадно краски бытія.

* *
*

Но отъ земли, отъ розы пурпурòвой,
Отъ чистыхъ рѣкъ серебрéной волны,
Отъ синихъ горъ, отъ зелени шелковой
Стремленья чуткаго полны, —

* *
*

Бѣгутъ глаза, алкая тамъ предмета,
Гдѣ носится свѣтящее оно —
И что же тамъ? — Единой капли свѣта
Вкусить имъ въ солнцѣ не дано.

* *
*

Оно — одно горитъ въ небесной чашѣ!
Земля моя, — мой лѣсъ и океанъ!
Оно одно, глаза мои, не ваше —
И свѣтъ его на васъ туманъ!

* *
*

Смиритеся въ отвагѣ безпредѣльной
И робкіе, вы падайте на долъ:
Прекрасный день, и неба яхонтъ цѣльной,
И солнце тайны мнѣ символъ.

* *
*

И духомъ я, смиряясь, умолкаю!
Объемля имъ созданья естества,
Какъ мотылекъ на свѣчкѣ, исчезаю
Въ горящей тайнѣ Божества.

С. Шевыревъ.

1840. Сентябрь.

V.

БУРЯ.

Громадныя тучи нависли широко
Надъ моремъ и скрыли блистательный день,
И въ синюю бездну спустилась глубоко,
И въ ней улеглася тяжелая тѣнь;
Но бездна морская уже негодуетъ,
Ей хочется свѣта и ропщетъ она,
И скоро, могучая, встанетъ грозна,
Пространно и громко она забушуетъ.

* *
*

Великую силу уже подымая,
Полки она строитъ изъ водныхъ громадъ,
И валъ великанъ головою качая
Становится въ рядъ и ряды говорятъ;
И вотъ свои смуглыя лица нахмуря
И бѣлые гребни колебля, они
Идутъ. Въ черныхъ тучахъ блеснули огни,
И громъ загудѣлъ. Начинается буря.

Языковъ.

VI.

ШУТКА.

Графиня! то-то на просторѣ
Изъѣздили вы бѣлый свѣтъ:
Знакомы суша вамъ и море,
Какъ бальный лаковый паркетъ.
Вы съ вихрями вальсировали
По рытвинамъ валовъ морскихъ,
Когда вамъ бури балъ давали
Подъ вой оркестровъ громовыхъ.

* *
*

Вы были въ мірѣ иноземцевъ,
Въ столпосмѣшеньи языковъ,
И въ царствѣ бѣлокурыхъ Нѣмцевъ
Съ оттѣнкой рыжихъ париковъ.
Вы были тамъ, гдѣ вѣчный кнастеръ
Коптитъ умы и небеса,
И каждый собесѣдникъ мастеръ
Отмалчиваться три часа.

* *
*

Теперь вы человѣкъ ученой
И многое могли узнать;
Позвольтежъ по причинѣ оной
Два-три вопроса вамъ задать:
Скажите, въ цвѣтникахъ природы,
Гдѣ ваша странствуетъ звѣзда,
Скажите: вкусныль буттерброды,
И благовонна ль резеда?

* *
*

Въ той сторонѣ, гдѣ Вертеръ жаркой
И не одинъ найдется вновь,
Гдѣ между пивомъ и сигаркой
И бродитъ и горитъ любовь,
Скажите, многихъ ли барономъ,
Князей съ землей и безъ земли,
Нѣмецкихъ фофоновъ и фоновъ
По русски вы съ ума свели?

* *
*

Стыдясь и глядя изъ подлобья.
Скажите прямо, въ простотѣ,
Нашли ли гдѣ хоть тѣнь подобья
Вы вашей Русской красотѣ?
Я изъ берлоги вонъ ни пяди,
Не то что вы, я домосѣдъ:
Такъ просвѣтите, Бога ради,
И дайте вѣсть про бѣлой свѣтъ.

К. Вяземскій.

(Это стихотвореніе, давно написанное, до сихъ поръ не было еще напечатано).

VII.

ИЗЪ ФАУСТА.

Ручьи и потоки катятся свободно,
Упорные льды растопила весна,
И зеленью новой земля убрана;
Старухи зимы всѣ усилья безплодны,
И въ дикія горы уходитъ она.
Оттуда споръ вновь начинаетъ и вдругъ
Безсильную льдину съ утеса уронитъ,
Засыплетъ на мигъ зеленѣющій лугъ;
Но солнце повсюду все бѣлое гонитъ;
Повсюду стремленье, все просится жить,
Все красками хочетъ оно оживить;
И если цвѣтовъ на лугахъ не встрѣчаетъ,
Нарядныхъ людей за цвѣты принимаетъ.

Оглянись, и съ высоты
Посмотри на городъ ты,
Какъ изъ темныхъ тамъ воротъ
Шумя и пестрѣя выходитъ народъ;
Всѣхъ дума весельемъ однимъ занята:
Празднуютъ Воскресенье Христа!

Сами воскресли они въ день веселой
Изъ душныхъ жилищъ, изъ домовъ, переходовъ,
Отъ узъ ремесла и работы тяжелой,
Отъ гнета ихъ низменныхъ кровель и сводовъ,
Изъ улицъ давящихъ своей тѣснотою,
Изъ ночи таинственной храмовъ своихъ:
Всѣ они вышли на свѣтъ въ этотъ мигъ.

Смотри же, смотри, какъ толпа за толпою
Бѣжитъ средь садовъ и зеленыхъ полей,
Какъ рѣка всей шириною
Столько веселыхъ колеблетъ ладей.

Послѣдній, тяжко нагруженный,
Вотъ челнъ ввѣряется волнамъ.
Съ горы, я вижу, отдаленной
Цвѣтныя платья блещутъ намъ.
Но гулъ растетъ сильнѣе вдвое
Народа небо здѣсь прямое,
Здѣсь всякой радостно шумитъ,
Здѣсь человѣкъ я, здѣсь могу имъ быть.

(Изъ Гёте).

К. Аксаковъ.

VIII.

ПЕГАСЪ ВЪ ЯРМѢ.

(Pegasus im Joche).

На конный торгъ, однажды *въ Неймаркетъ*,
Товарами другими торгъ богатый,
Проголодавшійся поэтъ
Привелъ продать коня—и былъ то конь крылатый.

Пегасъ, конь Музъ, такъ громко ржалъ,
Взвиваясь пышно и парадно,
Что всякъ дивился и кричалъ:
«Чудесный, Царскій конь! Одно досадно:
Картина весь,—по крыльямъ-же уродъ!
Какъ въ цугѣ-бъ онъ пошелъ прекрасно!
Быть долженъ рѣдкій это родъ;
Но въ воздухѣ летать опасно;
А деньги весело-ль терять напрасно!»
И вотъ одинъ рѣшился откупщикъ:
«Тутъ крылья ни къ чему!» сказалъ онъ: «то не ложно,

Да ихъ связать, или обрѣзать можно:
Все будетъ конь хоть добрый возовикъ;
Ну, двадцать *фунтовъ* дамъ, не будужъ я бѣднѣе!»
То слыша продавецъ, чтобъ сбыть товаръ скорѣе,
Ударилъ по рукамъ, сказавъ: «конь этотъ твой!»
И *Гансъ* съ добычею скорѣй домой.

* *
*

Вотъ гордый Гиппогрифъ былъ запряженъ;
Но вольный, никогда подъ ношей небывалый,
Вдругъ гнѣвомъ ярымъ воспалёнъ,
Помчалъ неистово повозку, одичалый,
И въ бездну съ ней едва не спрыгнулъ онъ!
«Ну!» Гансъ сказалъ, «быть такъ; но ужъ скотинѣ этой,
Изъ опыта узнавъ, возъ ввѣрить не могу:
На завтра ѣдущихъ отправлю я съ каретой
И друга на уносъ въ четверку запрягу.
Ретивъ, такъ пусть коней замѣнитъ пару,
А съ лѣтами и поубавитъ жару.»

* *
*

Сначала и пошло. Шагъ клеперовъ живилъ
Конь легкостью своей. Карету мчатъ стрѣлою.
Но чтожъ? Лишь къ облакамъ онъ взоры обратилъ,
Не свыкнувшись съ земной, тяжелою ѣздою,
Вдругъ битый путь покинулъ онъ
И, вспомнивъ сильный естества законъ,
По рвамъ и по горамъ пустился,
И бѣшеный, смѣшалъ, взбѣсилъ другихъ коней.
Они не слушаютъ ни крика, ни возжей;
А экипажъ чуть-чуть въ щепу не раздробился
И, къ страху ѣдущихъ, едва остановился,
Когда, на верхъ скалы, летунъ нашъ, весь въ огнѣ,
Взмахнулъ и, зацѣпясь, повисъ на крутизнѣ....

* *
*

«Нѣтъ, вижу, дѣло не годится!»
Гансъ говоритъ съ задумчивымъ лицемъ:
«И никогда оно такъ не склеится!
Посмотримъ, голодомъ, или трудомъ,
Авось змѣй лютый укротится.»
И къ дѣлу приступилъ. Хоть конь неукротимъ,
Но протекло три дня едва ли,
Конь исхудалъ какъ тѣнь. «Ну, мы теперь попали!»
Гансъ вскрикнулъ и велитъ работникамъ своимъ
Въ одно ярмо запрячь коня съ быкомъ большимъ.

* *
*

И сдѣлано. Глядятъ: вотъ — упряжь пресмѣшная,
Тащили плугъ крылатый конь съ быкомъ!
Пегасъ упрямо шелъ, едва ступая,
И силы напрягалъ лишь думая о томъ,
Чтобы въ полетъ свой прежній устремиться;
Напрасно все — сосѣдъ едва тащится,
И Феба гордый конь былъ принуждёнъ
Къ быку приноровиться!...
И наконецъ, упорствомъ истощёнъ,
Конь благородный надорвался
И, силы растерявъ свои,
Опъ о земь — и съ тоски валялся,
Вертясь, катаяся въ пыли.

* *
*

«Проклятый звѣрь!» Гансъ съ гнѣвомъ закричалъ,
Бранилъ и подчивалъ кнутомъ его исправно.
«И къ пашнѣ ты негоденъ сталъ!
Ну, плутомъ-продавцемъ обманутъ же я славно!»

* *
*

Пока, сердяся, Гансъ кнутомъ махалъ и билъ,
По улицѣ, въ то время, проходилъ
Проворный юноша, прекрасный, бѣлокурый,
По цитрѣ ударялъ онъ легкою рукой;
Кудрявились власы его прелестно,
Блестя подъ лентой золотой....
«Куда, дружокъ! ты *съ парою чудесной*?»
Откупщику онъ издали кричалъ.
«Какъ въ упряжѣ одной *быкъ съ птицею* сошлися?
Такое диво кто видалъ?
Для опыта, пожалуй согласися,
Коня мнѣ ввѣрь хоть на четверть часа
И посмотри—увидишь чудеса!»

* *
*

И отпряженъ нашъ конь съ крылами;
Съ улыбкой на него младой ѣздокъ взлетѣлъ;
Почуявъ ѣздока, конь вспрыгнулъ, захрапѣлъ
И удила грызетъ, скрыпя зубами,
И прежними глаза зажглись огнями....
Ужъ онъ не то, что былъ:
Какъ царь, какъ духъ, онъ воспарилъ
И растилаяся, какъ тучи грозной бури,
Шумя простеръ полетъ свой къ небесамъ,
Не давши за собой послѣдовать очамъ,
И скрылся въ области лазури....

Авдотья Глинка.

(Изъ Шиллера).

IX.

КЪ ПѢСНИ.

Пѣснь моя! звучи сильнѣе!
Бейся ты, какъ горный ключь!
Какъ онъ свѣтелъ, какъ могучь! —
Будь могучѣе, свѣтлѣе!

—

Взвейся ты свободной птицей,
Затеряйся въ облакахъ!
Разгорися ты денницей,
Разгуляйся ты въ громахъ!

—

Звуки, звуки! нѣтъ раздолья,
Нѣтъ простора долу вамъ,
Нѣтъ вамъ, звуки, своеволья....
Улетайте жъ къ небесамъ!

—

Пѣсни! здѣсь, какъ въ гробѣ, душно;
Съ жизнью здѣсь граничитъ смерть;
Здѣсь вамъ дико, здѣсь вамъ скучно;
Мчитесь въ радужную твердь!

—

Тамъ сильнѣй, живѣй, смѣлѣе
Разыграйся, пѣснь моя;
И въ пустыню бытія
Распадись звѣзды свѣтлѣе! —

С. Стромиловъ.

Ноября. 1840.

X.

СЦЕНА

ИЗЪ ПОСЛѢДНЕЙ, НЕКОНЧЕННОЙ ТРАГЕДІИ ШИЛЛЕРА:

ДИМИТРІЙ САМОЗВАНЕЦЪ.

Выксинская пустынь.

ЦАРИЦА МАРѲА, ПАТРІАРХЪ ІОВЪ.

ПАТРІАРХЪ.

Великій Царь прислалъ меня къ тебѣ:
Онъ не забылъ тебя на тронѣ дальномъ;
Какъ солнце, окомъ пламеннымъ, повсюду
И свѣтъ и жизнь лѣтъ на міръ широкій:
Такъ на свои владѣнья неусыпно
Взоръ всеобъемлющій бросаетъ Царь,
И до границъ послѣднихъ и безвѣстныхъ,
Его державу глазъ его блюдетъ.

МАРѲА.

Что отъ него спастись не льзя, я знаю.

ПАТРІАРХЪ.

Твоей души высокой благородство
Онъ вѣдаетъ, и раздѣляетъ съ гнѣвомъ
Обиду, нанесенную тебѣ.
Узнай: преступникъ изъ земли Литовской,
Злой еретикъ, монашеской обѣтъ
Отвергнувшій, чернецъ богоотступный,
Обманомъ наглымъ оскверняетъ имя
Погибшаго младенца твоего;
Тебя онъ матерью зоветъ, и смѣетъ

Наслѣдникомъ наречься Іоанна.
Нарушивъ миръ, коварный воевода
Ведетъ на насъ, съ враждебною дружиной,
Замышленнаго имъ же лжецаря;
И сказкой православныхъ умъ смущая,
Измѣну поджигаетъ и мятежъ.
Меня къ тебѣ, съ заботою отцовской,
Великій Царь прислалъ: ты память чтишь
Царевича, и не допустишь ты,
Чтобъ имя сына твоего изъ гроба
Укралъ злодѣй, чтобъ дерзостный бродяга
Въ его права втѣснился своевольно.
Объявишь ты предъ цѣлою Москвою,
Что хищника не признаешь; въ объятья
Не примешь беззаконника чужаго;
Ты нынѣ, Царь увѣренъ въ этомъ, съ гнѣвомъ
Безсовѣстный обманъ изобличишь.

МАРѲА.

Что слышу, отче Патріархъ! скажи,
Чѣмъ вымыселъ свой дерзкій подтверждаетъ?
Чѣмъ доказать пришлецъ безвѣстный можетъ,
Что истинный онъ Іоанна сынъ?

ПАТРІАРХЪ.

Какъ слышно, нѣкимъ сходствомъ съ Іоанномъ,
Бумагами, найденными случайно,
И рѣдкое сокровище онъ кажетъ,
Которымъ убѣждаетъ хитроумно
Всегда обманамъ преданную чернь.

МАРѲА.

Сокровище? какое?—отвѣчай!

ПАТРІАРХЪ.

Крестъ золотой, каменьями драгими
Осыпанный, — и лжетъ обманщикъ дерзкій,

Что данъ ему отцомъ онъ крестнымъ, княземъ
Мстиславскимъ.

МАРѲА.

Какъ! онъ кажетъ этотъ крестъ?...
(*Удерживаясь.*) Чтожь объявилъ онъ о своей судьбѣ?

ПАТРІАРХЪ.

Онъ выдумалъ, что спасъ его отъ смерти
Какой-то Дьякъ, и удалилъ въ Смоленскъ.

МАРѲА.

Но чтожь онъ говоритъ? гдѣ могъ скрываться
До этѣхъ поръ?

ПАТРІАРХЪ.

Разсказываетъ онъ,
Что въ Чудовѣ монастырѣ жилъ долго,
Не вѣдая величья своего;
Что наконецъ бѣжалъ въ Литву, слугою
У Сендомирскаго былъ воеводы,
И случаемъ свой Царскій санъ узналъ.

МАРѲА.

И удалось ему такою басней
Приверженцевъ найти?

ПАТРІАРХЪ.

Коваренъ Ляхъ,
И съ завистью онъ нашу видитъ силу;
Старинный врагъ радъ каждому предлогу
Внести войну въ Россійскіе предѣлы.

МАРѲА.

Но какъ же и въ Москвѣ могли повѣрить
Той выдумкѣ, безумной и пустой?

ПАТРІАРХЪ.

Народъ волнуется легко, Царица!

*

Неимовѣрному готовъ повѣрить,
И увлечется ложью дерзкой онъ....

И потому желаетъ нынѣ Царь,
Да прекратишь ты черни заблужденье,
Что́ можешь ты одна: единымъ словомъ
Низвергнешь въ прахъ безстыднаго лжеца.
— Я съ радостью твое волненье вижу,
Ты внѣ себя отъ гнуснаго обмана,
И на лицѣ твоемъ пылаетъ гнѣвъ.

МАРѲА.

И гдѣжь теперь тотъ смѣлый Самозванецъ?

ПАТРІАРХЪ.

Ужь близокъ онъ къ Чернигову, какъ слышно:
Изъ Кіева онъ выступилъ въ походъ,
На насъ идетъ съ Литовскою дружиной,
И съ буйной ратью Козаковъ Донскихъ.

(*Молчаніе.*)

МАРѲА.

Хвала! хвала! хвала Тебѣ, Всевышній!
Ты наконецъ мнѣ мщенье ниспослалъ!

ПАТРІАРХЪ.

Царица! что такое? что съ тобою?

МАРѲА.

Храните вы его, о силы Неба!
Носится вокругъ его знаменъ!

ПАТРІАРХЪ.

Какъ? можетъ ли обманщикъ?...

МАРѲА.

Онъ мой сынъ!
Я узнаю его по этимъ знакамъ,
Его по страху твоего Царя

Я узнаю. То онъ! онъ живъ, онъ близокъ!
Долой съ престола, хищникъ! трепещи!
Внукъ Рюрика воскресъ! идетъ наслѣдникъ,
Царь истинный, и требуетъ отчета!

ПАТРІАРХЪ.

Безумная! ты знаешь ли сама
Что́ говоришь? о комъ?

МАРѲА.

Пришелъ день мести,
Возстановленья день! изъ ночи гроба,
Исторгнута невинность дланью Божьей!
Надменный Годуновъ, мой злѣйшій врагъ,
Ползетъ у ногъ моихъ, прося пощады!
О вы сбылись, желанія мои!

ПАТРІАРХЪ.

Ты до того ль ослѣплена пристрастьемъ?...

МАРѲА.

Онъ до того ли страхомъ ослѣпленъ,
Что отъ меня спасенья ожидаетъ?
Пощады отъ меня, такъ безгранично
Обиженной? — Отвергнуть сына мнѣ,
Котораго изъ гроба вызываетъ
Мнѣ чудомъ Богъ? — Кому — ему въ угоду?
Ему, убійцѣ рода моего?
Виновнику всѣхъ мукъ моихъ безмѣрныхъ?
Его щадя, отброшуль я отраду,
Въ моемъ глубокомъ горѣ наконецъ,
Какъ Божій судъ, мнѣ посланную свыше?...

— Нѣтъ! нѣтъ! меня ты выслушаешь... нѣтъ!
Я не пущу тебя; ты здѣсь! ты мой!
О наконецъ могу дать волю гнѣву,
И на врага излить въ душѣ глубокой
Накопленный, давно таимый ядъ!

Кто заключилъ меня въ сей гробъ живыхъ,
Съ біеньемъ жаркимъ сердца молодаго,
Съ могучими порывами души?
Кто отъ груди мнѣ сына оторвалъ,
Своихъ убійцъ послалъ, его зарѣзать?
О! словъ нѣтъ для того, что я терпѣла,
Когда средь длинной, свѣтлозвѣздной ночи,
Я по слезамъ своимъ часы считала!
Вотъ жданный день, день грозный воздаянья!
Губителя могу я погубить!

ПАТРІАРХЪ.

Ты думаешь, что ты Царю страшна?

МАРѲА.

Въ моей онъ власти; слово устъ моихъ,
Единое, рѣшитъ его судьбу!
Вотъ почему Борисъ тебя прислалъ.
Россія вся, вся Польша на меня
Глядитъ теперь. Пришельца объяви
Моимъ я сыномъ, сыномъ Іоанна,
И все ему покорствуетъ, — онъ Царь!
Отвергни я его, — и онъ погибъ! —
Комужь на умъ придетъ, что мать, какъ я —
Обиженная мать отвергнетъ сына,
Врагамъ своимъ, его убійцамъ въ пользу?
Мнѣ стóитъ слово, чтобъ весь міръ его
Обманщикомъ назвалъ. — И это слово
Ты выпросить пришелъ; услугу эту
Я Годунову оказать могу.
Не правда ли?

ПАТРІАРХЪ.

Отечеству всему
Ее окажешь ты: спасаешь царство
Отъ бѣдствія войны, сказавши правду

Не сомнѣваешься ты въ смерти сына,
И ты грѣха на совѣсть не возмешь.

МАРѲА.

Шестнадцать лѣтъ о немъ лила я слезы,
Но гробъ его я не открыла. Гласу
Всеобщему, и горю моему
Я вѣрила; всеобщему же гласу
Я вѣрю нынѣ, и моей надеждѣ.
Преступно было бы, сомнѣньемъ дерзкимъ
Поставить грань непостижимой Власти.
Но сердца моего не будь онъ сыномъ,
Онъ будетъ сыномъ мщенья моего!
Его отсель усыновляю я,
Рожденнаго мнѣ правосуднымъ Небомъ.

ПАТРІАРХЪ.

Несчастная! могучему дерзаешь
Противиться? и въ отдаленной кельѣ
Не спасена отъ Царской ты руки.

МАРѲА.

Убить меня онъ можетъ: голосъ мой
Онъ можетъ заглушить въ тюрьмѣ, иль въ гробѣ,
Чтобъ не гремѣлъ онъ въ мірѣ: въ этомъ властенъ
Борисъ; но говорить меня заставить
Чего я не хочу, — въ томъ онъ не властенъ;
Того свершить не можетъ; — онъ ошибся.

ПАТРІАРХЪ.

Обдумай все; не съ лучшимъ ли отвѣтомъ
Мнѣ отъ тебя назадъ идти къ Царю?

МАРѲА.

Надѣйся онъ на Бога, если смѣетъ,
И на любовь народа, если можетъ.

ПАТРІАРХЪ.

Прости жь! — Бѣду себѣ ты избрала;
За шаткую хватаешься надежду,
Погибнешь ты съ опорою своей.

К. Павлова.

Ноябрь, 1840.

XI.

ДЕСЯТЪ НЕИЗВѢСТНЫХЪ СТИХОВЪ ПУШКИНА.

Эти стихи удержались въ моей памяти изъ одного стихотворенія, которое Пушкинъ читалъ мнѣ на изустъ въ Петербургѣ въ 1828 году, и которое онъ хотѣлъ назвать, кажется, *Осеннее чувство*. М. П.

.....
Какъ быстро въ полѣ, вкругъ открытомъ,
Подкованъ вновь, мой конь бѣжитъ!
Какъ звонко подъ его копытомъ
Земля промерзлая стучитъ!
.....
Какъ онъ взвился ретивый, смѣлый
Черезъ потокъ оледенѣлый!
.....
Полезенъ Русскому здоровью
Нашъ укрѣпительный морозъ.
Ланиты жарче вешнихъ розъ
Играютъ холодомъ и кровью.
.....

XII.

ГРОЗА.

Мглою огненно-зыбучей
Вдругъ одѣтъ небесный сводъ:
Кто его стопой могучей
Попираетъ и гнететъ?
Грудь, раздвинься! Сердце, шире!
Къ намъ нисходитъ Саваоѳъ,
Въ ужасающей порфирѣ
Молній, мрака и громовъ.

* *
*

Это Тотъ, подъ Кѣмъ дымился,
Трясся нѣкогда Хоривъ,
Кто Израилю явился
Безпощаденъ и ревнивъ;
Кто вѣщалъ среди тревоги
Бурныхъ тучь, огонь клубя:
«Я твой Богъ, иные боги
Да не будутъ у тебя!»

* *
*

Это Древній, Кто обильно
Сыплетъ вѣрнымъ благодать....
Мы ль откажемся безсильно
Богу страшному внимать?
О, ревите бури, громы,
Повторяйте рѣчь Творца!
Да возлюбимъ одного мы,
Не сольемъ себѣ тельца!

Милькѣевъ.

МѢСЯЦЪ ВЪ ПАРИЖѢ.

(изъ дорожнаго дневника 1839).

2-е Мая.... Черезъ длинный паркъ, въ которомъ не слыхать уже было звонкихъ роговъ, ни веселыхъ кликовъ охоты, пріѣхали мы въ Фонтенбло. Узнали, что вчера въ Парижѣ было все спокойно. Ну — слава Богу! Забывъ о голодѣ, усталости и нестерпимомъ жарѣ, побѣжалъ я, вмѣсто обѣда, съ двумя старыми Француженками, нашими спутницами, осматривать дворецъ. Сторожъ указалъ намъ квартиру смотрителя. Его не было дома. Насъ попросили идти къ крыльцу, куда тотчасъ обѣщали прислать и проводника, очень учтиво и привѣтливо.

Тихо шелъ я по обширному пустынному двору, и воображалъ ту минуту, какъ прощался здѣсь Наполеонъ съ своею гвардіей. Старые гренадеры, вѣрные спутники его побѣдъ, которые тысячу разъ шли за него на смерть, дѣлили съ нимъ всѣ труды и опасности, на Альпахъ и Пиренеяхъ, у Пирамидъ и въ Кремлѣ, лишались его здѣсь на вѣки, и должны были идти отсюда къ присягѣ—Бурбонамъ! Что за происшествія — ужь теперь они кажутся миѳами! Какое соединеніе именъ и понятій: Наполеонъ въ чертогахъ Людовика XIV!

Служитель догналъ, и мы попросили его провесть насъ скорѣе въ ту комнату, гдѣ Наполеонъ подписалъ свое отреченіе. Вотъ и знаменитый столъ! Сколько думъ прошло чрезъ его голову! Чего не перечувствовало его сердце! Каково было узнавать ему здѣсь, какъ его первые слуги и наперсники — Бертье, Мармонъ, Ожеро, измѣняли ему одинъ за другимъ, и онъ, по выраженію Вальтеръ-Скотта, оставался одинъ, какъ старый дубъ, съ котораго осенью слетаютъ всѣ листья.

Послѣ этой комнаты, не было духа останавливаться ни у Карла VII, ни у Франциска I, ни у Людовика XIV. Впрочемъ и надо было торопиться въ дилижансъ. Мы обѣжали дворецъ. Всѣ стѣны увѣшаны картинами, представляющими Французскую исторію, — даже маловажныя происшествія здѣсь увѣковѣчены. А изъ Русской Исторіи, увы, я не видалъ у насъ ни одной картины, ни въ Москвѣ, ни въ Петербургѣ.

Чѣмъ болѣе приближались мы къ Парижу, тѣмъ нетерпѣніе увеличивалось. По Сенѣ виды хороши. Признаюсь, я былъ неспокоенъ, почти въ смятеніи. Мысль, что я сей часъ увижу Парижъ, о которомъ съ молодыхъ лѣтъ столько слыхалъ, читалъ, думалъ, производила особое дѣйствіе. Такова сила воображенія.

Наконецъ вотъ и Парижъ....

Городъ какъ городъ, а все еще не вѣрится мнѣ, что я въ Парижѣ.

Мы тащились долго длинными, узкими и кривыми улицами, и наконецъ дотащились до конторы дилижансовъ, въ улицѣ Montmartre. Эта контора — площадка подъ открытымъ небомъ, среди четвероугольнаго строенія, которое въ нижнемъ этажѣ состоитъ почти все изъ дверей — въ настоящія конторы. Надъ ними огромными буквами надписи: Бордо, Брестъ, Кале, Тулуза, Марсель, Стразбургъ, Мадритъ, Бриссель, Франкфуртъ, Женева, Миланъ, — почти вся Географія. Дилижансы отправляются отсюда ежеминутно во всѣ города Европейскіе. Вотъ и начинаются Парижскія явленія!

Тѣснота, суета. Выносятъ вещи, перекликаютъ, разсчитываются. Того и гляди, пропадетъ что нибудь; коекакъ накидали мы свои пожитки къ уголку. Ну не странно ли, что, при такомъ обширномъ сообщеніи и такомъ множествѣ пассажировъ, управленіе не найдетъ себѣ приличнаго помѣщенія! Никакого удобства для путешественниковъ, которымъ присѣсть не-гдѣ, которые должны

складывать свои вещи просто на мостовую, въ нечистотѣ. Осыпали предлагатели квартиръ. Жена осталась беречь пожитки, а я пошелъ искать пріюта. Все занято. Проводники съ почты вѣрно на жалованьѣ у извѣстныхъ хозяевъ, и водятъ нарочно только туда, гдѣ нѣтъ мѣста, дабы путешественники возвращались къ ихъ патронамъ. Предосадно.

Чтобъ отдохнуть скорѣе, потому что начинало смеркаться, я рѣшился взять двѣ дряпныя комнаты, подлѣ дилижансовъ, за девять франковъ въ сутки... Скверная лѣстница, такая же мебель, всѣ вещи,—лишь только фразы великолѣпныя. Кое какъ перетащились, перекусили, и, утомленные, скорѣе спать.

3. Проснувшись рано, подошелъ я къ окну, или оконцу—взглянуть на свою улицу. Все еще пусто. Нѣсколько мальчишекъ, стариковъ, старухъ, оборванныхъ и ощипанныхъ, съ крошнями за плечами, разсыпано вдоль ея. Они стоятъ передъ кучами сора, выброшеннаго изъ домовъ, разбираютъ острыми крючками своими, вонзаютъ ихъ во всякую вещь, которая имъ годится: грязную тряпку, суконный лоскутокъ, какую нибудь бичевку, и однимъ и тѣмъ же движеніемъ закидываютъ къ себѣ за спину, не отводя глазъ отъ кучи. Все это производится въ одно мгновеніе съ удивительною ловкостію, проворствомъ и знаніемъ дѣла. Кусочки желѣза, стекла, фаянса, подбираются руками. Лишь только одна кучка разберется, изыскатель спѣшитъ къ другой; а куча лопатами подгребается и сваливается въ фуру, которая между тѣмъ тихо ѣдетъ по улицѣ и вывозитъ всю нечистоту изъ города. Этотъ классъ промышленниковъ очень многочисленъ, какъ я увидѣлъ послѣ. Что-то они вырабатываютъ въ день?

Позавтракавъ, отправился съ Гоголевымъ письмомъ ис-

кать Д., чтобъ посовѣтоваться съ нимъ о квартирѣ, ибо оставаться на нашемъ чердакѣ было бы несносно.

Народъ такъ и кишитъ. Его кажется тѣмъ больше, что улицы, по коимъ шелъ я, очень тѣсны. Столбы, углы, стѣны улѣплены афишками. Есть пресмѣшныя: «Открытіе — чудо химіи! Львиная помада: въ мѣсяцъ выростутъ волосы, бакенбарды, усы, брови. Отвѣтственность безпрекословная. Остерегаться поддѣлки!» «Весь Парижъ за шесть гривенъ!» «Алжирскія бани!» «Средства отъ лишаевъ! Отъ чего бываютъ еще лишаи? отъ того, что лекарства и проч.... Наша метода считаетъ успѣхи тысячами.» «Молоко Гебы—предупреждать и изглаживать морщины.»

Отыскалъ Д. и договорился съ его хозяйкою. За комнату, отлично умеблированную, въ лучшей части города, почти подлѣ бульвара, противъ театра Италіанцевъ, въ третьемъ этажѣ, но по прекрасной лѣстницѣ, 60 франковъ съ прислугою (съ небольшимъ 50 руб.) въ мѣсяцъ. Отсюда близко все: Палерояль, Королевская Библіотека, Тюльери, Théatre Français, Variétés, Vaudeville, Опера большая и малая, Théatre du Gymnase, de la Renaissance. Видъ изъ оконъ правда не хорошъ — обгорѣлыя стѣны Théatre des Italiens, за то видна часть бульвара! — Перевезлися.

Ходилъ смотрѣть Палерояль. Мы шли по улицѣ Ришелье. Вотъ Королевская Библіотека. На мѣстѣ этого пустыря стояла опера, сломанная послѣ убійства Герцога Берри. Всѣ нижніе этажи домовъ заняты магазинами. Спутникъ мой не давалъ мнѣ останавливаться передъ ними, таща меня скорѣе въ Палерояль.

Вотъ и Палерояль, т. е. мы очутились вдругъ на обширномъ дворѣ, съ аллеей деревьевъ и фонтаномъ, въ четвероугольникѣ высокихъ палатъ. Издали Палерояля не видать, онъ весь застроенъ. Наружность не привлекательна. Внутри только онъ является во всемъ своемъ величіи. Я остановился подъ деревомъ, разумѣется не подъ тѣмъ, съ котораго Камиль Демуленъ сорвалъ первую кокарду.

Да его уже и нѣтъ. Всѣ деревья молодыя: здѣсь видно ничто не удерживается на долго.

Не тѣ уже воспоминанія возбуждаетъ въ путешественникѣ Палерояль, какъ во время Карамзина. Революція вытѣснила прежнія. Другія времена, другіе интересы!

Нижній этажъ по всему квадрату занятъ лавками и магазинами, гдѣ всѣ возможныя вещи, начиная отъ первыхъ требованій нужды, до изящнѣйшихъ и богатѣйшихъ произведеній роскоши и прихоти, блестятъ въ глаза изумленному путешественнику. Здѣсь все есть. Въ полчаса Ивану Никифоровичу изъ натуры Гоголевой можно нарядиться на балъ, хоть въ Тюльери. Лишь только бы деньги. Деньги, деньги — вотъ Альфа и Омега Палерояля. Объ деньгахъ здѣсь дума, объ деньгахъ забота, и ни объ чемъ болѣе. Къ деньгамъ устремлены всѣ мысли, желанія, рѣчи, движенія, ухищренія. Для денегъ краснорѣчіе, чувствительность, все напряженіе ума, вся изобрѣтательность воображенія. Что за суета, что за толкотня! Въ верхнемъ этажѣ множество ресторацій и квартиръ. Развратностей прежняго рода, говорятъ, уже нѣтъ въ Палероялѣ: послѣ Іюльской революціи надзоръ за публичнымъ благочиніемъ сталъ строже. Галлереи магазиновъ прелестны, особенно широкой пассажъ подъ стекляннымъ навѣсомъ, близъ дворца. Ночью же, освѣщенный, при множествѣ стеколъ и зеркаловъ и лампъ и ревербероръ, — это просто очарованіе. Подумаешь, что попалъ какъ нибудь къ Феямъ въ гости, не вѣришь себѣ, и хочешь усомниться съ К., полно живъ ли я, не брежу ли я воснѣ? И точно, начинаешь бредить. Врагъ всякой роскоши, не могши смотрѣть безъ отвращенія ни на какую безполезную вещь, я останавливался здѣсь предъ магазинами, какъ вкопаный, и смотрѣлъ разиня ротъ по нѣскольку минутъ. Расположеніе вещей, этотъ порядокъ, или искусственный безпорядокъ — стихи, поэма. И всякой день эта поэма измѣняется: поутру ходятъ по магазинамъ особые

люди, съ знаменитымъ вкусомъ, которые за извѣстную плату перемѣняютъ расположеніе, раскладываютъ вновь всѣ матеріи, платки, шали, то набрасываютъ ихъ какъ будто кучами, то составляютъ изъ нихъ разныя фигуры, звѣзды, круги, то вывѣшиваютъ длинными полотнищами, то укладываютъ въ тонкихъ складкахъ, чтобъ усладить зрѣніе легкими переходами цвѣтовъ, по всѣмъ оттѣнкамъ отъ одного къ другому, представить картины. А издѣлія бронзовыя, накладнаго серебра, искусственныхъ драгоцѣнныхъ камней,—и блестятъ, и сверкаютъ, и сіяютъ, и горятъ. Ну правъ, можно сдѣлаться зѣвакой. Въ другомъ магазинѣ видите вы тысячи фраковъ, тысячи сюртуковъ, пальто, жилетовъ также всѣхъ цвѣтовъ...

Палерояль—это представитель Парижа. Здѣсь все есть, что нужно Парижанину: кофейная, ресторація, бульваръ, театръ, магазины и газеты.

Бѣгомъ, бѣгомъ побѣжалъ я изъ Палерояля, прося своего спутника указать мнѣ какой нибудь садъ для отдохновенія,—и онъ привелъ меня въ Тюльери.

Новое очарованіе. Садъ огромный, или лучше роща изъ высокихъ, высокихъ широколиственныхъ каштановъ, которые навѣваютъ прохладу въ жаркой полдень. Не угодно ли сѣсть? Два су за стулъ. Стульевъ насыпаны горы. Тысяча дѣтей, прекрасно одѣтыхъ, бѣгали, кружились и играли во всякія игры; матери и нянюшки сидѣли на стульяхъ съ своими работами. Живая, пестрая, игривая картина! Шумъ, смѣхъ, веселье! Цвѣтникъ отдѣляетъ эту рощу отъ Тюльерійскаго темнаго дворца. Подалѣе располагаются мужчины — одни сидятъ просто ничего не дѣлая, другіе, и большая часть, читаютъ газеты, которыя предлагаются изъ будочекъ, разсыпанныхъ по рощѣ. Здѣсь вы можете спрашивать себѣ какіе угодно журналы, копѣекъ за восемь.

Я ушелъ на другой конецъ рощи, и сѣлъ на лавочку. У просѣки, которая открываетъ видъ дворцу чрезъ цло-

щадь, Поля Елисейскія, улицу Нельи, вплоть до Тріумфальныхъ воротъ, и дороги въ Сен-Жермень. Передо мною эта знаменитая площадь Людовика XV, названная послѣ площадью Революціи, ибо здѣсь добрый Людовикъ XVI, достойный лучшей участи, кончилъ жизнь свою на эшафотѣ, когда народъ, въ пылу страстей, разъяренный, подобно бурному потоку исторгся изъ предѣловъ человѣчества, и только кровью могъ утолять свою жажду. Нынѣ она называется площадью Согласія (place de la Concorde). На долго ли! По срединѣ стоитъ теперь Египетскій обелискъ, покрытый гіероглифами. Желалъ бы я знать, какой надписи случилось означать это окровавленное мѣсто, на которое удивительная судьба принесла памятникъ изъ пустынь Африканскихъ! На лѣво за мостомъ чрезъ Сену Палата Депутатовъ. Отдохнувъ, я прошелся тихими шагами по площади, погруженный въ размышленія историческія. Вси вземше ножъ ножемъ и погибнутъ. Чудовище революціи пожрало само себя: герои ея истреблены *другъ другомъ*. Явилось новое поколѣніе на жатву съ кроваваго поля.

Площадь превосходная, гладкая какъ паркетъ, устланная вся асфальтомъ, въ прекрасныхъ правильныхъ узорахъ, составляющихъ огромный рисунокъ. По сторонамъ колоссальныя статуи главныхъ городовъ Франціи, съ эмблематическими аттрибутами: Марсель, Бордо, Стразбургъ, Лиль. Экипажи разъѣзжаютъ по всѣмъ направленіямъ. Этотъ разъѣздъ экипажей, самъ по себѣ, производитъ особое впечатлѣніе, какого нигдѣ получить нельзя. Безъ всякаго сомнѣнія эта площадь есть первая въ Европѣ, если нашу Петербургскую передъ Зимнимъ дворцомъ, съ Александровской колонной и Штабомъ, почесть второю, или вторая, если назвать первою нашу. Справедливѣе—это двѣ первыя площади въ Европѣ.

Усталый, насилу дотащился я домой. Имена улицъ новыя: есть ужъ Алжирская.

Чрезъ часъ отправился обѣдать съ женою, которая между тѣмъ нѣсколько отдохнула. Нашъ обѣдъ въ хорошей ресторацiи подлѣ биржи, стоилъ не больше пяти рублей, съ виномъ. Послѣ обѣда я показалъ ей Палерояль и Тюльери, и повторилъ на просторѣ свои утреннiя впечатлѣнiя.

Ввечеру забрелъ на полчаса въ театръ Палерояль,—мѣсто стоитъ рубль,—но уже нѣтъ силъ записывать. До другаго спектакля.

Взялъ вечернюю газету Vert-vert. Вотъ и здѣсь жалоба на безпрестанную перемѣну именъ улицамъ, по поводу названiя одной изъ нихъ Кювье: «Въ Парижѣ безпрестанно прорѣзываются новыя улицы,—вотъ имъ бы надо давать имена великихъ мужей. Было бы два города въ Парижѣ, два брата и друга, представляющiе прошедшее и настоящее. Иначе нарушается гармонiя частей. Городъ есть книга, въ коей всякая улица занимаетъ страницу. Будемъ прибавлять новые листы, но не станемъ вырывать старыхъ.»

4. Завтракать въ Café. Кофейныя—превеликолѣпныя, и по нѣскольку рядомъ. Какъ имъ поддерживаться при такомъ совмѣстничествѣ? Стѣны зеркальныя, диваны, кушетки, стулья обиты бархатомъ, столы съ мраморными досками. Журналовъ разсыпано, кажется, сотни. Зачитаешься нехотя. Кофе очень хорошъ, и нашъ вкусъ, испорченный въ Италiи, исправился. Сливокъ все еще нѣтъ, за то свѣжее цѣльное молоко, прекрасно вскипяченное. Чашки въ родѣ нашихъ полоскательныхъ, и безъ ручекъ, съ столовыми ложками. Что городъ, то норовъ! Хорошiй завтракъ стоилъ двоимъ меньше полтора рубля.

Между-министерiе занимаетъ всѣ умы. Никакъ не могутъ набрать министровъ, хоть и много охотниковъ. Насилу ото-

рвался отъ газетъ. Хочется знать, что говорятъ доктринеры, что думаетъ Тьеръ, что толкуетъ Одильонъ-Баро.... Цѣлые четыре мѣсяца, среди развалинъ Римскихъ, не читавъ газетъ, я не зналъ, что противъ Моле была ужасная коалиція, что Тьеръ подавалъ руку Берье, а Гизо дѣйствовалъ за одно съ Лафитомъ и Одильономъ-Баро, и что министерство было низвергнуто, а теперь никакъ не можетъ составиться новое: toutes les combinaisons echouèrent.

И въ самомъ дѣлѣ, какъ можетъ оно составиться, если разсуждать по нашему просто. Прежнее министерство имѣло большинство, хотя и незначительное, которое одобряло его дѣйствія, и потому должно сдѣлаться оппозиціей новому министерству, низвергшему прежнее, слѣдовательно всякое новое министерство не можетъ надѣяться имѣть болѣе приверженцевъ. Это разъ, а потомъ, — какимъ образомъ сохранится и та половина, которая совокупилась такъ искусственно, такъ насильственно; можетъ ли Берье остаться на долго съ Лафитомъ, или Гизо съ Могенемъ? Гдѣ же достать большинство? Чтобъ разрушить—коалиціи легки у Французовъ; чтобъ создать—нѣтъ никакого согласія, и всякой хочетъ по своему.

Теперь толкуютъ всѣ объ адресѣ Могеня къ Королю, просить его о прекращеніи министерскаго кризиса. Но развѣ Король не хочетъ министерства!

Пришелъ къ намъ докторъ, рекомендованный Д., молодый человѣкъ, очень любезный. Онъ успокоилъ меня и жену, и позволилъ ей ѣхать завтра въ Версаль, гдѣ будутъ играть воды, т. е. бить фонтаны, въ честь Королевскаго рожденья, бывшаго 1 Маія.

Думалъ было сходить въ Палату Депутатовъ, но собраніе, говорятъ, незанимательное.

Визитъ къ портному, котораго насилу могъ уговорить,

чтобъ онъ сшилъ мнѣ платье не по модѣ. Никакъ не могъ онъ понять, чтобъ можно было дѣлать новое платье, не такое, какое носятъ всѣ. Здѣшніе сюртуки теперь почти куртки съ короткими рукавами. Извольте же нарядиться такимъ шутомъ. Да совѣстно будетъ вспомнить о своихъ студентахъ. Я долженъ былъ торговаться съ нимъ о всякомъ вершкѣ. «Такъ ли?»—«Нѣтъ, нѣтъ, длиннѣе.» — «Ну вотъ такъ?»—«Длиннѣе, длиннѣе.»—«Помилуйте—длиннѣе этого никакъ уже нельзя.» — «Длиннѣе; закричалъ я съ сердцемъ. «Извольте—вотъ такъ; иначе уже не возможно, уже не возможно.»—«Коротко.»—«Я не берусь, я не могу. «Ну такъ я пойду къ другому портному. Прощайте.»—«Но что вы хотите сдѣлать съ собою? Это не возможно. Послушайтесь меня. Увѣряю васъ. Вы будете довольны.» Съ жилетомъ началась таже исторія, такъ что мнѣ надоѣло, и я убѣжалъ, велѣвъ сшить только поскорѣе. А это еще Нѣмецъ, и живетъ въ 6 этажѣ! Написалъ письма домой. Сходилъ на почту, на улицѣ Жан-Жака Руссо. Вотъ здѣсь онъ жилъ въ уединеніи и неизвѣстности, и писалъ или обдумывалъ первыя свои сочиненія.

Для poste restante особое отдѣленіе, или лучше каморка. Чиновникъ посмотрѣлъ на мой паспортъ, перебралъ всѣ полученныя письма, и отвѣчалъ, что на мое имя нѣтъ. — Непремѣнно должно быть, возразилъ я ему; позвольте справиться мнѣ самому. Онъ подалъ кучу и я тотчасъ нашелъ. «Это не къ вамъ,» сказалъ чиновникъ. Какъ не ко мнѣ? «Ваше имя написано въ паспортѣ Pogodine, а на письмѣ Pagodine; въ паспортѣ прибавлено de, а на письмѣ нѣтъ этой частицы; въ паспортѣ есть имя Michel, а въ адресѣ оно не поставлено. La différence est trop grande, monsieur, сказалъ онъ въ заключеніе, и взялъ отъ меня всѣ письма. Напрасно я доказывалъ ему, что *o* и *a* часто смѣшиваются по причинѣ одинакаго произношенія, что за de мы не гоняемся, и что эта частица не имѣетъ у насъ значенія, что лишнее имя зависитъ отъ произвола. Чиновникъ

никакъ не хотѣлъ согласиться, и пошелъ съ своимъ недоумѣніемъ къ начальнику. Чрезъ минуту является начальникъ, и предлагаетъ мнѣ слѣдующее рѣшеніе: распечатайте письмо, и посмотрите подпись; если вы подтвердите, что это имя вашего корреспондента, то мы повѣримъ вашему честному слову и отдадимъ вамъ письмо; если же нѣтъ, то вы засвидѣтельствуйте на пакетѣ, что распечатывали его съ нашего согласія, по такой-то причинѣ. Я поблагодарилъ, распечаталъ, подтвердилъ, что письмо точно ко мнѣ, и получилъ его. Какова точность и вмѣстѣ какова любезность!

Въ три часа отправился обѣдать въ другую гостинницу. Было очень много народу въ тѣсныхъ комнаткахъ на верху. Прислуживали двѣ дѣвушки, которыя бѣгали какъ угорѣлыя. Marie! Louise! la soupe! une portion de boeuf! boeuf au naturel! Une bouteille de vin! Riz au lait! boeuf aux pommes! Мнѣ стало жалко страдалицъ. И онѣ все помнятъ, вездѣ поспѣваютъ, все подаютъ съ умильнымъ видомъ! Улыбка не сходитъ съ ихъ устъ. Къ концу обѣда молодежъ, примѣчаю я, начинаетъ и вольничать. Скорѣе вонъ. Обѣдъ сталъ съ небольшимъ 2 фр., блюда за 4.

Не успѣлъ отдохнуть, какъ уже пора въ театръ водевиля. Играли Phoebus, ecrivain public, и la Canaille, ужъ въ которой разъ. Здѣсь такое обыкновеніе: піесы повторяются безпрестанно, пока надоѣдятъ и пересмотрятся всѣми. Это очень накладно для путешественниковъ, которые осуждены видѣть лучшихъ актеровъ раза по два въ мѣсяцъ неболѣе; а Парижскіе зрители приходятъ всякой разъ новые. Ни въ Фебѣ, ни въ Канальѣ, которыя теперь въ модѣ нѣтъ ни складу, ни ладу, невѣроятность на невѣроятности, а забавно, смѣшно, есть сцены совершенно національныя. Но что за нравы, что за характеры! Въ иныхъ мѣстахъ по неволѣ отворотишься отъ сцены. О Расинъ, Расинъ,

и ты строгой Буало, что сказали бы вы, видя этихъ уродовъ на сценѣ, вами такъ убранной и очищенной! Что почувствовали бы вы, слыша восторгъ и рукоплесканія публики на такія нелѣпости? Куда дѣвался вашъ вкусъ! Верне, игравшій писаря, превосходный актеръ, — тьма натуры! До сихъ поръ слышится мнѣ восклицаніе его: «jeune homme, jeune homme,» когда бросился онъ въ погоню изъ за своего прилавка за офицеромъ, который приходилъ къ нему писать просьбу, и ушелъ не заплативъ денегъ. Или какъ принялся онъ ѣсть изъ корзины у одной торговки, просившей его совѣта! Чувствуешь, что онъ именно голоденъ, чувствуешь, какъ ему нравится этотъ сыръ, этѣ булки. Правда, это вещи не мудреныя, коими и обыкновенный актеръ насмѣшить можетъ, но не такъ какъ Верне. Прочіе—посредственности, кромѣ Одри. Я думалъ о нашемъ Щепкинѣ. Путешествіе хорошему актеру-художнику необходимо. Всякой народъ имѣетъ свои жесты, свои ударенія въ голосѣ, особые пріемы при слушаніи, при разсказѣ, при отвѣтѣ, въ возраженіяхъ, перерывахъ. Всѣми ими можно воспользоваться, и сколько бы разнообразія было пріобрѣтено! Искусство съ этой стороны развито здѣсь очень. При томъ Французы и по природѣ прекрасные комическіе актеры. Какая богатая мимика у Италіанцевъ! Я думаю, что актеру полезно не только посѣтить знаменитые театры и посмотрѣть хорошихъ актеровъ, но даже потолкаться въ простомъ народѣ всѣхъ націй, подслушать ихъ звуки, подсмотрѣть ихъ движенія. Искуство должно учиться у природы. Я останавливался съ большимъ удовольствіемъ смотрѣть на разныя народныя сцены, особенно въ Италіи.

Нумера наши въ ложахъ, очень хорошіе, стоили съ небольшимъ 4 рубля. Мѣста капельдинеровъ занимаютъ здѣсь дѣвушки и женщины, которыя съ чулкомъ, или другою работою въ рукахъ, разводятъ по мѣстамъ, давая тонко знать всякому, что онѣ выбираютъ для него самое

лучшее мѣсто, гдѣ будетъ ему все видно и слышно. Дамамъ тотчасъ вызываются принесть скамеечку. Ну какъ не дать двухъ су? Книксенъ и мерси съ особеннымъ протяженіемъ послѣдняго звука, а деньги въ передникъ.

Лишь только опустится занавѣсъ между дѣйствіями, какъ изъ всѣхъ дверей высунутся разнощики, и пойдутъ ходить между стульями, и даже по стульямъ, и кричать ужаснымъ несноснымъ голосомъ, точно какъ удавленные. Moniteur, journal du soir! Entr'acte, gazette et programme. Это афишки съ именами дѣйствующихъ лицъ и актеровъ, которые помѣщаются подъ чертою, а сверху дневныя новости, повѣсти, легкія разсужденія, анекдоты. Отовсюду протягиваются руки съ тремя су за нумеръ. Надо видѣть, какъ оборачиваются во всѣ стороны глаза этихъ разнощиковъ. Лучше всякой лягавой собаки они видятъ своихъ покупателей, вблизи, вдали, продираются черезъ всякую толпу, перелѣзаютъ чрезъ нѣсколько рядовъ, по стульямъ, по лавкамъ, въ какомъ-то безпамятствѣ.... неистовствѣ, точно какъ наши извощики, завидя сѣдока; имъ ни дочего нѣтъ дѣла, pardon, pardon; и настигаютъ того, кого имъ надо. Вы не успѣете за ними слѣдовать — въ эту минуту слышите его въ партерѣ, въ слѣдующую онъ уже на балконѣ, потомъ опять въ партерѣ или ложѣ. Только что дикіе звуки раздаются въ ушахъ безпрестанно.

Вечернихъ журналовъ расходится множество. Почти всякой зритель почитаетъ обязанностію купить листокъ, и всѣ примутся читать до поднятія занавѣса. Въ нынѣшнемъ нумерѣ презабавное извѣстіе: «съ 15 Іюля изъ водянаго заведенія на улицѣ Лавандьеръ будутъ разсылаться по всѣмъ направленіямъ висячія бани на двухъ колесахъ. Эти бани въ кабріолеткахъ, называемыя путешественницами, можно употреблять на ходу и на мѣстѣ. Воды, губокъ, сапожныхъ крючковъ, будетъ сколько угодно.

Принимается разсылка и въ Департаменты. Письмо должно афраншировать.»

5. Омнибусъ о пятнадцати мѣстахъ отправляется въ Версаль всякую четверть часа. Каково движеніе! Но мѣста на всякій отъѣздъ записаны были еще наканунѣ. Мы долго искали особаго экипажа, и не находили. Наконецъ кое-какъ удалось достать коляску о четырехъ мѣстахъ за 30 фр., и мы отправились. съ Ш. и Д. Вся дорога усыпана экипажами, которые взадъ и впередъ сновали какъ будто основу. Въ Сен-Клу (8 верстъ) зашли въ гостинницу перекусить, и мимоѣздомъ взглянули на Севръ.... Черезъ два часа мы были уже въ Версали (18 верстъ).

По обѣимъ сторонамъ бульвара ярморка, въ родѣ нашихъ мелочныхъ: на землѣ разложены простые товары, и продавцы зазываютъ покупателей. Арлекины смѣшили народъ. Шумъ и гамъ.

Мы поспѣшили ко дворцу. Обширный дворъ уставленъ, вокругъ героя Версали, Лудовика XIV, колоссальными статуями великихъ людей Франціи — Дюгесклена, Тюреня, Принца Конде, Лана, Массены и проч. На фронтонѣ большими буквами высѣчено: A toutes les gloires de la France! Личность уважена, заслугѣ воздана честь! У меня забилось сердце: неужели у насъ некого помянуть добромъ, неужели у насъ не было великихъ людей! Неужели Россія, это огромное зданіе, какому свѣтъ не видалъ еще подобнаго, выстроилось само собою внезапно, и не было ни работниковъ, ни архитекторовъ! Мы, мы виноваты, что мало заботимся объ ихъ исторіи, не выставляемъ наружу ихъ знаменитыхъ дѣяній, не изслѣдуемъ ихъ характеровъ, и они тлѣютъ вмѣстѣ съ нашими хартіями, неизвѣстные неблагодарнымъ потомкамъ и свѣту. Кто первый представился мнѣ въ моемъ воображеніи — священникъ Сильвестръ, путеводитель Іоанна Грознаго, въ лучшіе годы его царствованія, потомъ Св.

Ѳеодосій, Св. Сергій.... Ломоносовъ, Карамзинъ — и я не видалъ уже тутъ ни Конде съ его обнаженною шпагою, ни Канцлера Опиталя со свиткомъ въ рукахъ. Мнѣ представлялись на ихъ пьедесталяхъ другія лица.

Ходя по длиннымъ заламъ Версальскаго дворца, имѣя предъ глазами всю Французскую Исторію, въ картинахъ, статуяхъ и бюстахъ, я все думалъ о Русскихъ. Да, много есть у насъ людей замѣчательныхъ, оригинальныхъ, истинно достойныхъ, хотя они и другаго характера, нежели западные. Вотъ за что люблю я Французовъ. Что потеряно у нихъ въ Исторіи? Какая черта не замѣчена? Какой подвигъ не получилъ себѣ сладкой награды въ общественной признательности? Послушайте этихъ простолюдиновъ, которые останавливаются толпами предъ всякою картиною, и разсуждаютъ о всякомъ лицѣ. Они знаютъ всѣ свою Исторію, и національная гордость ихъ получаетъ безпрестанно благородную пищу. Вотъ короли, полководцы, вотъ писатели, министры, художники. Картины представляютъ лучшія минуты изъ жизни каждаго. Французы готовы перехвалить, чѣмъ не дохвалить,— а мы на оборотъ: мы въ солнцѣ хотимъ отыскивать темныя мѣста.

Потоки народа, по большой части простаго, разливались во всѣхъ залахъ. Входъ свободный вездѣ по самымъ великолѣпнымъ королевскимъ комнатамъ, гдѣ блестятъ золото, бронза, хрусталь, и богатыя паволоки. Оффиціанты въ нарядныхъ ливреяхъ учтиво указываютъ дорогу, приглашаютъ сѣсть усталыхъ. Впрочемъ намъ стало душно, и мы, не досмотрѣвъ всѣхъ залъ, поспѣшили въ садъ.

Народу было и тамъ видимо не видимо, — по всѣмъ аллеямъ, обстриженнымъ и вытянутымъ, какъ во время оно. Я радъ былъ, что онѣ оставлены въ прежнемъ видѣ. Версаль должна напоминать Людовика XIV, его дворъ, напудренныхъ Маркизовъ и нарумяненныхъ Маркизъ въ фижмахъ Я совершенно перенесся въ ихъ вѣкъ, и чи-

талъ какъ будто ихъ исторію, хотя и не было здѣсь уже ни знати, ни богатыхъ, а одни простолюдины.

Къ тремъ часамъ вся гуляющая публика собралась къ главному пруду, среди котораго возвышается Нептунъ, окруженный Наядами. Прудъ опоясанъ былъ широкою пестрою лентою народа, который ожидалъ съ нетерпѣніемъ игры, и не спускалъ глазъ съ водяныхъ героевъ. Вдругъ брызнули они изъ тысячи кажется отверстій во всѣхъ направленіяхъ, пересѣкая вкось и впрямь одинъ другаго своими летучими струями, дугами и радугами, и изъ всего народа вырвался единодушный кликъ. Прекрасное зрѣлище! Но нѣсколько минутъ,— и высокія стремительныя струи упали, сравнялись съ поверхностію озера, утихли, замерли, и какъ будто ничего не бывало!

Шумъ, блескъ Версальской! Такъ умолкнулъ и ты ..... разница въ томъ, что продолжался минутами двумя или вѣками двумя долѣе.

Было уже 5 часовъ. Мы проголодались, устали, оставаясь на ногахъ такъ долго, и пустились скорѣе искать обѣда. Давка во всѣхъ воротахъ. Кое-какъ вырвались. Гостинницы биткомъ набиты. Нашли наконецъ уголокъ себѣ. Новая бѣда: служители не могли поспѣвать за требованіями многочисленныхъ посѣтителей, наблюдая очередъ. Потерявъ терпѣніе, ибо голодъ не тетка, я отправился самъ на кухню, подвернулся съ комплиментами къ повару, къ хозяйкѣ, и учтивые Французы дали мнѣ говядины прямо съ вертела, зелени и вина.

Послѣ обѣда съ новымъ удовольствіемъ походили мы по саду—въ той части, которая собственно принадлежитъ Королю, любовались великолѣпнымъ захожденіемъ солнца въ совершенномъ уединеніи и тишинѣ, вспоминали Карамзина, гулявшаго здѣсь 50 лѣтъ тому назадъ! На возвратномъ пути закусили вафлей у добраго старика, отставнаго солдата, который у заднихъ воротъ жарилъ ихъ въ своей походной печкѣ, и пошли искать коляски.

Разъѣздъ также очень занимателенъ. Тысячи фіакровъ, такъ называемыхъ куку, или таратаекъ, колясокъ, каретъ, вытянуты рядовъ въ пятнадцать чуть ли не на цѣлую версту. Сѣдоки и кучера ищутъ другъ друга, перекликаются. Здѣсь, здѣсь! бѣгутъ, садятся и благимъ матомъ выѣзжаютъ. Есть мѣсто? Нѣтъ. Сколько надо? Два. Сюда, сюда, пожалуйте, вотъ у меня остальныя три мѣста! Намъ посчастливилось отыскать нашу коляску очень скоро, и мы, совершенно довольные своимъ днемъ, отправились домой.

Нѣкогда было съѣздить въ Тріанонъ, Мальмезонъ. До другаго разу.

6. Думалъ о планѣ, какъ осматривать Парижъ. Какой тутъ планъ! Въ Парижѣ надо жить по Парижски, и слушаться минуты. И что мнѣ осматривать здѣсь? Заниматься въ Библіотекѣ не стоитъ труда какую нибудь недѣлю: только что разлакомишься. Смотрѣть картины, статуи,— мы ѣдемъ изъ Италіи, и не можемъ увидѣть здѣсь много отличнаго и чрезвычайнаго. Древности — да здѣсь все дышитъ новизною; улицы, площади, перемѣняютъ чуть ли не ежегодно свои названія; молодыхъ литтераторовъ встрѣчу я всѣхъ на бульварахъ, — все ихъ хорошее я узнаю изъ ихъ книгъ, если захочу, — за чѣмъ же знакомиться съ ними, и тратить время, котораго у меня мало. На поклонъ схожу къ одному Шатобріану; изъ Историковъ мнѣ нужно побывать только у Гизо; Тьери слѣпъ, и совѣстно безпокоить его; Тьеръ не расположенъ, говорятъ, къ Россіи: не пойду къ нему. Въ Университетѣ послушаю недѣлю;—это успѣю и безъ плана. Все время посвящается кофейнымъ, палатамъ, ресторацiямъ, улицамъ, бульварамъ и спектаклямъ! Вотъ гдѣ я познакомлюсь лучше всего съ Парижемъ, съ Французами, и съ ихъ Исторіей. Прочь планы, системы, прочь всѣ узы, прочь мертвыя книги; давайте мнѣ живыхъ людей. Надѣваю короткой сюртучекъ, и пускаюсь во все тяжкое! Ха, ха, ха!

что сказали бы мои Московскіе пріятели, услышавъ это рѣшеніе!

Еслибъ удалось увидѣть мнѣ еще революційку, хоть какую нибудь, я былъ бы доволенъ вполнѣ. А то что же, Парижъ безъ революціи — картина безъ красокъ. Авось и за этимъ дѣло не станетъ: министерство до сихъ поръ не составлено, палаты въ ужасномъ неудовольствіи, и въ народѣ примѣтно движеніе.

Отправился пѣшкомъ въ посольство. Безпрестанно останавливался на улицахъ читать афишки, или смотрѣть на лавки. Вотъ напр. лѣпныя издѣлія. Милліоны статуекъ, статуй, бюстовъ, бюстиковъ! Какія разнообразныя положенія! Лица историческія и вымышленныя, характерныя. Вотъ Маршалъ Лобо предъ національной гвардіей! Вотъ Фанни Эльснеръ, Іоанна Даркъ, вылѣпленная дочерью Короля, Беррье, актеры, ораторы, герои, уроды, всѣ тутъ. Всякое интересное положеніе человѣка, замѣчательнаго въ какомъ бы то ни было родѣ, схватывается, и тотчасъ въ форму, и предъ глаза публики. Надъ карикатурными фигурками просто умрешь со смѣху.

Поворачиваю съ бульвара на улицу. Вдали виднѣется огромная колонна; приближаюсь.... Это онъ, это онъ,— въ своей трехъ-угольной шляпѣ, въ распахнутомъ сюртукѣ! Такъ меня и охватило.... духомъ Наполеоновымъ. Я остановился, какъ оглушенный громомъ. Тихо приблизился потомъ къ *Вандомской колоннѣ*, и обошелъ кругомъ....

Не вдалекѣ встрѣтилъ я другаго героя минуты, а можетъ быть и періода, *Тьера*. Онъ совсѣмъ не похожъ на портретъ, который я видѣлъ въ Москвѣ. Напротивъ Тьеръ очень миловиденъ, и лѣтъ 15 назадъ плѣнялъ всѣхъ субретокъ въ Парижѣ. Да, 15 лѣтъ назадъ этотъ молодой человѣкъ, пріѣхавшій изъ своей провинціи, не значилъ ничего, а теперь что ни говори, это

первый человѣкъ во Франціи, гдѣ не не мудрено быть первымъ, потому что охотниковъ много. Скажу болѣе: можетъ быть ему предназначено приложить свою печать вѣку. Жаль, что до сихъ поръ не случилось мнѣ встрѣтиться ни съ однимъ человѣкомъ, который зналъ бы его коротко, а публичнымъ вѣстямъ вѣрить нельзя. По его сочиненіямъ я скажу только, что это умъ обширный, ясный, проницательный. Но достанетъ ли у него твердости, мужества, постоянства, благородства, величія, нужнаго человѣку государственному? Писать, понимать, говорить, — и дѣйствовать, вещи различныя. Долго шелъ я за нимъ, чтобъ подмѣтить его движенія. Низенькой человѣчекъ, широкоплечій, но легкій, съ плутовскимъ взглядомъ, очень простой, во всѣхъ своихъ пріемахъ, безъ претензій. Кажется, у него нѣтъ никакой заботы, и все дѣло въ рукахъ.

Чрезъ Тюльери, по мосту на Сенѣ (мутная рѣка), я подошелъ къ Палатѣ Депутатовъ; (неуклюжее зданіе, какъ будто вростающее въ землю); предъ входомъ опять статуи знаменитыхъ законовѣдцевъ и ораторовъ Франціи; тутъ и Лопиталь, и Сюлли, и Дагессо.

Вотъ и знаменитое Сен-Жерменское предмѣстіе, обиталище аристократовъ и легитимистовъ. Они живутъ въ совершенномъ уединеніи, и знаются только между собою. Домы не великолѣпные, фасадовъ почти никакихъ, все загромождено; жилье во дворъ.

Любезный Князь Г. нашъ Москвичь, замѣтилъ намъ, что осмотрѣть должно, и обѣщалъ достать билетъ въ палату Депутатовъ.

Имѣлъ честь представиться къ посланнику Графу Палену, къ которому давалъ мнѣ рекомендательное письмо нашъ Попечитель.

Ввечеру ходилъ въ театръ de la Renaissance. Пышное имя—возрожденіе! Что-то будетъ? Этотъ театръ учрежденъ молодыми писателями—Гюго, Дюмасомъ, и братіей.

Здѣсь хотятъ они давать публикѣ піесы по своимъ мыслямъ, возродить упавшее искусство. Играли Рюиблаза, драму Виктора Гюго. Просто гадости! Смотрѣть не хочется. Актеры посредственные, читаютъ на распѣвъ, и возбуждаютъ невыгодное мнѣніе о декламаціи своихъ учителей и совѣтниковъ. Возрожденіе! Да лучше умереть совсѣмъ, чѣмъ такъ возрождаться. Не много выиграли Французы промѣнявшись драмами Расина и Мольера на драмы Виктора Гюго, игрою Лекеня и Тальмы на игру этихъ господъ NN и MM.

Что же дѣлалъ я, гдѣ былъ около обѣда, никакъ не помню. Вотъ тебѣ и плана не нужно, вотъ тебѣ и коротенькій сюртучекъ!

7. Въ Лувръ — на выставку произведеній живописи. Пошли нарочно по новымъ улицамъ. Какъ бы вы думали, передъ чѣмъ мы останавливались по долгу! Передъ мясными и съѣстными лавочками, передъ харчевнями, сказать съ вашего позволенія — заглядѣнье! Такъ уложены всѣ эти припасы, на широкихъ лоткахъ, передъ большими стеклами въ окнахъ, съ такимъ вкусомъ, такъ украшены разною зеленью, что кажутся галантерейными произведеніями. Вотъ напримѣръ лежитъ на блюдѣ длинная блестящая рыба, въ своей серебряной чешуѣ, усыпанная полевыми цвѣтами! Около нея съ обѣихъ сторонъ огромные, красные раки, какъ грифы стрегущіе золото,—шеи у нихъ вытянуты, клещи загнуты! Вотъ кулики съ длинными носами, которые воткнулись въ какую-то добычу. Крылья у однихъ распущены, какъ будто они летѣть сбираются, у другихъ опущены, какъ будто смертоносная дробь ихъ пришибла. Здѣсь цѣлая связка мелкой дичи съ разноцвѣтными перышками, которыя всѣ подобраны въ одинъ поясокъ. А вотъ огромная часть свѣжей говядины, посреди мелкихъ порцій, усыпанная салатомъ, изъ подъ котораго чуть-чуть видно кровавое мясо. Мѣл-

кія рыбы плещутся въ прекрасныхъ фарфоровыхъ чашкахъ, а по угламъ въ промежуткахъ стклянки Прованскаго масла, свѣтлаго, желтаго и другихъ цвѣтныхъ жидкостей. Даже бьютъ фонтанчики. Ну право, жаль истреблять такую прекрасную провизію! Припасы, не столько опрятные, разложены по полкамъ, за чистыми занавѣсками. Хозяинъ, или его commis, причесанный по послѣдней модѣ, въ бѣломъ передникѣ, готовъ къ вашимъ услугамъ. На другой сторонѣ припасы уже готовые — зажаренные цыплята, свареные языки, лотки апельсиновъ, и другихъ свѣжихъ плодовъ.

Лишь только вышли мы на площадь, какъ спрашивать уже было не надо, гдѣ пройти на выставку: народъ валилъ туда толпами. При входѣ тотчасъ предлагаютъ книжки съ описаніемъ. Нельзя не купить.

Огромныя три залы и двѣ длинныя галлереи увѣшаны картинами. Каково трудятся! Картинъ множество историческихъ: взятіе Константины написано Гораціемъ Вернетомъ въ трехъ большихъ картинахъ. — И кромѣ его еще нѣсколько другихъ живописцевъ посвятили свои труды этому свѣжему предмету. Опять подумалъ съ горестію о несчастной Русской Исторіи. Вотъ, вотъ въ чемъ Французы достойны всякаго подражанія. Разсматривать все нѣтъ возможности; 2000 картинъ! А при бѣгломъ обзорѣ, на мои глаза нѣтъ такихъ, которыя остановили бы на долго вниманіе.

Мы пошли въ галлерею старыхъ картинъ, которыя остались на своихъ мѣстахъ; (очень многія были вынесены, чтобъ опростать мѣсто для выставляемыхъ). «Нельзя войти,» сказалъ камеръ-лакей застанавливая намъ дорогу. «Отъ чего?»—«Галлерея открыта по вторникамъ.»—«Я иностранецъ.» — «О такъ извольте», и мигомъ растворилъ двери.

Вниманіе утомлено, и мы могли только статистически обойти галлерею: двѣ Мадонны, Михаилъ Архан-

гелъ, нѣсколько портретовъ, Рафаеля, Корреджіо, Мурилло....

Прогулялись въ Тюльери. Обѣдъ, и тотчасъ спектакль. Смотрѣли Марсъ въ ролѣ Мамзель Белиль, которая нынче играется, кажется, въ 50-й разъ. Что за актриса! Какая естественность! Забываешься, смотря на нее—кажется передъ тобою живая оскорбленная дѣвушка, которая и стыдится, и негодуетъ, и проситъ. Что за благородство! Самое пустое слово, ничего не значущій отвѣтъ, поражаетъ сердце изъ устъ ея. Какъ отвѣчала она на простые вопросы объ своемъ имени, когда, не помню которое дѣйствующее лице, писало для нея письмо! Чувствуете, что она ожидаетъ рѣшенія своей судьбы отъ этого письма; что она вся во вниманіи, боится оставить въ невѣденіи на минуту. Какой прекрасный языкъ въ устахъ ея, какой голосъ — всякой звукъ выливается ясно, чисто, пріятно! И ей уже за 60 лѣтъ! Что же была она въ молодости! Къ счастію, мы сидѣли далеко, и могли не видать морщинъ ея. Прочіе актеры — посредственности. Какъ упало однако же драмматическое искусство даже во Франціи!

Театра снаружи не видать, да и внутри онъ очень не наряденъ; за то какъ слышно вездѣ. Въ галлереѣ предъ входомъ колоссальныя статуи Волтера, сидящаго въ креслахъ между Лекенемъ и Тальмою. Въ foyer бюсты всѣхъ писателей и актеровъ, трагическихъ и комическихъ—тутъ и Расинъ, и Кребильонъ, и Ренаръ, и Детушъ, и Моле, и Ларивъ.

8. Позавтракавши, почитавши газетъ, въ Палату Депутатовъ faire la queue, потому что обѣщанія до сихъ поръ не исполняются, и билетовъ мы не получаемъ. Газеты предвѣщаютъ засѣданіе занимательное; слышно о рѣчахъ первыхъ ораторовъ—Гизо, Одильона-Баро, Тьера, Беррье.

Охотниковъ было уже много, стоявшихъ по два въ рядъ передъ рогаткою, у крыльца,—гораздо больше 33, числа, которое имѣетъ право занимать мѣста въ трибунахъ, или ложахъ для публики. Надежды слѣдовательно мало. Надо становиться назади; втереться куда нибудь выше нельзя и думать. Я хотѣлъ было уйти, но мой спутникъ, К., опытный герой хвостовъ, шепнулъ мнѣ на ухо: подождите, и началъ минуты черезъ двѣ перемигиваться съ двумя сороковыми, показывать изъ кулака пяти франковую монету. Вдругъ произошло какое-то замѣшательство, всѣ прихвостни устремили вниманіе на переднихъ своихъ товарищей, поднялся крикъ, двое сороковыхъ вынырнули, и спутникъ мой вскочилъ проворно на ихъ мѣсто, таща меня за собою почти насильно. Все это произошло въ одно мгновеніе. Я сталъ ни живъ, ни мертвъ. Къ счастію, шуму впереди было много, и мы остались спокойно на купленныхъ мѣстахъ.

Стоять въ этомъ хвостѣ комедія. Сцена за сценою, и одна другой забавнѣе. Лишь только мы получили какъ будто право гражданства, не перекаемое, какъ молодцы, уступившіе намъ свои мѣста, и ставшіе одаль, начали знаками требовать платы. Мой товарищъ отвѣчаетъ имъ такими же знаками, чтобъ они подождали. Мимика подмѣчена, и раздался кликъ: «мѣста проданы, проданы, вотъ они.... требуютъ денегъ.» Тѣ и прочь, какъ ни въ чемъ небывалые. Я перепугался безъ памяти, а мой К., не теряя бодрости, самъ спрашиваетъ съ смѣлымъ видомъ: «кому, кому они продали мѣста? Какія мѣста?» Вниманіе опять отвлеклось къ переду, гдѣ происходило главное дѣйствіе. Буря миновалась. Я шепчу товарищу: «какая же выгода намъ въ сороковыхъ мѣстахъ, на что покупать ихъ?» «Молчите, молчите,» отвѣчалъ онъ, «и стойте спокойно.» Смѣны впереди случалися чаще, подходило много новыхъ лицъ. Безпрестанное возмущеніе и крики: «la queue, la queue, à bas, à bas! Вотъ онъ, смотрите, вотъ онъ пришелъ,

онъ вѣрно хочетъ занять мѣсто»... mais c'est une abomination, des abus impardonnables! c'est la Police, qui protège la fraude. Полицейской является судить. Всѣ кричать: «я 25-й,» «я 20-й,» «я 30-й съ 8 часовъ, а теперь я уже 3-й,» и начинается слѣдствіе, пересчитываніе. Виновные выгоняются съ крикомъ, а мы подвигаемся!

Вотъ въ чемъ дѣло: есть промышленники, которые живутъ мѣстами; они приходятъ сюда съ разсвѣта, становятся первые къ рогаткѣ, и потомъ за деньги продаютъ ихъ позднѣйшихъ гостямъ. Другіе присылаютъ подставныхъ за себя. Самымъ заднимъ невыгодны такія перестановки: еслибъ передніе не успѣли продать своихъ мѣстъ, то принуждены бъ были наконецъ оставить ихъ даромъ, и задніе подвинулись бы выше. Потому задніе смотрятъ строго за ними, и не позволяютъ ни малѣйшихъ отступленій отъ правила. На это понадѣялся мой спутникъ и не ошибся въ надеждѣ. Среди общаго замѣшательства онъ вышелъ изъ ряда, и поодаль расплатился съ своими кредиторами, давъ имъ однакожъ за два мѣста 8 франковъ.

Я немогъ только никакъ разобрать, на чемъ основывается право передавать мѣсто, ибо дѣло обходилось иногда безъ всякаго протеста. Кажется, что именно подставные, т. е. служители и тому подобные, могутъ беречь мѣста для своихъ господъ. Лишь бы только не было купли на наличныя деньги.

Успокоясь я началъ присматриваться къ лицамъ моихъ сосѣдей. Прямо передо мною стояла такая рожа, которая до сихъ поръ подъ злой часъ мерещится мнѣ въ глаза. Вѣрно какой нибудь каторжный. Низенькой ростомъ, лѣтъ 30, худой, съ рыжими, полукурчавыми волосами, какіе-то сѣрые воровскіе глаза, ротъ на сторону, голосъ какъ изъ винной бочки. Подходитъ разнощикъ съ чѣмъ-то, въ родѣ нашей крупени, и они начинаютъ торговаться. Сговорились о кусочкѣ за одно су. Разнощикъ

хочетъ отрѣзать. «Нѣтъ, отрѣжь отсюда.»—Нельзя, я рѣжу съ початаго конца. — «Ну такъ я не хочу.» — Торгъ не состоялся. Однакожь голодъ пронялъ висѣльника, и онъ подзываетъ снова разнощика: «отрѣжь.» Тотъ отрѣзалъ. «Ты отрѣзалъ мало,» и начинается новый споръ. Разнощикъ потерялъ терпѣніе, и отошелъ прочь, проговоривъ со вздохомъ: «нѣтъ, видно мы не сдѣлаемъ съ вами дѣла.» Висѣльникъ усовѣстился, воротилъ его, заплатилъ су, и дѣло кончилось. Ахъ—какое гадкое твореніе! Другіе сосѣди, можетъ быть, не доходили еще до висѣлицы, но едва ли поручатся, что минуютъ ея впередъ. Видно было, что они не любопытствуютъ слушать преній, и что также готовы продать свои мѣста, хотя и кричали громче всѣхъ противъ злоупотребленій. И въ самомъ дѣлѣ, лишь только отворена была рогатка, какъ они скрылись, Богъ знаетъ какъ, и мы очутились съ К. тридцать вторымъ и тридцать третьимъ нумерами. Полицейской впускалъ по двѣ пары. Надо было видѣть, какъ впущенные поскакали по лѣстницѣ, чрезъ три ступеньки на четвертую, по портику, чрезъ сѣни, и наконецъ на узкую лѣсенку, ведущую къ публичнымъ трибунамъ. Я опомнился только, когда уже сидѣлъ на мѣстѣ, подлѣ колоннъ. Потъ катился съ меня градомъ.

Учтивый камеръ-лакей предложилъ мнѣ купить планъ Палаты, другой книжечку съ именами и адресами всѣхъ депутатовъ. Купилъ все, чтобъ на всякой случай, по Русскому обычаю, имѣть въ нихъ покровителей!

Мѣста, или лавка съ мѣстами, для депутатовъ, обитыя зеленымъ сукномъ, расположены амфитеатромъ, возвышаясь однѣ надъ другими. Напереди по срединѣ les bancs des ministres. По сторонамъ, на право, сидятъ легитимисты съ Берье во главѣ; на лѣво оппозиція, съ Лафитомъ, Одильономъ-Баро, Араго. Между лавками, снизу до верху, просторные проходы. Лавки чѣмъ выше, тѣмъ длиннѣе. Гдѣ оканчиваются верхнія лавки, тамъ

начинаются ложи для посѣтителей, для двора, дипломатическаго корпуса, выше для журналистовъ и для публики. Предъ амфитеатромъ каѳедра для ораторовъ на возвышеніи, за нею выше площадка для секретарей, а посрединѣ, господствующее кресло Президента. Передъ нимъ огромная картина, представляющая присягу Людовика-Филиппа,—окруженнаго главными дѣйствующими лицами Іюльской революціи. Здѣсь видны въ вѣрныхъ потретахъ Лафайетъ, Лафитъ, Дюпенъ, Дюпонъ, Перье, Монталиве и пр. Семейство Короля тутъ же. По обѣимъ сторонамъ картины, въ нишахъ, статуи Краснорѣчія и Свободы, потомъ Правосудія и еще какой-то Добродѣтели.

Въ 12 часу начали собираться депутаты. Сосѣди сказывали мнѣ имена; другихъ узнавалъ я по портретамъ; третьихъ по мѣстамъ, ими занимаемымъ и означеннымъ на планѣ. Вотъ *Берье*, средняго роста, съ зачесанными волосами спереди, съ гордой осанкою. Вотъ *Гизо*, пожилой человѣкъ, худощавый, строгой наружности, съ печатью размышленія на челѣ. Вотъ *Одильонъ-Баро*, плотной мужчина, съ открытымъ круглымъ лицомъ, открытымъ лбомъ. Вотъ *Дюпенъ*, бывшій разъ семь президентомъ палаты, человѣкъ также пожилой, въ очкахъ, черноволосый, живый.

Въ $2\frac{1}{4}$ часа началось засѣданіе подъ предсѣдательствомъ *Теста*, знаменитаго адвоката, Вицепрезидента. Послѣ нѣсколькихъ неважныхъ донесеній — возобновилось преніе объ адресѣ Королю, предложенномъ Могенемъ. Взошелъ на каѳедру *Садъ*, (съ лѣвой стороны), говорилъ за адресъ долго, можетъ быть и умно, но наскучилъ безъ памяти, вяло, монотонно. Депутаты шумѣли, ходили, и такъ называемые huissiers безпрестанно повторяли голосомъ Нѣмецкихъ полночныхъ сторожей: Silence, Messieurs les Députés! Silence, silence, Messieurs les Députés! Наконецъ онъ кончилъ. Знаменитый *Ламартинъ*, любимецъ нашихъ дамъ предыдущаго поколѣнія, взошелъ на каѳедру.

Увы! онъ говоритъ несносно, на распѣвъ, какъ будтобъ Александринскими стихами. Впрочемъ рѣчь его, противъ адреса, очень хороша, и блеститъ счастливыми фразами. Его прерывали часто, и онъ при малѣйшемъ шумѣ останавливался, складывалъ руки крестомъ, и прислонялся къ задней стѣнкѣ каѳедры. Онъ говоритъ очень часто, и если отвыкнетъ отъ стихопроизношенія, то вѣрно будетъ имѣть успѣхъ. Среди его рѣчи кто-то намекнулъ мимоходомъ, что *Дюпень* былъ четыре раза во дворцѣ. Какъ вскрикнетъ мой Дюпень! Выходка его понравилась мнѣ очень,—естественная, живая; съ сердцемъ, съ досадою выбросилъ онъ словъ двадцать безъостановочно, стремительно, оборотясь лицемъ къ обвинителю, и умолкнулъ. Видно было, что негодованіе его одушевляло. Взошелъ *Дюбуа*, (изъ лѣваго центра), говорилъ также умно, (впрочемъ глупыхъ рѣчей и не бываетъ нынѣче)—основательно, но голосомъ непріятнымъ, раскачиваясь, какъ бы примѣриваясь; онъ говорилъ уже наиболѣе о нѣкоторыхъ мысляхъ изъ рѣчи Ламартиновой. За нимъ *Ланіеръ*, живѣе, пріятнѣе,—противъ адреса. Явился *Гарнье Пажесъ*, (самый лѣвый съ лѣвой стороны), защитить оппозицію, которую обвиняютъ въ продолжительности Министерскаго кризиса. Онъ говоритъ живо, бойко, съ острыми выходками, особенно противъ доктринеровъ, (которыхъ называетъ лютѣйшими врагами отечества!) всегда готовъ, какъ видно,—очень смѣлъ, ловокъ, но мѣлокъ, не полонъ, не имѣетъ этой власти, которая отличаетъ истинныхъ ораторовъ, и не годится рѣшить сраженіе, а развѣ только раздразнить сражающихся, или вызвать на бой. Гарнье Пажесъ доказывалъ между прочимъ, что кризисъ продолжается не два мѣсяца, а девять лѣтъ.

Вотъ все засѣданіе. Оно не понравилось мнѣ: палата, пустая, произвела во мнѣ впечатлѣніе гораздо сильнѣе, чѣмъ послѣ, наполнившись. Я воображалъ здѣсь выборныхъ людей, по выраженію Русскихъ лѣтописей, пред-

ставителей народа, облеченныхъ высокою его довѣренностью, приходящихъ сюда со всѣхъ сторонъ Государства разсуждать о благѣ общественномъ, приносящихъ съ собою мѣстныя желанія и свѣдѣнія, необходимыя для правительства, являющихъ свои таланты въ пользу, честь и славу отечества, на самомъ высокомъ и блистательномъ поприщѣ, предъ лицемъ всего народа. Такъ воображалъ я сначала, а въ самомъ дѣлѣ ораторы представились какими-то просителями, которые, всходя на каѳедру, умоляли о вниманіи;—молодыми людьми, которые забѣгаютъ безъ нужды съ своими лишними совѣтами, или оправдываются отъ сдѣланныхъ обвиненій. А слушатели похожи на господъ, которые изъ снисхожденія удѣляютъ имъ по нѣскольку минутъ, предоставляя однакожъ себѣ право изъявлять скуку, нетерпѣніе, и не показываютъ никакой надежды услышать что нибудь дѣльное или значительное. Гдѣ же тутъ величіе законодательнаго сословія, сознаніе своего достоинства? Ораторъ намѣревается говорить, выходитъ на сцену,—стало быть онъ знаетъ, чего не знаютъ его слушатели, которые должны слушать его съ почтеніемъ, благодарить за всякое слово, искать вразумленія. Здѣсь этого ничего нѣтъ. Не ораторъ дѣлаетъ милость говоря, а оратору дѣлаютъ милость слушая; ему хочется показать себя, отличиться, а учиться не хочетъ никто. Не благолюбіе, а самолюбіе дѣйствуетъ. Безпрестанныя отступленія и личности!

Пришли обѣдать въ гостинницу биржи въ самой развалъ. Всѣ столы въ комнатахъ и палисадникахъ заняты. Слуги бѣгаютъ какъ угорѣлые, и не успѣваютъ. Дожидались часа полтора. Предосадно. Не поспѣли въ Théâtre français смотрѣть Мамзель Рашель. Ни одного мѣста. Съ горя прогулялись по булевару. Впрочемъ я радъ такимъ перемежкамъ для отдохновенія головѣ и вниманію.

Бульваръ шириною похожъ на такъ называемой валъ у

насъ въ Москвѣ, только по сторонамъ его идутъ стѣны высокихъ домовъ въ 5 этажей; вѣрнѣе сравнить его съ Невскимъ проспектомъ въ Петербургѣ. Длина его отъ церкви Магдалины до бывшей Бастиліи, версты двѣ. По мѣстамъ онъ имѣетъ разныя названія: des Capucins, des Italiens, Montmartre, Poissonière, du Temple, и проч. Деревьевъ осталось мало, особенно въ нашей сторонѣ, но были, судя по оставшимся, прекрасныя, высокія липы и каштаны; онѣ срублены на барикады во время разныхъ революцій.

Вотъ еще прекрасное заведеніе для города, въ которомъ гуляетъ много пѣшеходовъ—Cabinets d'aisance, куда копѣекъ за десять открытъ всякому входъ.

9. Перечиталъ за завтракомъ въ Café вчерашнія рѣчи. Всякой журналистъ передаетъ ихъ по своему, смотря по видамъ партіи, подъ покровительствомъ которой издаетъ свою газету. Либералъ выпускаетъ или ослабляетъ сильныя мѣста въ рѣчи Доктринера, и усиливаетъ слабыхъ своихъ прихожанъ. Умѣренный—на оборотъ. Даже дѣйствіе рѣчи на слушателей передаетъ различно. Тихій смѣхъ въ однихъ журналахъ представляется хохотомъ, а въ другихъ чуть не слезами. Я вспомнилъ, самъ непонимаю какъ, одну эпиграмму, которая напечатана была въ Вѣстникѣ Европы, въ десятыхъ годахъ:

Въ ночи Меланія старушечка сѣдая,
А днемъ она глядитъ дѣвицей молодой;
Ну, право, кажется Меланія ночная
Родною бабушкой Меланіи дневной.

Разумѣется, все это дѣлается благовидно. Извольте же отыскивать правду! Надо перечесть всѣ журналы, сравнить ихъ, и выбрать среднее число, т. е. перечесть десять списковъ, сличить варіанты, и возстановить искаженный текстъ. Хорошо теперь отъ нечего дѣлать, а впрочемъ слуга покорный! Вотъ вамъ злоупотребленіе

свободы книгопечатанія. Рѣчь Ламартинова понравилась мнѣ гораздо больше: онъ говорилъ дѣло.

Надо идти на выставку промышленности, которая должна скоро закрыться. Шевалье напечаталъ объ ней статью. Есть кому судить. Нарядился въ курточку, только что нынче принесенную портнымъ. Этотъ мастеръ не держитъ артели, и на всякую штуку зазываетъ къ себѣ новаго работника. Да едва ли и знаменитые портные держутъ ихъ. Здѣсь, кажется, работаютъ всѣ поштучно, живутъ на квартирахъ и ѣдятъ въ харчевняхъ. Бездомовье и гостьба. Платье почти вдвое дешевле нашего: сюртукъ 80 фр. (70 р.) за который надо въ Москвѣ дать 120 р., жилетъ 12 р. — двадцати пяти рублевой; нижнее платье также.

Заведя жену на выставку, и оставивъ ее вмѣстѣ съ добрымъ Казанскимъ Профессоромъ А., котораго мы здѣсь встрѣтили, восхищаться терно, муслинами, кружевами, пошелъ отыскивать Русскую церковь на самомъ краю города, близъ Тріумфальныхъ воротъ и заставы Пасси, rue neuve de Berry. Нѣтъ дома Священника, Г. Вершинскаго, который подарилъ насъ такимъ прекраснымъ переводомъ Бахмановой Логики. Не хотѣлось приходить въ другой разъ въ такую даль, и я рѣшился дожидаться, расположась на дворѣ, въ каморкѣ привратника, который вмѣстѣ и портной, и работаетъ на себя въ добавокъ къ своему жалованью. Прождалъ цѣлыхъ два часа, болтать съ нимъ о всякой всячинѣ. Соскучась, сходилъ посмотрѣть Тріумфальныя ворота, начатые Наполеономъ въ честь побѣдъ Великой Арміи, а конченные уже тогда, какъ Великой Арміи не осталось и слѣдовъ. Воротился, и все таки дома не нашелъ Священника. Предосадно.

Прошелся съ удовольствіемъ по Елисейскимъ полямъ до выставки.

Выставка расположена въ огромныхъ вновь построенныхъ галлереяхъ, деревянныхъ, но очень красивыхъ. Не

стану описывать ея. Глаза разбѣгаются. Произведенія расположены не по порядку, а какъ случилось. Впрочемъ, чтобъ оцѣнить ее настоящимъ образомъ, надо быть знатокомъ. По моему мнѣнію, всего, важнѣе цѣна вещи, въ отношеніи къ лицамъ, для кого вещь назначается, къ удобству пріобрѣтать ее бо́льшему количеству народа. Я любовался выставкою какъ картиною, и замѣтилъ произведенія только необыкновенныя, напримѣръ ковры изъ мѣховыхъ негодныхъ лоскутковъ, стеклянныя матеріи для платьевъ. Что за бронзы, мраморы, ковры, драгоцѣнности! Всего болѣе занималъ меня мой матеріалъ—бумага. Вотъ прелесть! Записалъ всѣ цѣны.

Зашли обѣдать въ Палерояль. Помѣщеніе прекрасное, длинныя залы, уставленныя накрытыми столами. Окна во дворъ, слѣдовательно весь Палерояль передъ глазами. Обѣдъ очень хорошъ, и за четыре блюда на выборъ съ виномъ платится два франка. Я говорю очень хорошъ въ смыслѣ средняго состоянія; разумѣется прихотливому здѣсь нечего ѣсть.

Отобѣдавъ, послонявшись около магазиновъ, въ Палероялькой театръ. Играли три водевиля, одинъ въ три акта, другой въ два, третій въ одинъ, и сверхъ того было назначено два танца. Французы хохотали тамъ, гдѣ мы только что улыбались. Національныя сцены очень забавны и занимательны, чтобъ не сказать интересны. Играли Балошара: — это ремесленникъ-гуляка, мастеръ своего дѣла, у котораго изъ рукъ оно не вываливается, какъ говорятъ у насъ, но за то какъ начнетъ кутить, такъ хоть ворота запри. Все это списано съ натуры, да натура незавидная, и дурно рекомендуетъ общество. Какое живое участіе принимаютъ Французы въ спектаклѣ! Они всѣ тутъ, всѣ во вниманіи; этого мало,—они всѣ на сценѣ, и со всякимъ дѣйствующимъ лицемъ веселятся и горюютъ, жалуются и пируютъ. Во всѣхъ піесахъ тьма остроты, ума; но толку, складу, связи, искусства, не спра-

шивайте. Играютъ забавно, живо, видишь дѣйствіе цѣльное (ensemble), но отличныхъ талантовъ нѣтъ. Не досидѣлъ танцевъ.

Такъ утомляюсь я къ вечеру, что не только голова идетъ кругомъ у меня, какъ возвращаюсь домой, но и улицы. Изнеможенный бросаюсь въ постелю. За то всякой день понимаю я Французскую Исторію яснѣе и яснѣе. А все хочется побольше видѣть и слышать. Можетъ быть и не придется въ другой разъ побывать въ Парижѣ.

10. Перечиталъ по обыкновенію газеты. На выставку промышленности, которую не оглядѣлъ вчера вполнѣ.

Прогулялся по Елисейскимъ полямъ. Вотъ панорама, представляющая взятіе Сен-Жанъ-д'Уллоа. Когда успѣваютъ Французы все это дѣлать! А вотъ здѣсь обѣщаютъ скоро панораму, представляющую сожженіе Москвы. По рощѣ разсыпаны рестораціи, въ красивыхъ домикахъ, съ просторными галлереями, кофейныя, кондитерскія лавки, будки съ журналами, которые замѣняютъ именно конфекты для Парижанъ извѣстнаго возраста: для другихъ кофе, а для другихъ и опіумъ.

Выставка открыта уже недѣли съ три, а посѣтителей не убываетъ — тысячи тысячъ. Увидѣлъ много новыхъ предметовъ; особенно поразили меня нынче мебели готическаго вкуса.

Толковалъ съ любезнымъ А. о профессорахъ Нѣмецкихъ. У насъ въ Москвѣ было очень много ученѣйшихъ людей, по Естественной Исторіи, напр. Гофманъ, Рейсъ, а не образовали они ни одного натуралиста, какъ будтобъ не было никакаго сообщенія между ихъ звуками и нашимъ слухомъ. Русскіе, по той же части, имѣли гораздо менѣе свѣдѣній, пропускали чаще лекціи, во время оно, а умѣли возбудить охоту къ своимъ предметамъ, и принесли всотеро пользы. Это очень замѣчательно.

Хотѣлъ было зайти въ Палату Депутатовъ, но опоздалъ: тридцать три человѣка впущено, да въ хвостѣ стоитъ еще человѣкъ пятнадцать, которые выжидаютъ, не выйдетъ ли кто имъ на счастье?—и такъ надѣяться нечего.

Пошелъ въ Луврскую галлерею, и, показавъ свой паспортъ, получилъ входъ, какъ вчера. Стоялъ съ часъ предъ Рафаэлями.

Обѣдать въ Палероялъ во вчерашнюю рестораціо; но нынче дали намъ такой обѣдъ, что вспомнить гадко.

На вечеръ выбрали мы себѣ Théâtre du Gymnase. Г-жа Дорваль (La belle-soeur) прекрасная, пылкая, страстная женщина. Забываешься смотря на нее. Мѣста на балконѣ очень хороши. Алмазъ разыгранъ превосходно. Сцена у Нѣмца съ жидомъ безподобна,—я говорю объ игрѣ актеровъ. Одинъ молодой человѣкъ привезъ изъ Индіи драгоцѣнный камень. Молва о немъ разнеслась повсюду, и Австрійское правительство прислало опытнаго своего ювелира, агента, который почему-то принимаетъ живое участіе въ судьбѣ молодаго человѣка и его невѣсты. Приносятъ камень. Нѣмецъ разсматриваетъ и говоритъ (спокойно, флегматически, по нѣмецки, прекрасно): онъ подложный. Молодой человѣкъ пораженъ какъ громомъ. Камень переходитъ изъ рукъ въ руки, и наконецъ достигаетъ другаго ювелира жида, который пріѣхалъ также съ намѣреніемъ купить камень. Его спрашиваютъ: что могу я сказать послѣ рѣшенія перваго знатока въ Европѣ?—отвѣчаетъ онъ съ скромностію. А камень былъ настоящій. Во 2 дѣйствіи Жидъ приходитъ къ Нѣмцу, узнавъ, что камень у него, и начинаетъ торговать. А камень между тѣмъ понесенъ былъ дѣвушкою къ Жиду, чтобъ отдать за безцѣнокъ. Какъ хладнокровно встрѣчаетъ его Нѣмецъ, какъ ловко возвышаетъ цѣну, прицѣпляясь къ его словамъ, а самъ трепещетъ, чтобъ камень не остался у Жида, въ домѣ. Какъ вертится Жидъ, придумываетъ разныя причины, умаляющія цѣну камня, какъ они даютъ другъ дру-

гу замѣтить, что понимаютъ другъ друга—превосходно! Вдругъ возвращается дѣвушка, которая не заставъ Жида, приноситъ камень. Вообразите отчаяніе Жида, у котораго изъ рукъ упалъ милліонъ, и восхищеніе Нѣмца, которому онъ въ руки попался, впрочемъ для его воспитанницы. Эту сцену до сихъ поръ я вижу какъ будто предъ собою — Жидъ съ низкими поклонами и бормотаньемъ, и Нѣмецъ въ широкомъ кафтанѣ съ большими пуговицами, съ спокойными движеніями. Можетъ быть я перепуталъ содержаніе піесы, но положенія въ этомъ родѣ.

Между дѣйствіями прочелъ журналы. Вотъ что говоритъ о выставкѣ Vert-vert:

Que de produits! et quels produits quand je dis que de produits! c'est une manière de parler; cela s'applique à la quantité, non à la diversité. Savez vous de quoi se compose à peu près exclusivement, cette grande catégorie *des objets divers*? De trois choses: de perruques, de corsets et de savons pour la barbe etc!!

Выпишу еще статейку изъ Vert-vert.

Le théâtre, vers la fin du dernier siècle, avait en France une grande importance. C'était alors le bon temps. Une première représentation, un début, même au théâtre de la Foire, étaient de graves événemens: on discutait dans les salons sur le jeu de Préville ou de Molé, sur les parades de Volanges, sur la dernière création de Larive. Les bons mots de Sophie Arnould sur la pièce nouvelle couraient tout Paris; et les gens d'esprit, au lieu de faire des feuilletons, lançaient des épigrammes ou aiguisaient un couplet.

Beaumarchais donne à la Comédie-Française son drame des *Deux amis;* le soir même de la première représentation un bel esprit improvise l'épigramme suivante.

J'ai vu de Beaumarchais le drame ridicule,
Et je vais en un mot vous dire ce que c'est:

C'est un change où l'argent circule
Sans produire aucun intérêt.

Grétry compose-t-il pour l'Opéra *l'Embarras des Richesses*, ouvrage qui eût beaucoup de succès, aussitôt on le chansonne de la sorte.

On donne à l'Opéra
L'Embarras des richesses;
Mais il rapportera,
Je crois, fort peu d'espèces.
Cet opéra-comique
Ne réussira pas,
Quoique l'auteur lyrique
Ait fait de l'embarras.
Embarras d'intérêts,
Embarras de paroles,
Embarras de ballets,
Embarras dans les rôles.
Enfin, de toute sorte,
On ne voit qu'embarras,
Mais allez à la porte,
Vous n'en trouverez pas.

Alors ce qui donnait surtout de l'importance à l'art dramatique, c'est que les savans, les esprits les plus graves et les plus sévères, ne dedaignaient pas de s'en occuper. Diderot, Grimm, le spirituel abbé Galiani, et bien d'autres *philosophes*, discutaient sérieusement, écrivaient sur le théâtre, et, malgré leurs systèmes souvent erronés, ils ont émis de très justes doctrines à ce sujet. Nous trouvons dans la correspondance de Grimm et Diderot la phrase prophètique qu'on va lire:

«La vraie tragédie, celle qui n'existe point en France, «celle qui est encore à créer, ne pourra être écrite qu'en «prose, et ne s'accommodera jamais du langage pompeux, «arrondi et phrasié des vers alexandrins»

N'est-ce pas là le système théâtral adopté par l'école moderne?

Finalement, et pour en revenir à notre premier objet,

il nous semble que le bagage d'épigrammes et de couplets que toute nouveauté traînait après elle, valait bien l'escorte de feuilletons qui l'accompagne aujourd'hui. Au reste, les opinions demeurent parfaitement libres.

Шататься наскучило. Стану ходить въ Университетъ.

Услышалъ о смерти Юрія Ивановича Венелина. День кончилъ грустно. Этотъ человѣкъ былъ ко мнѣ очень близокъ, лѣтъ пятнадцать,—и отстранился вслѣдствіе своей болѣзни. Миръ его праху. Судьба хотѣла сдѣлать изъ него многое и для филологіи и для исторіи, но чего-то не достало ему, и онъ погибъ, плодъ недозрѣлый!

11. Договаривался съ Англійскимъ учителемъ, съ которымъ хочется попрактиковаться предъ отъѣздомъ въ Лондонъ. Визитъ къ Дюбуа, инспектору учебныхъ заведеній. Засталъ его уже на порогѣ Палаты депутатовъ. Французъ принялъ очень вѣжливо, просилъ къ себѣ. Видно, что онъ очень занятъ. Ну да они теперь и всѣ хлопочутъ безъ памяти. Министровъ все еще нѣтъ. Партіи въ волненіи. Комбинаціи безпрестанно перемѣняются. Мнѣ кажется—они играютъ въ шахматы; только игра продолжается у нихъ не долго, безпрестанно возобновляется, пѣшки выходятъ въ доведи, а Королю то и дѣло матъ.

Увидѣлъ древнюю Сорбону. Вблизи, какъ зданіе, оно возбуждаетъ уваженіе гораздо меньше, чѣмъ издали. Внутренній дворъ не большой. На право церковь. Нѣсколько дверей по всѣмъ сторонамъ. Аудиторіи премизерабельныя, какія бываютъ, или даже бывали у насъ нѣкогда въ наемныхъ домахъ уѣздныхъ училищъ. Лавки худы, испачканныя, изрѣзанныя. Списалъ для себя каталогъ лекцій: печатные всѣ вышли. Знаменитостей мало. Гизо, Кузень, Вильмень, Біотъ, Араго, теперь не читаютъ. Ну послушаемъ ихъ Адъюнктовъ. Впрочемъ есть еще много именъ почтенныхъ, именъ, какими могъ бы украситься всякій

Университетъ: Мишле, Росси, Сен-Маркъ Жирарденъ, Амперъ, Форіель...

Нынѣ торжественное собраніе факультета наукъ нравственно-политическихъ, гдѣ Минье, извѣстный Авторъ Исторіи Французской Революціи, будетъ читать похвальное слово Талейрану. Что за имена полновѣсныя! Талейранъ — шутка! Человѣкъ, которому судьба дала въ руки послѣдній ударъ, низвергшій колосса новыхъ временъ! Талейранъ начавшій второе исправленное изданіе той самой книги, которую рвалъ самъ въ клочки впродолженіи Національнаго собранія, въ полной увѣренности, что и лоскутки ея разнесутся вѣтромъ! О бренность человѣческая! Г. М., знакомецъ Ш., досталъ и мнѣ билетъ въ засѣданіе. На любезныхъ соотечественниковъ надежда плоха. До сихъ поръ не получили мы чрезъ нихъ ни одного билета.

Институтъ со всѣми своими академіями помѣщается на берегу Сены, противъ дворца Тюильери, между которыми мостъ. Вся зала была уже полна, какъ мы пришли съ Ш., и на лицѣ всякаго какъ будто написано: а—послушаемъ, что скажетъ Минье о Талейранѣ? Дамы, вельможи, министры, то есть министровъ теперь нѣтъ, а кандидаты на министерство, старики, старухи, дѣвушки. Вотъ Пакье, безсмѣнный Президентъ Палаты Перовъ. Физіономія его не понравилась мнѣ. Вотъ Сальванди, эксъ-министръ просвѣщенія, авторъ жизни Собіесскаго. Вотъ наша Эолова арфа. Вотъ идетъ, опираясь на костыляхъ, Графъ Симеонъ, Министръ Наполеоновской, товарищъ Талейрановъ; вотъ старикъ Графъ Сезакъ, развалина временъ Бурбонскихъ. Показываются члены Института въ мундирахъ, знакомыхъ, шитыхъ зеленымъ шолкомъ. Публика усаживается по мѣстамъ. Наконецъ выходитъ ораторъ. Опишу прежде его наружность. Онъ кажется молодымъ человѣкомъ, хоть ему уже за сорокъ, прекрасные черные длинные волосы, быстрый взглядъ, совершенно Французская физіогногія. Его про-

вожаетъ Деканъ Политическихъ наукъ, и кто же Деканъ? Дюпень, знаменитый адвокатъ, семилѣтній президентъ и глава значительной партіи. По другой сторонѣ идетъ Росси, Женевецъ, занявшій мѣсто Сея на каѳедрѣ Политической экономіи. Воцаряется молчаніе. Дюпень садится на свое предсѣдательское мѣсто между Минье и Росси. Предлагаютъ донесеніе о наградахъ и задачахъ академическихъ. Вниманіе стремится къ Минье. Онъ началъ:

«Прошелъ уже годъ, какъ послѣдній великій представитель 18-го столѣтія, умный человѣкъ, который разговаривалъ съ Вольтеромъ, славный членъ Законодательнаго собранія, который принималъ столь значительное участіе въ дѣйствіяхъ первой революціи, другъ Сіеса, душеприкащикъ Мирабо, совѣтникъ Наполеона впродолженіи осьми лѣтъ его могущества, творецъ Рестораціи, удалившійся отъ нея такъ скоро, великій дипломатъ, одѣлявшій Государствами, скончался на 85 году.»

Посѣтители слушаютъ его съ глубокимъ вниманіемъ — многіе изъ нихъ знали лично Талейрана, многіе служили съ нимъ, и принимали личное значительное участіе въ тѣхъ дѣлахъ, о которыхъ говоритъ Ораторъ, и вообще всѣ жили подъ вліяніемъ описываемыхъ обстоятельствъ. По неволѣ у инаго поднимется голова, забьется сердце, канетъ даже слеза. Все это какъ свѣжо! Какіе животрепещущіе интересы! И какъ мудрено говорить оратору, чтобъ не задѣть ни чьего самолюбія, не оскорбить исторіи, не оскорбить настоящаго времени. Здѣсь много надо искусства! Я очень люблю языкъ Минье. Фраза у него чистая, ясная, сжатая. Замѣчу совѣтъ Талейрана Наполеону изъ Стразбурга, повторенный послѣ Аустерлицкаго сраженія, отдать Молдавію и Валахію Австріи, отдалить ее отъ Италіи, и приблизить къ Россіи. Далеко видѣлъ онъ, но Россія, Россія видитъ дальше: не перехитрить ея никакому Талейрану, какъ и не побороть ее никакому Наполеону. Минье судитъ о всѣхъ важныхъ

происшествіяхъ, разбираетъ всѣ государственныя мѣры, говоритъ искренно, не обинуясь: хорошо, дурно. Положимъ— это можно позволить человѣку, который заслужилъ свое право двадцатилѣтними трудами, ученьемъ, размышленіемъ, политическимъ поведеніемъ; но не всякому площадному гаеру, сзывающему народъ въ свой балаганъ, не всякому наемному крикуну, которому должно зажимать ротъ! Съ половины рѣчи отсталъ я отъ Минье, и не слушалъ, а самъ читалъ въ умѣ давно задуманное похвальное слово Карамзину, опомнился передъ концемъ, когда вокругъ меня раздались рукоплесканія какому-то счастливому выраженію Минье.

Былъ очень доволенъ. Вотъ такихъ собраній желаю я моему отечеству. Вотъ такимъ собраніямъ, цвѣтамъ цивилизаціи, я завидую, какъ гражданинъ.

Зашелъ на почту. Чиновникъ, который уже привыкнулъ къ моему лицу, встрѣтилъ меня съ горестнымъ видомъ: non, non, M. Pog. il n'y a pas de lettres pour vous.

Обѣдали въ новой гостинницѣ, rue Vivienne, по 2 фр. съ человѣка, и обѣдъ прекрасный. Вся комната наполнена была актерами Гимназіи, на которыхъ любовались вчера. Присматривался и прислушивался къ М. Дорваль, которою я совершенно доволенъ. Прекрасная актриса! Послѣ обѣда шатался по книжнымъ лавкамъ, а вечеромъ растахъ.

12. Адресъ Могеневъ подвергается разсмотрѣнію комиссіи. Выпишу изъ Journal des Débats слова Шаля о Талейранѣ по поводу вчерашней рѣчи: «Талейранъ заходилъ всегда впередъ (Mr de T. toujours a eu un pied sur l'avenir). Аббатъ—онъ былъ революціонеромъ. Революціонеръ—онъ хотѣлъ испытать возстановленіе (réorganisation). Министръ завоевателя—онъ хотѣлъ учредить будущій миръ. Творецъ Рестовраціи, онъ опять дѣлается либераломъ. Мужъ 1830 г. онъ старается утвердить колеблемую Европу и проч.»

А другіе журналы выражаютъ эти же самыя событія такимъ образомъ: «Т. измѣнилъ своему Духовному сословію въ 1769 г., Монархіи въ 1790 г., Революціи въ 1795, Директоріи въ 1799, Имперіи въ 1813, Реставраціи въ 1830.» О люди! люди!

Бездна ума у Французовъ! Что еслибъ у нихъ было столько же разсудка?

Занимался съ Англійскимъ учителемъ. Пишетъ плохо, толкуетъ еще хуже, и въ заключеніе проситъ денегъ впередъ. Убили видно бобра. Рѣшились отказать подъ благовиднымъ предлогомъ.

Ходилъ въ церковь Notre Dame de larmes; т. е. о всѣхъ скорбящей, какъ называютъ у насъ. Прошелъ по улицѣ, гдѣ нація подарила Лафиту домъ въ знакъ благодарности за его содѣйствіе Іюльской революціи. (Онъ говоритъ: la dynastie est sortie de ma maison). Не великолѣпенъ; что-то внутри? Холодно, непріятная погода. Воротился тотчасъ домой въ дурномъ расположеніи духа, и легъ спать; проспалъ до пяти....

А между тѣмъ совершилась революція. Какъ такъ? Да такъ. Въ Парижѣ за этимъ видно дѣло не станетъ.

Въ 5 часу пошли мы обѣдать въ гостинницу de l'Opéra, чтобъ послѣ обѣда идти тотчасъ въ театръ, гдѣ будетъ танцовать Фанни Эльснеръ, соперница нашей Тальони. На дорогѣ сказали намъ, что гдѣ-то строятся баррикады, и начинается волненіе. Мы пропустили сквозь ушей. Что за вздоръ? Отобѣдали очень умѣренно въ скромной, тихой гостинницѣ, которая хотя и находится подлѣ Оперы, но въ такомъ захолустьѣ, что едва дорогу найдешь. Идемъ въ театръ.

Мѣста очень дороги. Піеса препустая.

Послѣ перваго дѣйствія пошелъ я провѣдать въ foyer, не случилось ли чего нибудь въ самомъ дѣлѣ?

Я не говорилъ еще ничего объ этихъ foyers, прекрасныхъ залахъ, хорошо умеблированныхъ, съ покойными диванами, куда зрители выходятъ отдыхать между дѣйствіями, прогуливаться, освѣжаться напитками, лакомиться, говорить между собою, спорить о піесѣ, объ игрѣ актеровъ. Foyer въ Variétés лучше всѣхъ; обширная зала, съ балкономъ на бульваръ. Видъ на обѣ стороны улицы, освѣщенной газомъ, на магазины, которые горятъ какъ жаръ, прелестенъ.

Но теперь не узналъ я въ foyer ничего забавнаго. На многихъ лицахъ видно безпокойство. Прохаживаясь услышалъ я тамъ и сямъ слова страшныя: «ружье, кровь, національная гвардія;» въ одномъ мѣстѣ поймалъ двѣ фразы: «мы ходили смотрѣть.» «За чѣмъ? pour être tué!» О, о, о! Гдѣ-то остановили омнибусы и вывели всѣхъ сѣдоковъ. Признаюсь, это было непріятно слышать для нашихъ сѣверныхъ ушей. Между тѣмъ заиграла музыка. Всѣ пошли смотрѣть 2 дѣйствіе.

Послѣ піесы, извѣстія подтвердились и умножились; смущеніе примѣтно вездѣ: всѣ шепчутся, собираются въ кучки. Дамы вздыхаютъ. Происходитъ что-то важное. Говорятъ, что всѣ театры закрыты, кромѣ здѣшняго. Мнѣ стало уже и жутко, потому что я былъ съ женою, и не твердо зналъ дорогу домой, пришедъ въ эту сторону въ первой разъ.

Но вотъ опять поднимается занавѣсъ.

Фанни Эльснеръ танцуетъ Сильфиду. Парижане смотрятъ и хлопаютъ. Смотримъ и мы, а на сердцѣ кошки скребутъ. Въ балетѣ, какъ и въ оперѣ, нѣтъ ничего великолѣпнаго, блестящаго. Фанни прекрасная женщина, отличная танцовщица — но нѣтъ той легкости, той плавности, той граціи, которою отличается Тальони, какъ будто предназначенная показать намъ въ прелестныхъ формахъ какіе-то законы движеній. Тальони танцуетъ для меня стихами, а Фанни прозою, хотя и изящною. Спектакль кончился около полуночи.

Я съ женою бѣгомъ; смотрю—бѣгомъ и всѣ, по лѣстницамъ и по улицамъ, точно какъ будто закричалъ кто: «въ разсыпную!» Магазины всѣ уже заперты, чего никогда не бывало. Ни гдѣ ни души. Ай! ай! ай! Къ счастію, наша квартира близко, и мы не добѣжали, а долетѣли, запыхавшись. Ну, слава Богу, мы дома. Вслѣдъ за нами и Ш. Не помню, что мы говорили, а помню, что съ непривычки перетрусились жестоко. По сторонамъ слышались удары. Вѣдь это выстрѣлы? Да, выстрѣлы, что же больше! Удары раздавались часто. Вотъ вамъ и Парижъ!

Но усталость взяла свое; мы легли спать, помолившись Богу и припоминая Русскую пословицу: утро вечера мудренѣе. Что-то будетъ завтра!

13. Только что проснулись мы, какъ горничная наша дѣвушка возвѣстила намъ, что Министерство составлено, и возмущеніе кончилось; но что вчера кровопролитіе было ужасное, что подлѣ насъ убитъ адъютантъ военнаго министра, а въ сосѣдствѣ дѣвушка, подошедшая къ окну въ 4 этажѣ. Il faut être farceurs, comme les Français, pour s'entre tuer comme cela, заключила она улыбаясь. Одѣвшись на скоро, я побѣжалъ въ кофейную прочесть въ журналахъ, что все это значило и какъ кончилось. Eh! bien, tout est fini! спросилъ я, сходя съ лѣстницы, нашу привратницу, толстую мадамъ Пьеръ, которая въ дверяхъ читала Journal des débats.—Oh oui, mais probablement ça recommençera ce soir, отвѣчала она препокойно. Пріятная перспектива! подумалъ я.

Кофейная была набита солдатами и офицерами національной гвардіи, которые не спали всю ночь; и держали караулъ на улицѣ. Очень странно мнѣ было видѣть себя въ кучѣ военныхъ мундировъ, среди ружей и сабель. Царствовало мертвое молчаніе, такъ что мнѣ стало страшно,—а до газетъ не доберешься,—и я отправился въ кабинетъ чтенія насупротивъ. И тамъ бы-

ла толпа, только сюртучная. Я выпросилъ себѣ какую-то газету, и сталъ у дверей, чтобъ вмѣстѣ видѣть и улицу. Кажется дѣло не кончилось, и обстоятельства важныя. Въ газетахъ пишутъ, что какая-то толпа негодяевъ, человѣкъ 400, разграбила вчера въ 4 часа оружейный магазинъ Лепажа, напала на присутственныя мѣста, убила офицера, и устремилася въ Префектуру Полиціи и Городскую Думу, съ крикомъ: да здравствуетъ Республика! Они были отбиты, но разсыпались по другимъ мѣстамъ, и заняли почти всю часть между S. Martin и S. Denis. Правительство начало брать мѣры въ 5 часовъ. «Отъ чего же не прежде?» «Нельзя по одному подозрѣнію.» Хорошо подозрѣніе — когда строятся баррикады, убиваютъ офицеровъ и прохожихъ. Не злоупотребленіе ли это права личности! Улицы, послѣ кровопролитныхъ схватокъ, очищены уже поздно вечеромъ. Бунтовщики стрѣляли изъ занятыхъ ими домовъ. Всѣ говорятъ, что былъ удивительный порядокъ, ensemble, при этомъ возмущеніи; повсюду приготовлены были убѣжища и пр. Такъ вотъ что значатъ этѣ синія рубашки, блузы и фуражки, коихъ въ послѣдніе два дня показалось множество, и коимъ удивлялись мы столько!

Министерство, кажется очень удачное, составлено послѣ первыхъ выстрѣловъ, доставившихъ, можетъ быть, честолюбцамъ благовидный предлогъ для мнимыхъ уступокъ перебѣговъ. Адресъ Могеневъ оказался ненужнымъ. Сультъ президентомъ и министромъ иностранныхъ дѣлъ, Вильмень—просвѣщенія, Дюшатель, доктринеръ, внутреннихъ дѣлъ, Дюфоръ, Пасси, Тестъ, изъ лѣваго центра, сильнѣйшей партіи,—финансовъ, юстиціи и публичныхъ зданій; Кюнень-Гриденъ, изъ 221, министромъ торговли. Тьеръ обойденъ, слѣдовательно Король настоялъ на своемъ. Думаютъ, что онъ будетъ Президентомъ палаты вмѣсто выбывающаго Пасси.

Между тѣмъ смущеніе господствуетъ всеобщее; народу

мало ходить по улицѣ. Чего-то ожидаютъ. Товарищъ мой Ш. хотѣлъ ѣхать въ Университетъ по предназначенному плану. Я никакъ не могъ его отговорить — ни страхомъ, чтобъ не случилось съ нимъ чего нибудь на дорогѣ, ни надеждою увидѣть изъ дома вещи любопытнѣе; ибо здѣсь, кажется, важный пунктъ. «Я поѣду смотрѣть, какъ политика мѣшаетъ наукѣ,» твердилъ онъ, и поѣхалъ, а я остался слушать лекціи, какія читала мнѣ улица.

Число проходившихъ уменьшалось безпрестанно. И тѣ, казалось, спѣшили кончить свои необходимыя дѣла, и оглядывались безпрестанно. Кое-гдѣ останавливалось по двое, по трое, и то на минуту, не болѣе. Омнибусы проѣзжали пустые. Экипажи стояли рядомъ по сторонамъ бульвара, и некому было нанимать ихъ. По мѣстамъ расположились многочисленные пикеты. Начали скакать верховые взадъ и впередъ. Безпокойство увеличивается.

Плохо дѣло! подумалъ я; скорѣе домой, и сѣлъ подъ окошко.

Раздались барабаны. Солдаты ходили безпрестанно по улицѣ, и били сборъ. Не успѣлъ пройдти одинъ, какъ показывался уже другой. По временамъ проскакивали вѣстовые. Изъ окошекъ высовывались тотчасъ головы смотрѣть на нихъ. Изъ домовъ выходятъ вооруженные гвардейцы, и перебѣгаютъ улицы въ разныхъ направленіяхъ, спѣша кто въ ту, кто въ другую сторону. Зачѣмъ такъ часто ходятъ солдаты? спросили мы свою горничную, большую охотницу до политики. «Національная гвардія сбирается лѣниво,» отвѣчала она; «всѣмъ надоѣли этѣ тревоги.» Но неужели войско не можетъ справиться съ такою сволочью? Пишутъ, что ихъ не больше 200 или 300. «Какъ не такъ! Ихъ можетъ 20 или 30 тысячъ въ Парижѣ, и они показываются въ разныхъ мѣстахъ. Войско не можетъ быть готово вездѣ.»

Все утро прошло въ такомъ смятеніи

Французъ, нашъ сосѣдъ по комнатѣ, пріѣхавшій на выставку, былъ очень встревоженъ, и напугалъ насъ, говоря, что дерутся на набережной, и что положеніе самое печальное. А между тѣмъ онъ не зналъ вновь назначенныхъ Министровъ, и разспрашивалъ меня объ нихъ. Цырюльникъ разсказывалъ Ш–у, что его сосѣдъ, мѣлочной лавочникъ, попался въ тюрьму. «Я давно замѣчалъ, сказалъ онъ, что это злой республиканецъ.» Портной не принесъ мнѣ обѣщаннаго платья.

Къ 3 часу стало какъ–то потише: барабаны умолкли, народу показалось больше на улицахъ, и мы рѣшились выйдти изъ нашей темницы въ четверомъ, и посмотрѣть, что тамъ дѣлается. Проходя по корридору, мы замѣтили что прислужникъ нашъ перемѣнилъ свою ермолку. За чѣмъ? «Чтобъ не приняли меня за якобинца.»

Магазины въ нашей сторонѣ все еще были заперты, въ пассажѣ панорамы ни души, а народъ ходилъ уже толпами, многіе останавливались и разговаривали. Караулы однако же стояли. Мы видѣли Маршала Жерара, поворотившаго близъ насъ въ улицу Монмартръ, и доходили до вчерашней сцены, до Porte S. Martin. Спектакли всѣ открыты. Погулявши, мы возвратились домой успокоенные, однакожъ рѣшились не выходить нынче болѣе.

Писали письма въ Москву.

14. Перечиталъ Журналы, и выписалъ: «Г. *Готье*, вчерашній Министръ финансовъ, находился сегодня на конѣ, въ рядахъ національной гвардіи, къ которой онъ причисляется.» — «Сегодня въ Академіи Наукъ, президентъ ея, Г. *Шеврель*, не могъ занимать своего мѣста, потому что находился при отрядѣ національной гвардіи, въ которой онъ служитъ капитаномъ.»—Президентъ Академіи Наукъ изволь подставлять лобъ первому встрѣчному негодяю! Нѣтъ, національная гвардія не есть хорошее учрежденіе,

по крайней мѣрѣ для нашей братьи Профессоровъ и прочихъ мирныхъ гражданъ.

Мы успокоились, а вчера были еще вспышки и значительныя, даже на томъ самомъ мѣстѣ, по которому мы гуляли, около бульвара Poissonière. Ну объясните такое явленіе. Какъ бунтовщики разбитые, обезоруженные наканунѣ, зная, что правительство бодрствуетъ и принимаетъ всѣ мѣры, могли отважиться, съ такою мѣлочью, на новое покушеніе? На что они надѣялись?

По улицамъ носятъ листки, и кричатъ: «La nomination des nouveaux ministres à 2 sous!» Въ другихъ Журналахъ есть уже и ругательства. Вырываютъ всю родословную, и не ставятъ ихъ ни въ грошъ: такіе-сякіе и пр. Какіе низкіе есть Журналисты: указываютъ на Короля, какъ на виновника безпокойствъ: за чѣмъ такъ долго не назначалъ министровъ!—Захвачены дѣти съ оружіемъ въ рукахъ; да еще какія дѣти—отъ 8 до 9 лѣтъ. Вотъ чего я не могу простить Гизо: какъ могъ онъ оставить народное воспитаніе, единственную надежду на будущее. Въ одной рѣчи своей онъ сказалъ недавно, что не могъ вступить въ министерство, въ которомъ ему и его политическимъ друзьямъ предлагаемо было такъ мало участія: просвѣщеніе и (кажется) финансы! Просвѣщеніе—этого мало. Признаюсь, какъ я ни уважаю Гизо, а прочесть такую выходку было для меня непріятно. Впрочемъ механизмъ ихъ министерскихъ постановокъ и перестановокъ для меня непонятенъ: для чего-бы, казалось, съ перваго взгляда всякому министру не отвѣчать только за свое предложеніе! Такимъ образомъ министръ просвѣщенія устоялъ бы при всѣхъ кризисахъ, и дѣлалъ спокойно свое дѣло, дѣло дѣлъ, первое, главное. А теперь—чуть какое предложеніе Министерства не примется Палатою, или получитъ даже малое большинство, какъ въ послѣднемъ случаѣ, всѣ министры выходятъ въ отставку. Далѣе, какого труда стоитъ еще согласиться имъ

всѣмъ въ той или другой мѣрѣ прежде, нежели представятъ они ее Палатѣ. А потомъ другая Палата Перовъ, Король! Сколько инстанцій! Правда, что умъ хорошо, а два лучше; но и то правда, что у семи нянекъ дитя безъ глазу. Министры безпрестанно измѣняются, и ни одинъ дѣльный человѣкъ не можетъ слѣдовательно приносить надлежащей пользы. Не имѣя надежды остаться долго, онъ естественно не можетъ заботиться такъ о своемъ министерствѣ. Лишь только узнаетъ ходъ дѣлъ, какъ тотчасъ и отрывается отъ него, а преемникъ его долженъ повѣрять прежніе опыты, и потому въ министерствахъ безпрестанно являются hominеs novi, которые спѣшатъ только воспользоваться выгодами своего положенія. И каково подчиненнымъ перемѣнять такъ часто своихъ начальниковъ, которые не успѣваютъ и узнавать ихъ! Ба, ба, ба, да это политика! Вотъ какой заразительной воздухъ въ Парижѣ. По неволѣ начнешь умничать. Однакожъ лучше умничать на досугѣ, на просторѣ, въ комнатѣ, нежели подвергаться опасности по улицамъ, на всякомъ шагу. И такъ мы не выходимъ и нынче.

Слуховъ приносили намъ множество; говорятъ о большомъ заговорѣ, который отнюдь не открытъ; вчера была только вспышка его.

Не убираться ли намъ совсѣмъ съ этого политическаго Везувія! Скорѣе послушать Профессоровъ, чтобъ получить понятіе объ ихъ лекціяхъ, объ ихъ ораторскихъ пріемахъ — что говорятъ они, на что намекаютъ, что предоставляютъ слушателямъ, что предполагаютъ въ нихъ.

О Вандеѣ нечего и думать, при теперешнихъ обстоятельствахъ, когда все такъ колеблется, и всѣ партіи пришли въ такое волненіе: тотчасъ попадешься за шпіона, и изволь писать изслѣдованіе въ tribunal de police correctionnel. А очень хотѣлось мнѣ съѣздить туда и по-

искать Славянскихъ слѣдовъ. Хомяковъ взманилъ меня, и я по какому-то чутью убѣдился совершенно, что тамъ было Славянское племя, которое офранцузилось, какъ можетъ быть Латинское ославянилось, и произвело Литву и Польскую Шляхту. Свойства Вандейцевъ указываютъ мнѣ ихъ происхожденіе всего убѣдительнѣе. Отъ чего такая рѣзкая противоположность у нихъ съ характеромъ прочихъ племенъ Галльскихъ, отъ чего такая преданность помѣщикамъ и Королямъ, которая никакъ не ослабляется, не смотря ни на время, ни на обстоятельства? Они точно Славяне. Французы за ними не погонятся, а намъ они кстати. Еслибъ это подтвердилось, то пролилось бы много аналогическаго свѣта на Русскую исторію, и отличіе ея отъ прочихъ. Если не удастся нынче, я пріѣду сюда нарочно опять.

Вотъ что написалъ мнѣ сюда Шафарикъ на мои запросы: «чтобъ въ нынѣшнемъ департаментѣ Вандеи, на югъ отъ Лоары, жили въ глубокій древности Винды или въ среднихъ вѣкахъ Вандалы, мнѣ неизвѣстно, и я не нахожу въ исторіи никакаго слѣда. Имя департамента происходитъ отъ рѣчки Вандеи, которая при Маранѣ соединяется съ Севрою. Эта полоса называлась прежде нижнимъ Пуату (terra Pictonum).»

«Венеты, о которыхъ говоритъ Цезарь, о войнѣ Гал. II, 34, III, 8, 9, Страбонъ IV, с. 194, 195, Діонъ Кассій XXXIX, 40, Эингардъ лѣтоп. подъ г. 786, изд. Перца, и другіе, Венеты которые могутъ быть соединяемы съ Славанскими Виндами, жили на сѣверъ отъ Лоары, въ Gallia Armorica, на полуостровѣ и островахъ, въ нын. департаментѣ Морбиганѣ и Финистеррѣ. Города у нихъ были Dariorigum, въ среднихъ вѣкахъ Venedi, нынѣ Ваннъ, у Бретоновъ Wenet, или Gwenet, Duretia нынѣ Рьё, Сулимъ, нынѣ Жосленъ; гавань ихъ Vindana portus, нынѣ Дуарне; островъ ихъ Vindilis, нынѣ Белиль, и т. д.

«Въ Revue de l'Ouest 1832, или 1833, помѣщено кажется описаніе нравовъ и обычаевъ тамошняго народа.»

15. Утро за газетами, теперь очень любопытными. Письмо воспитанниковъ Политехнической школы, которое ясно показываетъ ихъ духъ, и за которое по Русски надобнобъ ихъ....

Выбранъ Созе, а не Тьеръ. Это славной парламентской ударъ. Тьеръ, который считаетъ себя всемогущимъ, не получилъ даже большинства въ Президенты! Король поступаетъ искусно. Можетъ быть онъ приметъ его послѣ въ министерство, но условія будутъ легче.

Прислушивался къ разговорамъ: думаютъ, что при судѣ откроются безпорядки. Колебался, куда идти, на похороны ли къ Маре, или на лекціи. Отправился на лекцію въ Collège de France, къ *Сен-Маркъ Жирарденю*. Пренесчастная — видно онъ не приготовился. Рѣчь шла о Мольеровомъ Тартюфѣ, котораго онъ, съ его позволенія, не понимаетъ. Говорилъ премного о генеалогіи Тартюфа, начиная съ древнихъ авторовъ, т. е. о сочиненіяхъ, которыхъ предметомъ было лицемѣріе,—совсѣмъ не кстати. Далѣе говорилъ онъ и читалъ извѣстіе о Версальскомъ празднествѣ при Лудовикѣ XIV, на которомъ сыграны были три первыя дѣйствія Тартюфа, и которыя потому принадлежатъ къ Исторіи Французской литературы. Здѣсь было нѣсколько блестокъ и искръ краснорѣчія въ кучѣ повтореній. Но какое низкое, преступное понятіе имѣетъ онъ о Религіи. «Милостивые Государи, сказалъ онъ, въ наше время не должно бы написать Тартюфа. При Лудовикѣ XIV религія была торжествующею, — выступить противъ нея тогда было смѣло, благородно». Но Мольеръ выступалъ не противъ Религіи, а противъ лицемѣрія, ханжества, противъ пороковъ, прикрывавшихъ себя щитомъ Религіи. Хочу думать, что Профессоръ выразился не отчетисто, и это было ошибкою языка, а не мысли. Од-

накоже онъ прибавилъ въ заключеніе: «En France il ne faut jamais courtiser le pouvoir. Въ наше время когда церковь пользуется гораздо мѣньшимъ уваженіемъ, когда она имѣетъ болѣе враговъ, чѣмъ друзей, Тартюфъ былъ бы анахронизмомъ.» Можно ли выразиться неосторожнѣе, чтобъ не сказать нелѣпѣе! Другими словами: не надо нападать на истину, когда ей не вѣрятъ! На истину нападать всегда преступленіе.

Потомъ былъ у Форіеля и Дамирона.

Форіель, авторъ Исторіи южной Галліи и другихъ важныхъ сочиненій, читалъ отрывками одну драму Лопе-де Веги, по переводу, который самъ называлъ невѣрнымъ и негоднымъ. Скука смертная! Слушателей было очень мало. Видно впрочемъ, что онъ не шарлатанъ.

Дамиронъ излагалъ возраженія Гассенди о безсмертіи души. Самыя пошлыя мысли онъ считалъ за великое, и предлагалъ свои замѣчанія, еще мѣльче, и съ какимъ важнымъ тономъ! Жалѣю, что не записалъ ихъ для образчика; теперь позабылъ. Впрочемъ замѣчу, что всякой народъ имѣетъ свою точку зрѣнія на все, и что кажется важнымъ Нѣмцу, то не кажется такимъ Французу, и т. под. Самый путь размышленія у разныхъ народовъ различенъ: къ одной и тойже истинѣ Русскіе подойдутъ справа, а Англичане слѣва,—но это предметъ обширный....

Всѣ здѣшніе Профессоры читаютъ обыкновенно по два раза въ недѣлю, и больше ничего не дѣлаютъ. Можно приготовиться. Впрочемъ даръ слова, думаю физіологическая способность, говорить, безъ всякаго сомнѣнія данъ преимущественно Французамъ, у которыхъ никто оспоривать его не смѣетъ. Французы всѣ говорятъ хорошо,—и между слугами, сидѣльцами, почталіонами, я встрѣчалъ часто такихъ говоруновъ, что любо слушать. Говорящіе дурно—это исключеніе у нихъ, между тѣмъ какъ у другихъ народовъ хорошіе ораторы рѣдкость.

Всякому свое. За то Нѣмцы думать мастера, Англичане считать, а мы—мы, Богъ дастъ, выучимся всему.

Въ Московскомъ Университетѣ, подумалъ я съ удовольствіемъ, вѣрно читаются теперь лекціи подѣльнѣе этѣхъ пресловутыхъ, Французскихъ; но у насъ нѣтъ Journal des débats который бы разглашалъ ихъ стоустою своей трубою.

16. Похороны Дюка-Бассано (министра иностранныхъ дѣлъ у Наполеона) были, говорятъ, нынче, а не вчера. Рѣчи говорили Карлъ Дюпень, Этьень. Какъ поспѣваютъ эти господа всюду, и въ Академіи, и въ Палатѣ, и по судамъ, во дворцѣ, на кладбищѣ!

У *Мишеле*. Препустая лекція—никакого порядка. Авторъ въ немъ несравненно выше Профессора. Главный предметъ война у Французовъ съ Англичанами, но онъ метался всюду, толковалъ объ сраженіяхъ и характерѣ Англичанъ, нашелъ лицемѣріе ихъ господствующимъ признакомъ, перепрыгнулъ къ тѣмъ драмамъ Шекспира, въ которыхъ изображенъ этотъ порокъ, припуталъ къ чему-то, что Нѣмцу нужно 50 лѣтъ для того, чтобъ понять басню Лафонтеня, признался къ такой же стати, что въ 1814 году Французы не имѣли никакого понятія о Нѣмецкой Литтературѣ, и что невѣжество было ужасное; потомъ началъ искать grace между Французами, толковать объ эластическомъ сопротивленіи Парламента, (выраженіе удачное), и наконецъ заключилъ, что прежнюю Францію по всѣмъ правамъ надо назвать la bonne France.—Ну право было стыдно за него!

Мишеле — лѣтъ пятидесяти, посѣдѣлый, но очень пріятной наружности, даже миловидный.

Засталъ на нѣсколько минутъ *Шарпантье* — о градѣ Божіемъ Августина.

Россьё Сент-Илеръ понравился мнѣ больше всѣхъ, объ Испаніи; за то сказалъ онъ нѣсколько такихъ вещей, за

которыя надобно посадить его на покаяніе недѣли на двѣ. «Всякой народъ, котораго воспитаніе привязывается къ одной книгѣ, осужденъ на неподвижность, бездѣйствіе: это доказываютъ намъ Аравитяне съ ихъ Кораномъ, Евреи съ Ветхимъ Завѣтомъ.» Но развѣ Ветхій Завѣтъ не связанъ съ Новымъ, и не беретъ тамъ своего начала, и развѣ образованіе Европы, Франціи, и его самаго, не есть Христіанское образованіе? Я возражаю Профессору въ его смыслѣ, въ историческомъ, и не говорю уже здѣсь о религіозномъ богохульствѣ. Чему же удивляться, что въ Парижѣ такъ часто строятся баррикады? Ну какъ не побѣжать какой нибудь горячкѣ изъ аудиторіи на площадь, и не принять участія въ первомъ встрѣчномъ мятежѣ, что и дѣйствительно случается. Многіе попадаютъ мимоходомъ въ схватки, однакожъ съ оружіемъ въ рукахъ. Еще сказалъ онъ къ чему-то, что церковь вредна для государства. Разумѣется, онъ думалъ здѣсь о западномъ стремленіи вмѣшиваться въ свѣтскія дѣла, но онъ долженъ бы былъ оговориться объ этомъ злоупотребленіи, и не забывать, что его слушатели, какъ и онъ самъ, принадлежатъ къ западной церкви. Французскіе Профессоры обязаны, кажется, имѣть особенно въ виду своихъ слушателей, которые принадлежатъ ко всѣмъ сословіямъ и ко всѣмъ возрастамъ. Въ ихъ аудиторіяхъ я вижу гораздо болѣе людей пожилыхъ, стариковъ, простолюдиновъ, чѣмъ студентовъ. Съ ними должно быть еще гораздо осторожнѣе.

Жерюзе говорилъ о Лабрюэрѣ—занимательныя біографическія подробности, вѣроятно уже извѣстныя; но мысли изъ Лабрюэра выбиралъ не очень удачно. И здѣсь видно было намѣреніе польстить демократическому направленію

Ораторы въ Университетѣ точно также по большой части рабы, прислужники публики, а не господа, не учители. Всѣ хлопочутъ объ эффектѣ, все для выставки.

Погода стоитъ всѣ эти дни дождливая. Слухи ходятъ пренепріятные. Опасаются новыхъ вспышекъ. Солдаты и офицеры національной гвардіи подвергаются оскорбленіямъ. Завидна участь мирныхъ гражданъ, отцевъ семействъ, подставлять свой лобъ первому мошеннику или негодяю, который цѣлится въ васъ изъ-за угла, и котораго нельзя даже схватить за руку, прежде нежели онъ выстрѣлитъ. Всего опаснѣе Воскресенье. Говорятъ, что и 12 Мая заговоръ не удался потому только, что заговорщики не всѣ поняли другъ друга на общемъ ихъ смотру, въ Воскресенье, разговаривая между собою знаками среди прогулки по бульвару.

Обѣдалъ съ Ш. у Барона Мейендорфа, который обласкалъ насъ какъ нельзя болѣе, и съ величайшею любезностію разспрашивалъ, чѣмъ можетъ быть для насъ полезенъ. Такая внимательность доставила намъ большое удовольствіе.

Познакомился съ Графомъ Бастаромъ, который издаетъ снимки съ древнихъ миніатюръ въ рукописяхъ, и намѣревается ѣхать въ Россію.

Встрѣтился съ любезнымъ Княземъ Э. Мещерскимъ, въ которомъ, при Европейскомъ образованіи, много Русскаго духа, и который съ успѣхомъ знакомитъ Европу съ Россіей.

Не знаю, что дѣлалъ вечеромъ, потому что я записывалъ у себя въ памятной книжкѣ уже чрезъ нѣсколько дней. И такъ этотъ вечеръ у меня пропалъ, и даже

17. число, т. е. цѣлой день слѣдующій, точно какъ у спутниковъ Магеллана, когда они окончили свое путешествіе вокругъ свѣта. А далѣе перепутаны отмѣтки,—слѣдствіе Парижской сумятицы, перемѣны Министровъ, политическаго направленія, дурной погоды, или просто усталости.

Боюсь, чтобъ при иномъ случаѣ не поймалъ меня какой нибудь журналистъ, какъ г. Полеваго, который разругалъ небывалое представленіе, по одной афишкѣ, не знавъ, что оно было отмѣнено. Время идетъ здѣсь такъ скоро, что никакъ не успѣешь за нимъ.

Когда-то на этихъ дняхъ увидѣли мы наконецъ мамзель-*Рашель*, знаменитую жидовочку, которая воскресила Французамъ древнюю ихъ такъ называемую классическую трагедію, хотя классицизма въ ней нѣтъ ни на волосъ, а тотъ же романтизмъ, только причесанный, а не растрепанный, какъ у Гюго, у Дюма и ихъ подражателей. Нѣтъ—по моему мнѣнію Рашель обѣщаетъ быть хорошею художницею, а теперь она далека еще отъ своего идеала. Она обязана славою только модѣ, своей романической судьбѣ, своей красотѣ, своей молодости, фигурѣ и статьямъ Жюль Жанена, или, какъ называетъ его N., Юлія Янина. Играли Корнелева Цинну, котораго всунулъ намъ въ хвостѣ услужливый продавецъ копѣекъ за 30. Она играла Эмилію. Непонимаю, за чѣмъ береть она себѣ такія роли—Герміону, Эрифилу, Роксану. Мнѣ кажется, ей приличнѣе Ифигенія, Антигона и т. подобныя. Правда, у ней есть прекрасныя минуты негодованія, оскорбленнаго самолюбія, величавой гордости, самосознанія. Она очень мило вскидываетъ своей прекрасною головкой, возвышаетъ голосъ, но на нее никакъ не льзя сердиться, бояться ея, упрекать. Она читаетъ стихи очень хорошо, хоть иногда все еще слишкомъ на распѣвъ; обладаетъ чувствомъ.

Прочіе актеры ниже всякой посредственности. *Лижье*, преемникъ Тальмы, получившій отъ него въ наслѣдство многія роли съ ихъ постановкою, даже движенія, положенія, просто несносенъ, когда остается безъ наслѣдства. Даже комедія посредственна, хотя по старой памяти и очень интересно видѣть Французскую комедію на

Французскомъ театрѣ, со всѣми ея преданіями и во всѣхъ національныхъ костюмахъ.

Говорятъ, что актеры Французскаго театра искони пользуются какими-то привилегіями, посредствомъ которыхъ удобно отстраняютъ отъ себя новыхъ кандидатовъ, могущихъ колебать ихъ славу, или лишать выгодъ, и остаются на своихъ мѣстахъ заматорѣвши въ лѣтахъ зрѣлыхъ, засыпая на своихъ лаврахъ, какъ то случается у насъ съ иными заслуженными.

Сообразили, что надо купить въ Парижѣ. Платя здѣсь за нужныя вещи вдвое и втрое дешевле противъ Московскихъ цѣнъ, мы вознаградимъ отчасти издержки путешествія. Чтобъ не попасться въ обманъ, рѣшились покупать въ магазинѣ au prix fixe, и избрали богатой магазинъ подъ вывѣскою Au pauvre diable, который пользуется доброю славою.

Погодинъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книгѣ).

Рис. Рабусъ.
Грав. Корнилій Тромонинъ

ПРІѢЗЖІЙ ИЗЪ УѢЗДА,

ИЛИ

СУМАТОХА ВЪ СТОЛИЦѢ.

«Муза ры коль безъ кротости юноша пышъ, безъ скромности дерзокъ
Безъ направленій стремлавъ, чуждъ искусства безъ навыковъ дѣльныхъ,
Внѣ постоянства превратенъ и твердости внѣ легкомысленъ....
Чаяжъ всего отъ себя; но безъ помощи рѣется въ бездны.
Всежъ и сіе и то украси примышленій убранствомъ!»

Телемахида.

I.

Всѣмъ уже извѣстно и переизвѣстно изъ повѣсти «Неистовый Роландъ» и изъ комедіи «Ревизоръ,» и изъ иныхъ повѣстей и комедій, о пріѣзжихъ изъ столицы, сколько происходило суматохъ въ уѣздныхъ городахъ отъ пріѣздовъ губернаторовъ, вицъ-губернаторовъ и ревизоровъ. Теперь слѣдуетъ по принадлежности описать, какъ въ столицѣ происходила подобная же суматоха отъ пріѣзжаго изъ уѣзда, и какъ принятъ былъ qui pro quo, или *сей* вмѣсто *этого*. Очень естественно, что въ столицѣ не можетъ произойти суматоха отъ пріѣзда вышеписанныхъ лицъ, слѣдовательно она должна была произойти отъ пріѣзда какого нибудь генія. Именно такъ и случилось. Когда настала самая изступленная мода на геніевъ, то, разумѣется, что въ такомъ случаѣ гдѣ хочешь возьми генія, хоть роди.

Вотъ и родили: вся Европа наполнилась геніями, геніями разсчетливыми, которые тотчасъ поняли, что по легкости, быстротѣ и удобности сообщеній, можно уже обойтись безъ крыльевъ, и что вмѣсто того, чтобъ уединенно парить въ горнихъ, безвоздушныхъ пространствахъ, можно въ пріятномъ обществѣ трястись въ дилижансахъ, паровозахъ и пароходахъ. Въ слѣдствіе этого, они вмѣсто древнихъ крыльевъ отрастили современныя бороды и пустились въ публичныхъ экипажахъ разъѣзжать по столицамъ: кто съ скрипкой, кто съ цѣлымъ оркестромъ, кто съ портфелемъ, кто просто съ однѣми руками, или ногами, иной съ языкомъ, другой съ горломъ, а нѣкоторые съ однимъ только Европейскимъ тономъ. Бѣдные современные люди дивились геніямъ и бросали на нихъ деньги, какъ въ старину дивились шарлатанамъ на ярмаркахъ.

Пріѣхавшій въ столицу геній, о которомъ будетъ рѣчь, пріѣхалъ на этотъ разъ не изъ трущобы Европейской, но изъ глуши Россіи; и потому кому нѣтъ дѣла до Русскихъ геніевъ, просимъ далѣе не читать и не ожидать отъ насъ повѣсти заграничной, въ которой развивается какая нибудь идея.

Огласивъ всѣхъ, кому до насъ нѣтъ дѣла, — начнемъ.

Домъ Аполлона Ивановича, былъ домъ, въ который имѣли входъ только свои геніи. Онъ самъ и его братъ преисполнены были учености; супруга его Деянира Діогеновна и ея свояченица были преисполнены поэзіи и *граціи*. Аполлонъ Ивановичъ, братъ его, Деянира Діогеновна, демуазель Елена, или по новѣйшему правописанію, выражающему произношеніе — Элег'нь, и всѣ посѣщающіе домъ геніи, назы-

вались «своей семьей». *Салонъ* былъ лучшаго тона, меблированъ и обставленъ не симетрически по старому обычаю, не диваномъ съ круглымъ столомъ и двѣнадцатью креслами по сторонамъ; но по новой системѣ возрожденія, или палингенезіи вкуса. Въ пріятномъ, поэтическомъ безпорядкѣ были разбросаны по цвѣтнику ковра разныя сѣдалища: vis-a-vis и *лежанки*, на ресорахъ, съ пружинами, съ ножками на колесцахъ, для удобства подъѣзжать другъ къ другу, съ винтами для униженія и возвышенія, съ нѣжными ручками, на которыя не положи руки своей, и съ спинками безъ прислону. Надъ каминомъ стояли бронзовые часы съ Наполеономъ — въ колпакѣ; на журавлиныхъ столикахъ и на грибкахъ, разставленныхъ также кой-гдѣ, лежали точно забытыя—какая нибудь вѣчная работа хозяйки, какая нибудь развернутая книга въ переплетѣ съ золотымъ обрѣзомъ, и съ надписью посвященія отъ сочинителя; кучка Англійскихъ альманаховъ, Философій Нѣмецкихъ, и бррнборьёновъ Французскихъ, а въ дополненіе всего альбомъ хозяйки, какъ станціонная записная книга, для всѣхъ кто удостоенъ былъ ея вниманія. Сюда-то являлись и свои геніи и Европейская пріѣзжая знать, съ поющей скрипкой, съ откупленнымъ Англичанами горломъ, съ портфелемъ геніально намазанныхъ эскизовъ, съ возрожденной бородой, съ всевѣденіемъ и съ необсохшимъ материнскимъ молокомъ на устахъ. Здѣсь-то, въ недавнемъ времени, Аполлонъ Ивановичь ходилъ взадъ и впередъ, въ нетерпѣливомъ ожиданіи кого нибудь, чтобъ перемолвить слово; потому что съ своими онъ не любилъ говорить. Братъ его сидѣлъ въ *розвальняхъ* за развернутымъ листомъ *le Voleur*, какъ за ширмами,

и изрѣдка хохоталъ про себя такъ интересно, что Аполлонъ Ивановичь всегда невольно спрашивалъ:

— Что, братецъ, такое?

— Ничего, братецъ, — отвѣчалъ всегда Юлій Ивановичь, не любя разсказывать.

Деянира Діогеновна и ея свояченица сидѣли за работой, и хранили глубокое молчаніе, чтобъ не истощить напрасно мыслей своихъ и впечатлѣній, до прибытія геніевъ; а главное для того, чтобъ скрыть ихъ другъ отъ друга: очень часто случалось, что одна выдавала какую нибудь возвышенную идею другой за свою; а соперничество за идею, столь же ужасно, какъ и соперничество любви.

— Что это значитъ, ни Павла Александровича, ни Василья Григорьевича? — спросилъ Аполлонъ Ивановичь.

— А вотъ вѣрно Павелъ Александровичь, — сказала вдругъ Елена, обративъ ушко къ дверямъ; — ахъ нѣтъ, это не онъ!

— Это Василій Григорьевичь, — сказала Деянира Діогеновна.

— Какое у васъ чутье! — сказалъ Аполлонъ Ивановичь; — точно, имянно Василій Григорьевичь.

Кивнувъ головой въ дверяхъ, простукавъ огромными каблуками по паркету, до ковра, Василій Григорьевичь, черненькая головка съ мужицкой прической, на небольшомъ туловищѣ, въ сертукѣ, съ тросточкой въ рукахъ, подержалъ за руку сперва хозяина, потомъ хозяйку, поклонился съ сладостной улыбкой Еленѣ, и сѣлъ какъ утомленный въ кресла.

— Если какой нибудь интересъ въ политикѣ? —

спросила Деянира Діогеновна; — васъ, кажется, безпокоитъ участь Донъ Карлоса?

— Ахъ, ни сколько! совсѣмъ другое... я пораженъ, удивленъ, изумленъ!.. клянусь вамъ! это необыкновенно, непостижимо!.. Такъ владѣть Русскимъ языкомъ, такъ облагородить его, такъ сказать... такъ сказать, усладить, радусировать, аристократизировать!.. я внѣ себя!

— Гдѣжъ вы? — спросила Елена, и была очень довольна своей остротой.

— Я... я... ахъ, не спрашивайте! Это невозможно вамъ, самимъ надо слышать и чувствовать! вотъ поэзія!

— Что такое, что такое? — спросила Деянира Діогеновна; — вѣрно Павелъ Александровичь написалъ новые стихи?

— Нѣтъ, поэтъ новый... Вотъ поэтъ, mesdames, такъ поэтъ!

Деянира Діогеновна усмѣхнулась, а всѣ прочіе захохотали.

Должно сказать, что Василій Григорьевичь въ *своей семьѣ* былъ прозаикъ-геній, а Павелъ Александровичь поэтъ-геній. Оба они были люди съ достаткомъ, и слѣдовательно литературная часть *въ своей семьѣ* могла идти безъ бѣдоваго соперничества; но на горе тутъ замѣшалась другая часть, по которой непремѣнно необходимо было избрать одного въ дѣйствительные члены семьи. Къ несчастію, тотъ и другой выбрали одинъ сюжетъ, и именно Елену. Возникло ужасное соперничество, и вопросъ: воспѣвать ее или описывать? Сначала она воодушевляла обоихъ, но вдругъ возвеличила поэта первостатейнымъ, исполненнымъ *самости* и *универса*;

а о прозѣ стала относиться съ неуваженіемъ, и рѣшилась даже сказать въ глаза прозаику-генію, производителю Россійскихъ повѣстей, обидную остроту, что онъ ничѣмъ не уступаетъ лучшимъ Французскимъ романистамъ, потому что его повѣсти какъ будто сколоты на стекло съ Бальзака, *Ежена* Сю и имъ подобныхъ геніевъ. Тутъ только, какъ будто почувствовавъ, что проза не имѣетъ особеннаго вліянія на женское сердце, въ пылу мести и соперничества, онъ произвелъ стишки, которыхъ всѣ куплеты начинались съ вопроса: ты знаешь ли? а кончались припѣвомъ: ты любишь ли? За тайну повѣрилъ онъ ихъ Деянирѣ Діогеновнѣ, которая всегда отдавала преимущество прозѣ съ хорошимъ достояніемъ, нежели стихамъ съ посредственнымъ.

— Прекрасно! сказала она.

Василій Григорьевичь вспыхнулъ отъ радости и мысли, что набивъ руку, онъ помрачитъ славу поэта-генія.

— Какъ умный человѣкъ, — продолжала Деянира Діогеновна, — вы всегда въ состояніи написать прекрасные стихи; но это будутъ стихи умнаго человѣка, а не поэта-генія. Не развлекайте вашего геніальнаго прозаическаго пера стишками...

Стишками! ухъ, какъ это обидно показалось прозаику-генію. Первое средство для истребленія поэтической любимой Еленою славы соперника своего, не удалось; Василій Григорьевичь принялся за другое. Поэтъ-геній таилъ свои созданія въ своей семьѣ, и, гордый, не хотѣлъ бросать ихъ на поруганіе свѣту, — Василій Григорьевичь сталъ возносить до небесъ произведенія его и вмѣстѣ съ тѣмъ возставать за эту утайку отъ свѣта.

— Помилуйте! — говорилъ онъ, — скрывать сокровища! не подѣлиться вдохновеніями души своей съ бѣднымъ человѣчествомъ! отказаться быть представителемъ литературной славы отечества! Это... это... это эгоизмъ! это презрѣніе къ подобнымъ себѣ!.. это... это... Богъ знаетъ что!

Сначала Деянира Діогеновна и вся семья возставали противъ этого воззванія къ обобщенію и обнародованію геніальности; Елена сказала даже съ чувствомъ и очень кстати:

Таи́ святыя вдохновенья,
Поэтъ великій, про себя!

Но потомъ, вздохнувъ, прибавила:

— Впрочемъ, отъ чего же и не напечатать... удивленіе толпы чего нибудь да стоитъ.

— Нѣтъ, вы *нашъ* поэтъ, — произнесла горделиво Деянира Діогеновна; — профаны васъ не поймутъ, не оцѣнятъ!

— Если мои произведенія достойны похвалъ, то я желаю слышать ихъ только отъ васъ, — сказалъ поэтъ горделиво, обѣжавъ взоромъ всѣхъ вообще, но взглянувъ значительно на Елену въ особенности.

Однако же, Василій Григорьевичъ такъ рѣзко и настоятельно высказывалъ свои упреки, что наконецъ вся *своя семья* поколебалась.

— Впрочемъ, отъ чего же.... — сказалъ Аполлонъ Ивановичъ.

— Конечно, — прибавила Елена.

— Если я рѣшусь печатать, то только въ нѣсколькихъ экземплярахъ, для своихъ друзей.

— И прекрасно! — вскричалъ Василій Григорьевичъ.

Въ слѣдствіе этого рѣшенія, поэтъ переписалъ красиво на Англійской бумагѣ «мѣлкія стихотворенія,» потомъ отдалъ переплести въ сафьянъ съ золотымъ обрѣзомъ, потомъ отдалъ въ ценсуру, и, наконецъ, «мѣлкія стихотворенія» напечатались въ нѣсколькихъ экземплярахъ для друзей, розданы *своей семьѣ*, въ гроденаплевыхъ переплетахъ.

Ночь. Василій Григорьевичь сидитъ передъ своимъ письменнымъ столикомъ, въ ермолкѣ; сбросивъ съ праваго плеча халатъ, онъ пишетъ безпощадный, саркастическій разборъ, и изливаетъ на бумагу душевное прискорбіе о несчастномъ поэтѣ, который напечаталъ несчастныя «мѣлкія стихотворенія.» Къ утру все кончено, переписано, запечатано, отослано на почту, въ Петербургъ, прямо въ столбцы журнала литтературы, промышленности, модъ, брани и разныхъ подобныхъ вещей.

Сотворивъ сей грѣхъ, Василій Григорьевичь цѣлый мѣсяцъ промучился ожиданіемъ выхода своей статьи въ свѣтъ. Ежедневно ѣздилъ во всѣ книжные магазины и книжныя лавки: не полученъ ли номеръ, убійственный для славы поэта-генія? Наконецъ полученъ. Читаетъ, дрожитъ надъ нимъ отъ удовольствія, произноситъ въ слухъ: посмотримъ теперь! кладетъ газету въ карманъ и является *въ своей семьѣ*, заготовя восклицанія досады и проклятій журналистамъ, которые не умѣютъ цѣнить генія. Войдя въ залу, хочетъ вынуть номеръ изъ кармана и воскликнуть: посмотрите пожалоста, какое варварство! — а рука не лезетъ въ карманъ, въ лицо бросилась кровь, вся внутренность готова измѣнить....

— Ахъ, какъ жарко! — вскрикнулъ онъ, и бросился въ кресла.

Проходитъ день, два, недѣля, никто ни слова, какъ будто ни журнала никогда не существовало, ни разбора «мѣлкимъ стихотвореніямъ.» Убійственное положеніе для Василья Григорьевича. Въ первомъ же разговорѣ о Русской литературѣ, онъ начинаетъ упрекать всѣхъ журналистовъ, что они не торопятся поздравить публику съ »мѣлкими стихотвореніями,» потомъ начинаетъ упрекать всѣхъ Русскихъ въ равнодушіи къ отечественной литературѣ.

Сдѣлайте же какое нибудь исключеніе, — говоритъ Деянира Діогеновна.

— Ни малѣйшаго!..

— Хоть меня!

— Ни даже васъ.

— Отъ чего жъ это?

— Отъ чего? Хотите знать? я вамъ докажу: есть ли у васъ хоть одна Русская книга? выписываете ли вы хоть одинъ Русскій журналъ?

— Напрасенъ вашъ упрекъ: виноваты ли мы читатели, когда нѣтъ ничего достойнаго чтенія? А Русскіе журналы — сборники искаженія всего Европейскаго, сырыхъ произведеній Русскихъ и площадной брани. Спросите у Державина:

Можно ль орлими крылами
Къ солнцу намъ парить умомъ?

— Брани! — вскричалъ Василій Григорьевичъ; — правда глаза колетъ; отъ того-то мы и почитаемъ бранью даже здравомыслящую критику.

— Брани, брани! — повторила Деянира Діогеновна, —

Рабъ и похвалить не можетъ,
Онъ лишь можетъ только льстить!..

Въ это время, братъ Аполлона Ивановича вошелъ въ комнату съ газетой въ рукахъ и съ морщинами на челѣ.

— Бѣдный Павелъ Александровичь! — сказалъ онъ садясь.

— Что такое? — спросила Деянира Діогеновна.

— Не боленъ ли онъ? — прервала ее съ безпокойствомъ Елена.

— Нѣтъ, слава Богу...

— Вотъ уже третій день не показывается на глаза...

— Вы были у него?

— Нѣтъ не былъ; да не о томъ дѣло.. а вотъ... И Юрій Ивановичь чего-то искалъ на страницахъ газеты.

— Что это? Русскій журналъ? — спросила Деянира Діогеновна.

— Русскій журналъ... слушайте!..

Василій Григорьевичь смутился.

— Очень кстати, — сказала Деянира Діогеновна;— позвольте мнѣ взглянуть на отдѣлъ критики, и доказать, что это не критика, а просто брань.

— Такъ вы ужь читали этотъ журналъ? спросилъ Юлій Ивановичь.

— Нѣтъ; но судя по прочимъ журналамъ, я увѣрена, что и въ этомъ то-же.

— Такъ и въ другихъ журналахъ ему досталось? Бѣдный Павелъ Александровичь! Послушайте, какъ здѣсь относятся объ его «мѣлкихъ стихотвореніяхъ.»

— Разборъ «мѣлкихъ стихотвореній?» Ахъ, читайте пожалоста скорѣе, это любопытно!

— Сейчасъ!—сказалъ Юрій Ивановичь, положивъ газету на колѣни и протирая очки.

— Ахъ, да дайте, братецъ, читать Василью Григорьевичу! Онъ лучше васъ читаетъ,—сказала нетерпѣливо Елена.

Василій Григорьевичь взялъ дрожащими руками листки, и сталъ читать свою статью.

Вся своя семья пришла въ ужасъ.

— Это писалъ невѣжа! — сказала Елена.

Василій Григорьевичь не хотѣлъ подтверждать этихъ словъ: защищать критика не смѣлъ, и потому рѣшился закусить губы.

— Вотъ вамъ и критика, вотъ и умѣнье цѣнить геніальность! Что-жъ вы не защищаете Русскіе журналы, Василій Григорьевичь?... Сознаетесь побѣжденными?

— Это ни на что не похоже!—проговорилъ съ благороднымъ гнѣвомъ Василій Григорьевичь.

— Я первая говорила, что не стоитъ печатать, не должно печатать!... Генія и безъ печати отыщетъ слава.

— Черни ли понимать языкъ идей! — произнесла горделиво Елена.—Какъ жаль, что нѣтъ здѣсь Павла Александровича.

— Поѣзжайте, братецъ, къ Павлу Александровичу, привезите его сюда; я увѣрена, что онъ будетъ самъ смѣяться надъ своими цѣнителями.

— Ѣду,—сказалъ Юлій Ивановичь.

Павелъ Александровичь лежалъ съ пораженнымъ самолюбіемъ въ постелѣ; а убійственный но-

меръ журнала лежалъ на столѣ. Такъ засталъ его Юлій Ивановичь.

— Bon jour!

— Bon jour!

— Читали вы?

— Что такое?

— А! да вотъ....

— Скоты!... произнесъ равнодушно поэтъ-геній.

— A manger le foin,—прибавилъ Юлій Ивановичь, поливъ живой и мертвой водой убитое самолюбіе поэта-генія. Онъ однакожъ съ трудомъ уговорилъ его ѣхать въ свою семью, гдѣ между тѣмъ дамы сплели ему вѣнокъ изъ домашнихъ лавровъ, и когда онъ явился въ *салонъ*, всѣ бросились къ нему навстрѣчу. Деянира Діогеновна, представляя роль громкой славы въ чепчикѣ, возложила вѣнокъ на главу его и произнесла краткую, пристойную рѣчь.

«Вашей славы не помрачитъ зависть и невѣжество! примите вѣнецъ славы, приносимый отъ уважающихъ вашъ геній!» и такъ далѣе.

— Невѣжда похвалы достойной не умалитъ!—сказалъ Аполлонъ Ивановичь.

— А то не похвала, когда невѣжда хвалитъ! прибавилъ съ досадою Василій Григорьевичь, смотря тревожно на Елену, которая съ чувствомъ нѣжности пожала руку поэта-генія.

Поэтъ ожилъ вполнѣ, и въ послѣднемъ порывѣ досады сказалъ:—Это невѣжды, которые знаютъ только вкусъ въ сѣнѣ!

Василій Григорьевичь былъ убитъ вторичной неудачей. Объ немъ забыли въ общемъ вниманіи къ сопернику. Елена, послѣ вѣнчанія поэта, казалось, рѣшилась не скрывать уже ни предъ кѣмъ

своихъ поэтическихъ чувствъ къ нему. Прозаикъ-геній въ отчаяніи отказался отъ обѣда, жалуясь на разстройство желудка, и отправился обѣдать къ Яру. Тамъ никого еще не было, кромѣ одного молодаго человѣка, который, потребовавъ бифстексу и рюмку вина, декламировалъ, развалясь на диванѣ, какіе-то стихи, и не обращалъ вниманія на Василія Григорьевича.

— Ну, а вина? долго ли я буду ждать?—повторялъ онъ нѣсколько разъ.

— Да не угодно ли покуда моего?—сказалъ Василій Григорьевичъ.

Съ этого начался разговоръ; слово за слово, объ литературѣ, объ литераторахъ, о поэтахъ.

— Нашъ климатъ холоденъ для поэзіи, — сказалъ Василій Григорьевичъ; однако же позвольте узнать, чьи это стихи читали вы? въ нихъ дышетъ какая-то восточная нѣга.... Вѣрно поэтъ знакомъ съ востокомъ.... это не Пушкина?

— О, нѣтъ, это южное произведеніе моего друга....

— Боже мой, ктожъ это такой?... Ордынинъ? въ первый разъ слышу эту фамилію.... Какъ хороши! Сдѣлайте одолженіе, повторите; я самъ литераторъ и потому люблю геніальныя произведенія.

Молодой человѣкъ началъ декламировать слѣдующіе стихи:

На хо́лмѣ миртами вѣнчанномъ,
Гдѣ льется шумный водопадъ,
На ложѣ розъ благоуханномъ,
Среди пріюта Ореадъ,
Склонился юноша прекрасный
Съ подругой нѣжной, пылкой, страстной;

Ихъ чувства вспыхнули, горятъ,
Душа въ блаженствѣ нѣги таетъ!...
И поцѣлуями порой
Онъ страстный шепотъ прерываетъ,
И душу дѣвы молодой,
Какъ дивный нектаръ испиваетъ!

— Ахъ, какъ хороши! чудо! я не знаю въ этомъ родѣ ничего лучше!...

И поцѣлуями порой....
Онъ страстный шепотъ прерываетъ....

— Несравненно! Какъ вы назвали фамилію поэта?

— Ордынинъ.

— Сдѣлайте одолженіе, познакомьте меня съ нимъ. Я внѣ себя!... Эй! шампанскаго! надо выпить въ честь поэта!... Какъ бишь?...

Дыханье....
— Дыханье дѣвы молодой,
Какъ дивный нектаръ испиваетъ.

— Какъ нектаръ испиваетъ!... Вотъ стихи, вотъ поэзія!

— Это еще ничего; но какая у него ода «Наполеонъ» — дивная!

— Наполеонъ? неужели?... хоть два стиха!...

— Не помню.... Онъ представляетъ его необузданнымъ конемъ....

Надъ міромъ мчится, громомъ ржетъ....

Не помню....

— Ахъ, какъ жаль!... Во славу новаго поэта!... Завтра непремѣнно ко мнѣ!... Онъ еще не знакомъ здѣсь ни съ кѣмъ? я его введу во всѣ лучшіе дома.... Еще разъ: во славу новаго поэта!... завтра обѣдайте

у меня! пожалоста!... мой адресъ: близь Николы, во второмъ переулкѣ, спросите только меня, всякой знаетъ.... И такъ, я жду; до свиданія, прощайте!

II.

Василій Григорьевичь, жаждущій *уничтожить* поэта-генія, радъ былъ всѣхъ земныхъ поэтовъ и поэтиковъ посадить ему на шею. Онъ поскакалъ по Москвѣ проповѣдывать явленіе новаго оригинальнаго поэта; а молодой человѣкъ отъ Яра побѣжалъ въ гостинницу, въ поднебесный этажъ.

— А! ты дома! — вскричалъ онъ вбѣжавъ въ закопченый номеръ, гдѣ на постелѣ лежалъ въ халатѣ другой молодой человѣкъ, съ претензіей на новомодную мужицкую прическу, съ сигаркой въ зубахъ, и съ карандашемъ и листомъ бумаги въ рукахъ.

— Послушай, душа моя, завтра мы званы съ тобой на обѣдъ къ одному извѣстному Московскому литтератору.... Я познакомился съ нимъ, и прочелъ ему «на холмѣ миртами вѣнчанномъ».... Какъ прочелъ я ему! чудо! онъ въ такой пришелъ восторгъ, что велѣлъ подать шампанскаго, и мы пили за твое здоровье.... Онъ затвердилъ стихи наизусть, и сказалъ, что завтра же вся Москва узнаетъ о новомъ поэтѣ.... Что? доволенъ ты мною?

— Ахъ, жаль!

— Что такое?

— Ты бы лучше что нибудь прочелъ изъ моего эпизода....

— Изъ твоего эпизода! да я ничего не знаю наизусть, кромѣ этихъ стиховъ....

— Послушай продолженіе:

Вонзивъ свой ятаганъ въ врага,
Помчался въ свой аулъ Трухменецъ.
Ночь. Воетъ вѣтръ, шумитъ рѣка,
Вдругъ слышитъ онъ издалека,
Какъ будто плачущій младенецъ....

— Ахъ, да полно читать! поговоримъ о дѣлѣ: какимъ образомъ отправимся мы завтра на обѣдъ? мнѣ въ этомъ сертукѣ неловко.

— Возьми мой фракъ.

— А ты?

— Я заказалъ новое платье; кстати завтра къ обѣду будетъ готово.

— Гдѣжъ ты взялъ денегъ?

— А вотъ гдѣ.

— Браво! получилъ изъ дому?

— Получилъ.

— Что, сознайся: убѣдительное письмо научилъ я написать?

— Да! такъ налгать отцу и матери я бы не рѣшился!

— Налгать! кто жъ лгалъ? Не исполнилась ли уже половина того, что ты писалъ?... Завтра ты обѣдаешь у извѣстнаго литтератора, послѣ завтра онъ тебя знакомитъ съ другими литтераторами, другіе съ третьими, третьи съ цѣлой Москвой, Москва съ Петербургомъ, Петербургъ съ цѣлой Россіей, и такъ далѣе слава твоя проникнетъ отъ полюса до полюса и отъ зенита до надира.... Чудакъ!... ты дай же мнѣ что обѣщалъ; да завтра надо нанять экипажъ, чтобъ задать тону.... Ты ужь не заботься, пиши стихи, — я распоряжусь.

Молодые люди отправились въ сахарныя лавки à la Renommée и Luquét; а мы, между тѣмъ, скажемъ

нѣсколько словъ о томъ, кто таковы они, и для чего прибыли въ столичный градъ Москву.

Мы не знаемъ, какъ они вырвались изъ объятій родительскихъ на свой произволъ; но знаемъ только, что когда одинъ изъ нихъ пріѣхалъ изъ уѣзда въ Харьковъ держать экзаменъ въ студенты, то онъ уже былъ *въ душѣ поэтъ*. Тутъ познакомился онъ съ *другимъ* нашимъ знакомцемъ, который успѣлъ уже перебывать во всѣхъ Россійскихъ Университетахъ и держать экзаменъ въ студенты по всѣмъ отдѣленіямъ и факультетамъ; но очень несчастливо. Въ Казанскомъ Университетѣ держалъ онъ экзаменъ по математическому отдѣленію, но неудачно; въ Дерптскомъ, по отдѣленію словесному, — также неудачно; въ Университетѣ Св. Владимира по отдѣленію юридическому — плохо; въ Московскомъ, по отдѣленію философскому — отказъ; наконецъ въ Харьковѣ, по медицинскому, — и здѣсь отказали. Зная заглавія всѣхъ наукъ, онъ (фамилія его была странная: Айголова) добывалъ содержаніе уроками, ѣздилъ въ *отъѣздъ;* но ему понравилась столичная жизнь, и онъ собирался снова въ Москву давать уроки. Ѣхать одному было и скучно и неначто, и потому онъ пріискивалъ товарища. Вдругъ попадается ему *поэтъ въ душѣ*. Съ первой трубки онъ уже былъ ему и другъ и братъ.

— Помилуй, братецъ, чему ты здѣсь научишься?... здѣсь! по отдѣленію словесности! поэтъ въ душѣ! не хочешь ли ты писать стихи на Харьковскомъ нарѣчіи?... Поздравляю!... Полно! ѣдемъ въ Москву; тамъ настоящій литтературный, Русскій языкъ, тамъ всѣ средства просвѣщенія, всѣ удобства

для поэта: журналы, избранное общество, библіотеки, словомъ все.

Поэтъ убѣдился словами друга; и вотъ они ѣдутъ въ дилижансѣ-возкѣ; ѣдутъ медленно по причинѣ дождей и грязи, а поэтъ летѣлъ бы въ Москву. Всю дорогу онъ сердится:

— Пьфу! время и способности человѣка гибнутъ посреди этой прозы и грязи! Скорѣй, скорѣй въ столицу! въ образованный городъ!

Тамъ, тамъ отъ утра до утра,
Я жизнью тѣшусь и играю,
И въ мигъ восторженный, съ пера
Блаженство смертнымъ проливаю!

Вотъ подъѣзжаютъ наконецъ къ Москвѣ.

— Гдѣ остановитесь, господа? — спросилъ ямщикъ.

— Разумѣется въ лучшей гостинницѣ! — отвѣчалъ горделиво поэтъ, озирая пространную Москву, и съ восторгомъ воскликнувъ:

Россійскихъ городовъ глава!
Обширнаго ума пространная столица!

— Чувствуешь ли ты, — продолжалъ онъ къ товарищу, — какъ переполняется душа восторгомъ при этой великой картинѣ! Ухъ! такъ и плещетъ черезъ край! Вотъ поэзія!... Куда ни оглянись, со всѣхъ сторонъ тянется Москва до самаго неба, точно какъ обняла весь земной шаръ, не достало мѣста, и она выдвинулась за предѣлы земли, построилась на синевѣ эфирной!... Очарованіе!

— Браво! славная мысль; напиши ее въ стихахъ.

— Непремѣнно! напишу Тассовыми октавами стихотвореніе «Москва».... Какая дѣятельность, какое движеніе, какое разнообразіе лицъ, племенъ и со-

стояній! — продолжалъ поэтъ, проѣзжая улицы; — сколько новыхъ впечатлѣній для поэта!

Пріѣхавъ въ контору дилижансовъ, они взяли одного извощика для себя, а другаго для вещей, потому что кромѣ чемодана, поэта снабдили изъ дому и пуховой постелей. Уложились, сѣли, и, отправились на Тверскую, въ лучшую гостинницу.

— Это самая лучшая гостинница? — спросилъ поэтъ у швейцара.

Швейцаръ равнодушно посмотрѣлъ на пріѣзжихъ, изъ которыхъ одинъ былъ въ сюртукѣ обваленомъ въ пуху, а другой въ ситцовомъ смачно-засаленномъ архалукѣ, и спросилъ:

— А что вамъ угодно, господа?

— Лучшій нумеръ!

— То есть подешевле? да у насъ теперь дешевыхъ-то нѣтъ, всѣ заняты. Вы бы поѣхали на какое нибудь подворье.

— Самъ ты какое нибудь животное, съ длинными ушами! Тебѣ говорятъ лучшій нумеръ!

— Въ лучшемъ-то, сударь, полы съ паркетами, шелковая мебель, зеркала дорогія, да фортепьяны.... Инаго пусти, — за сутки заплатитъ, а на годъ изъяну; въ сутки сору да грязи не вывезешь возомъ.

— Пьфу! поѣдемъ, братецъ, въ другую гостинницу.

— И позволяютъ такимъ животнымъ существовать на свѣтѣ!—сказалъ поэтъ съ негодованіемъ, садясь на извощика.

Пріѣхавъ въ другую гостинницу, поэтъ потребовалъ не лучшаго уже нумера, но просто нумера. Осмотрѣвъ съ ногъ до головы и прицѣнившись такимъ образомъ, ихъ повели черезъ переходы и коридоры, по темной, грязной лѣсенкѣ, въ высшій

этажъ и показали закопченную комнатку, гдѣ стояли двѣ кровати, передъ окномъ харчевенный столикъ и два стула.

— Седьмое небо!—вскричалъ поэтъ, взглянувъ въ окно;—безподобно!... какой видъ! все земное величіе подъ стопами, въ тучахъ праха и пыли!... Здѣсь буду я мечтать о его ничтожествѣ, питаться поэтическими думами!... Эй, принеси же намъ чего нибудь поѣсть!

— Прикажете цѣлый обѣдъ, или по порціямъ? — спросилъ трактирный служка.

— По порціямъ! нѣтъ не по порціямъ, а по долямъ!

Покуда принесли очень незначительную долю супу, въ которомъ хранились памятники и воспоминанія о супахъ прошедшихъ дней, поэтъ распѣвалъ:

На долю мнѣ судьба дала
Богатство чувствъ.... я ими полонъ!
Пьфу, братецъ, супъ какъ море солонъ!...
— И порція чрезъ чуръ мала!

прибавилъ сердито и товарищъ поэта, Айголова.

— Порція какъ порція, сударь, ни больше ни меньше не бываетъ, — отвѣчалъ трактирный служка.

Послѣ обѣда наши пріѣзжіе заторопились идти.

— Ты куда?

— А ты куда?

— Я въ Университетъ; тамъ есть знакомые товарищи.

— А я осматривать Москву.

— Дай мнѣ рублей пятдесятъ; надо скорѣе заказать платье.... Какъ только получу *кондиціи*, тотчасъ же отдамъ тебѣ.

— Изволь. — И съ этимъ словомъ поэтъ въ карманъ; отсчитываетъ пятдесятъ рублей.... десять, пять, еще синяя, да еще, да бѣленькая.—Ахъ канальство! только и осталось пятдесятъ рублей! Ты погоди, покуда я продамъ эпизодъ изъ поэмы.

— Покуда дай хоть рублей десять; нечего дѣлать, подожду заказывать.... Да нѣтъ ли у тебя получше сюртука?

— Только новый; а вотъ фракъ.

— И прекрасно! къ этому фраку надо ужъ и брюки получше.... Вотъ и прекрасно!... Немножко узко; ну-да въ крайнихъ обстоятельствахъ можно посжаться.

— Прощай!

— До свиданія!

Поэтъ отправился обозрѣвать Москву. Выбрался на Тверскую, глазѣетъ на стороны, читаетъ вывѣски.... вдругъ видитъ: *Библіотека для чтенія*—Ахъ, библіотека для чтенія! надо запастись книгами.... Прогулка, чтеніе, сочиненіе, и опять прогулка; послѣ прогулки опять необходима умственная пища. И вотъ поэтъ очутился посреди умственной пищи; абонируется на мѣсяцъ, платитъ пять рублей и двадцать пять закладу, и требуетъ новѣйшихъ романовъ.

— Самые новѣйшіе! — отвѣчаетъ ему книгопродавецъ, подавая «Библіотеку романовъ.»

Съ библіотекой романовъ поэтъ отправился въ Кремль, стремительными стопами къ Ивану Великому, на Ивана Великаго.

— За входъ пожалуйте!

Пожаловавъ за каждый ярусъ возвышенія по пятиалтынному, за рубль серебромъ достигъ онъ до высоты, съ которой люди кажутся совершенно ничтожными существами. Поэтъ въ забытьи долго смо-

трѣлъ на обширность Москвы, и на ползновеніе людей по поверхности земнаго шара. Былъ уже вечеръ. Полная луна поднималась изъ-за Рогожской заставы; но поэтъ въ забытьи воззвалъ къ двурогой лунѣ, потомъ къ поднебесью, на которомъ находился, и наконецъ рѣшился сойти на землю, и пройти пѣшкомъ до выспренней своей обители.

Товарищъ еще не возвращался, и поэтъ хотѣлъ заняться чтеніемъ; хватился «библіотеки романовъ» — нѣтъ «библіотеки романовъ»! «Библіотека романовъ» осталась въ поднебесьѣ. Тѣмъ и кончилось чтеніе. Скука родила поэтическія мысли; надо было принять ихъ хоть на клочекъ бумаги—нѣтъ бумаги! Поэтъ не затруднился — оторвалъ чистые полулиста отъ своего свидѣтельства о рожденіи, очинилъ зубами карандашъ, легъ въ постелю и принялся изливать на бумагу «тоску уединенія». — Исписалъ полулиста кругомъ, а изліяніе души продолжается; перевернулъ, исписалъ поперегъ, потомъ наискось, и нечувствительно заснулъ. Свѣча, поставленная подлѣ кровати на стулѣ, также задремала, клонулась носомъ, и вдругъ, какъ съ просонковъ, вспыхнула, обхватила всю свѣтильню, горитъ себѣ, расплывается по деревянному стулу. Къ счастію воротился Айголова и потушилъ маленькій пожаръ, не нарушая сладкаго сна поэта.

Поэтъ любилъ опочивать до полудня; когда онъ проснулся, товарища его уже не было дома; вѣроятно онъ хлопоталъ о кондиціяхъ. Поэтъ отправился снова ходить по Москвѣ; скучно ходить одному, воротился домой, просидѣлъ остальное время у окна, набивая трубку за трубкой, прождалъ товарища, но товарищъ снова воротился, когда его объялъ уже глубокій сонъ съ трубкою въ зубахъ. Такъ прошло

нѣсколько дней во снѣ, въ ходьбѣ и въ тщетномъ ожиданіи товарища, который любилъ только ночивать дома, жертвуя сну часовъ отъ двухъ за полночь до восьми утра.

На пятый день, проснувшись, поэтъ пилъ чай, и выкуривъ трубку, думалъ: набить еще, или идти? Вдругъ трактирный служка, убирая чай, подалъ счетъ.

— Это что такое?

— Щетъ, сударь; у насъ ужь такая заведенція, разщитываться къ первому числу съ постояльцами. За пять сутокъ по пяти рублей, за пятнадцать порцій чаю, да за кушанье — всего сорокъ восемь рублей.

— Хорошо.... — сказалъ поэтъ, смутясь отъ такого неожиданнаго и рѣшительнаго требованія денегъ.

— Такъ ужь пожалуйте.

— Послѣ, вотъ размѣняю.

— Да какая у васъ бумажка, мы пожалуй размѣняемъ.

— Нѣтъ, я самъ размѣняю.... завтра.

— Такъ ужь я такъ и скажу хозяину.

Поэтъ въ отчаяніи; задумался. Вдругъ блеснула ему счастливая мысль продать свою поэму, въ какой нибудь журналъ, или книгопродавцу. Торопливо досталъ онъ тетрадь изъ чемодана, подъ мышку, выбѣжалъ на улицу, сѣлъ на перваго попавшагося извощика, и велѣлъ везти себя къ какому нибудь издателю журнала.

— Не знаю, сударь, гдѣ живетъ таковъ человѣкъ,—сказалъ извощикъ;—вотъ спросимъ у бутки.

Бутошникъ задумался, закинулъ ножка на нож-

ку, положилъ локотокъ на алебарду: — Жирнолизова? такого у насъ нѣтъ въ кварталѣ!

— Гдѣ газеты издаютъ.

— Газеты? Московскія?... Не знаю.... недавно еще здѣсь.

— Такъ вези меня въ книжную лавку!

За книжной лавкой дѣло не стало. Въ Москвѣ много книжныхъ лавокъ.

— Да вамъ, сударь, какую книжную лавку? гдѣ продаютъ книжки, или гдѣ покупаютъ?

— Да, мнѣ нужно продать манускриптъ, — отвѣчалъ поэтъ.

— Такъ такъ бы вы и сказали; это вотъ называются магазеи книжные.... На прошлой недѣлѣ я нашелъ книжку, и привезъ сюда; думалъ, купятъ, анъ нѣтъ;—ступай, говорятъ, на толкунѣ купютъ.... Слава Богу, три гривенничка взялъ.

— Да, это печатная книга, одинъ экземпляръ.

— Книга бравая, въ красной рубашкѣ.

— Далеко еще до книжной лавки?

— А вотъ, какъ разъ.

Извощикъ придалъ рыси коню, и вскорѣ поворотивъ съ Никольской вправо, очутился на толкучемъ рынкѣ, и съ трудомъ проѣхалъ сквозь толпы къ книжной лавочкѣ.

Едва поэтъ соскочилъ съ дрожекъ

— Пожалуйте-съ!—вскричалъ букинистъ.

— Здѣсь покупаютъ манускрипты?

— Почемужъ не купить; позвольте-съ.

— Вотъ, я хочу продать поэму въ стихахъ.

— Писаная?

— Писаная.

— То есть это для печати?

— Конечно, разумѣется для печати.

— А какъ цѣна-съ?

— Тысячу рублей.

Букинистъ сложилъ тетрадь и отдалъ назадъ поэту.

— Въ книжныхъ магазинахъ можетъ быть купятъ.

По адресу поэтъ отправился въ книжный магазинъ.

Можно узнать по наружности человѣка, который продаетъ свое произведеніе; не смотря на важный тонъ, который старается онъ принять на себя, очень замѣтно, что у него подъ мышкой товаръ. Самый скверный товаръ для продажи есть товаръ письменный, потому что продается ни на вѣсъ, ни на мѣру, не имѣетъ ни привлекательной наружности, ни благовоннаго запаху.... ни на языкъ взять, чтобъ отвѣдать—проглотить или выплюнуть. Купите; а что купить? нѣсколько дестей изчерканной бумаги. Вотъ тебѣ разъ! да что это такое? съѣдобное, или носильное?

— Не купите ли вы у меня оригиналъ.... эпизодъ большой поэмы? — спросилъ поэтъ, осмотрѣвшись, и подходя къ равнодушному книгопродавцу.

— Что это такое? стихи?

— Стихи! — отвѣчалъ поэтъ съ самодовольствіемъ и надеждою.

— Нѣтъ, стиховъ не надо; вотъ, еслибъ вы писали гадательныя книжки — можно было бы купить.

Поэта поразилъ этотъ отвѣтъ.

— Гдѣ тутъ издается журналъ? — спросилъ онъ.

— Въ журналъ стихи покупаютъ, — сказалъ книгопродавецъ.

Это возродило надежды поэта. Онъ узналъ адресъ редакціи, отправился въ домъ къ редактору. Вбѣжалъ въ переднюю — никого нѣтъ; пріотворилъ тихонько двери,

— Кто тутъ?

Поэтъ вошелъ въ комнату.

— Что вамъ угодно?

— Здѣсь покупаютъ стихи?

— Нѣтъ, здѣсь продаютъ стихи.

— Извините,—сказалъ поэтъ, отступая къ двери.

— Ничего-съ.

Разогорченный отправился онъ обратно домой. Бросилъ тетрадь свою въ уголъ, шляпу въ другой, сѣлъ подлѣ окна, запустилъ всѣ пять пальцевъ лѣвой руки въ хохолъ, стиснулъ кулакъ, и этимъ только способомъ расправилъ набѣжавшія морщины на юное чело; потомъ сложилъ онъ на окно объ руки, а на руки сложилъ свою голову и заплакалъ. Это были первыя слезы разлуки съ отцовскимъ домомъ, первая холодная роса на сердцѣ.

Однакожъ надо было помогать горю; къ комужъ обратиться съ своимъ горемъ, какъ не къ отцу и матери. Но какъ писать къ отцу? что писать? думаетъ поэтъ. Отецъ вѣроятно сердится, что я не писалъ еще со времени отъѣда, что я въ Харьковѣ держу экзаменъ; а я въ Москвѣ. Отецъ далъ мнѣ пятьсотъ рублей на полгода; а у меня въ полтора мѣсяца нѣтъ ни копѣйки.... Чтожъ мнѣ дѣлать! я не виноватъ! Этого предвидѣть нельзя было!... я поѣхалъ въ Москву не необдуманно!...

Съ этими мыслями поэтъ послалъ за почтовой бу-

магой, и принялся писать письмо. Въ это самое время явился его товарищь.

— Что сочиняешь?

— Ахъ, убирайся къ чорту!

— Ну, ну, подбирай рѳмы; я сейчасъ уйду.

— Какія рѳмы, тутъ прескверная проза: хозяинъ требуетъ денегъ, а денегъ нѣтъ!

— Такъ ты на этотъ случай пишешь стихи?

— Да, чувствительное посланіе къ отцу, чтобъ прислалъ денегъ; а если не пришлетъ — я брошусь вотъ въ это окно!

— Хорошъ сынъ! чѣмъ бы утѣшать родителей, а онъ приводитъ ихъ въ отчаяніе!

— Э, все ровно! мнѣ надоѣла жизнь!... Утѣшать! чѣмъ мнѣ утѣшать ихъ? Всѣ утѣшенья стоютъ денегъ; а мнѣ гдѣ взять ихъ?... Пятьсотъ рублей на полгода — вотъ прекрасно!... Не самъ ли я пріучался дома быть всякой день сытымъ, имѣть пять хорошихъ блюдъ за столомъ, пить чай, кофе и лакомиться; а тутъ вдругъ: на, тебѣ, любезный сынъ, на хлѣбъ съ водой, да на подметки и заплаты!

— Дѣло! правда! — сказалъ Айголова, выслушавъ жалобы поэта.

— Кудажъ ты? постой, помоги мнѣ, не знаю какія бы придумать причины, что я пріѣхалъ въ Москву. Послушай, что я написалъ:

«Любезные родители! Сердце мое исполнено самой жестокой грусти въ разлукѣ съ вами. По отъѣздѣ, я пріятно ѣхалъ до Харькова; предъ глазами новая природа, новые предметы!... Я былъ очарованъ, и душа моя плавала въ нѣгѣ новыхъ впечатлѣній! Божій міръ развертывался предо мною какъ свитокъ временъ....» Хорошо?

— Поэзія!

«Вдругъ пошли дожди, сырая погода, совокупившись съ перемѣною климата и воды, подѣйствовала на меня ужасно, и я отчаянно заболѣлъ. Болѣзнь стоила большихъ пожертвованій, такъ что я непредвидимо издержалъ всѣ деньги, коими снабженъ былъ....

— Ложь! Все это, любезный другъ, ты лжешь, и лжешь самымъ непріятнымъ образомъ для родителей.

— Что жъ дѣлать! я не виноватъ; будто повѣрятъ мнѣ, что я всѣ деньги проѣлъ.

— Такъ лгать не должно.

— Да чтожъ писать, чтобъ прислали денегъ?

— Я тебѣ говорилъ, что надо утѣшать собою родителей. Начало • написано хорошо, вотъ до этихъ поръ: «міръ Божій развертывался предо мною какъ свитокъ временъ» — остальное зачеркни.... Пиши: «Прибывъ въ Москву....

— Какъ, прибывъ въ Москву? меня отправили въ Харьковъ! Они удивятся, зачѣмъ я здѣсь.

— Такъ постой, пиши: «Прибывъ въ Харьковъ, я сталъ готовиться къ экзаменту, и познакомился со всѣми лучшими профессорами. Они полюбили меня, и узнавъ, что я сочиняю уже стихи, сказали, что съ моими способностями къ поэзіи, мнѣ необходимо должно ѣхать въ Москву; потому, что только тамъ есть каѳедра высшей поэзіи; и сверхъ того въ литературѣ и поэзіи употребляется Московское нарѣчіе, какъ лучшее и очищенное отъ провинціализма. Не теряя времени, всѣ совѣтовали мнѣ отправиться немедленноже въ Москву, тѣмъ болѣе, что въ скоромъ времени начнутся экзамены. Убѣжденный сими дово-

дами, я тотчасъ же отправился въ Москву, куда и прибылъ благополучно, въ дилижансѣ. Ахъ, любезнѣйшіе родители, вы не повѣрите, какими чувствами проникнутъ я былъ, подъѣзжая къ первопрестольному граду!...» Вставь какіе нибудь стихи.

— Какіе же? постой....

Златые куполы церквей,
Высокихъ стрѣлы колоколенъ....

Чортъ знаетъ, ничего не лезетъ въ голову!...

— Ну, прибавь хоть:

Кипитъ восторгъ въ душѣ моей,
И я судьбой своей доволенъ.

— Нѣтъ!

Кипитъ восторгъ въ душѣ моей,

Постой: воленъ.... болѣнъ.... приволенъ....

Кипитъ восторгъ въ душѣ моей....

— Ну,

И вздохъ глубокъ, свободенъ, воленъ!...

— Нѣтъ!...

— Да полно, послѣ на бѣло что хочешь пиши. Продолжай:

«Ахъ, еслибъ вы видѣли Москву! Что нашъ городъ! ничто въ сравненіи съ вѣчностью. Какое великолѣпіе зданій, какой блескъ повсюду!... Какъ цѣнятъ здѣсь таланты! Представьте себѣ, мнѣ нужно было только показаться, и всѣ узнали что я поэтъ, всѣ литтераторы предложили свое знакомство, всѣ журналисты просятъ стиховъ....

— Послушай, братецъ, это ложь!—сказалъ поэтъ, положивъ перо.

— А ты лучше лгалъ? Хотѣлъ привести отца и мать въ отчаяніе! Пиши:

«Словомъ, меня носятъ здѣсь на рукахъ, стихи мои ходятъ по рукамъ; всѣ удивляются, что въ мои лѣта я написалъ уже огромную поэму. Вы удивитесь, любезные родители, если узнаете, что я всякой день на вечерахъ и балахъ у лучшей знати Московской, у меценатовъ просвѣщенія. Отказаться невозможно; а это ужасно какъ дорого мнѣ стоитъ. Покуда я пойду на всѣхъ парусахъ къ счастію жизни, любезные родители, мнѣ надо еще оснаститься; а это требуетъ денегъ. Поддержать знакомства, быть пристойно одѣтымъ, имѣть приличную квартиру, нанимать прислугу, и тому подобное; все это требуетъ фундамента, безъ котораго храмъ моего счастія разрушится. И потому, любезнѣйшіе родители, прошу васъ выслать, по первой же почтѣ, ваше родительское благословеніе и тысячу рублей; а если можно и болѣе. Въ случаѣ же дальнѣйшей необходимости, если таковая встрѣтится, я обращусь къ вамъ съ сыновней любовію. Покорный вашъ сынъ....».

— Подписывай!... Еще нотабене: «Теперь я долженъ заняться приготовленіемъ къ экзамену; а какъ только буду свободнѣе, то займусь окончаніемъ и отдѣлкой моей поэмы; литераторы говорятъ мнѣ, что я за нее получу по крайней мѣрѣ десять тысячь.»

— Вотъ, братецъ, какъ должно разшевелять родительское сердце ко благу дѣтей.

— Вѣдь это ужъ слишкомъ налгано! — сказалъ поэтъ.

— Нѣтъ, не налгано! Пусть только вышлютъ больше денегъ; а съ деньгами можно добыть славу, честь и знакомства.

— А покуда вышлютъ, чѣмъ платить за кварти-

ру? чѣмъ жить? надо къ завтрему же пятдесятъ рублей.

— Есть у тебя что нибудь заложить? я добуду денегъ. У тебя кажется есть серебро?

— Три серебряныхъ и три чайныхъ ложки.

— Продать ихъ! Къ чему тебѣ свои ложки? У меня съ роду не бывало своей ложки. Вездѣ нанимаешь квартиру со столомъ, ложки всегда хозяйскія. А перина тебѣ къ чему? У холостаго человѣка перина и стеганое одѣяло — это стрямъ! тебя всѣ осмѣють!... Все это продать, обратить въ деньги; а между тѣмъ я буду имѣть кондиціи, или ты получишь деньги отъ отца.

Какъ сказано, такъ и сдѣлано. Товарищъ поэта, какъ человѣкъ опытный въ подобныхъ случаяхъ, тотчасъ же распорядился надлежащимъ образомъ. Во-первыхъ нашелъ купцовъ для сбыта всѣхъ лишнихъ вещей, которыми заботливая мать снабдила поэта; во вторыхъ условился съ хозяиномъ платить за квартиру и столъ помѣсячно. Такимъ образомъ время до полученія отвѣта на письмо было обезпечено, особенно когда реэстръ поступившихъ въ продажу вещей былъ дополненъ часами, столовымъ бѣльемъ, и бритвенной шкатулкой, которую отецъ подарилъ сыну, съ тѣмъ чтобъ онъ самъ брилъ бороду, когда она выростетъ у него, а не платилъ даромъ денегъ цирюльнику. Айголова доказалъ поэту, что это все лишнее: луковицу вмѣсто часовъ нельзя носить въ столицѣ, а борода еще когда-то выростетъ; притомъ же теперь борода входитъ въ моду, и слѣдовательно бритвы вещь совершенно безполезная.

Университетскіе экзамены назначены были въ Іюлѣ, и потому поэтъ не торопился готовить себя къ от-

вѣту на лотерейные вопросы. По наставленію товарища, самое лучшее правило приготовленія къ экзамену состояло въ томъ, чтобъ начать приготовленіе въ преддверіи экзамена, не раньше какъ за мѣсяцъ: не ѣсть, не спать, и такимъ образомъ сосредоточить всѣ умственныя силы, разомъ обнять памятью весь гимназическій курсъ; а потомъ, за трое сутокъ до экзамена, не думать объ экзаменѣ, напитаться, напиться, нагуляться и выспаться, и послѣ всего этого, явиться въ присутствіе комитета натощакъ.

По этому правилу поэтъ могъ цѣлый мѣсяцъ времени даже продать и уступить дешево, еслибъ кто нибудь покупалъ время, въ слѣдствіе правила, что время есть одна изъ драгоцѣннѣйшихъ вещей въ мірѣ. Три недѣли быстро прошли тѣмъ же порядкомъ, какъ и первый день пріѣзда, съ тою только разницею, что онъ посѣщалъ почтамтъ, для справки, не имѣется ли къ нему письма за пятью печатями. Наконецъ оно получено, разрѣзано, деньги счетомъ выданы поэту; торопливо береть онъ ихъ, расписывается, бѣжитъ....

— Забыли письмо!—кричатъ ему въ слѣдъ; онъ не слышитъ; почтальонъ догоняетъ его и вручаетъ ему письмо. Взявъ извощика, поэтъ взглянулъ на конвертъ: *тысяча рублей!* Развернулъ письмо — отецъ радъ его успѣхамъ, совѣтуетъ ему заботиться скорѣе поступить въ Университетъ, быть осторожнымъ въ выборѣ знакомствъ; потомъ слѣдуютъ наставленія. Не дорогой же читать ихъ. Сложивъ письмо, поэтъ предался мышленію, какимъ образомъ употребить благоразумно деньги на необходимое. Первое, что показалось ему вещью *первой необходимости*, для человѣка, располагающаго тысячью рублей, былъ

модный покрой платья; потому что, хоть его и снабдили всѣмъ съ иголочки; но вся провинціальная одежда никуда не годится въ столицѣ; вопервыхъ, барометръ талій въ столицѣ поднялся на нѣсколько градусовъ выше; вовторыхъ, воротники отъ шеи спустились на спину; въ третьихъ, лацканы не смѣли уже топыриться впередъ; въ четвертыхъ, пуговицы не смѣли имѣть сообщеній съ петлями, и наконецъ каждому благовоспитанному человѣку необходимо было имѣть Гальское пальто, полосатые панталоны и лаковые сапоги съ копытами.

Все это заказано, на пути къ дому, у иностраннаго портнаго, въ магазинѣ готоваго платья; заказано *непремѣнно къ завтрему*, и очень кстати. Заѣхавъ по дорогѣ позавтракать къ Шевалье, поэтъ, счастливый и довольный, возвратился домой, закурилъ цигарку, бросился на постель и долго мечталъ, такъ, о разныхъ предметахъ крайней необходимости, на которые должно было употребить деньги. Вдругъ пришла ему въ голову богатая мысль: издать свою поэму, немедленно же приступить къ печати. Торопливо схватилъ онъ карандашъ и бумагу, чтобъ скорѣе кончить ее. И въ это-то время вошелъ его товарищъ и торжественно объявилъ, что онъ званъ на обѣдъ къ одному изъ извѣстныхъ литтераторовъ.

III.

Мы уже упомянули, что прозаикъ-геній Василій Григорьевичъ поѣхалъ по Москвѣ бить въ колокола о явленіи новаго, самобытнаго поэта. Въ тотъ же день онъ успѣлъ быть у Княгини Маріи Алексѣев-

ны, у Турусиныхъ, у Колесиныхъ, у Князей Кучукъ-Каймакановыхъ, у Берендеевыхъ-Кошкиныхъ, и многихъ иныхъ, на Арбатѣ, на Поварской, на Покровкѣ, на Дмитревкѣ, во всѣхъ кривыхъ переулкахъ, на всѣхъ горкахъ, на пяти вечерахъ и десяти балахъ; наахалъ мадемуазель Элизѣ, и мадамъ Софи Плохоноговой, мадемуазель Эсперансъ, и мадемуазель Эмамбль, чтобъ онѣ, любительницы поэзіи, готовили свою душу, какъ драгоцѣнный сосудъ, для сладостнаго чувства, которое вольетъ въ нее новый, прекрасный поэтъ-геній, прибывшій въ Москву изъ благовонныхъ странъ пламеннаго юга.

— Вы видѣли его? вы слышали его? что онъ въ родѣ Пушкина?

Василій Григорьевичъ, вмѣсто отвѣта, декламировалъ новому поколѣнію стихи Пушкина.

— Ахъ, это не уступаетъ Пушкину! восклицали въ гостиныхъ.

— Что всѣ ваши поэты передъ Державинымъ! говорило старое поколѣніе.

— Василій Григорьевичъ, вмѣсто отвѣта, декламировалъ стихи Державина.

И всѣ восклицали:

— Неужели это стихи новаго поэта?

— Его, Княгиня.

— Познакомьте меня съ нимъ!

— Это геній!

— Геній! необыкновенный геній!

— Кудажъ вы?

— Au revoir! завтра онъ у меня обѣдаетъ.

— Доставьте же намъ случай его видѣть.

— Непремѣнно!

До трехъ часовъ за полночь Василій Григорьевичь такимъ образомъ носился молвой о новомъ, великомъ поэтѣ, объѣхалъ всѣхъ знакомыхъ, только не заѣзжалъ въ свою семью, гдѣ поэтъ-геній читалъ любовь въ очахъ Елены, и не предвидѣлъ, что прозаикъ-геній строитъ на него ковы. На другой день, между тѣмъ какъ онъ еще спалъ, нашъ новый поэтъ съ товарищемъ сбирались уже къ нему на обѣдъ. Портной сдержалъ слово; выбравъ по мѣркѣ изъ запасовъ готоваго платья все что нужно было для наряда по послѣдней полученной изъ Парижа картинкѣ, онъ явился въ двѣнадцать часовъ, натянулъ на поэта платье, только что изъ-подъ утюга, и сказалъ: все впору, сидитъ прекрасно, такой таліи свѣтъ не производилъ! Поэтъ хотѣлъ взглянуть на себя въ зеркало; но зеркала не было; въ сердцахъ онъ велѣлъ позвать хозяина, сдѣлалъ ему выговоръ за недостатокъ зеркала, и приказалъ приготовить для себя нумеръ съ зеркалами.

Новомодный покрой платья необходимо было дополнить многимъ: надо было вопервыхъ зеркальные сапоги, потомъ шелковый платокъ, новую шляпу шведскія перчатки, щегольскую тросточку, вмѣсто часовъ хоть бронзовую цѣпочку. На Кузнецкомъ мосту всѣ эти вещи были уже давно готовы и ожидали только прибытія поэта, съ потребнымъ количествомъ денегъ. Проѣзжая мимо оптическаго магазина, поэтъ почувствовалъ, что у него слабо зрѣніе, и необходимы очки, или по крайней мѣрѣ лорнетка. Оптикъ посовѣтовалъ взять то и другое. Проѣзжая мимо фабрики париковъ и *чесальной залы*, товарищъ поэта сказалъ, что необходимо завить волосы.

*

— Вамъ необходимъ парикъ!—сказалъ перрюкье;— у васъ рѣдки, жестки собственные волоса, вѣрно вылѣзли послѣ горячки; завить нельзя, да и тѣмъ лучше: всѣ порядочные люди теперь носятъ парики.

Подобнымъ убѣжденіямъ невозможно было противиться, и вотъ, въ три часа, поэтъ, сопровождаемый товарищемъ, явился къ прозаику-генію; въ парикѣ и въ очкахъ его не узнали бы отецъ и мать, не только что чужіе люди; куда дѣвалась излишняя молодость, откуда взялось достоинство *человѣка какъ быть*.

Василій Григорьевичь въ фасонабельной комнатѣ, углубившись въ комфортабильныя кресла и въ книгу, ждалъ гостей. Едва они въ двери —

— А! — произнесъ онъ протягивая поэту правую руку, а товарищу его лѣвую, — вы прервали мое чтеніе, и на какихъ замѣчательныхъ словахъ: «знакомство великаго человѣка есть благо, ниспосылаемое небомъ.» Очень, очень благодаренъ; я съ такимъ нетерпѣніемъ желалъ вашего знакомства.... вашъ талантъ....

Юный поэтъ, какъ мы замѣтили уже, былъ поэтъ съ восторженнымъ духомъ. Подъ него не нужно было много подкладывать дровъ, чтобъ воспламенить. *Великій туалетъ* превратилъ уѣздную неловкость его въ оригинальность, или, какъ очень умно выражаются нынѣ, *самость*. Разговоръ тотчасъ склонился къ литературѣ вообще и къ поэзіи въ особенности; но его прервали пріѣздомъ своимъ два молодыхъ свѣтскихъ человѣка, съ большимъ искусствомъ выработанныхъ для парадовъ гостиныхъ.

— Рекомендую вамъ моихъ пріятелей, — сказалъ Василій Григорьевичь, — они не литераторы, но

цѣнители геніальности; Князь Синегорскій-Корка и Полпудовъ.

Цѣнители геніальности взглянули какъ знатоки людей на нашего поэта, и замѣтили въ немъ что-то особенное.

Во время обѣда, поэтъ, возгорженный особеннымъ вниманіемъ къ его словамъ, и разгоряченный произведеніями Бургундіи и Кампаніи, удивилъ всѣхъ познаніями, шутками и остротами, усвоенными изъ журналовъ. Въ самомъ дѣлѣ, онъ былъ достойный воспитанникъ шести отдѣленій журнальныхъ: Русской словесности, иностранной словесности, наукъ и художествъ, критики, литтературной лѣтописи и смѣси. Обо всемъ, что было писано въ продолженіе лѣтъ трехъ (т. е. со времени, въ которое онъ началъ читать журналы) въ «библіотекѣ для чтенія», онъ могъ такъ же смѣло судить, какъ печатная статья.

— Что, mon cher? — сказалъ Василій Григорьевичь, отведя въ сторону пріятеля своего Князя.

— Mais, mon cher, — сказалъ Князь, — это геній, это чудо! Я зову его въ воскресенье на вечеръ; мои старики въ ничто ставятъ нашъ вѣкъ, требуютъ указать имъ хоть одного современнаго генія, подобнаго Ломоносову; я имъ живьемъ представлю генія.... Попроси же его прочесть стихи своего произведенія.

— О, онъ непремѣнно прочтетъ, онъ обѣщалъ, я его упрошу.

И вотъ, Василій Григорьевичь, а въ слѣдъ за нимъ и его пріятели обращаются къ поэту съ нетерпѣливымъ желаніемъ слышать его творенія.

— Я прочту вамъ что нибудь изъ своей поэмы.

— Ахъ, нѣтъ, лучше прочти «*Кастальскій ключь*» говоритъ ему товарищъ.

Такъ какъ чтеніемъ поэмъ всѣ давно уже у насъ напуганы, то и убѣдили поэта прочесть «*Кастальскій ключь.*»

Глубоко вздохнувъ, поэтъ сѣлъ, обратилъ взоръ къ потолку, и, упоенный хвалами и шампанскимъ, читалъ:

Источникъ шумный и прозрачный,
Текущій съ горней высоты,
Поящій долъ роскошно-злачный,
Кропящій перлами цвѣты....

Безподобно! Какой стихъ: «Кропящій перлами цвѣты!»

Поэтъ продолжалъ:

Въ твоихъ извивахъ серебристыхъ,
Румянцемъ дѣвственнымъ горя,
И сыпля кущы розъ огнистыхъ,
Играетъ ясная заря....
Когда....

— Ахъ!
— Тсъ!

Когда же солнце воцарится,
Природу свѣтомъ облечетъ,
Кристаллъ твой вспыхнетъ, загорится,
И яркимъ золотомъ тѣчетъ!...

— Какое воображенье!
— Charmant!
— Тсъ!

Но ты мила ночной порою:
Ты перлы катишь при лунѣ;
Все тихо, мирно надъ тобою,
И рощи дремлютъ въ тишинѣ...
Какъ мученикъ заботы дневной,
Я прихожу къ тебѣ, ручей,
И утомляю жаръ душевный
Струей прохладною твоей!...

— Браво! И утоляю жаръ *дневной*
Струей прохладною твоей!

Разгоряченный поэтъ продолжалъ изступленно, какъ шаманъ:

Пои меня! въ ладу я съ рокомъ,
Когда тобой упьюся я,
Взыграетъ духъ мой, и потокомъ
Польется звучно пѣснь моя!

— Безподобно! чудно! ахъ, какъ хорошо! Русскій Гюго!—кричали всѣ, устремивъ глаза на поэта, какъ на дикаго звѣря; а онъ отиралъ зной съ лица своего, и ходилъ обмахиваясь платкомъ по комнатѣ.

Князь Синегорскій-Корка проситъ поэта къ себѣ на вечеръ.

— Вы сдѣлаете намъ честь, и надѣюсь проведете время пріятно: у насъ танцы, музыка, пѣнье; въ избранномъ обществѣ Москвы не доставало только поэта.

Приглашеніе разумѣется было принято; а товарищъ шепнулъ: говорилъ я тебѣ, что все, что ты писалъ къ отцу, правда.

Князь Синегорскій-Корка былъ замѣчательное лицо въ гостиныхъ и въ пламенныхъ сердцахъ. Около него жеманился не только дѣвственный міръ, но и милыя, прекрасныя, очаровательныя, плѣнительныя женщины старались при немъ казаться существами дѣвственными, непорочными жертвами, страждущими въ оковахъ замужства. Всѣмъ существамъ, одареннымъ его вниманіемъ, онъ сказалъ à propos, что Россія обладаетъ теперь геніемъ поэзіи, и что онъ въ воскресенье будетъ у *насъ* читать свои творенія. На другой же день всѣ визиты и встрѣчи въ двадцати частяхъ, ста кварталахъ, двухъ стахъ улицахъ, трехъ стахъ переулкахъ и въ тысячѣ гостиныхъ, начинались съ восклицанія: ахъ! слышали вы?

— Слышала: она выходитъ замужъ....

— Ахъ, не то! явился поэтъ, передъ которымъ ничто Пушкинъ!

— Ахъ, слышала; говорятъ, что-то необыкновенное, совершенно въ новомъ родѣ....

— Ахъ! слышали?

— Слышала.

— Отъ кого?

— Отъ.... отъ.... отъ двадцати человѣкъ, — отвѣчала мадемуазель Тэкла, торопливо, не желая произносить имени Князя Синегорскаго-Корки, чтобъ не покраснѣть.

— Ахъ, вы слышали? Новый поэтъ.

— Да, послѣ завтра онъ будетъ читать свои стихи въ домѣ Князя; я непремѣнно буду тамъ.

— Можетъ быть званый вечеръ?

— Да, кажется.

И иначе начинали:

(въ гостиной).

— Вы видѣли поэта? Вотъ геній! Какія размашистыя крылья у него! Паритъ орломъ!

(въ передней).

— Слышишь, Ванька! крылатый человѣкъ явился; вотъ бы посмотрѣть!

(въ гостиной).

— Такъ не видали? и я еще не видѣла.

— Откуда онъ?

— На дняхъ возвратился изъ путешествія.

— Ахъ, Боже мой, такъ вѣрно я его видѣла въ театрѣ, въ первомъ ряду креселъ.... Новое лицо.... вокругъ него толпа....

— Каковъ же онъ собой?

— Высокій мущина, волосы разбросанные по плечамъ, лицо блѣдноватое, взоръ томный....

— Ахъ, это долженъ быть онъ!

И на бульварѣ, всѣ ходятъ суетливо и спрашиваютъ другъ друга о явленіи поэта.

— Что-то въ родѣ ямбовъ Барбье, или Ламартина.... но лучше, говорятъ....

— Vraiment? je veux apprendre le russe.

— Il nous a lu «La fontaine de Castalie» — charmant! Il vous depeint comme la nature dors aux alentours, et le ruisseau magique roule ses ondes de perles.

Не менѣе прочихъ хлопоталъ и Статскій Совѣтникъ Лукьянъ Петровичъ.

— Слышала, матушка? — говорилъ онъ женѣ, приказывая скорѣе обрить себя, подать парикъ и одѣваться.

— Что такое, батюшка?

— Въ Москвѣ, матушка, явилось чудо.

— Что за чудо такое, батюшка?

— Крылатый, матушка, человѣкъ.

— Помилуй, батюшка, кто это тебѣ сказывалъ?

— Петръ.

— Какой Петръ, батюшка?

— Ахъ, матушка, какой Петръ? вотъ вопросъ! забыла, какъ зовутъ моего камердинера!

— Петръ навретъ, а ты слушаешь.

— Отъ чего же навретъ; своими ушами слышалъ отъ людей Князя Синегорскаго. Петръ! поди сюда! говори, что ты слышалъ?

— Княжескіе люди сказывали, что у нихъ будетъ крылатый человѣкъ. Князь и Княгиня сзываютъ всѣхъ знакомыхъ смотрѣть его; говорятъ, что онъ будетъ летать по большой залѣ.

— Странно, что они не думаютъ насъ пригласить, если есть на что посмотрѣть! — сказала голосомъ обиженнаго самолюбія Статская Совѣтница, состоящая въ этомъ чинѣ съ начала столѣтія. — Не напрашиваться ли ты ѣдешь, батюшка?

— Помилуй, матушка, какъ будто это значитъ напрашиваться, ежели я сдѣлаю визитъ Князю?

— Очень натурально!... и что за любопытство, что за нетерпѣніе! увидишь, батюшка, за свои деньги.

— Любопытство! чаю, стоитъ посмотрѣть крылатаго человѣка.

— А ты, батюшка, и вѣришь, что у него настоящія крылья?

— А почемужъ бы, матушка не вѣрить? Родятся же люди двойчатки, какъ напримѣръ, пишутъ, Сіамскіе близнецы; отъ чегожъ не уродиться съ крыльями? это игра природы; статься можетъ, что мать въбеременности испугалась крыльевъ, вотъ, ребенокъ

и родился съ крыльями. Сама ты знаешь Акулину Яковлевну: испугалась мыши, и родила младенца — мышь на щекѣ. Все дѣло возможное.

— Не вѣрится! Человѣческій образъ съ крыльями носятъ только ангелы на небеси.

Лукьянъ Петровичь задумался.

— Ну, подождемъ, — сказалъ онъ, — Князю нельзя же не пригласить насъ.

Между тѣмъ какъ Лукьянъ Петровичь ожидалъ приглашенія, молва переносилась изъ дома въ домъ, какъ полымя пожара; то перекинетъ его черезъ брантмауеръ, то переброситъ черезъ улицу. А извѣстно, что во время подобныхъ слуховъ поднимаются всѣ старые и молодые городскіе вѣтры.

Свѣденіе черезъ заборъ дошло и до Филата Кузмича, знатнаго, почетнаго гражданина съ золотой медалью на шеѣ. До того Филата Кузмича, что купилъ себѣ *княжески палаты*, только что не позолоченныя снаружи, сказалъ: что мнѣ до барь! я самъ господинъ! и подѣлалъ въ княжескихъ палатахъ лежанки, и живетъ себѣ самъ-шестъ: Анисья Тихоновна, да Федя, да старуха, да дѣвка кухарка, да дворникъ. Бывало тутъ у нерасчетливаго Князя сотъ пять гостей въ сутки перебываетъ, пудъ пять восковыхъ свѣчей въ вечеръ сожгутъ, рублей тысячу въ день скушаютъ, да двѣ выпьютъ; а теперь, у расчетливаго Филата Кузмича, вороты на заперти, въ подворотню собака на прохожихъ лаетъ, дескать «проваливай мимо! сама голую кость гложу!» Свѣту только Божій день, лампадка передъ кивотомъ, да сальная свѣча. Золотая *мобель* прикрыта чехлами, чтобъ не попортилась отъ неупотребленія; пищи — щей горшокъ, самъ большой, да мостолыга мяса; за то самоваръ ка-

кой знатной! ведра въ три; жаль, чашечки *больно маненьки*, съ глоточикъ. Живетъ себѣ Филатъ Кузмичь, словно чужое богатство стережетъ. Садъ былъ слишкомъ великъ, такъ онъ повырубилъ его подъ огородъ, да насадилъ капустки и огурчиковъ. Оранжерею, такъ-таки *ранжереей* и оставилъ, только самъ не съѣстъ ни грушки, ни сливки, ни лимончика не сорветъ для домашняго обихода—все на откупу. По парадному крыльцу не ходитъ; разъ пошелъ было, да причудился ему въ дверяхъ офиціантъ княжой, стоитъ себѣ съ булавой, да словно кричитъ: куда тебя чортъ несетъ! — Съ тѣхъ поръ Филатъ Кузмичь заперъ на ключь парадное крыльцо.

— Слышалъ, Филатъ Кузмичь, что люди говорятъ? — сказала Анисья Тихоновна; — говорятъ-тово, явился вишь какой-то Яній, крылатый человѣкъ.

— Ой-ли?

— Знать-тово, что ужь это чудо какое? Явился въ имѣньѣ у Князя Синегорскаго. Сегодня сюда привезутъ; чай со всей Москвы сбѣжится народъ. Что, кабы-ты у дворецкаго мѣстечко добылъ, на хорахъ чтоль, аль гдѣ у подъѣзда, посмотрѣть маненько.

— А что-тово, Федя! сходи, братъ, попроси ко мнѣ дворецкаго; такъ, скажи, дѣльцо тятенькѣ есть.

Федя побѣжалъ, а Филатъ Кузмичь, значительно откашлянувшись, вынулъ бумажникъ съ ассигнаціями, и сказалъ: постой, все устроимъ.

Слухи проникли даже далеко за заставу, въ имѣніе Акима Ивановича. Чудное имѣнье, богатая земля, да нѣкогда было пахать ее; потому что у Акима Ивановича въ имѣньѣ былъ окаянный лѣсъ, который онъ берегъ пуще своего глаза и обводилъ циркумвалаціонными линіями. Только что первый лѣтній теп-

лый денекъ — Акимъ Ивановичь и ѣдетъ осматривать лѣсъ. — Крадутъ! я вижу что крадутъ! и сгонить всю деревню обводить лѣсъ валами и канавами; а лѣсъ верстъ двадцать въ окружности. Потомъ рой канаву вокругъ деревни, потомъ вокругъ всего имѣнья,— лѣто и пройдетъ.

Когда воротился изъ Москвы посланный для покупки новыхъ лопатъ и заступовъ, Акимъ Ивановичь смотрѣлъ на работы и разсуждалъ со старостой.

— Ну, братъ Савелій, будь я богатъ, я бы обвелъ все имѣнье каменной стѣной, сажени въ три вышины; ужь тогда бы чужая собака не забѣжала воровать лѣсъ!... Эгэ! посмотри-ка, это дѣвчонки крадутся? лови ихъ! сюда! а! канальи! грибы воровать!... покажи сюда!

— Это не грибы, а ягоды, батюська вася пліасходиства!

— Давай сюда!

И Акимъ Ивановичь взялъ кувшинчикъ съ набранной земляникой, всунулъ въ него руку, передавилъ всѣ ягоды, и потомъ хлопнулъ кувшинъ о землю.

— Вотъ вамъ и ягоды! не смѣйте въ лѣсъ ходить!... пошли!... А! привезъ?

Прибывшій прикащикъ, поклонившись низменно, доложилъ, что все привезъ. Онъ-то, вмѣстѣ съ лопатами, заступами и кирками, привезъ изъ Москвы и новость, что въ Москвѣ явился Яній крылатый человѣкъ. Эта новость такъ встревожила Акима Ивановича, что онъ немедленно же отправился въ Москву.

IV.

Случай, или вообще счастье всѣмъ современнымъ геніямъ: только къ вечеру воскресенья, на улицѣ,

около ограды дома Князя Синегорскаго-Корки стеклись толпы народа смотрѣть крылатаго человѣка, какъ въ старину слона или посла съ бородой. Мало помалу явились и экипажи, сперва нѣсколько — два, три, ѣздили шагомъ взадъ и впередъ предъ домомъ, останавливались и пережидали, какъ будто затрудняясь проѣхать сквозь толпу. Потомъ глядя на этихъ, и какъ будто любопытствуя знать причину стеченія народа, поѣхали тише и другіе; съѣхавшіеся потянулись гусемъ; а между тѣмъ, къ столпившемуся народу набѣжали разнощики съ яблоками, съ апельсинами, съ мороженымъ, съ игрушками, съ пряниками, съ макомъ,—недоставало только самоварчиковъ съ горячимъ сбитнемъ, да патоки съ инбиремъ.... этихъ Русскихъ сластей—увы! не было уже въ Москвѣ: завелся харчевенный чаекъ, да Французскія конфеты изъ картофельной муки и патоки.

Вотъ, на улицѣ, передъ домомъ Князей Синегорскихъ образовалось приходское гулянье, о которомъ не знала и полиція. Одинъ рядъ экипажей тянулся по улицѣ, другой пробирался на княжескій дворъ.

Молодой Синегорскій, предложивъ отцу и матери представить геніальнаго поэта, пригласилъ только свою знакомую молодежъ, цѣнителей талантовъ; мелькомъ упомянулъ и нѣкоторымъ изъ charmantes personnes, что въ воскресенье у него литературный вечеръ; но особенныхъ приглашеній, званаго вечера онъ не предполагалъ. Старый Князь, правда, сказалъ на ухо кой-кому изъ короткихъ знакомыхъ: «пріѣзжайте на вечеръ въ воскресенье, у меня одинъ стихотворецъ будетъ читать свои стихи; говорятъ, очень хороши.» И старая Княгиня также шепнула кой-кому: «пріѣзжайте на вечеръ въ воскресенье; у

меня будетъ одинъ извѣстный сочинитель.... будетъ свои стихи читать.» Но и они, ни особенныхъ приглашеній, ни званаго вечера не желали дѣлать, тѣмъ болѣе, что старый Князь не уважалъ ни новаго просвѣщенія, ни новыхъ творцевъ, и не хотѣлъ, какого нибудь юнаго поэта, фертика, почтить особеннымъ пріемомъ, званымъ вечеромъ и полнымъ освѣщеніемъ дома.

Насталъ вечеръ. Князь и Княгиня вышли въ маленькую гостиную, и не желая показать, что они ожидаютъ поэта, начали вечеръ обыкновеннымъ порядкомъ.

— Что значатъ эти экипажи и толпы народа? — спросила Княгиня, — узнай!

— Да это, Ваше Сіятельство, ждутъ гостя, который изволитъ быть сегодня къ вамъ, — отвѣчалъ оффиціантъ.

— Что за чудо, неужели онъ такъ славенъ, что народъ сбѣгается смотрѣть на него! — сказала Княгиня. Вдругъ докладываютъ о пріѣздѣ Его Сіятельства Князя Кучукъ-Каймаканова, съ Княгинею и Княжнами.

— Какъ не кстати! — проговорила хозяйка. Князь пошелъ встрѣтить.

— Мы къ вамъ совершенно неожиданно: ѣдемъ прогуливаться, вдругъ видимъ стеченіе народа.... что это такое? вѣрно приходскій праздникъ? говорю я.... Заѣдемъ, Княгиня! — Заѣдемъ! Вотъ такимъ-то образомъ и заѣхали.

— Очень рада!

— Что Князь?

— Слава Богу.

Сердечно радъ. Что новаго въ Москвѣ?... говорятъ....

— Марѳа Григорьевна Турусина, съ дочерьми и племянницами!—доложилъ снова человѣкъ.

— Проси!—произнесла наморщившись Княгиня.

— А я къ вамъ, Княгиня, проститься, — сказала звучно, великолѣпная дама, входя въ гостиную съ толпой граціозныхъ существъ;—мы ѣдемъ на будущей недѣлѣ въ Петербургъ, такъ можетъ быть не удастся....

— Петръ Сергѣевичь Весневицкой съ супругой!... Марья Яковлевна Гущина!... Потомъ Коровкины, потомъ Музины, Пузины, Зюзины, и—гостиная переполнилась неждаными гостями.

— Вели освѣтить скорѣе большую гостиную!—говоритъ хозяйка на ухо Князю, скрывая досаду и усаживая гостей.

А между тѣмъ, на дворѣ и на улицѣ давка; экипажи такъ стѣснились, что нѣтъ проѣзда.

— Это ни на что не похоже!—кричитъ квартальный, — давать балъ и не объявлять полиціи!... — Съ помощію хожалаго онъ принялся разгонять народъ, и устроивать порядокъ проѣзда и пріѣзда.

Только что Княгиня перевела гостей въ большую гостиную, вдругъ въ залѣ послышалось какое-то особенное движеніе, говоръ умолкъ.

— Князь!—вскричалъ вбѣжавъ Василій Григорьевичь,—поэтъ!—За Васильемъ Григорьевичемъ вошелъ юный поэтъ, безъ товарища, потому что Айголова не любилъ аристократическихъ вечеровъ.

Горделиво приподнявъ голову, онъ шаркнулъ въ дверяхъ, и по привычкѣ расчесывать голову пятью пальцами, онъ чуть-чуть не сдернулъ съ себя парикъ.

— Какъ благодаренъ!—вскричалъ молодой Князь, взявъ его за руку и ведя въ гостиную представлять отцу и матери.

Поэтъ смутился, когда ввели его въ озаренную гостиную, полную блистательнаго общества; голова его нѣсколько закружилась, въ глазахъ потемнѣло. Довольно оригинально поклонился онъ Княгинѣ, а потомъ Князю; но когда молодой Синегорскій опустилъ его руку, и оставилъ на произволъ самому себѣ, на ногахъ посреди чинно сидящихъ.... произволъ его совершенно исчезъ, и онъ не двигался съ мѣста, какъ центръ круга, унизаннаго глазами. Въ самомъ дѣлѣ, ужасное положеніе для того, кто не знаетъ, что въ такомъ случаѣ надо посмотрѣть на всѣхъ прищуривъ или вытаращивъ глаза, потушить яркіе взоры окружающихъ, и потомъ уже перевернуться на одной ножкѣ, и такимъ образомъ выйдти изъ волшебнаго глазастаго круга. Встрѣчая вездѣ глаза, поэтъ провелъ взоры по карнизу, до самыхъ дверей.... Двери! благодѣтельныя двери! въ васъ можно уйдти!...

Все это однако же могло приняться за *самость*, въ человѣкѣ, котораго молва провозгласила *необыкновеннымъ*.

— Онъ очень не дуренъ собою!... и какъ еще молодъ!...

— А мнѣ кажется онъ болѣе моложавъ, нежели молодъ; эта блѣдность и сурьезность въ лицѣ предполагаютъ большую опытность въ жизни.

— Давно ли вы пожаловали къ намъ въ Москву?— спросилъ старый Князь, подходя къ поэту.

— Давно-съ!

— Издалека?

— Издалека,—отвѣчалъ поэтъ, потерявъ понятія о *времени* и *пространствѣ*, и думая только о *мѣстѣ*.

— Не угодно ли садиться?—сказалъ старый Князь.

Къ счастію, подошелъ Василій Григорьевичь и началъ громогласно превозносить творенія поэта. Это его оживило.

— Надѣюсь, — сказалъ Князь, — что вы доставите намъ удовольствіе слышать что нибудь.

— Съ особеннымъ удовольствіемъ, мнѣ пріятно!... отвѣчалъ поэтъ, ободрясь и откашлянувъ эти слова.

— Ахъ, *Кастальскій ключь!* Это очарованіе! — сказалъ Василій Григорьевичь.

— Прочитайте, пожалоста, — сказала Княгиня.

— Право, эти стихи не такъ хороши, — сказалъ поэтъ, устремивъ глаза въ потолокъ, и какъ будто припоминая ихъ. Какъ водится въ свѣтѣ, все обратило на него вниманіе. Шепчущимъ голосомъ онъ началъ читать:

Источникъ шумный и прозрачный, и пр:

Почтенныя дамы слушали, о чемъ-то тихо разсуждая; прекрасныя созданія слушали, по обыкновенію, внимательными взорами; патріархи семействъ, вынувъ изъ одного уха хлопчатую бумагу, склонили его въ ту сторону, откуда проистекалъ Кастальскій источникъ; а свѣтскіе молодцы, что-то ловили глазами, и не щадили: браво, браво! вслушиваясь въ тѣ мѣста, которыя поэтъ произносилъ громко и съ чувствомъ.

Василій Григорьевичь не утерпѣлъ, повторилъ съ восторгомъ, обѣжавъ взоромъ всѣхъ прекрасныхъ созданій: «Румянцемъ дѣвственнымъ горя.» Какой стихъ! какъ это ново: всѣ поэты до сихъ поръ срав-

нивали румянецъ съ зарей; а monsieur сравниваетъ румянецъ зари съ дѣвственнымъ румянцемъ.

Это замѣчаніе сильно подѣйствовало на прекрасный полъ, и на поклонниковъ его. Charmant! произнесъ одинъ звучный голосокъ, за нимъ вслѣдъ посыпались браво — браво! Общее вниманіе было покорено, и всѣ почувствовали жажду къ стихамъ.

— У васъ есть Наполеонъ, — сказалъ Василій Григорьевичъ.

— Ахъ, Наполеонъ, Наполеонъ! — повторили всѣ любящіе *героя нашего вѣка.*

— Любопытно состязаніе съ Ламартиномъ и Пушкинымъ!

— О, они не откажутся намъ прочесть! — сказалъ Василій Григорьевичъ.

Поэтъ, возгорженный хвалой, потеръ лобъ, смѣло окинулъ всѣхъ вопросительнымъ взоромъ, и произнесъ, возвысивъ голосъ: Кто онъ?... Всѣ вздрогнули отъ неожиданности подобнаго вопроса.

Кто онъ?... Гигантъ и Атласъ новый,
На рамена поднявшій свѣтъ,
И бросившій его въ оковы
Могучей дланію побѣдъ?

Поэтъ пріостановился, какъ будто ожидая отвѣта,— всѣ молчали.

Кто онъ? Какъ конь неистовъ, тучей
Надъ міромъ мчится, громомъ ржетъ,
Пылъ изъ ноздрей какъ вихрь летучій,
Изъ устъ клубами пѣна бьетъ;
Отъ взоровъ молніи снопами,
Бѣжитъ и царства бьетъ стопами!....
Кто онъ?

*

— Браво, браво! это Барбье!.... тсъ!
— Выше!
— «Надъ міромъ мчится, громомъ ржетъ!» Каково?
— Тсъ!

Кто онъ? Подъ огненнымъ вѣнцомъ,
Стопы на грудь поставилъ міра?
Пылаетъ, искрится на немъ
Изъ молній тканая порфира.
Вокругъ него рабы рабовъ
Стоятъ ни живы и ни мертвы;
Взоръ грозный движетъ тьмы полковъ,
Десница исчисляетъ жертвы?
Кто онъ?
Кто онъ? Тотъ вождь непобѣдимый,
Внимавшій хоръ земныхъ похвалъ,
Сорвавшій съ главъ ихъ діадимы....
Кто онъ?... Не спрашивайте!... Палъ,
Палъ геній славою ведомый,
И смолкли грозы, стихли громы!...
Весь міръ облекся тишиной....
И родъ Адама отдыхаетъ....
И снова плавною струей
Рѣка событій протекаетъ.

— Incomparable! чудно!

Поэтъ торжествовалъ, осыпаемый восклицаніями удивленія и похвалъ. Не менѣе его торжествовалъ и Василій Григорьевичь, но совсѣмъ по другой причинѣ. — Дѣло идетъ на ладъ! — думалъ онъ, потирая себѣ руки.

— Вы первый поэтъ Россіи! — повторялъ онъ, пожимая руку поэта.

— Да, — сказалъ и старый Князь, увлеченный общимъ мнѣніемъ, — да, я не знаю ничего лучше!

— Браво! побѣда за нашимъ поколѣніемъ! — воскликнулъ молодой Синегорскій.

Возгорженный поэтъ, чтобъ утолить внутреннее волненіе, ходилъ взадъ и впередъ по залѣ, охлаждая себя платкомъ. Дѣвушки также прохаживались попарно, какъ можно ближе къ поэту, чтобъ изучить его наружность и геніальныя странности. Въ другой комнатѣ раздалось нѣсколько аккордовъ на фортепьяно; всѣ бросились туда, и торопились обступить генія романсовъ, *котораго слава была уже сдѣлана.* Это былъ молодой человѣкъ *съ голосомъ Стентора*,— простите старому сравненію. Поэтъ остался, какъ забытый, посреди залы; онъ припоминалъ лучшія мѣста изъ своего эпизода большой поэмы, увѣренный, что его снова обступятъ, съ просьбами прочесть еще что нибудь. Занятый повтореніемъ 3-й главы, состоящей не болѣе какъ изъ пяти сотъ стиховъ, онъ вдругъ услышалъ неистовые возгласы: браво! charmant! и тутъ только замѣтилъ сиротство свое.

Ему показалось обидно, что его не пригласили слушать громогласнаго пѣвца; идти незваному въ другую комнату показалось неприлично, и юный поэтъ, съ затронутымъ самолюбіемъ, отъ вниманія и вмѣстѣ отъ невниманія, отправился домой.

V.

Виновникъ быстраго распространенія славы нашего поэта, Василій Григорьевичъ, какъ уже мы сказали, торжествовалъ въ душѣ затмѣніе славы своего соперника по отношеніямъ сердечнымъ. Онъ предвидѣлъ, какъ будетъ страдать самолюбіе Павла Александровича, когда явится *въ своей семьѣ* новый поэтъ, про котораго будетъ кричать вся Москва, и какъ

Елена не захочетъ себя унизить любовію къ свѣтилу померкшему.

Вы помните, какъ прибѣжалъ Василій Григорьевичь *въ свою семью*, и изступленно говорилъ: я пораженъ, удивленъ, изумленъ, словомъ, я внѣ себя! Это было на другой день послѣ вечера у Князей Синегорскихъ.

— Я всѣ себя! — повторялъ онъ.

— Гдѣ жъ вы? — спросила Елена.

— Я.... я.... ахъ, не спрашивайте! это не возможно! вамъ самимъ надо видѣть, слышать и чувствовать!

— Что нибудь очень любопытное! — сказала Деянира Діогеновна; — я думаю однакоже, что вы наконецъ скажете намъ, что́ васъ такъ изумило и удивило.

— Явился великій поэтъ!

— Ха, ха, ха, ха! мы что-то слышали про него! Гдѣ же намъ его искать, чтобъ видѣть это величіе? впрочемъ, можетъ быть онъ будетъ показывать себя за деньги.

— Вы смѣетесь, шутите; но это не шутка: я видѣлъ его, слышалъ собственными ушами, познакомился съ нимъ, и первый нашъ разговоръ былъ объ васъ и вашемъ семействѣ.

— Это какъ? — спросила съ холоднымъ удивленіемъ Деянира Діогеновна.

— Ахъ, Боже мой, удивительно ли: пріѣхать образованному литтератору, поэту, въ Москву, слышать объ васъ, и желать познакомиться съ вами? Вашъ домъ — центръ того образованнаго общества, которое взвѣшиваетъ таланты и оцѣняетъ ихъ.

— Вы кажется собираетесь льстить, — сказала Деянира Діогеновна.

— Если вамъ угодно принять за лесть общее мнѣніе.... какъ вамъ угодно!... По крайней мѣрѣ и нашъ новый поэтъ, сообразуясь съ общимъ мнѣніемъ, просилъ меня доставить ему случай быть вамъ представленнымъ.

— Очень рада, мнѣ пріятно будетъ самой видѣть у себя великаго поэта; вы такъ расхвалили его, вся Москва только и говоритъ что о немъ, — сказала Деянира Діогеновна, охладивъ нѣсколько чувство удовлетвореннаго самолюбія послѣдними словами, произнесенными съ улыбкой.

— Въ какомъ же родѣ этотъ поэтъ? — спросила Елена, также улыбаясь, — лирическій, драмматическій, сатирическій, или эротическій?

— Я слышалъ его лирическія и эротическія произведенія; однако же онъ пишетъ поэму; а поэма заключаетъ въ себѣ и драмму. Истинный поэтъ долженъ обладать всѣми родами поэзіи.

— Вотъ что? — сказала сухо Елена, которой самолюбіе Василій Григорьевичъ кольнулъ своимъ замѣчаніемъ; потому что поэтъ-геній *въ своей семьѣ* считался только лирическимъ поэтомъ, и всѣ вообще не совѣтовали ему писать поэмъ и драммъ, находя, что его способность не распространяется на драммы. Но своего лирическаго поэта *своя семья* считала поэтомъ *высокаго полета*, а Елена не иначе какъ *генераломъ отъ поэзіи*, и вдругъ ей осмѣливаются говорить, что онъ не болѣе какъ *оберъ-лирикъ*, съ маленькими крылышками. Елена готова была съ досады вскрикнуть: пожалуйте ваше перо! извольте идти подъ арестъ, къ себѣ на квартиру! — но воздержалась.

— Такъ стало быть лирикъ не можетъ быть ге-

ніемъ? — сказала она тономъ оскорбленнаго самолюбія.

— Мадемуазель Элег'нь, вы понимаете всѣ вещи лучше меня, и потому вашъ вопросъ совершенно лишній.

— Отъ чего же лучше васъ? — спросила она, вполнѣ удовлетворенная отвѣтомъ.

— Отъ того, что дары природы, развитые до такой степени совершенства, какъ въ васъ, не могутъ быть удѣломъ многихъ.

Прозаикъ-геній очень ловко умѣлъ золотить свои рѣчи и осыпать ихъ драгоцѣнными словами, которыя нравятся нѣжному и чувствительному самолюбію; и потому дѣвушка, въ которой дары природы были развиты до такой степени совершенства, вполнѣ была довольна подареннымъ отвѣтомъ.

— И я должна замѣтить вамъ, что вы расположены сегодни всѣмъ льстить, — сказала Елена, пріятно улыбнувшись.

— И я повторю вамъ отвѣтъ мой на подобныя слова Деяниры Діогеновны.

— Оставимте споръ; когда жъ вы привезете къ намъ новаго поэта?

— Даже завтра, если встрѣчу во всѣхъ любопытство его видѣть и слышать.

— Ахъ, мы очень любопытствуемъ видѣть и слышать его.

На этомъ кончился разговоръ о поэтѣ. Василій Григорьевичь вскорѣ отправился, сказавъ, что нужно ему кое-чѣмъ заняться; и въ самомъ дѣлѣ онъ занялся визитами, туда-сюда, ко всѣмъ знакомымъ съ домомъ Аполлона Ивановича, и разгласилъ, что завтра ввечеру будетъ у Аполлона Ивановича великій поэтъ

читать свои творенія. Это имѣло ожидаемый успѣхъ. На другой день ввечеру у Аполлона Ивановича точно таже исторія, какъ и у Князей Синегорскихъ. Всѣ короткіе и некороткіе знакомые пріѣхали, какъ будто случайно навѣстить Деяниру Діогеновну. Павелъ Александровичь, съ нѣкотораго времени ежедневный вечерній гость, былъ тутъ же.

Когда Василій Григорьевичь явился съ поэтомъ, всѣ комнаты были полнехоньки, какъ на толкучемъ раутѣ, все говорило о новомъ поэтѣ; а всѣ бывшіе на вечерѣ у Князей Синегорскихъ кричали, что *это чудо!*

Едва Деянира Діогеновна произнесла съ самодовольствіемъ: «онъ будетъ сегодня у меня»—поэтъ въ двери, а Павелъ Александровичь, засѣвшій въ удиненный уголокъ, чтобъ избавиться отъ обидныхъ вопросовъ: вы видѣли новаго поэта? вы знакомы съ нимъ? геній! совершенно въ новомъ родѣ! — вздрогнулъ и поблѣднѣлъ.

Василій Григорьевичь представилъ поэта хозяйкѣ и хозяину. Поэтъ былъ уже смѣлъ, расклонивался съ потребною важностію для генія, осматривалъ всѣхъ неробкимъ взоромъ, завелъ разговоръ о литтературѣ, о поэзіи, о журналахъ. Его окружили, и вскорѣ посылались общія просьбы прочесть что нибудь, и имянно «Наполеона.» Общее удивленіе къ поэту поразило Елену; она пожирала его взорами, слушала, и не смѣла прервать его словъ собственными сужденіями: такъ ново и любопытно говорилъ онъ. Василій Григорьевичь гремѣлъ: именно такъ! точно! совершенно справедливо! ново, очень ново! и нападалъ на одного С. Петербургскаго студента, который осмѣливался оспоривать сужденія

поэта. Бѣдный Павелъ Александровичъ не сводилъ глазъ съ Елены и блѣднѣлъ отъ дурноты. Когда же новый поэтъ началъ читать оду «Наполеонъ,» и когда послѣ стиха

«Надъ міромъ мчится, громомъ ржетъ»

вся зала потряслась до основанія отъ восклицаній удивленія, а Елена сказала по привычкѣ: Dieu, comme c'est beau! онъ схватилъ въ безпамятствѣ чужую шляпу и — исчезъ.

На другой день онъ не явился въ свою семью; въ отчаяніи ходилъ онъ по комнатѣ и сочинялъ стихи *къ невѣрной;* а это, какъ извѣстно, неимовѣрный трудъ, послѣ стиховъ Баратынскаго «Разочарованіе»: разочаруйся только отъ любви, непремѣнно вспомнишь и запоешь:

Не утѣшай меня безъ нужды
Возвратомъ нѣжности твоей:
Разочарованному чужды
Всѣ обольщенья прежнихъ дней!

Съ поэтомъ-геніемъ случилось иначе: онъ вспомнилъ эти стихи, и вскричалъ: о, я ей отмщу моимъ разочарованіемъ! и сталъ разочаровывать себя. Во-первыхъ, положилъ цѣлую недѣлю не быть *въ своей семьѣ*, и даже не выѣзжать изъ дому, чтобъ нигдѣ не встрѣчаться съ преступной Еленой. Во-вторыхъ, положилъ послѣ этого срока показать къ ней ледяную холодность; въ третьихъ, напечатать свои сочиненія и посвятить ихъ мадемуазель Турусиной, съ которой Елена до ненависти *пикировалась* умомъ и образованіемъ.

Между тѣмъ какъ онъ худѣлъ отъ разочарованія, Василій Григорьевичъ ежедневно навѣщалъ свою

семью и строилъ чувства Деяниры Діогеновны и Елены на свой ладъ. Явившись на другой день, онъ наговорилъ имъ тьму любезностей отъ имени новаго поэта.

— Онъ безъ ума отъ васъ!—говорилъ онъ Деянирѣ Діогеновнѣ. — «Эта женщина идеальнаго ума, очарованія и образованности!...» Простите, я говорю не свои слова; я не могъ ихъ скрыть, потому что онѣ такъ сходны, какъ съ общими, такъ и съ моими собственными понятіями.

— Онъ безъ ума отъ васъ! — говорилъ онъ Еленѣ;—«вотъ идеалъ красоты; не нелѣпой классической, которая прилична только статуямъ; но красоты романтической, плѣнительной, очаровательной!»

— Онъ очень милъ! — сказала Елена потупивъ очи.—Изъ его словъ по крайней мѣрѣ я вижу, что онъ подобно мнѣ не любитъ правильную Греческую красоту.

— Болѣе: онъ ненавидитъ ее подобно мнѣ; мы сошлись съ нимъ вкусами.... Какъ это.... «Изъ молній тканая порфира....» не припомните ли дальше?... Какіе стихи! c'est du sublime!... Эти стихи стоили бы вашего альбома.

— О какъ высоко вы ставите мой альбомъ! — сказала неосторожная Елена.

— Но скажите же, какую степень таланта даете вы поэту?

— Право не знаю; опредѣлите сами, я съ вами соглашусь.

Василій Григорьевичъ преклонилъ голову и сказалъ: — я не завидую тому, кто истинно достоинъ удивленія и славы; и потому я ставлю поэта на

первую степень, по крайней мѣрѣ въ настоящее время. Зависть есть недостатокъ душъ мѣлкихъ, способностей ничтожныхъ, которыя боятся присутствія великаго таланта.

Бросивъ такимъ образомъ тѣнь на поэта-генія, Василій Григорьевичь не прежде какъ на четвертый день спросилъ, что значитъ, что не видать Павла Александровича?

— Онъ съ самаго того вечера не былъ у насъ,— сказала Деянира Діогеновна.

— Не остался съ нами по обыкновенію ужинать,— прибавилъ Аполлонъ Ивановичь.

— Помилуйте, — сказалъ Василій Григорьевичь,— онъ не дослушалъ оды «Наполеонъ»: я хотѣлъ раздѣлить съ нимъ чувство удовольствія, ищу — его нѣтъ, спрашиваю — говорятъ уѣхалъ. Вѣрно онъ чувствовалъ себя нездоровымъ.

— Вѣрно!—сказала Елена съ нѣкоторымъ безпокойствомъ.

— Вѣрно боленъ! — повторила Деянина Діогеновна.—Надо послать къ нему.

— Кто боленъ? — спросилъ Юлій Ивановичь, очнувшись отъ чтенія débats.

— Павелъ Александровичь.

— Вотъ прекрасно! я заѣзжалъ къ нему вчера на минуту,—здоровехонекъ.

— О, да по вашему, братецъ, всѣ здоровы, кто не лежитъ безъ памяти!—сказала Елена.

— Я самъ сейчасъ къ нему ѣду!—сказалъ Василій Григорьевичь, какъ будто принимая участіе въ безпокойствѣ Елены. И немедленно же отправился къ Павлу Александровичу.

— Что съ вами? — спросилъ онъ вбѣжавъ къ нему.— Васъ давно нигдѣ не видно?

— Ничего, — отвѣчалъ сухо Павелъ Александровичь.

— Да, à propos: какъ вы находите стихи этого молодаго человѣка? кажется не безъ достоинства?

— Да, конечно, способность есть.

— Есть, есть способность, кто говоритъ; но меня бѣситъ эта страсть жаловать всѣхъ въ геніи! Я сейчасъ только отъ Аполлона Ивановича.... о, Боже мой!

— Ну?

— Они по сію пору въ восторгѣ; только и разговору что о новомъ поэтѣ; считаютъ его nec plus ultra совершенства. Мадемуазель Элег'нь внѣ себя. Вчера цѣлый день припоминала его стихи. Пріѣхалъ сегодня, думалъ, что остылъ этотъ жаръ— напротивъ, еще хуже!.... и признаюсь, польстила всѣмъ, кто трудился писать стихи въ ея альбомъ!

— А что?

— Она просила бы великаго поэта написать что нибудь въ альбомъ, да, видите, ей совѣстно предложить ему альбомъ, загрязненный пошлыми стихами.

Павелъ Александровичь вспыхнулъ, хотѣлъ что-то сказать, но удержался; а Василій Григорьевичь, разразивъ сердце его на части, отправился въ книжный магазинъ навѣстить Русскую литературу.

— Что новаго? — спросилъ онъ у книгопродавца, взявъ въ руки Пчелу.

— Говорятъ, Василій Григорьевичь, что явился какой-то необыкновенный поэтъ; вамъ извѣстенъ онъ?

— Очень, — отвѣчалъ невнимательно Василій Григорьевичь, пробѣгая столбцы.

— Я слышалъ, что они читали свои произведенія въ публикѣ? правда ли это.

— Какъ же, какъ же.

— Много у нихъ піэсъ? наберется книжечка?

— Поэма, огромная поэма.

— Они гдѣ квартируютъ?

— Въ гостинницѣ.... какъ бишь?.... да! онъ хотѣлъ переѣхать въ Лондонъ; надо побывать у него.

— Не продадутъ ли они оригинала?

— Разумѣется.

— Сдѣлайте милость, Василій Григорьевичь, такъ, чтобы они ужь никому кромѣ меня не продавали; а я бы побывалъ у нихъ.

— Хорошо, хорошо.... а чтожъ, на счетъ моихъ повѣстей?

— Ей, ей, вамъ выгоднѣе было бы самимъ напечатать, Василій Григорьевичь.

— Нѣтъ, самъ я заниматься этимъ не хочу; мое дѣло писать, а ваше покупать и печатать.

— Развѣ, на будущій годъ; извольте посмотрѣть, двадцать оригиналовъ такъ валяются; денегъ нѣтъ, не на что печатать.

— На покупку поэмы деньги есть? поэмы въ стихахъ; тогда какъ стиховъ теперь никто не покупаетъ.

— Это дѣло случайное-съ.

— Что такое значитъ случайное?

— То есть по особенному случаю; такъ напримѣръ, какой нибудь случай случился, Бородинское-ли сраженіе, или походъ въ Хиву,—книжечка и кстати, всякой покупаетъ изъ любопытства. Такъ вотъ и новый поэтъ; покуда кричатъ объ немъ, всякому хочется знать, что онъ за диво такое.

— Есть стихотворенія Ордынина? — спросилъ какой-то вошедшій господинъ.

Прикащикъ подалъ книгу въ желтой оберткѣ.

— Три экземпляра.

Заплативъ хорошія деньги за три экземпляра, господинъ вышелъ изъ лавки.

— Какимъ же это образомъ, вы спрашивали у меня, не продастъ ли Ордынинъ своихъ стихотвореній для напечатанія, а они ужъ напечатаны? — спросилъ Василій Григорьевичь.

— Напечатаны, да безъ имени.

— Позвольте мнѣ взглянуть.

— Кажется ужь нѣтъ.... послѣдніе три экземпляра взяли....

— Какъ послѣдніе, да вотъ.... — и Василій Григорьевичь самъ протянулъ руку и досталъ съ полки желтенькую книжечку, съ заглавіемъ: Стихотворенія И. О.

— Да это гадкія стихотворенія Ольскаго!....

— Право не знаю... я купилъ ихъ у *носящаго*, за стихотворенія Ордынина.... Скажите, какъ меня обманули!....

— Это прекрасно! — вскричалъ Василій Григорьевичь, помирая со смѣху; — Ахъ это безподобно! ѣду наслаждаться!—И онъ помчался по Москвѣ наслаждаться восторгами публики отъ стихотвореній Ольскаго.

Какъ нарочно, въ первомъ домѣ, куда попалъ Василій Григорьевичь, вся семья сидѣла вокругъ стола и слушала, какъ одинъ monsieur, прославившій себя искусствомъ читать стихи, что-то декламировалъ.

— Тсъ! садитесь! — сказалъ хозяинъ къ Василію Григорьевичу, указывая ему на стулъ.

— Что это такое?—спросилъ онъ.

— Ода къ Наполеону, новаго поэта,—сказалъ ему тихо хозяинъ;—слушайте!

Герой убивственный, Наполеонъ,
Не могшій жить на свѣтѣ безъ сраженій!
Но гдѣжъ теперь онъ?
Подъ камнемъ симъ лежитъ на островѣ Еленѣ!

Василій Григорьевичь едва удержался отъ смѣха; закрывъ ротъ платкомъ, онъ на цыпочкахъ выбрался изъ гостиной, не отвѣчая на тихій вопросъ хозяина: куда вы? — и какъ говорится, весь обратился въ смѣхъ, выбѣжавъ на крыльцо и вскочивъ въ свой фаэтонъ.

VI.

Между тѣмъ нашъ юный поэтъ, прибывшій изъ уѣзда, чтобъ произвесть своимъ геніемъ суматоху въ столицѣ, не довольствовался простой комнатой въ неизвѣстной гостинницѣ, переѣхалъ въ Лондонъ и занялъ лучшій, роскошно меблированный нумеръ. Это тѣмъ болѣе считалъ онъ необходимымъ, что ожидалъ визитовъ Князя Синегорскаго и Аполлона Александровича, которые сказали, что лично будутъ благодарить за доставленное удовольствіе.

Въ самомъ дѣлѣ старикъ Князь, уважая, кромѣ породы и личныя достоинства людей, посѣтилъ его, и во второмъ часу засталъ поэта въ креслахъ-розвальняхъ, въ новомъ халатѣ, съ сигаркой въ зубахъ и съ чашкой кофе въ рукахъ. Можно было подумать, что это не тотъ уже юноша, который пріѣхалъ въ дилижансѣ, съ одной восторженностію въ душѣ; нѣтъ, въ нѣсколько дней онъ и выросъ и перемѣ-

нился въ лицѣ, и какъ-то сталъ важенъ, похожъ на нѣженку-барича, которому и деньги и время нипочемъ, и который живетъ единственно для того, чтобъ своимъ присутствіемъ на земномъ шарѣ дѣлать честь человѣчеству.

Понимая себя высоко въ слѣдствіе пріема сдѣланнаго ему Москвою, поэтъ началъ-было съ высока разговоръ о перемѣнѣ погоды; но Князь, сохраняя собственное достоинство, сказалъ: да, погода сыра.... Вы занимаете очень хорошій номеръ.... и оставилъ поэта въ сладостномъ довольствіи, что его посѣтилъ Князь. Разумѣется, надо было высказать поскорѣе отцу и матери все, что обольстило самолюбіе поэта, и онъ, положивъ передъ собою почтовую бумагу, развернулъ письмо отца, которое не успѣлъ еще прочесть вполне.

Пробѣжавъ снова начало письма, онъ схватился за перо.

«Любезные родители, извините меня, что до сихъ поръ не отвѣчалъ на письмо ваше. Совершенно не имѣлъ времени; всѣ эти дни былъ на званыхъ обѣдахъ и вечерахъ у разной Московской знати. Только что примусь поутру писать, вдругъ кто нибудь пріѣдетъ ко мнѣ съ визитомъ. Сейчасъ только вышелъ отъ меня Князь Синегорскій, одинъ изъ вельможъ Московскихъ, и благодарилъ меня, что я сдѣлалъ ему честь своимъ посѣщеніемъ и читалъ свои стихи. Надо было видѣть, какъ принимаютъ меня вездѣ и превозносятъ до небесъ. Вы пишите, чтобъ....»

Тутъ поэтъ пріостановился, чтобъ прочесть окончаніе отцовскаго письма. Читаетъ — и вдругъ весь перемѣнился въ лицѣ, руки затряслись. Конецъ письма ни сколько не былъ согласенъ съ конвертомъ,

въ которомъ на имя любезнаго сына высылалась тысяча рублей: отецъ писалъ, что въ настоящее время онъ не въ силахъ выслать ему болѣе пяти сотъ рублей; что же касается до другихъ пятисотъ, *при семъ посылаемыхъ* отъ Дмитрія Патаповича и Ѳедора Евсеевича, то выслать имъ они просятъ по первой же почтѣ, три полныхъ экземпляра «свода законовъ» съ прибавленіями....»

Письмо выпало изъ рукъ поэта, и онъ схвативъ себя за волосы, застоналъ отъ отчаянія; потомъ торопливо развернулъ бумажникъ — въ немъ оставалось отъ тысячи только триста пятдесятъ рублей! И снова обѣими руками вцѣпился въ кудри.

Вдругъ слышитъ, кто-то пріотворилъ двери, и тихо спросилъ:

— Позвольте узнать....

— Кто тутъ? — вскричалъ поэтъ съ испугомъ.

— Извините, вы господинъ сочинитель?

— Сочинитель? какой сочинитель?

— То есть.... стихи....

— Стихи? а! стихи.... Я сочинитель.

— Василій Григорьевичь говорилъ мнѣ, что у васъ есть рукопись.

— Рукопись?

— То есть сочиненій.... я бы....

— Сочиненій?... чтожъ.... а вы кто такой?

— Книгопродавецъ.... я могъ бы, то есть, пріобрѣсти оригиналъ для напечатанія.

— Какимъ же образомъ пріобрѣсти?

— За наличныя деньги-съ.

— А! хорошо, купите, я продамъ.... что дадите?

— Позвольте взглянуть, стихотворенія ли это просто, или повѣсть въ стихахъ?

— О, нѣтъ, это эпизодъ.

— Эпизодъ? то есть, чтожъ это такое-съ? въ родѣ драммы?

— Нѣтъ, это эпизодъ большой поэмы.

— А! то есть одна глава; такъ какъ Евгеній Онѣгинъ издавался главами.

— Ахъ нѣтъ, это эпизодъ, цѣлая поэма, вотъ какъ эпизодъ Ламартина.

— Позвольте взглянуть.

Поэтъ досталъ довольно толстую тетрадь, довольно нечетко навараксанную.

— Еще не переписано?

Книгопродавецъ развернулъ и прочелъ нѣсколько стиховъ, на выдержку.

На брегѣ моря, надъ стремниной,
Задумчиво, склонясь, сидѣлъ,
И думу думалъ и глядѣлъ,
Какъ мѣсяцъ свѣтитъ надъ пучиной.
Печально, блѣдная луна
Межъ тѣмъ текла по горизонту;
И сыпались лучи по Понту,
Проникнувъ въ глубину до дна....

— Позвольте узнать, то есть, какъ цѣна?

— Тысячу рублей.

— Заглавіе несоотвѣтственно; еслибъ перемѣнить.... Заглавіе много значитъ-съ.

— Какъ несоотвѣтственно?

— То есть не поймутъ.... Эпизодъ!... Богъ знаетъ, что это такое.... то есть, лучше бы назвать: повѣсть въ стихахъ.

— Повѣсть въ стихахъ.... хмъ! Это такъ обыкновенно.

— Ахъ нѣтъ, ужь повѣрьте, что это будетъ очень хорошо.

— Пожалуй.

— Такъ сотенку рубликовъ.

— Какъ?

— То есть за оригиналъ; потому что надо еще переписать, въ ценсуру отдать, да печать будетъ стоить рублей тысячу; такъ за оригиналъ и нельзя больше.

— Какъ можно? я лучше сожгу!

— Какъ угодно-съ.

— Меньше тысячи я ни зачто не отдамъ.

— Такихъ цѣнъ нѣтъ.... Это романическая цѣна; въ романѣ четыре части, листовъ сорокъ печатныхъ; а это повѣсть, листа въ четыре, не больше.... Самъ Пушкинъ продалъ «Кавказскаго плѣнника» за двѣсти рублей; извольте у кого угодно спросить.

— Что мнѣ спрашивать!

— Такъ и быть ужь, двѣсти рублей, въ вѣчное и потомственное владѣніе.

— Какъ это можно!

— Какъ угодно.

— Ну, хорошо, я уступаю за пятьсотъ, и ни копѣйки меньше; только съ тѣмъ, чтобъ напечатать для меня двадцать пять экземпляровъ.

— Вотъ вѣдь это все составляетъ счетъ; для автора надо на веленевой бумагѣ, въ красивой оберточкѣ; ну, да ужь извольте.

— Иди мое дитя! — воскликнулъ поэтъ, отдавая тетрадь въ руки книгопродавца.

— Такъ, вотъ-съ, какъ разъ двѣсти, — сказалъ книгопродавецъ, вынувъ бумажникъ и отсчитавъ двѣсти рублей разными старенькими бумажками.

— Какъ двѣсти?

— Точно такъ, двѣсти, это ужь вѣрно-съ.

— Не двѣсти, а пять сотъ.

— Ужь не извольте безпокоиться, честью увѣряю, что это самая высокая цѣна. Не угодно ли подписать на оригиналѣ: продалъ въ вѣчное и потомственное владѣніе книгопродавцу такому-то, такой-то.

— Ну, я уступаю еще сто рублей.

— Нѣтъ, ужь такъ какъ сказано; больше ста рублей будетъ стоить двадцать пять экземпляровъ.

Вздохнулъ бѣдный продавецъ стиховъ, отдалъ свое дитя, плодъ поэтическихъ вдохновеній, за прозаическую сумму денегъ, и еще былъ доволенъ, счастливъ; подбоченился, прошелъ горделиво по комнатѣ, и думалъ: двухъ недѣль достаточно, чтобъ написать поэму, или повѣсть въ стихахъ.... въ мѣсяцъ четыреста рублей.... въ годъ четыре тысячи восемьсотъ... почти пять тысячъ!... Это не дурно!...

Разсчитавъ такимъ образомъ вѣрные и постоянные свои доходы отъ сочиненій, поэтъ положилъ въ карманъ всѣ свои деньги, счетомъ пятьсотъ пятьдесятъ рублей, и отправился покупать сводъ законовъ; но, къ несчастію, ему не удалось на этотъ разъ исполнить комиссіи. Проходя мимо Петровскаго театра, его остановилъ человѣкъ въ ливреѣ — пѣтухъ въ гербѣ, пестрыя балаболки на плечѣ.

— Не угодно ли, баринъ, купить билетикъ?

— Какой билетикъ?

— Въ ложу, сударь.

— Ахъ, — подумалъ поэтъ, — я еще до сихъ поръ не былъ ни разу въ театрѣ!... Что стоитъ?

— Пятдесятъ рублей.

— Какъ пятдесятъ?

— А какъ же, сударь, вѣдь сегодни бенефисной балетъ играютъ, Симфонію; тройная цѣна; а я еще уступаю: господа послали взять ложу, да не поѣдутъ, велѣли отдать назадъ хоть съ уступкой; билетъ-то стоитъ шестдесятъ рублей. Вотъ и афишка притомъ.

— Поэтъ взглянулъ на афишку; соблазнъ ужасный: семь водевилей и еще дивертиссементъ! — вынулъ пятдесятъ рублей—отдалъ.

— А за афишку-то, сударь.

— Еще и за афишку?

— А какъ же, сударь, за афишку-то слѣдуетъ мнѣ за хлопоты, да и за то, что угодилъ вамъ.

— Мѣлкихъ, братъ, нѣтъ.

— Да Богъ съ ними, сударь, мѣлкіе: были бы крупные; вотъ у васъ синенькая-то стара больно; ужь куда ни иди, а за ваше здоровье надо портерку выпить!

Въ мечтахъ о театрѣ юный поэтъ забылъ о сводѣ законовъ, и отдавъ за афишку пять рублей, зашелъ по дорогѣ къ Люке. Тутъ засталъ онъ Василія Григорьевича; разговорились о драмматическомъ искусствѣ, и о томъ, что въ Россіи теперь нѣтъ ни истиннаго трагика, ни истиннаго комика.

Отъ Люке поэтъ отправился по обыкновенію къ Яру гдѣ встрѣтилъ кстати и товарища своего. Отъ Яра домой, изъ дому въ театръ.

Между прочимъ, играли новый водевиль. Публика вызвала новаго сочинителя водевилей, въ изъявленіе удовольствія своего за одинъ двусмысленный куплетикъ, и щедро осыпала его хлопаньемъ и «браво! со-

чинителя!» Только что сочинитель на сцену — браво, браво! только что онъ за кулисы — сочинителя! сочинителя! выйдетъ снова — браво, браво! уйдетъ — сочинителя!

Эта интермедія: *вызовъ сочинителя*, въ семи явленіяхъ, была бы еще увеличена нѣсколькими явленіями, еслибъ, къ счастію, публика не лишилась голоса. Вторая піэса, также новая, была въ милліонъ разъ превосходнѣе первой; но у публики не было уже силъ изъявлять своего удовольствія: оно было истощено на первую.

— О, какое наслажденіе, какая слава быть драматическимъ писателемъ! — вскричалъ поэтъ, и, возвратясь домой, немедленно же принялся сочинять водевиль въ трехъ дѣйствіяхъ. Въ продолженіи ночи, дня, и еще ночи, первое дѣйствіе было готово. На сцену были выведены два любящихся сердца и разбойникъ. Въ первомъ явленіи, одинъ прекрасный молодой человѣкъ сидитъ въ своей комнатѣ и жалуется на судьбу, что онъ не въ состояніи любить женщинъ. Вдругъ слышитъ онъ звуки арфы, подбѣгаетъ къ окну, и влюбляется. Въ восторгѣ онъ обращается къ публикѣ и раздѣляетъ съ ней свое удовольствіе, что *неземная* на землѣ и сидитъ у окна черезъ улицу. — Второе явленіе, съ перемѣною декораціи, начинается тѣмъ, что дѣйствительно неземная сидитъ у окна, играетъ на арфѣ и поётъ lamentabile, упрекая также судьбу, что нѣтъ на свѣтѣ такого сердца, которое поняло бы ее. Испустивъ глубокій вздохъ, она взглядываетъ въ окно, и восклицаетъ: ахъ! Потомъ, обращаясь, то къ публикѣ, то къ окну, сознается торже-

ственно, что необходимое для нее сердце найдено, и что она влюблена навѣки. Между тѣмъ заходитъ солнце, настаетъ ночь, и неземная, не закрывая окна, чтобъ дышать однимъ воздухомъ съ возлюбленнымъ своего сердца, ложится спать. Третье явленіе начинается тѣмъ, что ужасный разбойникъ, вооруженный съ головы до ногъ, лезетъ въ окно; потомъ извлекаетъ кинжалъ, подкрадывается къ кровати, взглядываетъ на спящее существо, и обращается къ публикѣ съ вопросомъ: убить ее, или любить? Публика молчитъ, и разбойникъ рѣшается на послѣднее, съ тѣмъ, чтобъ убить всѣхъ, кто осмѣлится ее любить, или быть любимымъ.

На этомъ остановился поэтъ, и задумался: не лучшели изъ этого водевиля, который онъ назвалъ-было: «любовь въ окно», сдѣлать трагедію, подъ заглавіемъ «любовь разбойника», съ пѣснями, аріями, дуэтами, хорами и балетами? Рѣшившись на послѣднее, онъ хотѣлъ уже продолжать, какъ вдругъ пріѣхалъ Василій Григорьевичъ и просилъ его ѣхать вмѣсте на вечеръ въ одинъ домъ, гдѣ страстно желаютъ съ нимъ познакомиться. Поэтъ хотѣлъ отказаться; но никакъ: Василій Григорьевичъ уговорилъ, увезъ его.

Все шло прекрасно. Поэта снова окружили, осыпали похвалами, ахали порусски и пофранцузски, когда онъ читалъ стихи, и съ вниманіемъ слушали его сужденія о литературѣ и литераторахъ старыхъ и новыхъ. Его безпокоилъ только одинъ неотвязный старикъ: уставивъ на него глаза, онъ поколачивалъ по табакеркѣ, пренесносно откашливался и предосадно подтверждалъ слова поэта. Поэтъ отворотится отъ него, а онъ снова передъ

нимъ; и наконецъ, когда толпа поразсѣялась, и всѣ оставили поэта въ одиночествѣ, старикъ взялъ его подъ ручку и повелъ въ другую комнату.

— Знаете, мой милый, — сказалъ онъ ему, — всѣ эти господа, которые удивляются вамъ, не понимаютъ ни сколько главнаго, чему въ васъ должно удивляться. Они очень худо васъ цѣнятъ, не въ состояніи даже оцѣнить васъ....

— Помилуйте, много чести, — проговорилъ поэтъ, изъявляя свою благодарность модной раскачкой туловища,—вы слишкомъ добры!

— Излишняя доброта, мой милый, не мѣшаетъ; особенно, когда нужно щадить молодость и глупость. Прекрасные стихи! я восхищенъ! кажется, вѣдь вы пародію читали?

— Нѣтъ-съ! — сказалъ поэтъ усмѣхнувшись, — Пародія значитъ....

— Знаю, знаю, что она значитъ; она значитъ: передѣланные чужіе стихи.... Теперь это въ ходу, и много геніевъ взошло на этой опарѣ. Вотъ видите ли, въ старину пародировали съ иностранныхъ языковъ; а теперь, въ смѣлый вѣкъ, пародируютъ съ своего собственнаго. Изъ чужой богатой одежды, съ большаго роста, можно легко выкроить модный фрачикъ на вашъ ростъ; только, мой милый, надо такъ выкраивать, чтобъ не было замѣтно старыхъ швовъ.

— Я не понимаю-съ, что это значитъ!

— А вотъ что, сядемте.

И старикъ насильно усадилъ поэта подлѣ себя, и крѣпко держа его за руку, продолжалъ:

— На примѣръ, вашъ «Кастальскій ключь» выкроенъ изъ простаго Державинскаго ключа; да и На-

полеонъ-то, кажется.... стихи знакомые: атласъ новый, на рамена поднявшій свѣтъ....

— Извините, можетъ быть эти стихи похожи; но всѣ прочіе ни сколько! — отвѣчалъ поэтъ вспыхнувъ, и потомъ поблѣднѣвъ.

— Я не говорю, чтобъ совсѣмъ-нѣтъ: въ васъ есть способность подбирать звучныя, картинныя слова, есть вкусъ и жарокъ; да это, мой милый, больше ничего, какъ одна еще только молодость: вы еще живете, дѣйствуете и даже пишете по наслышкѣ и по наглядкѣ; вы еще ни о чемъ не думали, ни о чемъ не разсуждали, ничего не испытали; вамъ еще надо пріобрѣтать похвалы на школьной лавкѣ, а не въ свѣтѣ; вамъ еще надо дозрѣть; у васъ еще молочные глаза, и напрасно вы прикрываете ихъ очками.

— Милостивый государь!... — проговорилъ поэтъ, вспыхнувъ.

— Не горячись, мой милый, я тебѣ говорю просто, по-отцовски; за доброе слово сердится только глупость; ты лучше послушай, что я тебѣ скажу. Всѣ эти господа восхищены отъ твоихъ стиховъ; да вѣдь эти восторги дудки: они надуваютъ молодость твою какъ теленка. Въ четырехъ стѣнахъ большаго свѣта не узнаешь, съ которой стороны вѣтеръ дуетъ. Дѣло вотъ въ чемъ: для восхищенія хозяина этого дома нуженъ былъ сегодни не ты, а вотъ этотъ человѣкъ съ звѣздочкой на фракѣ. Необходимо было вопервыхъ окружить его обществомъ, вовторыхъ пріятно занять. Дать балъ — не кстати; просто званый вечеръ — нѣтъ причины; и слѣдовательно ему нужна была приманка, и если можно подешевле, по-

гому что онъ скряга. На этотъ разъ ни одного Европейскаго машинальнаго музыканта не случилось въ Москвѣ. Думалъ онъ уже взять Тирольскихъ пѣвцовъ, какъ вдругъ этотъ господинъ, членъ *своей семьи* геніевъ.... (старикъ показалъ на Василія Григорьевича) избавилъ его отъ расхода нанимать забаву. Неизвѣстно по какой причинѣ его милость выводитъ тебя въ геніи; только онъ накричалъ чудеса про тебя; а нашъ Филатъ тому и радъ. Вотъ, тебя привезли сюда какъ фокусника, а насъ приманили на генія. Удивительно ли, что всѣ въ восторгѣ отъ твоихъ твореній? сколько ни видишь ты здѣсь женщинъ и дѣвушекъ, всѣ онѣ восхищались твоей молодостью и собственнымъ твоимъ восторгомъ; для всѣхъ этихъ молодцовъ стихи столь же интересны, какъ проповѣдь, они лорнировали дамъ, имъ нѣкогда было слушать тебя. Восторги въ большомъ свѣтѣ не внушаются, а дѣлаются. Первое *браво* сказалъ твой благопріятель, хозяинъ повторилъ въ голосъ, чтобъ дать значеніе той забавѣ, которою онъ угощаетъ свое общество; дамы произнесли ничего незначущее въ свѣтѣ: charmant! а всѣ остальные, въ pendant твоему изступленному чтенію, загремѣли дешевыми восклицаніями: браво! чудо! верхъ совершенства! геній!—И прекрасно: всѣмъ есть предметъ для вступленія въ разговоръ, съ кѣмъ нужно поговорить о вещахъ болѣе интересныхъ, нежели твои стихи. Смотри, вотъ хозяинъ подошелъ къ своему интересному гостю; вслушайся, онъ хвалитъ тебя: прекрасно-съ, очень хорошо! истинно чудо!—и сей часъ же перейдетъ къ геніямъ Петербургскимъ, потомъ къ зданіямъ Петербургскимъ, потомъ къ великолѣпному помѣщенію министерствъ, и повторяя: прекрасно, очень хорошо, ис-

тинно чудо! приблизится къ департаментамъ, а наконецъ къ отдѣленію, въ которомъ обрѣтается его дѣльцо. Вотъ, мой милый, на какомъ подножіи твоя слава. Но довольно съ тебя на первый разъ и для перваго знакомства; я вижу, что ты утомился слушать меня.

Старикъ пожалъ руку юнаго поэта, который сидѣлъ ни живъ, ни мертвъ, всталъ и пошелъ на другой конецъ гостиной, гдѣ сидѣлъ хозяинъ подлѣ своего значительнаго гостя.

— Что, Иванъ Ивановичь?—сказалъ онъ.

— Прекрасно! безподобно! геній-съ, истинно геній!—отвѣчалъ хозяинъ.

— Да, Иванъ Ивановичь, такую способность надо поддерживать, тѣмъ болѣе, что онъ, какъ я порасспросилъ, небогатый человѣкъ. Знаете ли что: предложимъ ему издать на свой счетъ его сочиненія?

— Помилуйте, наше ли дѣло издавать книги! на то есть книгопродавцы.

— И, полноте, Иванъ Ивановичь, меценатъ отечественнаго просвѣщенія можетъ это сказать только въ шутку. Право, я предложу ему отъ себя и отъ васъ.

И старикъ всталъ съ мѣста, какъ будто намѣреваясь идти въ самомъ дѣлѣ съ предложеніемъ къ поэту.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! — вскричалъ Иванъ Ивановичь, догоняя старика, — на пустяки я не люблю бросать деньги! чортъ съ нимъ! заботиться о дрянныхъ стишонкахъ! Это не мое дѣло; хорошо послушать для препровожденія времени, похвалить молодаго человѣка; но не больше.

— Жаль, что молодой поэтъ не слыхалъ вашихъ словъ,—сказалъ вздохнувъ старикъ;—они бросили бы его совсѣмъ въ другой жаръ.

— Ей-ей, вы не имѣете уваженія къ самому себѣ! помилуйте, мальчишка набредитъ, а вы изъ себя выходите!

— Жаль!—повторилъ старикъ; а юный поэтъ между тѣмъ уже исчезъ.

VII.

На шестой день послѣ вечера, когда новый геній привелъ въ восторгъ *свою семью*, явился наконецъ поэтъ-геній. Лице его было мрачно, прическа небрежна, обращеніе сухо, разговоръ холоденъ; всѣ, какъ будто щадя его самолюбіе, не упоминали о новомъ поэтѣ; это еще болѣе раздражило его. Но холодность его раздражила и Елену. Оставшись съ нимъ наединѣ, она не утерпѣла, чтобъ не кольнуть его за невнимательное молчаніе.

— Ахъ, да!—сказазала она,—я и забыла спросить васъ, какого мнѣнія вы о произведеніяхъ новаго поэта?

— Какая непростительная забывчивость! — съ досадою сказалъ вмѣсто отвѣта Павелъ Александровичъ.

— Точно непростительная! — сказала колко Елена; — мнѣ надо было встрѣтить васъ этимъ вопросомъ.

— Да-съ, именно, вскрикнуть: ah, mon Dieu, comme c'est beau!

— Да-съ, именно, и прибавить еще: ah, mon Dieu, comme il est beau!

— Желаю вамъ веселиться!—сказалъ Павелъ Александровичъ, вспыхнувъ и презрительно поклонясь.

— Желаю вамъ благополучнаго пути! — отвѣчала столь-же презрительно Елена.

Послѣ этихъ словъ нельзя было не отправиться въ путь. Поэтъ-геній вскочилъ, бросилъ гнѣвный взоръ, сказалъ пренебрежительно по-русски: кланяюсь вамъ! и вышелъ.

«Кланяюсь вамъ!» преобидное выраженіе въ подобномъ случаѣ и въ подобныхъ отношеніяхъ. Въ большомъ свѣтѣ, оно тоже значитъ, что въ маленькомъ «чортъ съ тобой!» если еще не хуже.

Елена совершенно не политически поступила противъ самой себя; но таковъ былъ ея характеръ: соглашаясь быть *сюжетомъ* поэта-генія, она не иначе думала, что поэтъ долженъ быть рабомъ своего сюжета, что онъ долженъ искать вдохновенія не въ самомъ себѣ, а въ сюжетѣ; что главное во всемъ составляетъ сюжетъ, что его только должно обработывать, объ немъ только думать, и такъ думать, какъ требуетъ того сюжетъ.

Подобная *самость* была причиною, что нѣсколько уже геніевъ, убоясь ея, уклонились отъ *своей семьи*, и говорили, что Елена очень умная дѣвушка, но что въ ней очень много *самости;* а злые городскіе этимологи говорили, что на языкѣ *своей семьи*, *геній* значитъ тоже, что на людскомъ языкѣ *женихъ*.

— Невѣжда! — сказала Елена гнѣвно, когда вышелъ Павелъ Александровичъ.

— А гдѣжъ Павелъ Александровичъ? — спросила Деянира Діогеновна, входя въ комнату.

— Вышелъ!...

— Куда?

— Въ отставку!...

— Что это значитъ?

— Я его уволила изъ геніевъ.... Вздумалъ, что я должна покланяться его геніальности!... вздумалъ ревновать меня и говорить дерзости!

— Я предвидѣла, что онъ не партія тебѣ: вопервыхъ ничтожное состояніе, а потомъ — просто глупъ! похвали его, онъ и носъ подыметъ. Скажи пожалоста, неужели онъ не замучилъ тебя своими стихами? ему нужна не жена, а внимательная слушательница его сочиненій, которая бы ахала отъ удивленія. Вотъ Василій Григорьевичь совсѣмъ другой человѣкъ: вопервыхъ богатъ, а вовторыхъ независимъ ни отъ родственныхъ отношеній, ни отъ своего таланта; отъ любви къ тебѣ онъ, я думаю, скоро позабудетъ писать по Русски. Надо, моя милая, рѣшиться скорѣй; ты знаешь наши обстоятельства — зиму мы будемъ жить въ деревнѣ.

— Не самой же мнѣ дѣлать предложенія!

— О, онъ бы давно сдѣлалъ предложеніе, еслибъ не видѣлъ предпочтенія другому.

— Кажется теперь нѣкого мнѣ предпочитать ему.

— Надо же сколько нибудь польстить человѣку особеннымъ вниманіемъ, чтобъ ему легче было объявить свои желанія.

Елена промолчала; но не прошло двухъ недѣль, Василій Григорьевичь былъ произведенъ уже въ дѣйствительные члены семьи. Съ этимъ вмѣстѣ кончилась необходимость въ геніяхъ; даже о юномъ геніѣ-поэтѣ не было уже помину. А онъ, между тѣмъ, держалъ экзаменъ и не выдержалъ—первое горе; а хозяинъ гостинницы, между тѣмъ, требовалъ самой глупѣй-

шей въ свѣтѣ вещи, а именно денегъ, — второе горе; а отецъ, между тѣмъ, пишетъ: чтожъ, мой другъ, ты медлишь выслать Дмитрію Пантаповичу и Ѳедору Евсеевичу сводъ законовъ? — третье горе; а товарищъ Айгалова, который могъ бы во всякомъ горѣ подать добрый совѣтъ, пропалъ — вѣроятно уѣхалъ въ отъѣздъ.

Что было дѣлать? Хуже всѣхъ бѣдъ была неотвязчивая требовательность хозяина. Чтобъ удовлетворить его, поэтъ продалъ съ себя весь модный костюмъ; а все мало! да еще вздумалъ предохранять нашего юнаго должника отъ увеличенія долга: не велѣлъ давать ему ни чаю, ни обѣда.

Не предвидя этого, сначала поэтъ прикрикнулъ на ходившаго за нимъ слугу: чтожъ обѣдъ?

— Не готовъ еще, сударь! — отвѣчалъ слуга, молодой малой, съ добрымъ сердцемъ, посовѣстившись сказать правду.

— Ну, покуда чего нибудь закусить!

— Да и чего-то нибудь нѣтъ, сударь.

— Тьфу! произнесъ съ досадой поэтъ, и хотѣлъ было идти прогуляться на бульваръ; но вспомнилъ, что на немъ старый, провинціальный сертукъ, — совѣстно! Остался дома.

Стало уже смеркаться, голодъ изтомилъ поэта; а слуга не является; пошелъ искать его по коридорамъ.

— Чтожъ, братецъ, обѣдать?

— А вотъ узнаю, сударь, — отвѣчалъ слуга, и исчезъ.

Поэтъ возвратился въ свой номеръ, залегъ въ ожиданіи на диванъ, ждалъ, ждалъ, и заснулъ. Сонъ не вознаградилъ его. Во снѣ снилось ему, что онъ въ какомъ-то богатомъ домѣ, гостей тьма, столъ накрытъ,

кушанье давно подано; а за столъ и не думаютъ садиться. Ходитъ поэтъ вокругъ стола и вздыхаетъ. Но вотъ наконецъ разносятъ и закуску. Человѣкъ съ подносомъ обошелъ всѣхъ; поэтъ нетерпѣливо ждетъ его къ себѣ, подходитъ — вскричалъ гнѣвно поэтъ, взглянувъ на пустыя тарелки, которыя человѣкъ поднесъ наконецъ къ нему. Садятся за столъ. Подаютъ супъ; вотъ ужь и сосѣду подали, ужь сосѣдъ съ аппетитомъ съѣлъ, а ему нѣтъ-какъ-нѣтъ; онъ посматриваетъ на людей — никто не думаетъ ему подавать. Разносятъ пирожки; оставалось на блюдѣ только два — сосѣдъ послѣдніе взялъ и проглотилъ однимъ глоткомъ. Поэтъ въ отчаяніи.

— Бездонная пучина! проговорилъ онъ дрожа отъ досады и смотря съ жадностію на приближающуюся огромную стерлядь; но вотъ стерлядь все меньше и меньше—остался только хвостикъ, и тотъ проклятый сосѣдъ свалилъ на свою тарелку. Блюдо за блюдомъ, всѣ уже крехтятъ отъ сытости, а поэта изморилъ голодъ; то обнесутъ, то не донесутъ, то кушанья не достанетъ.

Съ горя хотѣлъ поэтъ съѣсть хоть кусокъ хлѣба, и хлѣба нѣтъ. — Человѣкъ, подай мнѣ хлѣба! — спросилъ онъ. Человѣкъ принесъ хлѣба; только что поэтъ протянулъ руку, вдругъ всѣ встаютъ, человѣкъ отскочилъ съ хлѣбомъ, стулья загремѣли; а поэтъ проснулся блѣдный, изтомленный отъ голода, въ роту пересохло. Вотъ, думаетъ, принесутъ по обыкновенію чаю, — никто не несетъ. Вмѣсто слуги явился наконецъ самъ хозяинъ. Склонивъ голову на столъ и сжавъ ее руками, юный поэтъ былъ въ какомъ-то безчувствіи.

— Какъ же, сударь, надо бы намъ порасчитаться.

Поэтъ приподнялъ голову, а слезы струятся изъ глазъ.

— На! расчитывайся!—вскричалъ онъ вскочивъ съ мѣста,—вотъ тебѣ!

И онъ схватилъ свой чемоданъ, швырнулъ къ ногамъ хозяина; снялъ халатъ, бросилъ и его туда же.

— На! мало? возьми рубашку.... мало? сдери кожу, возьми себѣ на подметки!

— Ахъ, баринъ, баринъ! чтожъ мнѣ съ вами дѣлать!... Такъ и быть, потерплю недѣльку, покуда, какъ вы изволите говорить, вышлетъ батюшка вашъ денегъ. Только ужь сдѣлайте милость, извольте перебраться въ другой номеръ, а этотъ у меня нанимаютъ помѣсячно. Я пришлю перенести вещи.

Хозяинъ вышелъ. Явился слуга, понесъ вещи въ другой номеръ. Поэтъ молча слѣдовалъ за своими вещами въ грязную, темную комнатку. Положивъ чемоданъ, слуга вышелъ; а поэтъ осмотрѣлся вокругъ.

— Славно!—вскричалъ онъ, улыбаясь сквозь слезы,— это тюрьма, а я должникъ, котораго голодомъ вынуждаютъ платить долги! а это одръ голодной смерти.... безподобно! я буду мечтать, что я ѣмъ амброзію и пью нектаръ!.... это божественная пища!

И онъ повалился на деревянный диванъ, въ родѣ нары, закрылъ глаза и лежитъ. Въ обѣденное время вошелъ слуга, съ миской и приборомъ.

— Вамъ-чай кушать, сударь, хочется, — сказалъ онъ.

— Что это?

— Супъ, сударь.

— Попробуемъ!... такъ ли онъ хорошъ, какъ амброзія боговъ?—И поэтъ присѣлъ къ столу, началъ ѣсть супъ

— Такой недобрый человѣкъ, сударь, нашъ хозяинъ:—началъ слуга,—говорю ему, что вамъ кушать пора; а онъ: пускай себѣ ходитъ обѣдать къ знакомымъ.

— Хорошо, такъ я къ нему и буду ходить обѣдать; потому что онъ мнѣ знакомѣе всѣхъ.

— Онъ даромъ и закусить не дастъ.

— Такъ онъ уродъ!

— Да такой уродъ, что ни на что не сжалится. Вотъ, мнѣ, бѣдному человѣку, стало жаль васъ, отъ своей порціи удѣлилъ.

— Буду богатъ, горстью золота заплачу тебѣ за эту порцію.

— Нѣтъ, ужъ зачѣмъ, сударь, это; а я вотъ что васъ попрошу: вы умѣете писать, поучите меня; а я буду вамъ носить кушать....

— Браво! жажда къ просвѣщенію! изволь!

— Вотъ ужь какъ дорога будетъ милость ваша!— сказалъ радостно слуга; — позвольте же, я сейчасъ принесу жаркаго и пирожнаго.

И онъ побѣжалъ къ *обѣденному столу*, высматриваетъ, у кого изъ обѣдающихъ посѣтителей ресторація осталось больше жаркаго на тарелкѣ; перемѣнилъ тарелки у двухъ, свалилъ остатки жаркаго въ одну, и—къ поэту. Такимъ же образомъ составилъ онъ и порцію желе.

На другой день начались уроки, и ученикъ исправно исполнялъ кондицію, носилъ къ своему учителю совокупленные остатки порцій чая, завтрака, обѣда и ужина; а между тѣмъ поэтъ торопился дописывать драмму.

— Ты, дитя мое, накормишь меня алчущаго, уто-

*

лишь жаждущаго, одѣнешь голаго и дашь кровъ безпрѣютному! — вскричалъ онъ, кончивъ драмму и сбираясь къ книгопродавцу.

— Что моя поэма?

— Напечатана,—отвѣчалъ угрюмо книгопродавецъ.

— Вотъ, у меня готовая драмма.... не хотите-ли?

— Нѣтъ, не хочу-съ.

— Я довольно дешево отдамъ.

— И даромъ не нужна.

Сердце поэта облилось кровію.

— Такъ дайте слѣдующіе мнѣ экземпляры поэмы, — сказалъ онъ смущеннымъ голосомъ.

— Да вотъ возьмите хоть всѣ тысячу экземпляровъ.... занимаютъ только мѣсто!

Молча поэтъ взялъ экземпляръ своей поэмы, и возвратился въ свой тюремный номеръ.

Счастье бредни, слава дымъ!

повторялъ онъ, сидя надъ листомъ бумаги, съ перомъ въ рукахъ, когда пришелъ къ нему его ученикъ.

— Ты для чего хочешь учиться писать? — спросилъ онъ его.

— Какъ для чего-съ? вотъ, мой одинъ пріятель служитъ офиціантомъ въ клубѣ; какъ напишетъ что въ голову придетъ, у него книгопродавецъ и купитъ за синенькую, да и напечатаетъ-съ; а это вѣдь немаловажный доходъ. Написалъ-съ онъ исторію про медвѣдя и бабу, — чудная вещь-съ!... а я знаю не хуже его исторію про одного медвѣдя — знатно напишу, какъ выучусь писать!

— Такъ и ты хочешь быть Русскимъ писателемъ? вскричалъ поэтъ.

— Да не худобы-съ; вотъ пріятеля моего всѣ знаютъ и въ «библіотекѣ» объ немъ пишутъ; къ мѣсту ли наняться, или что, все ужь человѣкъ извѣстный.

— Такъ вотъ что значитъ пословица: «плохой тотъ солдатъ, который не надѣется быть генераломъ» — подумалъ поэтъ; — вѣрно плохъ тотъ и писарь, который не надѣется быть писателемъ! плохо быть тамъ, гдѣ всякій....— началъ-было поэтъ; но вдругъ кто-то постучался въ двери.

Ученикъ поэта схватилъ свои бумаги, отперъ двери и вышелъ.

— Здѣсь Ордынинъ? — раздался голосъ Айголовы. И онъ вбѣжалъ въ комнату моднымъ щеголемъ.

— Здравствуй!

— Куда ты пропадалъ?— вскричалъ обрадованный поэтъ.

— Тьма, братецъ, дѣла! занятъ пятнадцать часовъ въ недѣлю; приготовленье къ урокамъ, то, сё, другое, прочее, сіе и это, такъ что минуты нѣтъ свободной!

— Гдѣжъ ты жилъ?

— Живу съ однимъ товарищемъ, поближе къ главной моей кондиціи.... Вѣрно у тебя онять денегъ нима? послушай, хочешь принять на себя кондицію, четыре часа въ недѣлю, по пяти рублей.... учить двухъ ребятишекъ Русской грамотѣ.

— Какъ не хотѣть!

— Такъ одѣвайся скорѣе, en forme!... надѣнь фракъ.

— Да у меня, братецъ, фрака нѣтъ; я все продалъ?

— Эхъ, какой ты! продавать нужное платье!

— Чтожъ дѣлать! и того не достало: хозяинъ тре-

буетъ денегъ; да еще вздумалъ морить меня голодомъ!...

— Морить голодомъ! а ты и умиралъ!

— Лежалъ на одрѣ смерти: ѣсть не даетъ, а куда пойдешь въ халатѣ!.. и умеръ бы, еслибъ не кормилъ меня христа ради Петрушка, за то что я его готовлю въ Русскіе писатели.

— И ты позволилъ съ собой это дѣлать! да ты по сю пору похожъ на моренаго!... Ахъ онъ собака!

— Двое сутокъ совсѣмъ ничего не ѣлъ.

— Ахъ онъ мошенникъ!... переѣзжай ко мнѣ!

— Онъ меня не выпуститъ, покуда не отдамъ денегъ; да еще хочетъ въ полицію объявить; а гдѣ мнѣ взять теперь полтораста рублей!

— Ахъ онъ плутъ!... постой же, я ему дамъ! ложись въ постелю!

— Это зачѣмъ?

— Ложись, говорю!... надо тебя выручить отсюда.... Вытаращи глаза и лежи; а я пойду за хозяиномъ. Да ложись же, братецъ, если не хочешь нажить себѣ бѣды!

И съ этими словами, Айголова выбѣжалъ вонъ, отыскалъ содержателя гостинницы.

— Пожалуйте сюда! — сказалъ онъ таинственно, встревоженнымъ голосомъ.

— Что такое? — спросилъ содержатель.

— Что такое!... а вотъ увидите, что вы сами надѣлали!

— Да позвольте спросить, что вамъ угодно отъ меня?...

— Поздно спрашивать, когда ему нуженъ священникъ.

— Господи, что такое! — повторилъ испуганный содержатель, слѣдуя за Айголовой. И онъ вошелъ въ номеръ, гдѣ поэтъ лежалъ растянувшись на кровати и завелъ глаза.

— Что съ нимъ сдѣлалось?—спросилъ содержатель.

— А вотъ что, видите, почтенный! вы уморили молодаго неопытнаго человѣка съ голода!... вы не хотѣли подождать нѣсколько дней, покуда онъ получитъ деньги; принудили его продать всѣ вещи, даже носильное платье; мало! ты хотѣлъ голодомъ заставить его платить деньги.... живодеръ! Къ счастію, я пріѣхалъ, и онъ успѣлъ мнѣ все пересказать.... Онъ требуетъ священника.... я ѣду въ полицію!... ты убилъ человѣка!... Сей часъ же ѣду!

— Батюшка, возьмите, что хотите, только не доводите до начальства!—вскричалъ содержатель, схвативъ Айголову за руку,—ей-не виновать! вѣрно канальи служители не носили кушать имъ.... Батюшка, что вамъ угодно, я все велю подать, — продолжалъ содержатель, подбѣжавъ къ поэту, который заводилъ глазами.

— Поздо теперь, онъ ужь безъ чувствъ! вскричалъ Айголова.

— Не погубите!—вскричалъ содержатель, бросясь снова къ Айголовѣ.

— Чтожъ мнѣ дѣлать! онъ мой товарищъ; я не снесу этого!

— Не погубите!

— Ну, поскорѣй карету, я его перевезу къ себѣ; можетъ быть еще успѣю помочь ему.... Скорѣй, скорѣй!

— Что хотите, только не доводите до началь-

ства!—И содержатель выбѣжалъ, велѣлъ подавать одну изъ каретъ, которыя держалъ для извоза богатыхъ постояльцевъ, выдавая за извощичьи, и бралъ въ три-дорога.

— Готова карета, — сказалъ онъ тихо Айголовѣ возвратясь. — Батюшка!...

— Это что?

— На леченье....

— Я тебѣ дамъ на леченье! Если я дѣлаю тебѣ милость, такъ не за деньги, любезный, а изъ одного человѣчества!

— За милость вашу я не знаю чѣмъ и заплатить!

— Заплатить! все заплатить.... наличной монетой!... мѣшокъ! учись быть человѣкомъ: кто въ нуждѣ, не притѣсняй того; вотъ и заплата. Ну, призови людей перевести больнаго въ карету.

Содержатель привелъ людей, самъ Айголова взялъ подъ руки слабаго поэта, и его перевели въ карету. Вещи уложили, карета покатила по назначенію Айголовы. Содержатель перекрестился, что сбылъ бѣду съ плечъ.

Это было только вчера. Не знаемъ, что будетъ съ поэтомъ далѣе; извѣстно только, что Москва, занявшись пріѣхавшимъ изъ трущобы Европейской геніемъ музыки, успѣла уже забыть о геніи поэзіи.

Ал. Вельтманъ.

С. П. Шевырев

ВЗГЛЯДЪ РУССКАГО

НА СОВРЕМЕННОЕ ОБРАЗОВАНІЕ ЕВРОПЫ.

Есть мгновенія въ Исторіи, когда все человѣчество сказывается однимъ всепоглощающимъ именемъ! Таковы имена Кира, Александра, Цезаря, Карла Великаго, Григорія VII, Карла V.... Наполеонъ готовъ былъ наложить свое имя на современное намъ человѣчество, но онъ встрѣтилъ Россію!

Есть эпохи въ Исторіи, когда всѣ силы, въ ней дѣйствующія, разрѣшаются въ двухъ главныхъ, которыя, вобравъ въ себя все постороннее, сходятся лицомъ къ лицу, мѣряютъ другъ друга очами и выступаютъ на рѣшительное преніе, какъ Ахиллъ и Гекторъ въ заключеніи Иліады. — Вотъ знаменитыя единоборства всемірной Исторіи: Азія и Греція, Греція и Римъ, Римъ и міръ Германскій.

Въ мірѣ древнемъ этѣ единоборства рѣшались силою матеріяльною: тогда сила правила вселенною. Въ мірѣ Христіянскомъ всемірныя завоеванія стали невозможны: мы призваны къ единоборству мысли.

Драма современной Исторіи выражается двумя именами, изъ которыхъ одно звучитъ сладко нашему сердцу! Западъ и Россія, Россія и Западъ — вотъ результатъ, вытекающій изъ всего предъидущаго; вотъ послѣднее слово Исторіи; вотъ два данныя для будущаго!

Наполеонъ (мы не даромъ съ него начали) содѣйствовалъ много къ тому, чтобы намѣтить оба слова этого результата. Въ лицѣ его исполинскаго генія сосредоточился инстинктъ всего Запада—и двинулся на Россію, когда могъ. Повторимъ слова Поэта:

Хвала! Онъ Русскому народу
Высокій жребій указалъ.

Да, минута великая и рѣшительная! Западъ и Россія стоятъ другъ передъ другомъ, лицомъ къ лицу!—Увлечетъ ли насъ онъ въ своемъ всемірномъ стремленіи? Усвоитъ ли себѣ? Пойдемъ ли мы въ придачу къ его образованію? Составимъ ли какое-то лишнее дополненіе къ его Исторіи? — Или устоимъ мы въ своей самобытности? Образуемъ міръ особый, по началамъ своимъ, а не тѣмъ же Европейскимъ? Вынесемъ изъ Европы шестую часть міра.... зерно будущему развитію человѣчества?

Вотъ вопросъ—вопросъ великой, который не только раздается у насъ, но откликается и на западѣ. Рѣшать его — во благо Россіи и человѣчества — дѣло поколѣній намъ современныхъ и грядущихъ. Каждый, кто только призванъ на какое бы то ни было значительное служеніе въ нашемъ Отечествѣ, долженъ начать рѣшеніемъ сего вопроса, если хочетъ связать дѣйствія свои съ настоящею минутою жизни. Вотъ причина, почему и мы съ него начинаемъ.

Вопросъ не новъ: тысящелѣтіе Русской жизни, которое наше поколѣніе можетъ праздновать черезъ двадцать два года, предлагаетъ на него полный отвѣтъ. Но смыслъ исторіи всякаго народа есть тайна, кроющаяся подъ внѣшнею ясностію событій: каждый разгадываетъ ее по своему. Вопросъ не новъ; но

въ наше время важность его ожила и сдѣлалась для всѣхъ ощутительною.

Кинемъ же общій взглядъ на состояніе современной Европы и на отношеніе, въ какомъ находится къ ней наше Отечество. Мы устраняемъ здѣсь всѣ политическіе виды и ограничиваемся только одною картиною образованности, объемлющей Религію, науку, исскуство и словесность, послѣднюю какъ самое полное выраженіе всей человѣческой жизни народовъ. Мы коснемся, разумѣется, только главныхъ странъ, которыя дѣйствуютъ на поприщѣ Европейскаго міра.

Начнемъ съ тѣхъ двухъ, которыхъ вліяніе менѣе всего доходитъ до насъ и которыя образуютъ собою двѣ крайнія противоположности Европы. Мы разумѣемъ Италію и Англію. Первая взяла на долю свою всѣ сокровища идеальнаго міра Фантазіи; почти совершенно чуждая всѣмъ приманкамъ роскошной промышленности современной, она, въ жалкомъ рубищѣ нищеты, сверкаетъ своими огненными глазами, очаровываетъ звуками, блещетъ нестарѣющеюся красотою и гордится своимъ минувшимъ. Вторая корыстно присвоила себѣ всѣ блага существенныя житейскаго міра; утопая сама въ богатствѣ жизни, она хочетъ опутать весь міръ узами своей торговли и промышленности.

* *
*

Первое мѣсто той, которая съ благороднымъ самоотверженіемъ переноситъ насъ изъ міра корыстной существенности въ міръ наслажденій чистыхъ. Бывало прежде, народы сѣвера неслись черезъ Альпы съ оружіемъ въ рукахъ, чтобы драться за южную красавицу странъ Европейскихъ, которая привлекала

ихъ взоры. Теперь ежегодно колоніи мирныхъ странниковъ текутъ съ вершинъ Симплона, Мон-Сени, Коль дель Борміо, Шплюгена и Бреннера, или обѣими морями: Адріатическимъ и Средиземнымъ, въ прекрасные сады ея, гдѣ она мирно угощаетъ ихъ своимъ небомъ, природою и искусствомъ.

Почти чуждая міру новому, который задвинутъ отъ нея навѣки снѣжноглавыми Альпами, Италія живетъ воспоминаніями древности и искусствомъ. Черезъ нее получили мы древній міръ: она и теперь вѣрна своему дѣлу. Вся ея почва — могила прошедшаго. Подъ міромъ живымъ — тлѣетъ міръ другой, міръ отжившій, но вѣчный. Ея виноградники цвѣтутъ на развалинахъ городовъ погибшихъ; ея плющь обвиваетъ памятники величія древняго; ея лавры — не для живыхъ, а для мертвыхъ.

Тамъ, у подножія дымящагося Везувія, медленно стрясаетъ съ себя свой пепельный саванъ, мертвецъ-Помпея. Задушенная огненнымъ жупеломъ въ полную минуту жизни и погребенная въ землѣ со всѣми своими сокровищами, она теперь выдаетъ ихъ въ чудной цѣлости для того, чтобы мы наконецъ разгадали во всѣхъ подробностяхъ жизнь древнюю. Новыя открытія въ Архитектурѣ, Ваяніи, Живописи древнихъ измѣняютъ совершенно прежнія воззрѣнія и ждутъ новаго Винкельмана, который сказалъ бы объ нихъ рѣшительное слово.

Древній Форумъ Рима лѣниво сбрасываетъ съ себя вѣковую насыпь, между тѣмъ какъ антикваріи Итальянскіе и Нѣмецкіе праздно спорятъ объ именахъ его безъимянныхъ и нѣмыхъ зданій.

Города Этруріи отверзаютъ свои гробницы, — и сокровища временъ, можетъ быть, гомерическихъ,

вѣрно сохраненныя безкорыстною землею, выходятъ на свѣтъ въ чертоги Ватикана.

Скоро древность будетъ намъ также доступна и ясна, какъ жизнь насъ окружающая: человѣкъ ничего не потеряетъ изъ своего необозримаго прошедшаго,— и все замѣтное въ жизни всѣхъ вѣковъ сдѣлается собственностію каждой его минуты. Намъ открыта теперь возможность бесѣдовать съ писателями древними, какъ будто съ нашими современниками. Изящная древность красотою формъ своихъ облагородитъ и украситъ формы нашей обыкновенной жизни. Все служащее человѣку и для его потребъ житейскихъ должно быть его достойно и носить на себѣ отпечатокъ его бытія духовнаго. Надъ этѣмъ дѣломъ, конечно не столько важнымъ въ жизни человѣчества, продолжаетъ трудиться Италія, хранящая у себя всю роскошь благообразной древности.

Искусство, какъ вѣрный плющь, обвиваетъ развалины Италіи. Прежнее побоище народовъ превратилось теперь въ мастерскую всего міра, гдѣ спорятъ уже не мечемъ, но кистью, рѣзцомъ и циркулемъ. Всѣ ея галлереи населены толпами художниковъ, которые осаждаютъ великія произведенія геніевъ, или гуляющими странниками, которые раболѣпно кланяются ея минувшему. Любопытно видѣть, какъ вокругъ одного Преображенія Рафаэля сидятъ въ тоже время живописцы Русской, Французъ, Нѣмецъ, Англичанинъ и силятся въ разныхъ видахъ повторить неуловимые ничьею кистію образы неподражаемаго.

Было время, когда Италія передала всѣмъ странамъ Запада изящныя формы своей Поэзіи: теперь она совершила тоже самое въ отношеніи къ прочимъ

искусствамъ. На берегахъ Изара, Рейна, Темзы, Сены, Невы, изящныя формы искусства Италіянскаго усвоены всѣми образованными націями. Онѣ имѣняются смотря по особенному характеру каждой, но въ главномъ идеалъ Итальянскій понятъ.

Тоже можно сказать и объ вокальной музыкѣ. Не будучи сама въ состояніи содержать славныхъ пѣвцовъ своихъ, Италія уступаетъ ихъ Парижу, Лондону и Вѣнѣ. Народы богатые, цѣною злата, отнимаютъ у нея наслажденія музыкальныя. Но гдѣ нѣтъ и пѣвцовъ Италіи, тамъ по крайней мѣрѣ метода ея пѣнія. Нѣмцы, Англичане, Французы хотятъ пѣть какъ Итальянцы, не смотря на препятствія языка и сѣвернаго органа.

Италія совершила свое дѣло. Ея искусство стало собственностью всего образованнаго человѣчества. Она эстетически воспитала Европу — и всякой мигъ благородныхъ ея наслажденій, столько украшающихъ жизнь нашу, есть даръ безкорыстной Италіи.

Искусство, наиболѣе процвѣтающее въ ней, есть Ваяніе. Рѣзецъ совершенно побѣдилъ кисть и угадалъ тайну древнихъ. Объясните эту загадку: къ чему для нашего міра, совершенно практическаго, это искусство идеальное? за чѣмъ, кажется, процвѣтать ему въ наше время? что общаго между положительнымъ стремленіемъ современной жизни и отвлеченными чертами Ваянія? Что ни говорите, а не льзя не признать въ развитіи искусства минутъ свободныхъ, минутъ ему принадлежащихъ независимо отъ внѣшней жизни. Было два великихъ ваятеля въ Италіи, Канова и Торвалдсенъ, изъ которыхъ второй доживаетъ теперь послѣдніе годы блистательной жизни на сѣверной своей родинѣ. Они воспитали двѣ школы — и Ваяніе ожило,

какъ будто въ древности. Римъ его главная столица. Но и въ другихъ городахъ оно процвѣтаетъ: Флоренція, Миланъ, Болонья славятся произведеніями рѣзца.

Ваяніе цвѣтетъ, а живопись въ Италіи совершенно упала. Тайна древняго рѣзца разгадывается талантами свѣжими, а тайна кисти Рафаэля какъ будто совершенно потеряна въ его отечествѣ. Живописцы холодной классической школы, *Камуччини* и *Бенвенути*, доживаютъ вѣкъ свой. Они образовали академиковъ, а не художниковъ. На сѣверѣ, въ Миланѣ, выше другихъ, блещетъ искрами таланта *Гайезъ*, но эта слава еще не рѣшительная. На выставкахъ Италіи ландшафты, портреты завоевали все. Гармоническія имена ея художниковъ вытѣснены незвучными именами сѣверныхъ пришельцевъ. Въ Римѣ — глава самой замѣчательной школы современной — Нѣмецъ! Такъ упала живопись въ отечествѣ Рафаэля.

Наука въ Италіи имѣетъ своихъ представителей по нѣкоторымъ отдѣльнымъ частямъ, но не соединяетъ ничего цѣлаго. Разрозненность политическаго устройства отражается и въ наукѣ и въ словесности. Ученые Италіи — острова, отдѣльно плавающіе на морѣ невѣжества. На сѣверъ, гдѣ болѣе дѣятельности, задумали ежегодные съѣзды ученыхъ: Пиза, колыбель просвѣщенія новой Италіи, подала первая голосъ. Флоренція, Миланъ, Туринъ протянули ей руки. Но Папа, подъ страхомъ отрѣшенія отъ церкви, двукратно запретилъ ученымъ Рима отправляться на этѣ съѣзды. Гдѣ же Николаи V, Львы X, Юліи II?

Не смотря на обстоятельства, неблагопріятствующія наукамъ, онѣ ведутся давними преданіями. Даже Неаполь ожилъ. И въ немъ издаются журналы, въ которые достигаетъ и Нѣмецкая Философія, и гдѣ

излагаются эстетическія теоріи, доселѣ неслыханныя на берегахъ чуднаго залива.

Тамъ, *Бьянки*, Археологъ, какихъ мало въ Европѣ, поведетъ васъ по улицамъ Помпеи и живымъ своимъ разсказомъ воскреситъ передъ вами всю жизнь древнихъ, населитъ этѣ улицы, храмы, базилики, форумъ, бани, домы.... Воображеніе Итальянца дастъ цвѣтъ и жизнь сухимъ розысканіямъ ученаго. Въ Римѣ *Анджело Маіо*, этотъ послѣдній изъ исполинскихъ Филологовъ Италіи, продолжаетъ рыться въ кодексахъ Ватикана; но должно замѣтить, что съ тѣхъ поръ, какъ пурпуровая мантія облекла Филолога въ званіе Кардинала, его изысканія не столько дѣятельны какъ прежде. Но въ Римѣ есть другой Кардиналъ, чудо памяти человѣческой, славный *Мецзофанти*, говорящій 56-ю живыми языками. Тамъ же ученый Іезуитъ *Марки*, по ассамъ древнихъ городовъ Италіи, открылъ слѣды ихъ колонизаціи и проникъ въ тайны древнѣйшей ея Исторіи. *Нибби*, котораго потерю еще не оплакалъ вѣчный городъ, жилъ недавно въ Римѣ республики и Цезарей, и переносилъ туда съ собою своихъ читателей. *Канина*, антикварій и Филологъ, возсоздаетъ планъ древняго Рима со всѣми его славными зданіями и улицами—и вы, читая древнюю Исторію, можете воображать себѣ мѣсто событій. Въ Пизѣ, *Розеллини*, учредивъ каѳедру Коптскаго языка, воскрешаетъ Александрійско-Египетскій міръ въ новомъ видѣ. Тамъ же, *Розини*, оставивъ перо романиста, подражателя Манзони, изучаетъ Исторію живописи въ Италіи по памятникамъ, еще неизслѣдованнымъ. Во Флоренціи, *Чампи* роется въ архивахъ и библіотекахъ, и отъискиваетъ слѣды вліянія Италіи на Россію и Польшу. Римская

курія смотритъ косо на его трудъ и подвергаетъ его запрещенію въ областяхъ своихъ: причина та, что Чіампи открылъ многія козни Папизма и Іезуитовъ противъ Россіи. Въ Падуѣ профессоръ всемірной Исторіи, *Менинъ*, воскрешаетъ на лекціяхъ своихъ историческія чтенія Ѳукидида. Имѣя даръ слова въ высочайшей степени и образовавъ его классически, онъ живописуетъ словомъ картины Исторіи такъ, что вся она проходитъ въ воображеніи слушателей, какъ живая панорама событій. Графъ *Литта* въ Миланѣ издаетъ исторіи всѣхъ знаменитѣйшихъ фамилій Италіи, основанныя на документахъ самыхъ достовѣрныхъ и почерпнутыя въ частныхъ архивахъ, которыми изобилуютъ города ея. Чудный матеріялъ для Исторіи среднихъ вѣковъ! — *Джуліо Феррари*, тамъ же продолжаетъ огромный трудъ: онъ изучаетъ внѣшнюю жизнь всѣхъ народовъ міра, древнихъ и новыхъ, ихъ одежды, обычаи, праздники, искусства, ремесла, и проч. и оживляетъ все это рисунками. Замѣчателенъ новый эстетическій взглядъ его на жизнь человѣчества. Важное пособіе для художниковъ!

Такова дѣятельность ученыхъ Италіи. Она не имѣетъ ничего цѣлаго, ничего совокупнаго. Она устремлена болѣе на то, что окружаетъ ихъ, что входитъ въ міръ древности или искусства.

Состояніе Литературы представляетъ тотъ же феодальный видъ, какъ и наука. До сихъ поръ правительства Италіи не подумали еще обезпечить собственность литературную * и оградить права автор-

* Недавно въ газетахъ было извѣстіе о томъ, что Австрійское и Сардинское правительства согласились учредить законъ литературной собственности на правахъ взаимныхъ между обоими владѣніями и что Папа изъявилъ на то согласіе съ своей стороны.

ства. Въ отдѣльныхъ государствахъ Италіи даются авторамъ привилегіи противъ перепечатанія; но нѣтъ положительно утвержденныхъ законовъ — и нѣтъ совершенно никакой взаимности между государствами. Авторъ, издавшій сочиненіе сколько нибудь замѣчательное въ Миланѣ, можетъ быть увѣренъ, что оно тотчасъ же явится во Флоренціи, въ Пизѣ, въ Лугано, въ Римѣ, въ Неаполѣ и такъ далѣе, и вездѣ цѣна его будетъ дешевле. Вотъ почему книгопродавцы рѣдко покупаютъ сочиненія или переводы литераторовъ, и симъ послѣднимъ остается одно только бѣдное средство: издавать прибѣгая къ подпискѣ или говоря техническимъ ихъ терминомъ: per via di associazione. Конечно, геній возможенъ во всѣхъ отношеніяхъ жизни; но необходимы средства для его воспитанія и для возбужденія его дѣятельности. Литература же не можетъ состоять изъ однихъ геніальныхъ произведеній: она должна обнимать всѣ явленія современной жизни.

Весьма замѣчательна черта настоящей литературы Италіи: не смотря на то, что всѣ произведенія словесности Французской читаются писателями Авзонійскими, — ихъ вкусъ остался совершенно чистъ отъ развращеннаго вліянія Франціи. Романы Гюго, Сулье, Сю и прочихъ, исчадія Французской драмы, не породили ничего подобнаго въ Италіи. Такую неприкосновенную непорочность вкуса ея было бы несправедливо отдать на долю заботливости цензуры Италіянской и думать, что сія послѣдняя сторожитъ нравственность, приличіе и вкусъ. Нѣтъ, это была бы ей лишняя честь: цензура въ Миланѣ даже позволила бы непристойное въ романахъ, въ надеждѣ доставить пріятное развлеченіе публикѣ. Къ тому же, внѣ

Италіи есть другая, странствующая, безцензурная словесность: Лугано, Парижъ и Лондонъ печатаютъ все безотвѣтственно. Иногда и въ самой Флоренціи, и въ другихъ городахъ Италіи, выходятъ книги съ именемъ Лондона. А между тѣмъ и здѣсь, куда не достигаетъ взоръ цензуры ни Австрійской, ни Папской, ни Неаполитанской, вы не найдете ни порчи вкуса, ни разврата нравовъ! Нѣтъ, причины такому явленію таятся глубже; онѣ въ духѣ и характерѣ Италіянскаго народа.

Первая изъ нихъ чувство религіозное, глубоко въ немъ сокрытое. Италіянецъ во всѣхъ отношеніяхъ жизни ему вѣренъ. Вся странствующая Италія и середи безбожнаго Парижа питается Религіе Вторая причина — чувство эстетическое, чувство красоты. Безнравственное въ поэзіи противно Италіянцу потому, что оно безобразно. Литература Италіи въ упадкѣ; но вкусъ къ изящному, питаемый вѣчными образцами, входящими въ образованіе народное, поддерживается по преданію.

Печальныя отношенія Литературы къ государственной жизни видны особенно въ томъ, какъ мало плодовиты тѣ писатели, геній которыхъ признанъ всею Европою. *Манзони* умеръ за живо. Со времени его *Обрученныхъ*, которыми онъ превзошелъ лучшіе романы В. Скотта, Манзони не написалъ строки. Нѣсколько лѣтъ уже обѣщаетъ онъ издать новый романъ: la Colonna infame (позорный столбъ), котораго содержаніе, кажется, взято изъ эпизода Обрученныхъ. Въ нынѣшнемъ году разошелся слухъ въ Италіи, что романъ уже печатается въ Туринѣ, также per via di associazione; но до сихъ поръ ничего не выходитъ.

*

Сильвіо Пеллико, послѣ своихъ *Темницъ* и *Обязанностей*, издалъ нѣсколько стихотвореній; но его стихи слабы послѣ прозы, упитанной страдальческою жизнію. Недавно разсказалъ онъ повѣсть о томъ, какъ явились на свѣтъ его *Темницы*. Слышно, что онъ собирается написать свою автобіографію. Кто не прочтетъ съ жадностію такой книги? Но должно сказать, что жизнь его слишкомъ свята для нашей эпохи и покажется вымысломъ. Исповѣдь грѣшника въ смыслѣ нашего вѣка была бы конечно занимательнѣе — и разсказанная съ чувствомъ, могда бы подѣйствовать сильнѣе.

Среди романистовъ, которыхъ племя не прекращается въ Италіи, особенно славенъ теперь *Чезаре Канту*, идущій достойно по слѣдамъ Манзони и Гросси. Его романъ: Маргарита Пустерла, взятый изъ временъ Миланской Исторіи XIV вѣка, произвелъ сильное впечатлѣніе въ Миланѣ. Второе изданіе было запрещено правительствомъ.

Въ 1831 году Италія лишилась историка *Коллетты*, который писалъ слогомъ Тацита. Мы упоминаемъ о писателѣ давно умершемъ потому только, что непонятна неблагодарность современниковъ, столь мало о немъ знающихъ. Въ отношеніи къ слогу, Коллеттѣ принадлежитъ рѣшительно первое мѣсто между всѣми историками нашего времени, а между тѣмъ имя его едва ли у насъ извѣстно! *Ботта*, конечно, ниже его талантомъ; но имя его знаютъ потому, что объ немъ болѣе говорили въ Парижѣ. Изъ новыхъ историковъ является на сцену *Чезаре Бальбо:* недавно издалъ онъ въ Туринѣ жизнеописаніе Данта, начертанное перомъ горячимъ.

Замѣчательны нѣкоторыя поэтическія явленія

въ Италіи: онѣ вспыхиваютъ по временамъ, какъ искры въ потухающемъ волканѣ. Но и тутъ несчастіе: геніальные поэты ея, или умираютъ скоро настоящею смертію, или умираютъ за живо. Нѣтъ почти ни одного изъ нихъ, который бы до конца жизни поддержалъ свое поприще. Вотъ самый яркій признакъ упадка въ духѣ народномъ!

Въ 1837 году, Италія лишилась своего славнаго Лирика, который могъ первенствовать не только въ ней, но и въ Европѣ. Имя его: *Джіакомо Леопарди.* Его пѣсни упитаны были скорбію, равно какъ жизнь. Его лира напоминаетъ лучшія созданія Петрарки и проникнута чувствомъ еще глубочайшимъ, нежели пѣсни Трубадура Авиньонскаго. Германія, столько богатая и теперь лирическими поэтами, уступитъ, не смотря на своихъ Кернеровъ и Уландовъ, пальму первенства въ патріотической пѣсни лирику Италіи, который долго странствовалъ въ изгнаніи, но умеръ подъ небомъ Неаполя.

Есть другой лирикъ, уступающій первенство Леопарди въ глубинѣ чувства, но обладающій меткими стрѣлами сатиры, упитанной не насмѣшкою, а скорбію. Это — *Джіованни Берше.* Иные говорятъ, что имя его вымышленное. Сочиненія его, по нѣкоторымъ политическимъ отношеніямъ, строго запрещены въ предѣлахъ Австріи. Берше живетъ внѣ Италіи.

Борги во Флоренціи славенъ своими религіозными гимнами. — *Белли* въ Римѣ — Поэтъ сатирикъ — владѣетъ сонетомъ комическимъ. Его сонеты — картинки, взятыя изъ обыкновенной жизни Рима: это Пинелли въ стихахъ. Лучшіе писаны нарѣчіемъ Римскимъ. Они ходятъ въ устахъ народа. Напечатанные гораздо слабѣе изустно извѣстныхъ.

Поэты Италіи, одаренные талантомъ болѣе живымъ и пламеннымъ, не будучи ограждены въ литературной собственности, пускаются въ импровизацію, которая переноситъ слушателей въ первоначальныя времена Поэзіи, когда ни перо, ни типографской станокъ не охлаждали вдохновенія. Недавно мы слышали *Джустиніани* въ Москвѣ: его мгновенныя импровизаціи возбуждали недовѣріе въ нѣкоторыхъ и казались чудесами для многихъ. Ученикъ его, *Регальди*, въ Парижѣ идетъ славно по слѣдамъ своего учителя.

Данте по прежнему составляетъ предметъ глубочайшихъ изслѣдованій Италіянскихъ литераторовъ и ученыхъ. И въ Лондонѣ и въ Парижѣ, и во всѣхъ столицахъ и замѣчательныхъ городахъ Италіи есть люди, на то себя посвящающіе, чтобы изучать великаго Гомера среднихъ вѣковъ. Выходятъ часто новыя изданія. Послѣдній комментарій принадлежитъ *Томмассео*. Издаютъ много, а между тѣмъ до сихъ поръ еще не сличены даже замѣчательнѣйшіе кодексы Божественной Комедіи. Это—трудъ, ожидающій дѣлателей. Флоренція воздвигла въ церкви Святаго Креста своему изгнаннику памятникъ, лишенный его праха; а до сихъ поръ не совершитъ ему другаго литературнаго монумента — не издастъ поэмы его, сличенной по всѣмъ лучшимъ кодексамъ, по крайней мѣрѣ XIV, XV и XVI столѣтій. Это едва ли и совершится, пока Академія делла Круска правитъ скипетромъ языка и Словесности Тосканской, и коснѣетъ въ своихъ закоренѣлыхъ предразсудкахъ, противъ которыхъ нѣтъ въ Италіи высшаго Ареопага. Академія Тосканская до сихъ поръ не поняла, что въ древнихъ произведеніяхъ не должно измѣнять ни языка, ни правописанія. Она еще не такъ давно из-

дала комментарій къ Божественной Комедіи, будто бы современный произведенію, а писанный прозою, которая нисколько не отличается отъ прозы живыхъ и пишущихъ членовъ самой Академіи.

Съ нѣкоторыхъ поръ принялись въ Италіи изучать Поэтовъ, предшествовавшихъ Данту. Начало этихъ трудовъ принадлежитъ Графу Пертикари, Филологу знаменитому, рано похищенному у Италіи смертію. Явленіе Данта теперь уже не кажется такимъ внезапнымъ въ отношеніи къ языку, какъ прежде казалось. Безчисленные Поэты предшествовали ему по всѣмъ городамъ Италіи. Конечно, онъ успѣлъ же покрыть всѣхъ своимъ именемъ и славою. Такъ въ Англіи открыли, что Шекспиръ окруженъ былъ семидесятью драматическими Поэтами. Какъ эти два великія событія объясняютъ загадку Гомера, который, вѣроятно, именемъ своимъ покрылъ также всѣ прочія имена, унесенныя навсегда первобытною древностію.

Изъ трудовъ современныхъ, по части литературы, предшествовавшей Данту, самый замѣчательный есть трудъ *Мази*. Онъ отыскалъ въ Ватиканской Библіотекѣ кодексъ Поэтовъ XIII вѣка, въ то самое время писанный. Ни одинъ ученый Филологъ не обратилъ до сихъ поръ вниманія на этотъ кодексъ: должно надѣяться, что г. Мази вскорѣ издастъ его.

Драматическая литература Италіи не производитъ ничего замѣчательнаго. Алфіери, Голдони, Джираоде, Нота — составляютъ репертуаръ національный. Но обильнѣе гораздо безконечные переводы съ Французскаго, какъ и на всѣхъ театрахъ Европы, кромѣ Англіи. Говоря о драмѣ въ Италіи, не льзя не упомянуть о множествѣ народныхъ театровъ, въ ней

существующихъ, для которыхъ пишутъ драматурги вовсе неизвѣстные. Матеріялъ этѣхъ піесъ — нравы города, въ которомъ театръ находится; языкъ ихъ—нарѣчіе народное. Это самые любопытные спектакли Италіи, на которыхъ смѣхъ не угасаетъ во время представленія. Актеры всегда превосходны: ибо модели передъ ихъ глазами. Они сами вышли изъ того круга, который представляютъ. Эта народная драма могла бы служить матеріяломъ для будущаго Авзонійскаго Шекспира, если бы онъ былъ возможенъ.

* *
*

Англія—крайняя противоположность Италіи. Тамъ совершенная ничтожность и безсиліе политическое; здѣсь средоточіе и держава современной политики;— тамъ чудеса природы и безпечность рукъ человѣческихъ; здѣсь скудость первой и дѣятельность вторыхъ; — тамъ нищета искренно бродитъ по большимъ дорогамъ и улицамъ; здѣсь она скрыта роскошью и богатствомъ внѣшнимъ; — тамъ идеальный міръ фантазіи и искусства; здѣсь существенная сфера торговли и промышленности; — тамъ лѣнивый Тибръ, на которомъ изрѣдка увидишь лодку рыбачью; здѣсь дѣятельная Темза, на которой тѣсно отъ пароходовъ; — тамъ небо вѣчно-свѣтлое и открытое; здѣсь туманъ и дымъ навсегда скрыли чистую лазурь отъ глазъ человѣческихъ; — тамъ каждый день процессіи религіозныя; здѣсь сухость безобрядной религіи; — тамъ каждое воскресенье—шумный пиръ гуляющаго народа; здѣсь день воскресный — мертвая тишина на улицахъ; — тамъ легкость, безпечность, веселіе; здѣсь важная и суровая дума сѣвера....

Не эта ли яркая противоположность между двумя странами причиною того, что Англичане такъ любятъ Италію и ежегодными колоніями населяютъ ее? Человѣку сродно бываетъ любить то, въ чемъ онъ видитъ обратную сторону жизни, его окружающей. Ею онъ дополняетъ бытіе свое.

Благоговѣешь передъ этою страною, когда въ ней самой видишь своими очами то прочное благоденствіе, которое она себѣ устроила, и такъ мудро и неусыпно поддерживаетъ. Смѣшны и странны кажутся иногда островитяне, когда знакомишься съ ними на твердой землѣ; но съ невольнымъ уваженіемъ преклоняешься передъ ними, когда гостишь у нихъ и смотришь на чудеса ихъ всемірной силы, на дѣятельность ихъ могущей воли, на это великое ихъ настоящее, всѣми корнями своими держащееся въ глубинѣ строго-хранимаго и уважаемаго прошедшаго. Смотря на наружность Англіи, думаешь, что эта сила безсмертна, если только какая нибудь земная сила можетъ быть безсмертною въ мірѣ, гдѣ все проходитъ!

Эта сила содержитъ въ себѣ двѣ другія, взаимнымъ совокупленіемъ которыхъ утверждается непоколебимая прочность Англіи. Одна изъ этѣхъ силъ стремится внѣ, жаждетъ обнять весь міръ, усвоить все себѣ; это ненасытимая сила колоніальная, которая основала Соединенные Штаты, покорила Восточную Индію, наложила руку на всѣ славнѣйшія гавани міра. Но есть сила другая въ Англіи, сила внутренняя, предержащая, которая все устрояетъ, все хранитъ, все упрочиваетъ и которая питается протекшимъ.

Этѣ двѣ силы не такъ еще давно, на нашихъ глазахъ, олицетворены были въ двухъ писателяхъ Ан-

гліи, по смерти которыхъ она не произвела ничего выше ихъ: это Байронъ и В. Скоттъ. Чудно съ перваго раза кажется, какъ сіи два генія, совершенно противоположные духомъ и направленіемъ, могли быть современниками и даже друзьями. Тайна тому въ жизни самой Англіи, и даже въ жизни всей Европы.

Байронъ олицетворяетъ для меня ненасытимую, бурную силу Англіи, которая пѣнитъ всѣ моря, развѣваетъ флаги по вѣтрамъ всего міра. Байронъ порожденіе этой безконечной жажды, которою страдаетъ Англія, этого вѣчнаго недовольства, которое мутитъ ее и гонитъ въ міръ. Онъ выразилъ въ себѣ неистощимую гордость ея духа неукротимаго!

В. Скоттъ напротивъ есть выразитель другой ея силы, зиждущей внутри, хранящей и соблюдающей. Это неизмѣнная вѣра въ свое великое протекшее; это безконечная любовь къ нему, доходящая до благоговѣнія. Поэзія В. Скотта идетъ отъ того начала, что все исторически вѣрное уже прекрасно потому, что освящено преданіемъ отечественнымъ. Романы В. Скотта художественная апоѳеоза исторіи.

Когда, въ Лондонѣ, гуляя по необъятнымъ докамъ, обозрѣваешь корабли, готовыя летѣть во всѣ возможныя страны міра: тогда становится понятнымъ, какъ въ такой землѣ могъ родиться и воспитаться ненасытимый, бурный духъ Байрона.

Когда съ благоговѣніемъ входишь подъ темные своды Вестминстерскаго Аббатства, или гуляешь по паркамъ Виндзора, Гамптонкура, Ричмонда, и отдыхаешь подъ дубами, рожденіемъ современными Шекспиру: тогда постигаешь, какъ на этой почвѣ преданія могъ созрѣть блюстительный геній В. Скотта.

Оба эти великія явленія литературы сего столѣтія

не могли быть одно безъ другаго. Въ нихъ выразилась не одна Англія, но и вся Европа. Бурный духъ Байрона отражался и въ государственной жизни народовъ и въ частной жизни человѣчества; ему противодѣйствовало стремленіе В. Скотта сохранить прошедшее и освятить всякую національность.

Какъ мало значительны всѣ явленія словесности Англійской послѣ этѣхъ двухъ, которыя и до сихъ поръ продолжаютъ имѣть двойственное вліяніе на весь пишущій міръ Европы!

Изъ всѣхъ современныхъ писателей Англіи всѣхъ болѣе извѣстенъ въ Европѣ *Э. Л. Бульверъ*. Больно подумать, какъ могла литература Англіи низойти до такой посредственности! Трудно было избрать новый путь послѣ исполиновъ Поэзіи Англійской. Бульверъ задумалъ избрать что-то среднее, но это вышло ни то, ни се. Его герои не имѣютъ идеальности Байроновыхъ героевъ и чужды той жизни, какую своимъ даетъ В. Скоттъ. Посредственность любитъ всегда безцвѣтную середину.

Первенство Бульверово, обезпеченное ему одною бездарностью современной Литературы Англійской, скоро отобьетъ у него *Дикенсъ*, талантъ свѣжій и національный. Вдохновеніе Дикенса тотъ же Англійскій юморъ, изъ котораго черпали, начиная съ Шекспира, всѣ народные геніи Англіи. Характеры свои Дикенсъ беретъ изъ природы, но отдѣлываетъ ихъ по образцу карикатуръ Англійскихъ. Главная сфера его та низшая область расчета и промышленности, которая заглушаетъ всѣ чувства человѣческія. Необходимо было сатирою заклеймить этотъ пошлый міръ, и Дикенсъ отвѣчаетъ на потребность времени.

У насъ могли бы явиться подражатели Дикенсу,

если бы въ этомъ случаѣ Россія не опередила Англіи. Дикенсъ много имѣетъ сходства съ Гоголемъ, и если бы можно было предположить вліяніе нашей Словесности на Англійскую, то мы могли бы съ гордостію заключить, что Англія начинаетъ подражать Россіи. Жаль, что сатира нашего юмориста не заберетъ въ свое вѣдомство общества нашихъ промышленниковъ, какъ она забрала уже общество чиновниковъ.

Говорятъ, что въ Англіи множество дамъ выступило на сцену Литературы. И въ этомъ случаѣ Англія не намъ ли подражаетъ? Изъ Поэтовъ женскаго пола славны особенно Миссъ *Нортонъ* и Миссъ *Брукъ*. Первая прославилась недавно своею поэмою: *Сонъ*, написанною въ стилѣ Байроновомъ.

Въ Англіи тоже самое явленіе, что и въ Италіи, въ отношеніи къ современной Литературѣ Франціи: сія послѣдняя не произвела никакого вліянія на писателей Англіи. Романы и драмы Французскіе даже не находятъ тамъ переводчиковъ. Въ Италіи нашли мы тому двѣ причины: Религію и чувство эстетическое. Въ Англіи также двѣ: преданія своей Литературы и мнѣніе общественное. Литература Англіи имѣла всегда въ виду цѣль нравственную, и каждое ея произведеніе, явившись въ свѣтъ, кромѣ своего значенія эстетическаго, имѣло значеніе нравственнаго поступка, который подвергался суду публичному. Такъ и должно быть въ благоустроенномъ государствѣ. Мнѣніе общественное въ Англіи есть также власть, полагающая преграды злоупотребленію личной свободы писателя, который своимъ развращеннымъ воображеніемъ захотѣлъ бы развращать и на-

родъ. Въ Англіи, даже извѣстная *Переписка ребенка съ Гёте* * въ переводѣ не могла имѣть успѣха по причинѣ общественныхъ отношеній: какъ же могли бы явиться безнаказанно романы какого нибудь Сулье?

За то много выходитъ въ Англіи переводовъ съ Нѣмецкаго. Германцы, столько обязанные Литературѣ Албіона, въ свою очередь производятъ на нее свое вліяніе. Въ этомъ, конечно, участвуетъ новое поколѣніе Англичанъ, которые часто довершаютъ образованіе свое въ Нѣмецкихъ Университетахъ. У Англичанъ особенная страсть переводитъ Фауста: вышли многіе переводы его, имѣющіе большое достоинство.

Упадающія Литературы, по недостатку настоящаго, прибѣгаютъ обыкновенно къ своимъ великимъ воспоминаніямъ, къ изученію своего прошедшаго. Англія изучаетъ въ подробности Шекспира, какъ Италія Данта, какъ Германія Гёте. Съ нѣкоторыхъ поръ вышло въ Англіи много сочиненій по части одного Шекспира: теперь собираются годъ отъ году богатѣйшіе матеріалы для объясненія его произведеній, матеріалы, которыми еще не успѣла достаточно воспользоваться критика Нѣмецкая. Явленіе великаго генія всегда остается небесною загадкою для человѣчества; но воспитаніе его, постепенность созрѣванія, матеріалы, бывшіе у него подъ руками, вѣкъ, въ которомъ онъ жилъ, все это будетъ со временемъ приведено въ прозрачную ясность. Исторія Англійской сцены до Шекспира, Коллье, и Дрековo сочиненіе:

* Goethe's Briefwechsel mit einem Kinde.

Шекспиръ и вѣкъ его, * вотъ до сихъ поръ лучшіе комментаріи къ великому драматику Англіи. **

Не смотря на то, что Англичане изучаютъ такъ много Шекспира, ихъ критическій способъ воззрѣнія на этого писателя нисколько не измѣнился. Странно, какъ всѣ изслѣдованія или эстетическія открытія Лессинга, Гёте, Августа Шлегеля и Тика для Англичанъ проходятъ даромъ и никакъ не принимаются на почвѣ Англійской критики. Стóитъ прочесть лекціи Кольриджа о Шекспирѣ, изданныя не такъ давно, и читанныя имъ уже послѣ лекцій Шлегеля, чтобы убѣдиться въ этомъ. За исключеніемъ немногихъ замѣчаній, глубокихъ и дѣльныхъ, критика Кольриджа не представляетъ никакого основанія: она не въ силахъ постигнуть идеи произведенія; она даже не задаетъ себѣ и вопроса о томъ. Такъ мало мѣняются западныя націи своими открытіями въ области наукъ и такъ еще каждая привычно коснѣетъ въ своихъ предразсудкахъ, переходящихъ по преданію отъ поколѣній къ поколѣніямъ.

Чтобы видѣть еще, какъ эстетическая критика Германіи осталась вовсе чуждою для Англійскихъ

* Вотъ книги, ожидающія переводчиковъ или сократителей въ Россіи. Было бы это и полезнѣе и любопытнѣе множе тва романовъ, которые являются у насъ какъ будто за тѣмъ только, чтобы обогащать листы журнальной библіографіи.

** Странно, какъ до сихъ поръ Англичане не издадутъ полной библіотеки всѣхъ тѣхъ современныхъ Шекспиру книгъ, изъ коихъ онъ черпалъ свои драмы: необходимо нужно собрать весь этотъ сырой матеріялъ, служившій для его созданій. Уже многое сдѣлано и по этой части. Но странно, какъ до сихъ поръ ни кому не придетъ на умъ собрать полную коллекцію. Хроника Голлиншеда стоитъ до сихъ поръ въ Англіи около 800 рублей и принадлежитъ къ числу библіографическихъ рѣдкостей; а безъ нея не могутъ быть объяснены всѣ драмы Шекспира, заимствованныя изъ Англійской Исторіи.

писателей, занимающихся изученіемъ произведеній литературы, стóитъ взглянуть на сочиненіе *Галлама:* Исторія литературы Европейской въ XV, XVI и XVII столѣтіяхъ. Это сборникъ, сдѣланный изъ сочиненій Тирабоски, Женгене, Сисмонди, Бутервека, Уартона и другихъ, неодушевленный никакою мыслію. Критика Галлама ни сколько не выше критики Уартона: и тотъ и другой компиляторы.

Драма Англійская въ упадкѣ; она не въ силахъ произвести что нибудь подобное созданіямъ Шекспира. Но за то съ какимъ великолѣпіемъ разъигрываются теперь драмы его на Ковентгарденскомъ театрѣ! Что если бы всталъ изъ гроба драматургъ извѣстнаго Глобуса, театра, имѣвшаго вмѣсто декорацій ярлыки съ надписью того, чтó должна представлять сцена? Что, если бы онъ всталъ и увидѣлъ эту пышность теперешней обстановки, чудеса декорацій, обманывающихъ зрѣніе, великолѣпіе костюмовъ, осаду города на сценѣ въ лицахъ? Какъ бы онъ удивился съ одной стороны, но какъ бы пожалѣлъ съ другой! Отъ чего же Англичане XVI вѣка, не знавшіе чудесъ нынѣшней механики сценической, имѣли Шекспира? Отъ чего Англичане XIX столѣтія имѣютъ Макреди, * доведшаго сценическое исполненіе Шекспировой драмы до высшей степени роскоши, а не имѣютъ Шекспира? Неужели человѣчеству опредѣлено не соединять одного съ другимъ? Неужели въ наше время суждено Англіи только совершать великолѣпную тризну по Шекспирѣ чудною обстановкою драмъ его на сценѣ Ковентгардена?

Хотя мы ограничивались одною изящною литера-

* Актеръ и директоръ Ковентгарденскаго театра въ Лондонѣ.

турою Англіи; но не можемъ не привести имени писателя историческаго, который теперь производитъ большое вліяніе въ своемъ отечествѣ и возбудитъ, конечно, сочувствіе во всей Европѣ, когда болѣе съ нимъ познакомятся: это Томасъ *Карлэйль*, авторъ Исторіи Французской революціи, писанной перомъ сатирическимъ. Онъ одинъ умѣлъ возвыситься надъ этѣмъ событіемъ, и сказать объ немъ безпристрастную и горькую истину. Его фантазія и слогъ воспитаны Германіею и отзываются странностію. Не смотря на то, Карлэйль находитъ многихъ подражателей въ Англіи.

Мы заключимъ краткій очеркъ литературнаго развитія современной Англіи словами одного изъ остроумнѣйшихъ Французскихъ критиковъ, который имѣетъ всѣ средства вблизи наблюдать словесность сосѣдственнаго государства. Этѣ слова послужатъ для насъ и переходомъ къ настоящему вопросу, отъ котораго мы до сихъ поръ отвлекались эпизодами. Вотъ какъ заключаетъ Филаретъ Шаль свое обозрѣніе современной Англійской литературы, напечатанное въ первой Ноябрской книжкѣ Revue des deux mondes:

«Напрасно, какимъ-то чувствомъ довѣрія и надежды, стараемся мы отклонить роковую истину. Упадокъ литературъ, происшедшій отъ упадка умовъ, есть событіе, котораго отрицать не льзя. Всѣ видятъ, что мы, народы европейскіе, какъ будто съ единодушнаго согласія, нисходимъ до какого-то ничтожества полу-китайскаго, до какой-то слабости всеобщей и неизбѣжной, которую авторъ сихъ наблюденій предсказываетъ въ теченіи пятнадцати лѣтъ и противъ которой онъ не находитъ цѣлительнаго средства. Это нисхожденіе, этотъ темный путь, который

когда нибудь приведетъ насъ къ плоскому уровню въ умственномъ развитіи, къ дробленію силъ, къ уничтоженію творящаго генія — совершается различнымъ образомъ, смотря по степени ослабленія различныхъ племенъ Европы. Южные народы нисходятъ первые: прежде всѣхъ пріяли они жизнь и свѣтъ, прежде всѣхъ постигаетъ ихъ ночь ничтожества. Сѣверные послѣдуютъ за ними: крѣпость жизненныхъ соковъ міра нашла убѣжище въ нихъ. Италіянцы, благородное племя, уже тамъ, въ глубинѣ, спокойны, тихи, блаженны своимъ климатомъ, и увы! упоены счастіемъ безсилія,—этого послѣдняго бѣдствія народовъ. Испанцы, вторыя дѣти новой Европы, терзаютъ руками свою внутренность и гложутъ себя, какъ Уголино, прежде чѣмъ войти въ эту глубокую тишину Италіи, въ эту полноту смерти. На томъ же скатѣ внизъ, но живѣе силами, волнуются другіе народы: они еще надѣются, еще поютъ, наслаждаются, шумятъ и думаютъ, желѣзными дорогами, да школами воскресить пламя общественной жизни, дрожащее послѣднимъ свѣтомъ. Сама Англія, лишенная своей Саксонской энергіи, своего пуританскаго пыла, утратившая силы литературныя, похоронившая своихъ Байроновъ и В. Скоттовъ, чѣмъ будетъ черезъ сто лѣтъ? — Богъ знаетъ!

«Но если бы даже признаки, возвѣщенные философами, и были вѣрны; если бы въ этомъ обширномъ гальваническомъ потокѣ уничтоженія и возсозданія, который называютъ Исторіею, вся Европа тысячи двухъ сотъ лѣтъ, съ своими законами, нравами, началами, мыслями, съ своимъ двойнымъ прошедшимъ: Тевтонскимъ и Римскимъ, съ своею гордостью, жизнію нравственной, могуществомъ физическимъ, съ сво-

ими литературами, должна была медленно изнемочь и заснуть сномъ вѣчнымъ: чему тутъ удивляться? Если бы ей назначено было испытать тотъ же самый жребій, который нѣкогда постигъ міръ Греческой, потомъ Римской, оба, меньшіе и пространствомъ и временемъ, чѣмъ наша Европа Христіянская; если бы обломкамъ стараго сосуда въ свою очередь должно было послужить на созданіе сосуда новаго, свѣжаго, — можемъ ли мы на то жаловаться? Эта цивилизація, которую мы называемъ Европейскою, развѣ мало продолжалась? А на землѣ развѣ нѣтъ странъ свѣжихъ, юныхъ, которыя примутъ и уже пріемлютъ наше наслѣдство, какъ нѣкогда отцы наши приняли наслѣдіе Рима, когда Римъ совершилъ судьбу свою? Америка и Россія развѣ не тутъ? Обѣ алкаютъ славы выйти на сцену, какъ два молодые актера, жаждущіе рукоплесканій; обѣ равно горятъ патріотизмомъ и стремятся къ обладанію Одна изъ нихъ, единственная наслѣдница генія Англо-Саксонскаго; другая съ своимъ умомъ Словенскимъ, безмѣрно гибкимъ, терпѣливо учится у народовъ ново-римскихъ и хочетъ продолжать ихъ послѣднія преданія. А за Россіею и Америкою, развѣ нѣтъ еще иныхъ земель, которыя, въ теченіи милліоновъ лѣтъ, будутъ продолжать, если надобно, эту вѣчную работу человѣческаго образованія?

«Нечего отчаяваться за человѣчество и за его будущее, если бы и пришлось намъ, народамъ Запада, уснуть,—уснуть сномъ племенъ ветхихъ, погруженныхъ въ летаргію бдѣнія, въ смерть живую, въ дѣятельность безплодную, въ изобиліе недоносковъ, чѣмъ такъ долго страдала издыхавшая Византія. Я боюсь, чтобъ мы не дожили до того же. На литера-

туры находитъ бредъ горячки. Человѣкъ матеріяльный рабочій тѣлу, каменщикъ, инженеръ, архитекторъ, химикъ, могутъ отрицать мое мнѣніе; но доказательства очевидны. Откройте хоть 12000 новыхъ кислотъ; направьте аэростаты машиной электрической; изобрѣтите средство убить 60,000 человѣкъ въ одну секунду: не смотря на все это, нравственный міръ Европы будетъ все таки тѣмъ, что онъ уже есть: умирающимъ, если не совсѣмъ мертвымъ. Съ высоты своей уединенной обсерваторіи летая по темнымъ пространствамъ и туманнымъ волнамъ будущаго и прошедшаго, Философъ, обязанный ударять въ часы современной Исторіи и доносить о перемѣнахъ, совершающихся въ жизни народовъ,—все принужденъ повторять свой зловѣщій крикъ: *Европа умираетъ!*«

Этѣ вопли отчаянія нерѣдко раздаются теперь отъ писателей западныхъ, намъ современныхъ. Призывая насъ къ наслѣдію жизни Европейской, они могли бы льстить нашему самолюбію; но конечно неблагородно бы было съ нашей стороны радоваться такимъ ужаснымъ крикамъ. Нѣтъ, мы примемъ ихъ только, какъ урокъ для будущаго, какъ предостереженіе въ современныхъ сношеніяхъ нашихъ съ изнемогающимъ Западомъ.

Англія и Италія не имѣли никогда въ литературномъ отношеніи непосредственнаго вліянія на Россію. Художники наши переѣзжаютъ Альпы и въ отчизнѣ Рафаэля изучаютъ искусство; промышленники Англіи навѣщаютъ насъ и наставляютъ своему дѣлу. Но литературу Италіи и Англіи мы до сихъ поръ узнавали черезъ Францію и Германію. Байронъ и В. Скоттъ дѣйствовали на лучшіе умы нашей словес-

ности черезъ Французскіе переводы. Нѣмцы познакомили насъ съ сокровищами Шекспира. Съ нѣкоторыхъ поръ мы начинаемъ, мимо посредниковъ, узнавать богатства литературы южной и сѣверной, но все еще смотримъ на нихъ въ очки Нѣмецкія. Должно надѣяться, что распространеніе языковъ иноземныхъ приведетъ насъ къ воззрѣнію болѣе самостоятельному. Но гдѣ же причина тому, что Англія и Италія въ умственно-литературномъ отношеніи до сихъ поръ не имѣли на насъ прямаго вліянія?—Онѣ заслонены отъ Россіи двумя странами, къ которымъ мы теперь переходимъ.

* *
*

Франція и Германія — вотъ тѣ двѣ стороны, подъ вліяніемъ которыхъ мы непосредственно находились и теперь находимся. Въ нихъ, можно сказать, сосредоточивается для насъ вся Европа. Здѣсь нѣтъ ни отдѣляющаго моря, ни заслоняющихъ Альповъ. Всякая книга, всякая мысль Франціи и Германіи скорѣе откликается у насъ, нежели въ какой либо другой странѣ Запада. Прежде преобладало вліяніе Французское: въ новыхъ поколѣніяхъ осиливаетъ Германское. Всю образованную Россію можно справедливо раздѣлить на двѣ половины: Французскую и Нѣмецкую, по вліянію того или другаго образованія.

Вотъ почему особенно важно вникнуть намъ въ современное положеніе этѣхъ двухъ странъ и въ то отношеніе, въ какомъ мы къ нимъ находимся. Здѣсь мы смѣло и искренно скажемъ наше мнѣніе, зная заранѣе, что оно возбудитъ множество противорѣчій, оскорбитъ многія самолюбія, разшевелитъ предраз-

судки воспитанія и ученій, нарушитъ преданія, доселѣ принятыя. Но въ вопросѣ, рѣшаемомъ нами первое условіе есть искренность убѣжденія.

Франція и Германія были сценами двухъ величайшихъ событій, къ которымъ подводится вся исторія новаго Запада, или правильнѣе: двухъ переломныхъ болѣзней, соотвѣтствующихъ другъ другу. Этѣ болѣзни были—реформація въ Германіи, революція во Франціи: болѣзнь одна и таже, только въ двухъ разныхъ видахъ. Обѣ явились неизбѣжнымъ слѣдствіемъ Западнаго развитія, пріявшаго въ себя двойство началъ и утвердившаго сей раздоръ нормальнымъ закономъ жизни. Мы думаемъ, что этѣ болѣзни уже прекратились; что обѣ страны, испытавъ переломъ недуга, вошли опять въ развитіе здравое и органическое. Нѣтъ, мы ошибаемся. Болѣзнями порождены вредные соки, которые теперь продолжаютъ дѣйствовать и которые въ свою очередь произвели уже поврежденіе органическое и въ той и въ другой странѣ, признакъ будущаго саморазрушенія. Да, въ нашихъ искреннихъ, дружескихъ, тѣсныхъ сношеніяхъ съ Западомъ, мы не примѣчаемъ, что имѣемъ дѣло какъ будто съ человѣкомъ, носящимъ въ себѣ злой, заразительный недугъ, окруженнымъ атмосферою опаснаго дыханія. Мы цѣлуемся съ нимъ, обнимаемся, дѣлимъ трапезу мысли, пьемъ чашу чувства... и не замѣчаемъ скрытаго яда въ безпечномъ общеніи нашемъ, не чуемъ въ потѣхѣ пира будущаго трупа, которымъ онъ уже пахнетъ!

Онъ увлекъ насъ роскошью своей образованности; онъ возитъ насъ на своихъ окрыленныхъ пароходахъ, катаетъ по желѣзнымъ дорогамъ; угождаетъ безъ на-

шего труда всѣмъ прихотямъ нашей чувственности расточаетъ передъ нами остроуміе мысли, наслажденія искусства.... Мы рады, что попали на пиръ готовый къ такому богатому хозяину.... Мы упоены; намъ весело даромъ вкусить то, что такъ много стоило.... Но мы не замѣчаемъ, что въ этѣхъ яствахъ таится сокъ, котораго не вынесетъ свѣжая природа наша.... Мы не предвидимъ, что пресыщенный хозяинъ, обольстивъ насъ всѣми прелестями великолѣпнаго пира, развратитъ умъ и сердце наше; что мы выдемъ отъ него опьянѣлые не по лѣтамъ, съ тяжкимъ впечатлѣніемъ отъ оргіи, намъ непонятной...

Но успокоимся вѣрою въ Провидѣніе, Котораго перстъ явенъ на нашей Исторіи. Вникнемъ лучше въ характеръ обоихъ недуговъ и опредѣлимъ для себя урокъ мудраго предохраненія.

Есть страна, въ которой оба перелома совершились еще ранѣе, нежели во всемъ Западѣ и упредили тѣмъ его развитіе. Эта страна — островъ для Европы, и въ географическомъ и въ историческомъ отношеніи. Тайны ея внутренней жизни до сихъ поръ не разгаданы—и никто не рѣшилъ, почему оба переворота, въ ней такъ рано совершившіеся, не произвели никакого, по крайней мѣрѣ видимаго, органическаго поврежденія.

Во Франціи великой недугъ породилъ развратъ личной свободы, который всему государству угрожаетъ совершенною дезорганизаціею. Франція гордится тѣмъ, что стяжала себѣ политическую свободу; но посмотримъ, какъ примѣнила она ее къ разнымъ отраслямъ своего общественнаго развитія? Что со-

вершила она этѣмъ пріобрѣтеннымъ орудіемъ въ области Религіи, искусства, науки и литературы? Мы не будемъ говорить о политикѣ и промышленности. Прибавимъ только, что развитіе ея промышленности стѣсняется годъ отъ году болѣе своеволіемъ низшихъ классовъ народа, и что монархическій и вельможный характеръ роскоши и блеска ея продуктовъ ни сколько не соотвѣтствуетъ направленію ея народнаго духа.

Каково теперь состояніе Религіи во Франціи? — Религія имѣетъ два проявленія: личное въ отдѣльныхъ людяхъ, какъ дѣло совѣсти каждаго, и государственное, какъ Церковь. Потому и разсматривать развитіе Религіи въ какомъ либо народѣ можно только съ этѣхъ двухъ точекъ зрѣнія. Развитіе государственное Религіи очевидно; оно на глазахъ у всѣхъ; но трудно проникнуть въ развитіе ея личное, семейное, скрытое въ тайнѣ жизни народной. Послѣднее можно видѣть или на мѣстѣ, или въ литературѣ, или въ воспитаніи.

Съ 1830 года, какъ извѣстно, Франція утратила единство Религіи государственной. Страна, искони Римско-католическая, допустила свободный протестантизмъ и въ нѣдра своего народа и въ нѣдра царствующей фамиліи. Съ 1830 года всѣ религіозныя процессіи церкви, этѣ торжественныя минуты, въ которыя является она служительницею Бога передъ глазами народа, въ жизни народа Французскаго уничтожены. Знаменитѣйшій обрядъ Западной церкви, великолѣпное шествіе: corpus Domini, совершаемое такъ блистательно во всѣхъ странахъ Римско-католическаго Запада, уже не совершается никогда на улицахъ Парижа. Когда умирающій призываетъ къ себѣ

дары Христовы передъ кончиною, церковь отправляетъ ихъ безъ всякаго торжества, священникъ приноситъ ихъ тайно. какъ будто во времена гоненій на Христіянство. Религія можетъ совершать обряды свои только внутри храмовъ; она одна какъ будто лишена правъ на общественную публичность, тогда какъ все во Франціи ею безнаказанно пользуется; храмы Франціи похожи на катакомбы первоначальныхъ Христіянъ, которые не смѣли выносить наружу изъявленій своего Богопочитанія.

Есть въ Парижѣ великолѣпное зданіе, имѣющее видъ храма: оно носитъ языческое названіе Пантеона. Въ немъ погребены многія знаменитости Франціи; въ немъ гробницы Вольтера и Руссо; въ немъ лежатъ и жертвы междоусобій 1830 года. Была мысль Королей Французскихъ освятить это зданіе Христіянскимъ значеніемъ: былъ воздвигнутъ въ немъ алтарь Богу Христіянскому. Но съ 1830 года Франція отвергла осѣненіе Креста и посвятила это зданіе національной гордости. Оно стоитъ теперь, мрачно-одинокое, безъ значенія, какъ памятникъ суетности и тщеславія народнаго, какъ непонятный анахронизмъ, свидѣтельствующій переходъ отъ Христіянства къ какому-то новому язычеству.

Есть въ Парижѣ другое великолѣпное зданіе: съ виду оно имѣетъ видъ языческаго Парѳенона. Внутри похоже на картинную галлерею, ожидающую произведеній кисти. Золотыя украшенія развлекаютъ въ немъ вниманіе ваше. Это церковь Магдалины, храмъ Христіянскій въ языческихъ формахъ, церковь безъ исповѣдницъ, безъ колоколовъ, символовъ зодчества Христіянскаго.

Два величайшія произведенія религіозной архитектуры въ Парижѣ могутъ дать понятіе о томъ, какое смѣшеніе господствуетъ въ религіозныхъ понятіяхъ Франціи.

Вотъ явленія религіи во Франціи въ государственномъ ея развитіи. Что сказать о частномъ? Здѣсь судить трудно по однимъ внѣшнимъ впечатлѣніямъ жизни. Мы будемъ искренни: — скажемъ и печальное и утѣшительное.

Наружное небреженіе Церквей, какъ на сѣверѣ, такъ и на югѣ Франціи, производитъ какое-то грустное и тягостное ощущеніе. Я помню, въ Ліонѣ, около одного круглаго портала древней готической церкви, изваянный вѣнецъ Святыхъ и Ангеловъ; всѣ они были обезглавлены во время ужасныхъ буйствъ прошлаго столѣтія. Въ воскресные дни посѣщалъ я храмы Франціи: на семь женщинъ можно было счесть одного мужчину. Странное ощущеніе производитъ на Русскаго знаменитое кладбище Парижа: Père la Chaise: вамъ покажется, что вы прогуливаетесь по улицѣ гробовъ Помпеи, увеличенной въ размѣрѣ. Одни символы языческіе мелькаютъ передъ вашими глазами, а вмѣсто утѣшительныхъ глаголовъ св. Писанія гражданская формула: concession à perpétuité, всего чаще поразитъ ваши взоры. Середи кладбища, гдѣ почіетъ все отжившее величіе Франціи, гдѣ богатство расточило мраморъ, металлъ и вкусъ на великолѣпіе памятниковъ, скудная, чуждая всякихъ украшеній, обнаженная Церковь скажетъ вамъ только, что вы находитесь на Христіанскомъ кладбищѣ.—Помню происшествіе въ одной Парижской церкви: во время проповѣди буйная чернь вздумала требовать, чтобы въ

три часа отслужили обѣдню вмѣсто 12-ти, основывая права свои на томъ, что граждане платятъ на содержаніе Церквей и потому могутъ требовать служенія, когда имъ угодно. — Время великаго поста, уважаемое во всѣхъ странахъ Римскаго исповѣданія,—въ Парижѣ, есть время самыхъ веселыхъ оргій шумнаго карнавала въ народѣ. Вся Европа, даже Протестантская, не позволяетъ народныхъ веселій въ тѣ дни, когда совершается память страданій Божественнаго Искупителя: въ это святое для Христіянъ время Парижъ продолжаетъ всѣ свои спектакли. Въ тотъ великій день, въ который благочестивые Христіяне Русскіе не принимаютъ даже пищи, Парижъ празднуетъ весну самымъ блистательнымъ, самымъ пышнымъ гуляньемъ, гдѣ расточаетъ всю роскошь, весь блескъ экипажей и туалетовъ.

Всѣ этѣ явленія внѣшней жизни народа Французскаго не показываютъ въ немъ религіознаго развитія. Но какъ рѣшить тотъ же вопросъ относительно внутренней жизни семействъ во Франціи? Литература доноситъ намъ о томъ самыя печальныя извѣстія, раскрывая картины этой жизни въ своихъ неутомимыхъ разсказахъ. Памятно мнѣ при этомъ слово, слышанное изъ устъ одного публичнаго наставника, который увѣрялъ меня, что всю религіозную нравственность можно заключить въ правилахъ Ариѳметики. Такая основа воспитанія должна конечно отозваться и въ жизни воспитанниковъ, ввѣренныхъ такому педагогу, и черезъ нее въ литературѣ, отражающей нравы общества.

Не скроемъ того, что есть и утѣшительныя явленія въ религіозной жизни Франціи, есть благород-

ныя усилія частныхъ лицъ, приносящія честь всему человѣчеству. Пріятно видѣть, какъ изъ среды этого общества разстроеннаго, чуждаго Религіи, могъ выйти вдохновенный юноша, съ необыкновеннымъ призваніемъ Вѣры. Богатый увлекательными дарами природы и воспитанія, онъ жертвуетъ всѣми приманками соблазнительнаго Парижа; владѣя чуднымъ даромъ слова, онъ не хочетъ трибуны; нѣтъ! стремленіе его выше. Онъ летитъ въ Римъ, надѣваетъ на себя тяжкую рясу монаха, собираетъ вокругъ себя толпу пламенныхъ товарищей и рѣшается на подвигъ, неслыханный для современнаго Француза, рѣшается въ стѣнахъ Парижа основать монастырь Доминиканскій! Этотъ юноша — *Лакордеръ*. Въ одномъ городѣ, отдаленномъ отъ Парижа, есть скромный, краснорѣчивый Профессоръ, который словомъ живымъ и сильнымъ питаетъ религіозное чувство въ своихъ слушателяхъ и трудится надъ рѣшеніемъ великаго современнаго вопроса о примиреніи Философіи съ Религіею: этотъ Профессоръ—*Ботень*. Въ Италіи странствуетъ другой духовный мужъ, по причинамъ болѣзни покинувшій свое отечество: это образецъ кротости и смиренія, соединенныхъ съ важною думою созерцанія религіознаго. Перо его умѣло прекрасно согласить глубину Христіянской мысли съ эстетическимъ чувствомъ. Этотъ главный поборникъ важнѣйшаго изъ современныхъ изданій Франціи: Université Catholique, есть Аббатъ *Жербе*.

О, да увѣнчаются желаннымъ успѣхомъ благородныя, святыя усилія этѣхъ примѣрныхъ ревнителей благочестія въ ихъ отечествѣ! Состояніе Религіи во Франціи, имѣющей до сихъ поръ своею образованностью, литературою, театромъ, такое обширное влія-

ніе на всю Европу, есть вопросъ не исключительно Французскій: это вопросъ—всечеловѣческій, всемірный, и кто же въ этомъ случаѣ, любя благо ближнихъ, не раздѣлитъ сихъ искреннихъ желаній?

Около Религіи развивается всегда и искусство, и пріемлетъ отъ нея свои лучшія внушенія. Въ 1839 году, три тысячи картинъ блистало на выставкѣ Лувра свѣжестью своихъ красокъ. Были между ними картины и религіознаго содержанія; но замѣчательно, что не было ни одной изъ нихъ, которая отзывалась бы религіознымъ одушевленіемъ. Во Франціи есть одинъ только живописецъ, могущій постигнуть и изученіемъ возсоздать Христіянскій стиль живописи: это *Энгръ* (Jngres), другъ Овербека. Но ему нѣтъ сочувствія во Франціи: онъ жертва партій и частый предметъ порицанія въ журналахъ. Среди безчисленнаго множества портретовъ, всѣхъ выше блистали произведенія *Гораса Вернета* и *Теодора Кюденя*. И тотъ и другой живописцы національные: оба льстятъ народной славѣ и кистію увѣковѣчиваютъ военные подвиги Французовъ. Битвы на сушѣ—Вернетово поприще, къ которому онъ славно и достойно возвратился послѣ своего неудачнаго Римскаго эпизода въ историческомъ стилѣ; битвы морскія собственность кисти Кюденя. Для живописца Французскаго одно вдохновеніе кажется теперь возможнымъ: слава его народа. Конечно, битвы Алжирскія не битвы Наполеона; но кисть Вернета не измѣнила себѣ: она такъ и пылаетъ Африканскимъ зноемъ.

Прочіе живописцы съ талантомъ подражаютъ въ произведеніяхъ своихъ романистамъ Франціи. Эскизъ также господствуетъ въ кисти, какъ въ литературѣ. *Делакруа* и *Декамъ* (Descamps) эскизуютъ какъ и

Сю. Ихъ фантазія питается впечатлѣніями того же міра, какъ фантазія разскащиковъ. Ужасное и отвратительное въ большой модѣ. Соревнуютъ не о красотѣ, но о томъ, кто кого пересилитъ эффектомъ страшнаго впечатлѣнія.

Есть живописцы школы полу-Нѣмецкой. Ни по имени, ни по стилю ихъ не льзя отнести къ Французамъ. Таковъ *Шефферъ* (*Ари*), который черпаетъ вдохновеніе свое въ произведеніяхъ Гёте.

Не льзя не отдать справедливости Французамъ въ отношеніи къ ихъ неутомимой дѣятельности въ искусствѣ. Много сдѣлано въ пользу красоты формъ, хотя еще ярко замѣтны преданія старой Французской манеры, отъ которой трудно имъ вовсе отказаться. Но на другой вопросъ важнѣйшій: есть ли душа въ этомъ искусствѣ? — печаленъ будетъ отвѣтъ нашъ. Ея нѣтъ. И съ грустію вспомнишь объ Лесюерѣ, этомъ Расинѣ живописи Французской, котораго картины имѣютъ что-то родное съ стилемъ Гоѳоліи и Эсѳири, не говоря ужь о Николаѣ Пуссенѣ, котораго Италія отняла у Франціи.

Главная причина бездушію искусства есть отсутствіе чувства религіознаго въ художникахъ и слѣдовательно въ народѣ Франціи. Безъ него могутъ быть граціозные ландшафты, схожіе портреты, жаркія баталіи на морѣ и на сушѣ; но не будетъ тѣхъ великихъ созданій, въ которыхъ является самое высшее, самое чистое вдохновеніе художника.

Въ какомъ состояніи находится общественное воспитаніе во Франціи?—Должно было въ этомъ отношеніи ожидать большихъ улучшеній, особенно съ 1830 года, когда многіе изъ Профессоровъ Сорбонны, сами занимавшіеся всенароднымъ ученіемъ, перешли

въ число мужей государственныхъ. Педагогическія странствія по Германіи и Голландіи, совершенныя Кузенемъ, котораго друзья были Министрами просвѣщенія и который самъ нѣсколько времени, хотя и мало, правилъ этѣмъ Министерствомъ, должны же были принести какой нибудь плодъ. Но, къ сожалѣнію, ничего утѣшительнаго мы не находимъ.

Въ первоначальныхъ школахъ для народа все тѣже три главные недостатка, которые и прежде были. Первый состоитъ въ томъ, что родители не обязаны никакою денежною пенею, какъ въ Германіи и Голландіи, если не посылаютъ дѣтей своихъ въ публичныя школы. Второй недостатокъ—господство повсюдное машинальной Ланкастерской методы, которая не развиваетъ нисколько въ ученикѣ разума, столь необходимаго при неумѣренной гражданской свободѣ. Третій недостатокъ—отсутствіе окончательныхъ школъ, которыми въ прочихъ странахъ довершается образованіе взрослыхъ, — и полная свобода родителей брать дѣтей своихъ изъ школы, когда они еще не кончили ученія и даже по возрасту не могли получить никакихъ положительныхъ правилъ Религіи и нравственности. Причина перваго и третьяго недостатковъ заключается въ томъ, что Правительство не можетъ осилить злоупотребленія власти родительской и тщетно съ нею борется. Причина втораго недостатка одна только: содержаніе Ланкастерской методы дешевле обходится Правительству, нежели содержаніе раціональной. Сильное препятствіе для усовершенствованія первоначальнаго народнаго обученія заключается въ предразсудкахъ народа, стоящаго за свободу и полагающаго ее даже въ правѣ своемъ на невѣжество. А предразсудки об-

щежитія до того еще сильны въ этой либеральной Франціи, что богатый откупщикъ не хочетъ пускать своего сына въ туже самую школу, въ которую ходитъ сынъ бѣднаго земледѣльца.

Во Франціи, только первоначальное обученіе предлагается народу отъ Правительства даромъ. Прочее же образованіе, среднее и высшее, сопряжено съ издержками, которыя не по средствамъ людей недостаточныхъ. Въ среднемъ образованіи, приготовляющемъ къ Университетскому, существуютъ во Франціи, какъ и всюду, два направленія: классическое и реальное. Первое поддерживается правительствомъ, второе народомъ; первое господствуетъ во всѣхъ школахъ, содержимыхъ отъ правительства; второе во всѣхъ частныхъ заведеніяхъ безъ исключенія. Здѣсь также видимъ, что правительство находится въ непріятной борьбѣ съ волею подданныхъ. Кромѣ того, всѣ низшія заведенія, зависящія отъ Университета, стремятся къ тому, чтобы освободить себя отъ университетской зависимости тѣмъ болѣе, что она, кромѣ отчетности по ученію, заключается и въ денежной подати. Такая борьба между низшими заведеніями и высшимъ центральнымъ нарушаетъ всякое единство и порядокъ, составляющіе душу ученія.

Наконецъ, если взглянемъ на Университетъ Парижской, гдѣ окончательно образуются мужи, которые со временемъ будутъ управлять Франціею, то и здѣсь мы не найдемъ ничего утѣшительнаго для ея будущаго. Профессоры во зло употребляютъ свободу свою тѣмъ, что читаютъ лекціи обо всемъ, что имъ вздумается, и не подлежатъ никакой высшей отвѣтственности, никакому отчету передъ своимъ начальствомъ. Отсюда проистекаетъ то, что ни факуль-

теты въ своей совокупности, ни науки порознь не представляютъ никакой цѣлости. Профессоры Франціи — рапсоды, искусно говорящіе о какихъ нибудь отдѣльныхъ предметахъ, безъ всякой мысли о наукѣ, о ея цѣлости, о взаимной связи между всѣми науками. Университетъ Парижскій находится въ состояніи Германскаго феодализма, самаго дикаго. Студенты подражаютъ Профессорамъ въ злоупотребленіи личной свободы. Кому неизвѣстны изъ Французскихъ газетъ тѣ позорныя сцены студенческаго своеволія, которыхъ жертвою былъ Профессоръ Лерминье? Такихъ сценъ конечно никогда не представляла благоразумная Германія. Это своеволіе видно и во всѣхъ внѣшнихъ обрядахъ жизни университетской. Ни одна лекція почти не бываетъ докончена спокойно безъ того, чтобы тишина не нарушалась шумомъ входящихъ и уходящихъ. Странный обычай рукоплесканій показываетъ также, что студентъ Французскій не знаетъ отношеній своихъ къ Профессору.

Не могу судить о преподаваніи тѣхъ наукъ, которыя относятся къ сферѣ практической жизни. Предполагаю, что Медицина, науки естественныя, Права и вообще всѣ знанія, необходимыя для общества и примѣняемыя къ пользѣ внѣшней, должны процвѣтать во Франціи. Но что касается до тѣхъ гуманическихъ, безкорыстныхъ наукъ, которыя кладутъ основу человѣческому воспитанію въ народѣ, что касается до Философіи, Филологіи древней, Словесности новой, Исторіи всеобщей и даже Исторіи Франціи, то преподаваніе ихъ находится въ совершенномъ упадкѣ и въ самомъ жалкомъ состояніи. Причина этому очевидна. Тѣ, которые призваны были поддерживать достоинство центральнаго Университета Фран-

ціи и упрочивать ея будущность образованіемъ юныхъ поколѣній, тѣ, увлеченные славою трибуны и прельщеніями жизни политической, уклонились отъ своего высокаго и священнаго призванія, сохранивъ однако выгоды, которыя сопряжены были съ ихъ профессорскими мѣстами. * И здѣсь опять злоупотребленіе личной свободы, которая развращена политическою жизнію!

Литература въ народѣ бываетъ всегда результатомъ совокупнаго его развитія по всѣмъ отраслямъ человѣческой его образованности. Изъ предъидущаго, теперь могутъ быть ясны причины упадка современной литературы во Франціи, произведенія которой, къ сожалѣнію, слишкомъ извѣстны въ нашемъ Отечествѣ. Народъ, который злоупотребленіемъ личной свободы уничтожилъ въ себѣ чувство Религіи, обездушилъ искусство и обезсмыслилъ науку, долженъ былъ, разумѣется, злоупотребленіе свободы своей довести до высшей степени крайности въ литературѣ, не обузданной ни законами государства, ни мнѣніемъ общества. Весьма замѣчательно, какъ съ нѣкоторыхъ поръ стали рѣдки во Франціи сочиненія ученыя, плоды кабинетной дѣятельности многихъ лѣтъ. Историческіе труды обоихъ Тіерри, Августина и Амедея, принадлежатъ къ числу рѣдкихъ явленій во Франціи. Три тома Исторіи древней Французской Словесности, изданные Ампéромъ, кажутся для современныхъ критиковъ трудомъ Бенедиктинца. Когда прохаживаешься по заламъ Королевской Библіотеки и разсматриваешь въ ея шкафахъ безчисленные фоліанты неизданныхъ манускриптовъ, труды прежнихъ

* Мы надѣемся когда нибудь представить болѣе подробную картину народнаго ученія во Франціи.

ученыхъ Франціи, совершенные даже безъ надежды показать ихъ свѣту, — съ благоговѣніемъ смотришь на нихъ и съ состраданіемъ вспоминаешь о томъ, какъ измѣнилось теперь ученое ея поколѣніе!

За то въ такъ называемой изящной литературѣ какая дѣятельность! Сколько писателей! Сколько эфемерныхъ явленій! сколько недоносковъ или исчадій фантазіи! Сколько разскащиковъ! Все, что развращенное воображеніе какого нибудь писателя выдумаетъ въ тишинѣ кабинета, все это становится немедленно собственностью народа, переливается изъ міра фантазіи въ соки его жизни! Не знаешь, право, кто кого развращаетъ болѣе: словесность ли общество, общество ли словесность?

Здѣсь мы не вдадимся въ описаніе подробное физіогномій замѣчательнѣйшихъ писателей нынѣшней Франціи, предоставляя себѣ это впослѣдствіи. Мы ограничимся только нѣкоторыми общими чертами словесности, схваченными большею частію на мѣстѣ.

Литература изящная во Франціи занимаетъ весьма низкую ступень въ жизни общественной. Она совершенно подавлена политикою и промышленностію. Все, что есть талантливаго въ литературѣ, все стремится на трибуну и жаждетъ славы политической. Отсюда понятна вамъ метаморфоза Ламартина изъ поэтовъ въ ораторы. Вотъ почему и Бальзакъ, не въ силахъ будучи занять мѣсто Депутата, хочетъ по крайней мѣрѣ быть адвокатомъ и дѣйствовать съ трибуны судебной, если недоступна ему политическая. В. Гюго создаетъ себѣ трибуну на сценѣ; въ немъ два поэта: поэтъ своей внутренней жизни, одушевленный лирикъ богатый красотами истинными, и поэтъ народа, ораторъ драматическій, который передъ публикою синихъ

блузъ выходитъ неистовымъ, преувеличеннымъ, безобразно ужаснымъ. Двѣ природы какъ будто совмѣстились въ одномъ человѣкѣ: одна тихая, нѣжная, задумчивая, часто граціозная, возвышенная и благородная; другая буйная, ярая, развращенная, готовая на насиліе. Это двустихійное явленіе въ первомъ поэтическомъ талантѣ современной Франціи объясняется изъ отношеній между поэзіею и ея жизнію общественною.

Скромному міру художественной литературы Французской остаются вѣрны, или писатели бездарные, или немногіе искренніе жрецы искусства, имѣющіе призваніе поэтическое и не волнуемые бурными страстями государственнаго честолюбія. Сихъ послѣднихъ, какъ Альфредъ де Виньи, Карлъ Нодье, очень немного.

Находясь въ такомъ непріятномъ униженіи передъ міромъ политическимъ, чувствуя на себѣ всю его тяжесть, гнетущую ихъ въ положеніе самое незавидное, литераторы Франціи, по сродному чувству мщенія, всѣ по большей части принадлежатъ къ партіи недовольныхъ, и образуютъ, если не совсѣмъ политическую, то по крайней мѣрѣ печатную оппозицію, много вредную благоденствію и спокойствію Франціи. Отсюда, изъ этого литературнаго скопища всѣ неистовства неугомонныхъ журналовъ оппозиціи; отсюда всѣ продажныя ядовитыя перья, нанимаемыя отставными министрами для скрытыхъ замысловъ ихъ обиженнаго честолюбія. Здѣсь литература превращена въ одно ремесло, продажное, какъ и всякое другое, съ тою только разницею, что здѣсь продается священный даръ Божій, слово, данное человѣку для высшихъ цѣлей, и употребляется для удовлетворенія мелкихъ страстей и для совращенія народа съ пути истиннаго. Таковы

отношенія литературы къ политической жизни во Франціи. Она вымещаетъ ей свое униженіе, сѣя мятежный духъ въ народѣ и развращая его нравы.

Всѣ литераторы съ даромъ слога приписаны къ журналамъ политическимъ и дѣйствуютъ съ ними за одно. Журнализмъ, поддерживаемый этѣмъ скопищемъ литературнымъ, этою вѣчно-пишущею коалиціею, непрерывно движущею всѣ типографскіе станки Парижа, образовалъ такую силу во Франціи, противъ которой уже не разъ возставали голоса лучшихъ ораторовъ, пекущихся о благѣ своего отечества.

Читая внѣ Франціи произведенія ея романистовъ, думаешь, что воображеніе ихъ гораздо развращеннѣе, нежели самая жизнь, что лица и нравы ихъ романическаго міра—наглыя клеветы на ихъ же отечество. Но, смотря вблизи на Францію, къ сожалѣнію, убѣждаешься въ противномъ. Да, эта неистовая, эта безобразная своимъ содержаніемъ литература Франціи есть ужасное зеркало ея жизни. Этѣ матеріяльные интересы, поглощающіе всѣ чувства человѣческія, къ чему можно подвести содержаніе всѣхъ теперешнихъ романовъ и повѣстей Бальзака,—печальная истина, на которой какъ будто помѣшалось воображеніе ея лучшаго разскащика. Записки, украденныя у чорта его пріятелемъ, Сулье, — хроника вѣрная дилижансовъ и закоулковъ Франціи, исторія того, какъ ея столица развращаетъ собою мирныя и добрыя провинціи. Если бы литераторы бичемъ грозной сатиры клеймили такую жизнь, свято было бы ихъ званіе; но они дѣйствуютъ за одно съ самимъ обществомъ. Они его вѣрныя дѣти и слуги; ихъ фантазія сама воспиталась середи этого отвратительнаго міра

и разцвѣчиваетъ своими красками, какъ будто на славу, его безобразныя картины. Литература становится посредницею разврата между всѣми сословіями общества. Она его обнародываетъ; она переноситъ его изъ позолоченныхъ бархатныхъ чертоговъ въ нечистый пріютъ простолюдина, которому какъ будто даетъ право побѣдить блескъ внѣшней роскоши роскошью внутренняго развращенія. По всему Парижу и по всей Франціи разсѣяно множество книжныхъ лавочекъ для чтенія, откуда народъ беретъ читать книги. Едва ли не чернь гораздо болѣе питается произведеніями романистовъ Франціи, нежели сословія высшія, занятыя другими интересами. У всякаго привратника, въ его нечистой лачужкѣ, вы конечно найдете романы Бальзака, Сулье или Сю. Всякая гризетка отдаетъ свои свободные часы этѣмъ страницамъ, раздражающимъ ея живое любопытство.

Этому испорченному воображенію и вкусу народа, привыкшему искать какой-то ѣдкой новизны, чего-то ужаснаго, необыкновеннаго, стараются угождать изъ торговыхъ видовъ болтливые журналы, наперерывъ разсказывая о всякомъ изысканномъ преступленіи, о всякомъ процессѣ, безобразящемъ исторію нравственности человѣческой, о всякой казни, которая разцвѣченнымъ разсказомъ можетъ только породить въ читателѣ новую для нея жертву. Всѣ пятна, темнѣющія на человѣчествѣ, тутъ передъ очами народа; весь міръ предстаетъ ему въ одной чернотѣ своей; но кто же когда говоритъ ему о добродѣтеляхъ? кто разсказываетъ о подвигахъ души и сердца? Убійства, пороки и казни — публичны; объ нихъ гремитъ Стоустая молва журнальная въ уши тридцати мил-

лонамъ народа Франціи: одна добродѣтель, какъ Религія, не имѣетъ публичности. Лишь изрѣдка, разъ въ годъ, Академія Французская объявитъ Монтіоновскія преміи за подвиги добра, ею гдѣ-то отысканные; но надъ ними смѣются романисты Франціи и не торопятся разглашать ихъ журналы, падкіе къ однѣмъ только низостямъ человѣчества.

Какъ ужасно должно быть будущее того народа, гдѣ литература міра дѣйствительнаго и литература міра фантазіи на перерывъ ведутъ передъ очами его торопливую лѣтопись всего, что только можетъ безобразить человѣчество!

Недостатокъ умственнаго и нравственнаго единства въ художественной Литературѣ Французской, увлекаемой одними корыстными видами, отражается и въ общественныхъ сношеніяхъ писателей между собою. Не имѣя мысли, которая бы ихъ соединяла, не чувствуя высокости своего призванія, всѣ они дѣлятся на мелкія партіи, изъ которыхъ каждая имѣетъ своего корифея. Это не школы, раздѣленныя мнѣніями вкуса; это не партіи, спорющія за мнѣнія политическія; это не борьба правды и любви къ прекрасному и истинному съ шарлатанствомъ и невѣжествомъ. Нѣтъ, основа распрѣ личное самолюбіе, жаждущее первенства. Потому литераторы Франціи не образуютъ никакого особеннаго сословія, связаннаго единствомъ мысли и призванія: это явленіе кажется непоаятнымъ середи народа, создавшаго общежительность, и между тѣмъ за вѣрность его мы можемъ поручиться. Академія Французская, которая одна по давнимъ своимъ преданіямъ могла бы поддержать общественное достоинство литературы и служить нѣкоторымъ

центромъ соединенія писателей, находится въ отношеніяхъ враждебныхъ къ новому поколѣнію и потому чужда всякаго вліянія.

Упадокъ Словесности и нравовъ еще ярче виденъ на сценѣ Франціи. Драма есть одна изъ необходимыхъ потребностей ея народа: пятнадцать театровъ въ Парижѣ ежедневно открыты настежь и наполняются публикою, алчною къ зрѣлищамъ всякаго рода. Вотъ новое сильное средство къ образованію или развращенію! Эта литература подвержена самой строгой цензурѣ, которая, запрещая рѣшительно все политическое, весьма благосклонно позволяетъ все то, что́ можетъ испортить нравы и угодить низкимъ страстямъ пресыщенной публики.

Неистовая драма В. Гюго угождаетъ или партеру синихъ блузъ, посѣщающихъ театръ у воротъ S. Martin, или публикѣ юной Франціи, которая ходитъ въ такъ называемый театръ возрожденія (Théâtre de la Renaissance), правильнѣе упадка. Французскій театръ (Théâtre Français) съ нѣкоторыхъ поръ началъ противодѣйствовать новой школѣ и вводить опять въ моду классическую трагедію и комедію. Виною новаго успѣха Расина и Корнеля была Рашель. Но это одна только мода, которая начинаетъ уже проходить. Публика стекалась многочисленная, но слушала какъ-то холодно стихи Расина. По послѣднимъ извѣстіямъ журналовъ, le drame héroique est tombé à l'état ed curiosité.

Весь интересъ новой драмы сосредоточивается въ театрахъ бульваровъ и Палерояля: сюда каждый вечеръ приливаетъ любопытная публика. Здѣсь драма копируетъ обыкновенную жизнь; здѣсь она ужасаетъ и смѣшитъ; здѣсь расточаетъ все свое остро-

уміе и выводитъ таланты національные. Какъ прежде всякая піеса Французская кончалась непремѣнно бракомъ, такъ теперь почти всякая проникнута глубоко мыслію о разводѣ. Драма теперешней Франціи объявила рѣшительную войну браку; она просто видитъ въ немъ насиліе, налагаемое на людей законами общества; рѣдкая піеса не выставляетъ на сценѣ какихъ нибудь ужасныхъ злоупотребленій брака. Должно думать, что и драма выражаетъ тайную мысль дѣйствительной жизни.

Но ничто такъ не убѣждаетъ и въ упадкѣ народнаго вкуса драмы и въ какомъ-то мрачномъ состояніи духа націи, какъ измѣненіе характера въ ея, прежде веселомъ, забавномъ, простодушномъ Водевилѣ. Больно видѣть, какъ онъ вдругъ, середи своего прежняго игриваго смѣха, внезапно, неожиданно, дѣлаетъ трагическія гримасы, плачетъ какъ безумный, или смѣхъ свой превращаетъ въ какой-то дикой, тяжелый хохотъ. Если бы вамъ случилось имѣть въ жизни милаго весельчака друга, съ огненными глазами, съ лицомъ румянымъ, съ шуткою всегда готовою, съ острымъ словомъ на устахъ, забаву бесѣды дружеской и цѣлаго общества, — и вдругъ увидѣли бы вы вашего друга въ морщинахъ, съ сѣдыми волосами; его улыбка искажаетъ гримасою уста; его шутка имѣетъ ужь какую-то приторную ѣдкость; глаза смѣются только по старой привычкѣ, но по временамъ падаютъ изъ нихъ непонятныя крупныя слезы.... Какая же перемѣна должна была произойти во внутреннемъ состояніи вашего прежде веселаго друга! Такое впечатлѣніе производитъ на каждаго современный намъ, трагическій водевиль Франціи, смѣющійся сквозь слезы, и плачущій сквозь смѣхъ,—это прежде рѣзвое,

вѣчно юное дитя ея драмы, страдающее теперь тяжкимъ недугомъ старости.

Грустно видѣть рушеніе всего прекраснаго человѣческаго въ какомъ-бы то ни было народѣ; тяжко смотрѣть, какъ цѣлая нація сокрушаетъ сама себя во всѣхъ основахъ внутренняго бытія своего; но еще тяжелѣе при этомъ замѣтить, какъ самое коренное, природное въ ней чувство веселья, сохранявшееся неизмѣннымъ черезъ многіе вѣка, отзывавшееся эхомъ у всѣхъ другихъ народовъ міра, вдругъ отравлено передъ вами какою-то задушевною тайною грустію, заѣдено злымъ червемъ, растущимъ изъ болѣзненнаго гніенія жизни.

Мы заключимъ прискорбную картину Франціи указаніемъ на одну общую черту, которая ярко замѣтна почти во всѣхъ современныхъ ея писателяхъ. Всѣ они сами чувствуютъ болѣзненное состояніе своего отечества во всѣхъ отрасляхъ его развитія; всѣ они единодушно указываютъ на упадокъ его Религіи, политики, воспитанія, наукъ, и самой Словесности, которая ихъ же собственное дѣло. Во всякомъ сочиненіи, касающемся современной жизни, вы вѣрно найдете нѣсколько страницъ, нѣсколько строкъ, посвященныхъ порицанію настоящаго. Ихъ общій голосъ можетъ достаточно покрыть и подкрѣпить въ этомъ случаѣ нашъ собственный. Но вотъ что странно! То чувство апатіи, какимъ сопровождаются всегда такія порицанія, которыя вошли у литераторовъ Франціи въ какую-то привычку, сдѣлались модою, превратились въ общее мѣсто. Ужасенъ всякій недугъ въ народѣ, но еще ужаснѣе при томъ холодная безнадежность, съ какою объ немъ говорятъ тѣ, кото-

рые, первые, должны бъ были помышлять о средствахъ къ его излеченію.

* *
*

Перейдемъ же за Рейнъ, въ страну сосѣднюю намъ, и постараемся вникнуть въ тайну ея неосязаемаго развитія. Во первыхъ, насъ поражаетъ, какъ яркая противоположность съ землею, откуда мы лишь только вышли, это внѣшнее благоустройство Германіи во всемъ, что касается до ея государственнаго, гражданскаго и общественнаго развитія. Какой порядокъ! какая стройность! Удивляешься благоразумію Нѣмецкому, которое умѣло отъ себя удалить всѣ возможные соблазны своихъ мятежныхъ за-рейнскихъ сосѣдей и строго заключиться въ сферѣ собственной своей жизни. Нѣмцы питаютъ даже какую-то открытую ненависть или высокое презрѣніе къ злоупотребленію личной свободы, коимъ заражены всѣ части общества Франціи. Сочувствіе нѣкоторыхъ Нѣмецкихъ писателей Французскому своеволію не нашло почти никакого отголоска въ благоразумной Германіи и не оставило никакого вреднаго слѣда во всемъ внѣшнемъ быту ея! Эта страна въ разныхъ частяхъ своихъ можетъ представить превосходные образцы развитія по всѣмъ вѣтвямъ сложной человѣческой образованности. Ея государственное устройство зиждется на любви ея Государей ко благу подданныхъ и на покорности и преданности сихъ послѣднихъ своимъ властителямъ. Ея гражданское устройство почіетъ на законахъ самой чистой и откровенной справедливости, начертанной въ сердцахъ ея правителей и въ умахъ подданныхъ,

призванныхъ къ исполненію гражданскаго дѣла. Ея Университеты цвѣтутъ и разливаютъ сокровища ученія по всѣмъ низшимъ заведеніямъ, коимъ поручено воспитаніе народное. Искусство развивается въ Германіи такъ, что ставитъ ее теперь въ достойныя соперницы съ наставницею ея, Италіею. Промышленность и внутренняя торговля дѣлаютъ успѣхи быстрые. Все, что служитъ къ облегченію сношеній между различными ея владѣніями, все чѣмъ только можетъ гордиться современная цивилизація въ отношеніи къ удобствамъ жизни, какъ-то: почты, таможни, дороги и проч., все это превосходно въ Германіи и возвышаетъ ее на степень страны, первенствующей своимъ внѣшнимъ благоустройствомъ на твердой землѣ Европы. Чего же кажется недостаетъ ей къ ея непоколебимому вѣчному благоденствію?

Но надъ этою прочною, счастливою, благоустроенною внѣшностію Германіи носится другой неосязаемый, невидимый міръ мысли, совершенно отдѣльный отъ міра ея внѣшняго. Главный недугъ ея — тамъ, въ этомъ отвлеченномъ мірѣ, не имѣющемъ никакого соприкосновенія съ ея политическимъ и гражданскимъ устройствомъ. Въ Германцахъ, чуднымъ образомъ, умственная жизнь отдѣляется отъ жизни внѣшней, общественной. Потому въ одномъ и томъ же Германцѣ вы можете весьма часто встрѣтить двухъ человѣкъ: внѣшняго и внутренняго. Первый будетъ самый вѣрный, самый покорный подданный своего Государя, правдолюбивый и усердный гражданинъ своего отечества, отличный семьянинъ и неизмѣнный другъ, словомъ ревностный исполнитель всѣхъ своихъ внѣшнихъ обязанностей; но возьмите того же самаго человѣка внутри, проникните въ его умствен-

ный міръ: вы можете найти въ немъ самое полное развращеніе мысли, — и въ этомъ недоступномъ для глаза мірѣ, въ этой неосязаемой умственной сферѣ, тотъ же самый Германецъ, смирный, покорный, вѣрный въ государствѣ, обществѣ и семьѣ, — является буйнымъ, неистовымъ, насилующимъ все, непризнающимъ надъ мыслію своею никакой иной власти.... Это тотъ же древній необузданный его предокъ, котораго видѣлъ еще Тацитъ во всей его самородной дикости выходившимъ изъ завѣтныхъ лѣсовъ своихъ, съ тою только разницею, что новый, образованный перенесъ свободу свою изъ міра внѣшняго въ міръ умственный. Да, развратъ мысли—вотъ невидимый недугъ Германіи, порожденный въ ней Реформаціею и глубоко таящійся въ ея внутреннемъ развитіи.

Германію, какъ страну Философіи, можно раздѣлить философски по тремъ составнымъ стихіямъ человѣка: тѣлу, душѣ и духу. Пруссія будетъ конечно страною духа: она средоточіе Протестантизма; она колыбель и разсадникъ Нѣмецкой Философіи. Берлинскій Университетъ умѣлъ притянуть къ себѣ всѣ первенствующіе умы Германіи по всѣмъ частямъ наукъ—и должно думать, что онъ окончательно утвердитъ за собою державу и скипетръ Германской учености. Не льзя не замѣтить, что Россія находится въ самыхъ счастливыхъ отношеніяхъ къ сему Университету, и черпаетъ науку тамъ, гдѣ источникъ ея глубже и обильнѣе. — Если Пруссія олицетворяетъ духъ Германіи, то Австрія конечно есть представительница ея тѣла. Это самый просвѣщенный, самый утонченный матеріялизмъ въ блистательномъ примѣненіи къ жизни государства и народа. Все, чѣмъ только можетъ питаться, облекаться, услаждать свои

чувства тѣло человѣческое, все то превосходно въ Австріи, и даже первоначальныя школы, въ той степени, какъ онѣ нужны для удобства жизни, и даже Медицинскій факультетъ, поглощающій всѣ другія отрасли Университетскаго образованія. Средину между Пруссіею и Австріею занимаетъ Баварія съ сосѣдними южными и Рейнскими странами: она нѣсколько старается примирить отвлеченно-духовное направленіе Пруссіи съ матеріялизмомъ Австрійскимъ. Она вмѣстѣ съ сосѣдственною ей страною, Швабіею, раскрыла въ себѣ это особенное душевное начало, сліяніе ума и чувства, которое по Нѣмецки выражается вѣрно словомъ Gemüth и которому нѣтъ выраженія на другихъ языкахъ. Въ отношеніи къ Религіи, Баварія представляетъ также счастливую средину, и въ ней только возможно бы было примиреніе сухаго, отвлеченнаго протестантизма Пруссіи, съ матеріяльнымъ католицизмомъ Австріи, если бы не препятствовали тому нѣкоторые ученые мужи, находящіеся подъ сильнымъ вліяніемъ Іезуитовъ.

Это душевное и религіозное начало, развиваемое въ Баваріи и на берегахъ Рейна, много благопріятствуетъ въ этѣхъ странахъ процвѣтанію искусства. Мюнхенъ и Дюссельдорфъ—вотъ двѣ его столицы въ современной Германіи. Протестантское направленіе Пруссіи, преобладаніе Гегелевой Философіи, въ которой отсутствуетъ живое чувство природы—вотъ причины, почему искусство не нашло пріюта въ Берлинѣ, не смотря на то, что науки находятся здѣсь на высшей степени своего развитія. Въ Австріи искусство не цвѣтетъ по другимъ причинамъ: хотя оно и нисходитъ до чувствъ человѣческихъ, облагороживая и возвышая ихъ наслажденія; но не можетъ цвѣсти

тамъ, гдѣ человѣкъ погруженъ въ одинъ грубый матеріялизмъ чувственности и гдѣ устранено всякое умственное развитіе.

Мюнхенъ есть конечно теперь одинъ изъ тѣхъ замѣчательнѣйшихъ городовъ, куда стремится вниманіе образованнаго путешественника, который желаетъ слѣдить современное Европейское развитіе. Вѣнценосный покровитель искусства своею властію и мыслію движетъ кипящую его дѣятельность въ своей столицѣ. Восемь сотъ художниковъ населяютъ городъ, имѣющій 80,000 жителей. Храмы, дворцы, галлереи, публичныя зданія, памятники быстро возносятся другъ за другомъ и украшаютъ столицу. Тамъ, на высокомъ берегу Дуная, на скалѣ, воздвигается Скандинаво-Германская Валгала въ видѣ Греческаго Парѳенона. Въ Мюнхенѣ, вы входите во дворецъ Короля: пройдите по его комнатамъ,—и въ картинахъ и барельефахъ, созданныхъ лучшими художниками, вы пройдете всю исторію Поэзіи Греческой; въ комнатахъ же Королевы вамъ предстанетъ вся исторія Поэзіи Германской, начиная отъ пѣсни Нибелунговъ до произведеній Тика. Воздвигается еще новый дворецъ, гдѣ живопись и ваяніе расточаютъ всѣ свои богатства. Двѣнадцать колоссальныхъ бронзовыхъ статуй, облитыхъ золотомъ, будутъ отлиты для украшенія залы дворца. Близко отъ него красуется новая, только что выстроенная церковь въ Византійскомъ стилѣ. Тамъ, за Изаромъ, къ небу вытягиваетъ узорочную стрѣлку свою храмъ Готическій. Двѣ бѣлыя башни возникли на другомъ краю города: это церковь Св. Лудовика въ стилѣ возрожденія. Въ подражаніе базиликамъ Рима строится базилика св. Бонифація, и уже 66 колоннъ внесено въ нее. Городъ тянется во всѣ стороны. Вотъ

Глиптотека—маленькой уголокъ Ватикана, гордящаяся Фавномъ Барберини; недалеко Пинакотека, богатая Нѣмецкою и Фламандскою школой, чудно освѣщенная сверху. Цѣлая прямая улица новыхъ зданій вытянулась по струнѣ изъ кривыхъ и нестройныхъ улицъ древняго Мюнхена. Городъ ветхій облекается новымъ. Библіотека для 800,000 томовъ и новое зданіе Университета готовы.

Неконченные храмы, дворцы и галлереи служатъ мастерскими для художниковъ. *Корнеліусъ*, вдохновенный мыслію Данта, окончилъ картину Страшнаго Суда, и живописуетъ теперь міротвореніе и ветхозавѣтныя преданія. *Генрихъ Гессъ*, постигшій тайну религіознаго стиля, расписалъ Византійскую церковь всѣхъ святыхъ и готовитъ картоны для новыхъ фресковъ въ базиликѣ св. Бонифація. *Шноръ* расписываетъ залы новаго дворца картинами изъ Исторіи Баваро-Германской. *Циммерманъ*, при содѣйствіи друзей своихъ, украшаетъ, на подобіе Рафаэлевыхъ ложъ Ватикана, ложи Пинакотеки фресками, изображающими исторію живописи Италіи и другихъ странъ, гдѣ самобытно процвѣтало искусство. *Роттманъ* пишетъ ландшафты съ теперешней Греціи, со всею точностію и подробностію, какихъ можно ожидать отъ Нѣмецкой кисти.

Можетъ быть, есть и недостатки въ направленіи этой живописи, но о томъ послѣ: теперь мы будемъ только удивляться неутомимой, единодушной дѣятельности художниковъ, и славить покровительство Вѣнценосца.

Но тамъ, въ забытомъ углу Мюнхена, въ кривыхъ закоулкахъ, гдѣ легко заплутаться неопытному страннику, въ глуши, есть скромная мастерская, гдѣ неутомимо работаетъ живописецъ, который изяще-

ствомъ рисунка и силою генія могъ бы взять верхъ надъ всѣми своими соперниками въ Мюнхенѣ,—однако нѣтъ простора *Каульбаху* въ столицѣ искусства Германіи, нѣтъ поприща для его дѣятельности: его картина—Разореніе Іерусалима, чудо созданія, до сихъ поръ не нашла покровителя, который бы заказалъ ему исполненіе готоваго картона.

Скульпторъ *Шванеталеръ* неутомимымъ рѣзцомъ своимъ украшаетъ статуями и рельефами фронтоны Глиптотеки, Валгалы, фасаду Пинакотеки, Библіотеку залы и наружность дворца. Его статуи отливаетъ изъ бронзы *Штигльмайеръ* въ литейнѣ, которая теперь едва ли не первая въ Европѣ.

На серединѣ площадей возносятся бронзовые памятники. Картины блещутъ яркостью красокъ на Изаровыхъ воротахъ, на фронтонѣ театра, на зданіи почтамта, въ галлереяхъ базара.

Въ Мюнхенѣ цвѣтетъ искусство подъ эгидою Королевской власти; но на берегахъ Рейна есть живописный городокъ, гдѣ нашло оно пріютъ въ гостяхъ у прекрасной природы, и гдѣ цвѣтетъ единственно трудами и усиліями художниковъ, одушевленныхъ безкорыстною любовью къ изящному. Школа маленькаго Дюссельдорфа соперничествуетъ съ Мюнхенскою и даже беретъ верхъ надъ сею послѣднею своимъ живымъ колоритомъ Директоръ Академіи Дюссельдорфской — *Шадовъ*; но настоящій предводитель школы *Лессингъ*, живописецъ, колоритомъ своимъ и силою выраженія въ кисти первенствующій въ Германіи. За нимъ достойно идутъ *Зонъ*, *Штейнбрюкъ*, *Гильдебрантъ*, *Кёлеръ* и многіе другіе.

Блистательному развитію искусства Германскаго ни сколько не соотвѣтствуетъ развитіе художествен-

ной словесности. Печаленъ этотъ упадокъ поэзіи Нѣмецкой, это безпомощное ея состояніе по смерти Гёте. Если гдѣ можетъ быть оправдано мѣстными явленіями мнѣніе Гегелистовъ, которые полагаютъ, что Поэзія есть одна изъ ступеней человѣка въ его стремленіи къ Философіи всепоглощающей, то это конечно въ Германіи. Это мнѣніе не можетъ быть примѣнено ко всеобщему развитію человѣчества, но здѣсь оно имѣетъ значеніе мѣстной истины; оно извлечено глубоко изъ народнаго сознанія. Нѣмецкая поэзія была точно ступенью къ развитію Философіи; она носила въ себѣ ее, какъ чадо. Шиллеръ и Гёте своими произведеніями предсказывали Гегеля. Вотъ почему самъ Философъ любилъ и ученики его любятъ теперь ссылаться на стихи Шиллера и Гёте, какъ на поэтическія предчувствія тѣхъ мыслей, до которыхъ потомъ достигъ Гегель посредствомъ логическихъ выводовъ. Нѣмецкая поэзія, выражая жизнь своего народа, необходимо должна была заключать въ себѣ элементъ философскій, который потомъ, осиливъ другіе, сгубилъ ее. Послѣднія символическія произведенія Гёте обнаруживаютъ слишкомъ сильное преобладаніе этого элемента: такова вторая часть его Фауста. Здѣсь я вижу, какъ поэзія Нѣмецкая истлѣваетъ и готова превратиться въ скелетъ философскій. Вотъ почему Гегелисты объявляютъ особенное сочувствіе ко второй половинѣ Гётева Фауста: въ этомъ гніеніи поэзіи зародышъ ихъ собственнаго бытія! Говоря сравненіемъ Гёте: Фаустъ и Елена въ Германіи произвели своего Эвфоріона; но это былъ не живой, игривый, летучій, неугомонный Байронъ, какъ въ драмѣ Гёте, а сухой абстрактъ философскій: Эвфоріонъ поэзіи Нѣмецкой была Гегелева Логика.

Весьма замѣчательное явленіе представляетъ поэзія Германіи въ отношеніи къ мѣстному ея развитію. Сѣверозападная часть, колыбель ея Философіи, была совершенно безплодна въ отношеніи къ сему искусству. Южная содержала въ себѣ поэтическое вещество, этотъ безконечный лиризмъ, стихію всегда обильную въ Германской поэзіи. Блистательнѣйшее развитіе всѣхъ родовъ сего искусства послѣдовало въ Германіи средней, гдѣ могли совмѣщаться и мириться объ ея стихіи. Но видно, что философскій элементъ былъ преобладающимъ. Южная Германія и теперь богата лирическимъ эѳиромъ; даже Австрія производитъ поэтовъ, замѣчательныхъ на этомъ поприщѣ. Однако съ тѣхъ поръ какъ Философія на сѣверѣ достигла полнаго своего развитія, сказала рѣшительное и послѣднее слово, съ тѣхъ поръ Поэзія не произвела ничего замѣчательнаго и до сихъ поръ ограничивается на югѣ одною Лирикой.

Странно видѣть на современной Нѣмецкой сценѣ смѣшеніе великихъ созданій Гёте и Шиллера, прекрасныхъ переводовъ Шекспира, съ переводами новыхъ Французскихъ піесъ, которыя со всѣхъ театровъ Парижа разносятся по всѣмъ театрамъ Европы. Странно, что великіе геніи Германіи не могли однако установить драматическихъ преданій въ своемъ отечествѣ, не могли даже на время утвердить изящное направленіе вкуса, не противное эстетическимъ понятіямъ, созданнымъ Германіею. *Иммерманъ* въ Дюссельдорфѣ, окруженный друзьями артистами, пытался при ихъ содѣйствіи поддержать нѣсколько отечественную сцену; но при малыхъ средствахъ не могъ устоять и промѣнялъ замѣчательное перо драматика на перо романиста: теперь же покинулъ и то.

Онъ умеръ въ такую минуту, когда могло бы для него открыться поприще новое въ Берлинѣ, гдѣ замѣтно теперь намѣреніе привлечь къ ученой дѣятельности поэтическую и вообще художественную. Сцена Берлина до сихъ поръ безобразилась драмами плодовитаго *Раупаха*, который завладѣлъ Берлинскою Мельпоменою, и низвелъ ее до самой низкой, жалкой посредственности. Недавно *Гуцковъ*, съ поприща критика и журналиста, перешелъ было и на поприще драматическое: двѣ его трагедіи имѣли успѣхъ мѣстный въ нѣкоторыхъ городахъ Германіи, но болѣе потому только, что теперь созданія драмы, сколько нибудь восходящія надъ посредственностью, въ ней чрезвычайно рѣдки.

Журнальное и торговое направленіе, котораго не избѣгла и благоразумная Германія въ своей литературѣ, принесло и въ ней много вреда, какъ повсюду. Всѣ ученые, радѣющіе о пользѣ наукъ отечественныхъ, всѣ, съ которыми случалось мнѣ говорить о состояніи Нѣмецкой Словесности, глубоко о томъ соболѣзнуютъ и признаютъ несчастные слѣды этого вліянія на юномъ поколѣніи, которое устраняется отъ важныхъ и дѣльныхъ занятій наукою и отечественнымъ словомъ для какой-то пустой болтливой беллетристики, занесенной изъ чужи и неприличной важному Германскому духу.

Прежде, во дни цвѣтущіе, Нѣмецкая Литература мало заботилась о красотѣ формъ своего прозаическаго слога и еще менѣе о роскоши изданій: внѣшность во всѣхъ отношеніяхъ уступала рѣшительное первенство богатству внутренняго содержанія, дѣльному міру мысли. Тяжелый и длинный Латинскій періодъ, сѣрая бумага, и дурная, только что разборчивая пе-

чать: вотъ были, во время оно, внѣшніе признаки Словесности Нѣмецкой. Нынѣшніе литераторы Германіи пустились въ красоты стиля, и хотятъ, во что бы то ни стало, преобразовать свою тяжеловидную прозу: стилизмъ убиваетъ все. Обѣднявъ мыслію, Германія принялась за красоту Формъ языка. Издатели съ своей стороны стыдятся сѣрой бумаги и дурнаго шрифта: они пустились въ типографскую роскошь, и изданія Нѣмецкой беллетристики хотятъ перещеголять Французскія изяществомъ внѣшнимъ. И Германская литература объявляетъ права свои на то, чтобы блистать въ будуарахъ дамскихъ! Что бы сказали Клопштоки, Лессинги, Виланды, Гердеры, и даже Шиллеръ и Гёте, видя такое жеманное щегольство литературы, ими созданной и пріученной къ умѣренности во всемъ, что касается до ея внѣшняго быта?

Прежній важный характеръ Словесности Нѣмецкой теряется также отъ множества популярныхъ сочиненій и изданій, въ которыхъ учатъ народъ всему, дешево и какъ попало. Копѣешная литература для всѣхъ сословій, завелась и въ Германіи. Здѣсь дешевизна составляетъ яркую противоположность съ дороговизною щегольской беллетристики.

Любопытно видѣть, какъ въ этомъ случаѣ страна, давшая всѣмъ другимъ образецъ основательнаго и глубокомысленнаго воспитанія и ученія, отказывается отъ своей методы въ пользу поверхностной методы тѣхъ народовъ, которые конечно въ этомъ дѣлѣ не могутъ служить для нея примѣромъ.

Замѣчаютъ также сильное развитіе критики въ Германіи: да, критики много, но критиковъ мало! Я не говорю уже о такихъ, которые могли бы въ силѣ анализа сравняться съ Лессингомъ, или въ силѣ чув-

ства съ Гердеромъ: нѣтъ ничего близкаго даже къ братьямъ Шлегелямъ, которые конечно пальму первенства должны уступить великому основателю критики Германской. *Ульрици* въ Галле, своимъ сочиненіемъ о Шекспирѣ, обѣщаетъ критика. *Рётчеръ* и *Розенкранцъ* не могли освободиться отъ сухихъ формъ гегелизма, и Логикою слишкомъ подавили въ себѣ живое чувство изящнаго, безъ котораго невозможенъ критикъ.

Въ большую моду вошло теперь издавать обозрѣнія современной литературы: это служитъ обыкновенно дебютомъ для юныхъ атлетовъ, выступающихъ на поприще. Какъ прежде всякой талантливый студентъ, кончивъ курсъ университетскій и чувствуя въ себѣ призваніе писателя, начиналъ сочиненіемъ какой нибудь Эстетики, изобрѣтенной на досугѣ въ тиши его кабинета: такъ теперь всякой пишетъ для литературнаго дебюта обозрѣніе. Эта мода такъ усилилась въ Германіи, что грозитъ со временемъ превратить всю ея словесность въ обозрѣнія однихъ обозрѣній.

Но конечно не пустая беллетристика Германіи сосредоточиваетъ въ себѣ важнѣйшіе вопросы ея современной жизни. Не въ этой сферѣ является то, что есть теперь замѣчательнѣйшаго въ ея литературѣ. Главный вопросъ жизненный, нынѣ ее занимающій, есть вопросъ религіозно-философскій, истекшій изъ величайшаго событія ея Исторіи — изъ Реформаціи. Послѣ своего художественнаго эпизода, который заключился блистательнымъ явленіемъ Гёте, Германія возвращается опять къ своему старому, коренному вопросу, рѣшеніемъ котораго занималась всю жизнь

свою. Да, Реформація въ ней еще не кончена: борьба католицизма съ протестантизмомъ возобновляется жарко и готовится къ чему-то заключительному. Разница между настоящими и древними преніями та, что сіи послѣднія совершались въ жизни дѣятельной, и даже переносимы были на поле битвы, тогда какъ нынѣшнія мирно совершаются въ области умственной, но имѣютъ можетъ быть гораздо высшее значеніе по неминуемымъ своимъ послѣдствіямъ, нежели тѣ, которыя шумно и кроваво совершались.

Мы намѣкнули выше, что Германія въ отношеніи къ вопросу религіозному раздѣляется на двѣ рѣзкія половины: на сѣверовосточную и югозападную, изъ которыхъ первая есть представительница протестантизма, вторая—католицизма. Въ какомъ же состояніи находятся теперь обѣ партіи? Подались ли онѣ, хотя сколько нибудь, другъ ко другу? Совершили ли взаимныя уступки въ пользу истины и въ благоденствіе отечества?—Нисколько. Обѣ партіи вдаются въ совершенныя крайности: ихъ ярость внутренняя, прежде выходившая наружу въ битвахъ матеріяльныхъ, теперь сосредоточилась въ мірѣ умственномъ и отвердѣла. Протестантизмъ съ одной стороны рушитъ всѣ преданія и водворяетъ совершенную, полную свободу, нарушающую всякое единство, всякую возможность цѣлости: это самый дикій Феодализмъ въ Религіи, совершенная разрозненность. Съ другой стороны католицизмъ коснѣетъ въ закоренѣлыхъ предразсудкахъ папизма; нисколько не подается впередъ, нисколько не отвѣчаетъ на требованія вѣка; держится строго своихъ завѣтныхъ преданій, своихъ матеріяльныхъ выгодъ, основанныхъ на суевѣрномъ невѣжествѣ народа снова даетъ волю, открываетъ полное попри-

ще для дѣйствій тому ордену, котораго имя заклеймила ужасомъ Исторія Европы. Средина между этѣми двумя крайностями невозможна; соединеніе — возникнуть рѣшительно не можетъ; Германіи въ религіозно-нравственномъ мірѣ угрожаетъ распаденіе совершенное, которое можетъ быть гибельно по своимъ послѣдствіямъ.

Какую же ролю играетъ Философія въ этой великой, стародавней распрѣ? Царство ея, какъ извѣстно, на сѣверѣ; средоточіе—Берлинъ. Будучи сама порожденіемъ протестантизма, она, разумѣется, должна быть вѣрна тѣмъ началамъ, которыя отъ него получила. Увлеченная гордостію разума, она объявила рѣшительно свое освобожденіе, и, подобно Григорію VII, свою непогрѣшительность.

Гегель, какъ извѣстно, сказалъ послѣднее слово Философіи Нѣмецкой — и по смерти своей не завѣщалъ никому своего господства и первенства. Теперь ученіе его стало добычею многихъ и породило разныя толкованія. Извѣстно, что оно до сихъ поръ ограничивается почти одною Пруссіею: Берлинъ, Кенигсбергъ и Галле объемлютъ главныхъ его представителей. Но въ самомъ Берлинѣ это ученіе имѣетъ сильныхъ противниковъ въ религіозной школѣ, которой глава Неандеръ, и въ исторической, которой глава Савиньи. Гегелева философія не проникла до сихъ поръ ни въ Геттингенъ, ни на берега Рейна, ни въ Мюнхенъ. Въ Геттингенѣ не было Гегелева ученія даже и въ то время, когда процвѣталъ его Университетъ и когда отличался особенно Германскимъ національнымъ направленіемъ.

Причина тому, что ученіе Гегеля не находитъ та-

кого всеобщаго отголоска во всѣхъ университетахъ Германіи, двоякая: вопервыхъ, совершенная невозможность подчинить эту Философію Христіянской Религіи и тѣмъ удовлетворить потребности, которую ощущаетъ особенно юго-западная католическая Германія; вовторыхъ, частная, Прусская сторона этой Философіи, имѣющей кромѣ общаго и мѣстное значеніе въ той странѣ, гдѣ она образовалась, и входящей въ систему управленія. Этотъ частно-національный характеръ Философіи какъ будто оскорбителенъ для всеобщей національности Германской. Почти всѣ низшія государства Германіи уже приняли таможенную систему Пруссіи; но Философіи Прусской не принимаютъ потому, что въ дѣлѣ ума обидна національная исключительность: на товарѣ клеймо не такъ тяжело, какъ на мысли.

Извѣстно, что ученіе Гегеля излагается теперь его учениками: мало осталось сочиненій, писанныхъ перомъ самаго учителя. Но не всѣ ученики вѣрны мыслямъ своего наставника: въ каждомъ изъ нихъ эта мысли принимаютъ уже особенный оттѣнокъ;—нерѣдко послѣдователи одного и того же Философа противорѣчатъ другъ другу; нерѣдко противорѣчатъ и сами себѣ такъ, что трудно изъ всѣхъ этихъ разбросанныхъ членовъ составить единаго, полнаго, самому себѣ во всемъ вѣрнаго, и настоящаго, неподдѣльнаго, неподмѣшаннаго Гегеля. Невольно вспомнишь Гораціевы disjecta membra, только не Poetae, а philosophi. Въ Берлинѣ господствуетъ общее мнѣніе, что изъ всѣхъ излагателей, самый вѣрный и точный по изложенію есть *Гото*, издатель Гегелевой Эстетики.

Но изъ всѣхъ послѣдователей великаго и послѣд-

няго Философа Пруссіи, изъ всѣхъ вѣтвей, на которыя раздѣлилось теперь его ученіе, самую лучшую и полезнѣйшую сторону представляютъ тѣ, которые заключаютъ область Философіи въ одной чистой области мышленія, въ одной Логикѣ, какъ Гегель заключалъ ее прежде, и не примѣняютъ своихъ началъ ни къ какой наукѣ, ни къ какому другому развитію человѣческому. Такого рода философскія упражненія могутъ быть полезны отдѣльно, для изощренія человѣческой мысли, и чужды вреда, который они наносятъ, будучи къ чему нибудь примѣняемы. Великій мастеръ неосязаемыхъ и неуловимыхъ умозрѣній самъ не любилъ, чтобы отвлеченное мыслительное начало его Логики примѣняли къ чему нибудь дѣйствительному: ибо оно сокрушалось при первомъ прикосновеніи къ какой нибудь существенности. Такъ благоразумнѣйшіе изъ учениковъ Гегеля поступаютъ съ его Философіею, — и главою этой школы чистыхъ мыслителей можно поставить молодаго Профессора въ Берлинѣ, *Вердера*, преподающаго Логику, который съ глубиною умозрительности соединяетъ необыкновенный даръ слова. Сюда же можно отнести и *Фейербаха*, который живетъ въ Мангеймѣ, и не имѣетъ до сихъ поръ такого поприща дѣятельности, какое открываетъ Вердеру Берлинскій Университетъ.

Такое обособленіе Философіи отъ прочихъ отраслей развитія человѣческаго и ограниченіе владѣній ея однимъ только чистымъ эѳиромъ мысли, весьма благоразумно придумано тѣми, которые заранѣе предвидятъ вредъ, могущій истекать отъ ея примѣненій. Но не менѣе того, вопросъ объ томъ отношеніи, въ какомъ должны находиться Религія и Философія между собою, существуетъ и раздается громко, особенно

въ южной Германіи, которая не можетъ принять рѣшенія сѣвернаго, противнаго Христіянскому чувству.

Этотъ вопросъ, величайшій изъ вопросовъ современнаго человѣчества, гремитъ не только тамъ, но и повсюду, гдѣ человѣкъ мыслитъ. Онъ отдается и у насъ, даже быть можетъ сильнѣе, нежели гдѣ нибудь. Во всѣхъ странахъ есть ученые, по силамъ своимъ трудящіеся надъ его разрѣшеніемъ. Но взоры всѣхъ обращены на ту страну, которая въ наше время была родиною Европейской Философіи. Всѣ ждутъ отъ нея: что скажетъ она?

Тамъ, въ полуденной Германіи, есть человѣкъ, на котораго устремлены взоры всѣхъ, занимающихся рѣшеніемъ сего вопроса. Ему по праву подобаетъ оно: ибо онъ самъ занималъ мѣсто въ ряду Философовъ Германіи, онъ самъ содѣйствовалъ къ развитію науки—и вдругъ исполинъ мысли остановился и преклонилъ смиренное чело передъ Религіею. Всѣ знаютъ, что это явленіе совершилось въ немъ по чистому убѣжденію, безъ всякихъ внѣшнихъ вліяній, безъ всякихъ уступокъ: это высшій психологическій фактъ нашего вѣка, и тѣмъ онъ замѣчательнѣе, что совершившись начально въ душѣ главы-мыслителя, онъ повторился и во всѣхъ ученикахъ его, которые вмѣстѣ съ своимъ наставникомъ, не зная о внутренней его перемѣнѣ, туже потребность въ себѣ ощутили; на томъ же вопросѣ, поникнувъ главами, остановились. Всѣ нетерпѣливо ждутъ: что скажетъ учитель? когда же откроетъ безмолвныя уста? когда совершитъ великую исповѣдь передъ лицомъ міра и повергнетъ знаніе къ подножію Вѣры?

Всѣ ждутъ подвига Шеллингова, но *Шеллингъ* молчитъ и коснѣетъ въ своемъ молчаніи. Между тѣмъ

силы старца слабѣютъ — и время, можетъ быть отниметъ у него возможность совершить великое дѣло.

Но что же значитъ молчаніе Шеллинга? — Изъ недостатка убѣжденія оно проистекать не можетъ: благородный характеръ мыслителя ручается въ томъ, что убѣжденіе было чисто и полно. Изъ чувства своего безсилія? — Этого предположить не льзя въ такой головѣ, какъ Шеллингова. Къ тому же внутреннее сознаніе истины должно бы придать ему еще бо́льшую силу. Не изъ чувства ли самолюбія, какъ многіе объясняютъ? Непріятно же отречься за́живо отъ всего своего минувшаго, уничтожить всю прежнюю жизнь добровольнымъ сознаніемъ своихъ заблужденій передъ лицомъ всего міра! — Нѣтъ, мы такъ не думаемъ. Отреченіе совершено, всѣ это знаютъ. Остается подвигомъ новымъ въ лѣтописяхъ мысли Христіянскаго человѣчества увѣнчать жизнь свою и увѣковѣчить память во благо истины! Нѣтъ, здѣсь не можетъ быть оскорблено самолюбіе: здѣсь ему пища высокая, если бы оно ея и требовало.

Нѣтъ, мы думаемъ, что причина молчанію Шеллинга глубже: она не въ немъ самомъ, не въ его личности, не въ его отношеніяхъ. Нѣтъ, причина эта внѣ его, она въ самой Германіи. Если бы Философъ былъ увѣренъ въ томъ, что его новая религіозная Философія, ясно имъ самимъ сознанная, произведетъ полное убѣжденіе въ большей части Германіи, — онъ конечно не замедлилъ бы совершить свой подвигъ. Но онъ предчувствуетъ вѣрно противное, и потому не рѣшается. Если обращеніе Шеллинга къ Христіянской Религіи и мысль его подчинить ей Германскую Философію назвали мы высшимъ психологическимъ событіемъ нашего вѣка, — то съ другой стороны упорное

молчаніе его есть фактъ, не менѣе замѣчательный, свидѣтельствующій намъ глубоко, что духовное распаденіе въ Германіи совершилось, и что примиреніе Философіи съ Религіею, при условіи подчиненія со стороны первой изъ нихъ, невозможно. Безмолвіе Шеллинга есть самое очевидное и лучшее тому доказательство.

Говоря о тѣхъ ученыхъ мужахъ, которые благодѣтельно подвизаются на поприщѣ религіозной Философіи, не могу не упомянуть еще о *Баадерѣ*, который дѣйствуетъ открытѣе, нежели Шеллингъ, и, не смотря на преклонность лѣтъ своихъ, работаетъ бодро и неутомимо. Ученіе его основано на чисто Христіянскихъ началахъ и даже примѣнено къ догматамъ первоначальной Церкви. Правда, что оно не приведено въ строгую логическую систему и имѣетъ рапсодическій характеръ. Но Баадеръ жестокій противникъ папизма, также противникъ и протестантской партіи, а потому въ Баваріи не можетъ имѣть поприща для своей философской дѣятельности, на сѣверѣ также не возбуждаетъ сочувствія. Его тщетныя усилія, не подкрѣпленныя никакими послѣдователями, служатъ также доказательствомъ той печальной истины, которую извлекли мы изъ безмолвія Шеллингова.

Да, раздоръ Философскаго начала съ Религіознымъ есть событіе, отовсюду очевидное въ жизни Германіи: это ея слабая сторона, ея пята Ахиллова. Прочно ея внѣшнее государственное и гражданское устройство; но испорченъ органическимъ поврежденіемъ ея внутренній міръ. Причина всему великій, неизбѣжный недугъ ея—Реформація. Но первоначальный корень зла таится еще глубже; онъ въ самомъ глав-

номъ началѣ западнаго развитія. Тотъ человѣкъ, который, первый, дерзнулъ наименовать себя живымъ Намѣстникомъ Христа и видимою главою Церкви, тотъ породилъ и Лютера, отрицавшаго Папу и крайность его Антихриста, который уже зародился въ современной Германіи и какъ червь точитъ ея нравственное и духовное бытіе.

* *
*

Направленіе, какое принимаютъ теперь тѣ обѣ страны, которыя производили и производятъ на насъ сильнѣйшее вліяніе, такъ противорѣчитъ жизненному началу нашему, такъ несогласно со всѣмъ нашимъ протекшимъ, что мы внутренно всѣ, болѣе или менѣе, признаемъ необходимость разорвать дальнѣйшія связи наши съ Западомъ въ литературномъ отношеніи. Я, разумѣется, не говорю здѣсь о тѣхъ славныхъ образцахъ его великаго прошедшаго, которые должны мы всегда изучать: они, какъ собственность всего человѣчества, принадлежатъ и намъ, намъ же по праву самыхъ близкихъ и прямыхъ наслѣдниковъ въ очереди народовъ, выходящихъ на сцену живущаго и дѣйствующаго міра. Я не говорю и о тѣхъ современныхъ писателяхъ, которые на Западѣ, видя сами направленіе человѣчества, ихъ окружающаго, вооружаются противъ него и ему противодѣйствуютъ: такіе писатели много сочувствуютъ намъ и даже нетерпѣливо ожидаютъ нашей дѣятельности. Они впрочемъ составляютъ малое исключеніе. Я не разумѣю конечно и тѣхъ ученыхъ, которые трудятся по извѣстнымъ отдѣльнымъ частямъ наукъ и славно воздѣлываютъ ихъ поле. Нѣтъ, я говорю вообще о ду-

хъ образованія западнаго, о его главныхъ мысляхъ и движеніи новой его литературы. Здѣсь встрѣчаемъ мы такія явленія, которыя для насъ кажутся непонятными, которыя по нашему ни изъ чего не вытекаютъ, которыхъ мы боимся, а иногда проходимъ мимо ихъ равнодушно, безсмысленно, или съ чувствомъ какого-то дѣтскаго любопытства, раздражающаго наши взоры.

Россія, къ счастію, не испытала тѣхъ двухъ великихъ недуговъ, которыхъ вредныя крайности начинаютъ сильно тамъ дѣйствовать: отсюда и причина, почему непонятны для нея тамошнія явленія и почему ихъ ни съ чѣмъ своимъ она связать не можетъ. Мирно и благоразумно созерцала она развитіе Запада: принимая его, какъ предохранительный урокъ для своей жизни, счастливо избѣгла раздора или двойства началъ, которому Западъ подвергся въ своемъ внутреннемъ развитіи, и сохранила свое завѣтное и вседержащее единство; усвоивала себѣ только то, что могло быть ей прилично въ смыслѣ обще-человѣческомъ и отвергала постороннее.... И теперь, когда Западъ, какъ Мефистофель въ заключеніи Гётева Фауста, готовясь открыть ту огненную бездну, куда онъ стремится, является къ намъ и гремитъ своимъ ужаснымъ: Komm! Komm! — не пойдетъ за нимъ Россія: никакого обѣта она не дала ему, никакимъ договоромъ не связала бытія своего съ его бытіемъ: она не дѣлила съ нимъ его недуговъ; она сохранила свое великое единство, и въ роковую минуту, можетъ быть, она же назначена отъ Провидѣнія быть великимъ Его орудіемъ къ спасенію человѣчества.

Не скроемъ, что Литература наша въ сношеніяхъ своихъ съ Западомъ развила въ себѣ нѣкоторые не-

достатки. Мы подводимъ ихъ къ тремъ. Первый изъ нихъ—характеристическая черта нашей минуты, есть нерѣшительность. Она понятна изъ всего того, что́ сказано выше. Продолжать литературное развитіе вмѣстѣ съ Западомъ мы не можемъ, ибо нѣтъ сочувствія въ насъ къ его современнымъ произведеніямъ: въ самихъ же себѣ мы еще не совсѣмъ открыли источникъ своенароднаго развитія, хотя и были нѣкоторыя удачныя въ томъ попытки. Магическое обаяніе Запада все еще сильно дѣйствуетъ на насъ, и мы не можемъ вдругъ отъ него отказаться. Въ этой нерѣшимости я полагаю одну изъ главныхъ причинъ того застоя, который продолжается въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ въ литературѣ нашей. Мы напрасно ждемъ современныхъ вдохновеній оттуда, откуда ихъ прежде почерпали; Западъ посылаетъ намъ то, что отвергается нашимъ умомъ и сердцемъ. Мы предоставлены теперь собственнымъ своимъ силамъ; мы должны по неволѣ ограничиться богатымъ протекшимъ Запада и искать своего въ нашей древней Исторіи.

Дѣятельность поколѣній новыхъ, выступающихъ у насъ на поприще подъ привычнымъ вліяніемъ послѣднихъ мыслей и явленій современнаго запада, парализуется невольно невозможностью примѣнить тамошнее къ нашему, и всякой кипящій силами юноша, если заглянетъ въ глубь души своей, то увидитъ, что весь пылкій восторгъ и всѣ внутреннія силы его скованы чувствомъ тяжкой и праздной нерѣшимости. Да, вся литературная Россія разъигрываетъ теперь Геркулеса, стоящаго на распутіи: Западъ коварно манитъ ее за собою, но конечно суждена ей Провидѣніемъ иная дорога.

Второй недостатокъ въ литературѣ нашей, тѣсно

сопряженный съ предъидущимъ, есть недовѣрчивость къ собственнымъ силамъ. До какихъ же поръ, во всякомъ дѣлѣ, послѣдняя книга Запада, послѣдній номеръ журнала будутъ дѣйствовать на насъ какою-то чародѣйственною силою и сковывать всѣ наши собственныя мысли? До какихъ же поръ мы будемъ жадно глотать одни готовые результаты, выведенные тамъ изъ образа мыслей, намъ совершенно чуждаго и несогласнаго съ нашими преданіями? Неужели не чувствуемъ мы въ себѣ на столько силъ, чтобы самимъ приняться за источники и въ самихъ себѣ открыть новое свое воззрѣніе на всю Исторію и Словесность Запада? Это—необходимость для насъ и услуга для него, которою даже мы ему обязаны: никто въ своемъ дѣлѣ безпристрастенъ быть не можетъ, и народы, какъ поэты, созидая бытіе свое, не достигаютъ до его сознанія, которое предоставляется ихъ наслѣдникамъ.

Наконецъ третій нашъ недостатокъ, самый непріятный, которымъ мы наболѣе страдаемъ въ нашей Литературѣ, есть Русская апатія, слѣдствіе нашихъ дружескихъ сношеній съ Западомъ. Посадите молодое, свѣжее растеніе подъ тѣнью столѣтняго кедра или дуба, который закроетъ его юное бытіе старою тѣнью широкихъ вѣтвей своихъ, и будетъ только сквозь нихъ кормить его солнцемъ и прохлаждать небесною росою, и мало пищи дастъ его свѣжимъ корнямъ отъ жадныхъ, заматорѣлыхъ въ той землѣ корней своихъ. Вы увидите, какъ молодое растеніе утратитъ краски юной жизни, будетъ страдать преждевременною старостью своего дряхлѣющаго сосѣда; но срубите кедръ, возвратите юному дереву его солнце, и оно найдетъ въ себѣ крѣпость, поднимется бодро

и свѣжо, и своею сильною и безвредною другимъ юностью даже будетъ въ состояніи благодарно прикрыть новые отростки падшаго своего сосѣда.

Приставьте къ живому, рѣзвому ребенку старую няню: вы увидите, какъ исчезнетъ въ немъ пылкость возраста, и кипящая жизнь будетъ скована безчувствіемъ. Подружите пылкаго юношу, полнаго всѣми надеждами жизни, съ зрѣлымъ разочарованнымъ мужемъ, промотавшимъ жизнь свою, утратившимъ съ нею и вѣру и надежду: вы увидите, какъ измѣнится вашъ пылкій юноша; не пристанетъ къ нему разочарованіе; онъ не заслужилъ его своимъ прошедшимъ; но всѣ чувства его окуются хладомъ бездѣйственной апатіи; огненные глаза его померкнутъ; онъ какъ Фрейшицъ станетъ трепетать своего страшнаго гостя; при немъ онъ будетъ стыдиться и своего румянца, и пылкихъ чувствъ своихъ, краснѣть своего восторга, и какъ дитя, надѣнетъ неприставшую ему маску разочарованія.

Да, разочарованіе Запада породило у насъ одну холодную апатію. Донъ-Жуанъ произвелъ Евгенія Онѣгина, одинъ изъ общихъ Русскихъ типовъ, мѣтко схваченный геніальною мыслію Пушкина изъ нашей современной жизни. Этотъ характеръ повторяется нерѣдко въ нашей Литературѣ: о немъ грезятъ наши повѣствователи, и еще недавно, одинъ изъ нихъ, блистательно вышедшій на поприще Поэта, нарисовалъ намъ туже Русскую апатію, еще степенью больше, въ лицѣ своего героя, котораго мы, по чувству національному, не хотѣли бы, но должны признать героемъ нашего времени.

Послѣдній недостатокъ есть конечно тотъ, съ которымъ мы должны болѣе всего бороться въ совре-

менной своей жизни. Эта апатія причиною въ насъ и лѣни, которая одолѣваетъ свѣжую молодежь нашу, и бездѣйственности многихъ литераторовъ и ученыхъ, которые измѣняютъ своему высокому призванію и отвлекаются отъ него тѣснымъ міромъ домашняго хозяйства или большими видами всепоглощающей торговли и промышленности; въ этой апатіи зародышь и того червя-тоски, которую каждый изъ насъ болѣе или менѣе ощущалъ въ своей юности, распѣвалъ въ стихахъ и надоѣлъ ею самымъ благосклоннымъ своимъ читателямъ.

Но если мы и вынесли нѣкоторые неизбѣжные недостатки отъ сношеній нашихъ съ Западомъ, за то мы сохранили въ себѣ чистыми три коренныя чувства, въ которыхъ сѣмя и залогъ нашему будущему развитію.

Мы сохранили наше древнее чувство религіозное. Крестъ Христіянскій положилъ свое знаменіе на всемъ первоначальномъ нашемъ образованіи, на всей Русской жизни. Этимъ крестомъ благословила насъ еще древняя мать наша Русь и съ нимъ отпустила насъ въ опасную дорогу Запада. Выразимся притчей. Выросталъ отрокъ въ святомъ домѣ родительскомъ, гдѣ все дышало страхомъ Божіимъ; на первой памяти его печатлѣлся ликъ сѣдовласаго отца, колѣнопреклоненнаго предъ святою иконою: не вставалъ онъ утромъ, не отходилъ ко сну безъ родительскаго благословенія; всякой день его былъ освященъ молитвою и передъ всякимъ праздникомъ домъ семьи его являлся домомъ молитвы. Рано отрокъ покинулъ домъ родительскій; холодные люди окружили его и омрачили душу сомнѣніемъ; злыя книги развратили мысль его и оледенили чувство; былъ онъ въ гостяхъ у народовъ, ко-

торые Богу не молятся и думаютъ, что счастливы.... Протекло бурное время молодости.... Юноша созрѣлъ въ мужа.... Семья окружила его, и всѣ воспоминанія дѣтства поднялись, какъ свѣтлые Ангелы, изъ лона души его.... и чувство Религіи проснулось живѣе и сильнѣе.... и освятилось снова все его бытіе, и гордая мысль растворилась въ чистой молитвѣ смиренія.... и новый міръ жизни открылся его взорамъ.... Притча понятна каждому изъ насъ: нужно ли толковать смыслъ ея?

Второе чувство, которымъ крѣпка Россія и обезпечено ея будущее благоденствіе, есть чувство ея государственнаго единства, вынесенное нами также изъ всей нашей Исторіи. Конечно, нѣтъ страны въ Европѣ, которая могла бы гордиться такою гармоніею своего политическаго бытія, какъ наше Отечество. На Западѣ почти всюду раздоръ началъ признанъ закономъ жизни, и въ тяжкой борьбѣ совершается все существованіе народовъ. У насъ только Царь и народъ составляютъ одно неразрывное цѣлое, не терпящее никакой между ними преграды: эта связь утверждена на взаимномъ чувствѣ любви и вѣры и на безконечной преданности народа Царю своему. Вотъ сокровище, вынесенное нами изъ нашей древней жизни, на которое съ особенною завистью смотритъ раздѣленный въ себѣ Западъ, видя въ немъ неизсякаемый источникъ государственнаго могущества. Онъ хотѣлъ бы всѣмъ, чѣмъ можетъ, у насъ отнять его; но теперь не въ силахъ, ибо прежнее на вѣру принятое чувство нашего единства, вынесенное нами изъ нашего прежняго быта, прошедъ всѣ искушенія образованія, миновавъ всѣ сомнѣнія, взошло въ каждомъ образованномъ Русскомъ, понимающемъ свою исторію, на

степень яснаго и прочнаго сознанія, — и теперь это сознанное чувство пребудетъ болѣе нежели когда нибудь непоколебимымъ въ нашемъ Отечествѣ.

Третье коренное чувство наше есть сознаніе нашей народности и увѣренность въ томъ, что всякое образованіе можетъ у насъ тогда только пустить прочный корень, когда усвоится нашимъ народнымъ чувствомъ и скажется народною мыслію и словомъ. Въ этомъ чувствѣ таится причина нашей нерѣшимости продолжать литературное развитіе съ изнемогающимъ Западомъ; въ этомъ чувствѣ мощная преграда всѣмъ его искушеніямъ; объ это чувство разбиваются всѣ частныя безплодныя усилія нашихъ соотечественниковъ привить къ намъ то, что нейдетъ къ Русскому уму и къ Русскому сердцу; это чувство есть мѣра прочнаго успѣха нашихъ писателей въ исторіи Литературы и образованія, есть пробный камень ихъ оригинальности. Оно высказалось сильно въ лучшихъ произведеніяхъ каждаго изъ нихъ: имъ заключали, въ немъ сходились и откликались другъ другу и Ломоносовъ, и Державинъ, и Карамзинъ, и Жуковскій, и Крыловъ, и Пушкинъ, и всѣ имъ близкіе, не смотря ни на какое Латинское, Французское, Нѣмецкое, Англійское или другое вліяніе. Это чувство устремляетъ теперь насъ къ изученію нашей древней Руси, въ которой конечно хранится первоначальный чистый образъ нашей народности. Само Правительство дѣятельно призываетъ насъ къ тому. Этимъ чувствомъ роднятся и дѣйствуютъ за одно наши обѣ столицы, и то, что замышлено въ сѣверной, проходитъ черезъ Москву, какъ черезъ сердце Россіи, для того, чтобы обратиться въ кровь и въ живые соки нашего народа. Москва есть то вѣрное горнило, въ которомъ пере-

жигается все пришлое отъ Запада и получаетъ чистую печать Русской народности.

Тремя коренными чувствами крѣпка наша Русь и вѣрно ея будущее. Мужъ Царскаго Совѣта, которому вѣрены поколѣнія образующіяся, давно уже выразилъ ихъ глубокою мыслію, и онѣ положены въ основу воспитанію народа.

Западъ по какому-то странному инстинкту не любитъ въ насъ этѣхъ чувствъ, и особенно теперь, забывъ прежнее добро наше, забывъ жертвы, ему отъ насъ принесенныя, при всякомъ случаѣ выражаетъ намъ свою нелюбовь, похожую даже на какую-то ненависть, обидную для каждаго Русскаго, посѣщающаго его земли. Двояко можно объяснить это чувство, незаслуженное нами и бесмысленно противорѣчащее нашимъ прежнимъ сношеніямъ: или Западъ похожъ въ этомъ случаѣ на брюзгливаго старика, который въ своенравныхъ порывахъ безсильнаго возраста злится на своего наслѣдника, неизбѣжно призваннаго овладѣть со временемъ его сокровищами; или другое: онъ, зная инстинктомъ направленіе наше, предчувствуетъ разрывъ, который неминуемо долженъ послѣдовать между имъ и нами, и самъ, порывомъ своей несправедливой ненависти, еще болѣе ускоряетъ роковую минуту.

Въ гибельныя эпохи переломовъ и рушеній, какія представляетъ исторія человѣчества, Провидѣніе посылаетъ въ лицѣ иныхъ народовъ силу хранящую и соблюдающую: да будетъ же такою силою Россія въ отношеніи къ Западу! да сохранитъ она на благо всему человѣчеству сокровища его великаго протекшаго и да отринетъ благоразумно все то, что̀ служитъ къ разрушенію, а не къ созиданію! да найдетъ

въ самой себѣ и въ своей прежней жизни источникъ своенародный, въ которомъ все чужое, но человѣчески прекрасное сольется съ Русскимъ духомъ, духомъ обширнымъ, вселенскимъ, Христіянскимъ, духомъ всеобъемлющей терпимости и всемірнаго общенія! *

С. Шевыревъ.

* Въ слѣдующемъ номерѣ мы надѣемся приступить къ критикѣ замѣчательнѣйшихъ по чему бы то ни было произведеній нашей изящной Словесности 1840 года и нѣкоторыхъ изъ прежнихъ. Библіографія же книгъ начнется уже книгами 1841 года.

МОСКОВСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ЗАЛОЖЕНІЕ НОВАГО ХРАМА ПРИ ЕДИНОВѢРЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ ВЪ МОСКВѢ.

Не многіе въ Россіи, думаю, знаютъ о Единовѣрческой Церкви, которая отличается нѣкоторыми наружными обрядами и обычаями, впрочемъ, съ благословенія и въ послушаніи общей Велико-Россійской Церкви. Основана она въ Царствованіе Императора Павла I-го при Московскомъ Митрополитѣ Платонѣ, (первыми основателями оной были Московскіе купцы Александровъ, Шелапутинъ, Ямщиковъ и прочіе), въ 1801 году, по чиноположенію старопечатныхъ книгъ; другая каменная освящена въ 1819 году Московскимъ Митрополитомъ Серафимомъ. Въ 1821 году съ дозволенія Святѣйшаго Сѵнода, открыта тамъ типографія для печатанія церковныхъ книгъ по прежнимъ текстамъ, кои со времени Патріарха Никона нигдѣ въ Россіи печатать не позволялось. Въ прошломъ 1840 году въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, еще заложена на Единовѣрческомъ кладбищѣ новая каменная жъ церковь, и при ней Странноприимный домъ, на капиталъ Мануфактуръ-Совѣтниковъ Почетныхъ Гражданъ братьевъ Бабкиныхъ, принесшихъ сію значительную жертву въ пользу общества. Заложеніе оной по древнему чиноположенію совершено Митрополитомъ Московскимъ Филаретомъ, который при семъ случаѣ произнесъ рѣчь, избравъ текстомъ оной, съ свойственнымъ ему одному искусствомъ, слѣдующія слова Святаго Апостола Павла въ Посланіи къ Римлянамъ: «Желаю видѣ-

ти васъ, да нѣкое подамъ вамъ дарованіе духовное ко утвержденію вашему, сіе же есть, соутѣшитися въ васъ вѣрою общею, вашею же и моею.» Не правдали что одинъ выборъ такого текста стоитъ цѣлаго гимна! Надѣемся доставить наслажденіе нашимъ читателямъ выписавъ еще нѣсколько строкъ изъ этой примѣчательной рѣчи.

«Поучительна ревность Апостольская. Святый Павелъ имѣлъ въ своемъ попеченіи многія Церкви Азійскія, Греческія, Македонскія, большею частію имъ основанныя, и имъ руководствуемыя: но и на Римскую, не столь близкую, и не имъ основанную, простиралъ вниманіе; и не только писалъ къ ней посланіе, но и лично посѣтить ее желалъ.»

«Если тѣ, которые по устроенію Божію, пріяли, хотя не Апостольскую власть, впрочемъ отъ Апостоловъ другъ-другопріимательно преданный жребій священноначальства, по справедливости должны подражать ревности Апостольской въ своемъ, хотя не столь обширномъ кругѣ дѣйствованія: то я не особеннымъ чѣмъ либо похвалюсь, а только укажу на свою обязанность, если скажу, что уже давно *желаю видѣти васъ*, Братія, въ вашей собственно церкви, и что теперь исполняется мое давнее желаніе.»

«Но, можетъ быть, кто нибудь, услышавъ сіе, помыслитъ: почему жъ бы давно и не исполниться сему желанію, если оно есть давнее?—Дабы отвѣтствовать на сей вопросъ, я прибѣгну опять ко Святому Апостолу Павлу, который въ слѣдъ за вышеприведенными словами, въ посланіи къ Римлянамъ, пишетъ: *не хощу же не вѣдѣти вамъ, братіе, яко множицею восхотѣхъ пріити къ вамъ, и возбраненъ быхъ доселѣ.* Если могло случиться, что Святый Павелъ, при толикомъ обиліи данной ему, даже чудодѣйственной благодати, долго не могъ исполнить труднаго: то, при моей немощи, конечно не удивительно, что я не скоро могъ исполнить нетрудное.»

«Вопросъ, несравненно болѣе достойный вниманія для меня и для васъ, долженъ быть сей: для чего я желалъ, или лучше, для чего долженъ былъ желать, увидѣться съ вами здѣсь, и для чего вамъ прилично было желать сего; ибо я нахожусь нынѣ здѣсь какъ по моему давнему желанію, такъ и по вашему неоднократному приглашенію. И въ семъ отношеніи тотъ же Апостолъ можетъ быть руководителемъ и образцемъ уже не для меня только, но купно и для васъ, Братія. *Желаю бо видѣти васъ*, говоритъ онъ Римскимъ Христіанамъ. Но для чего? —*Да нѣкое*, говоритъ, *подамъ вамъ дарованіе духовное*. Что это значитъ? Какое обѣщаетъ онъ дарованіе духовное?—Онъ объясняетъ: *сіе же есть соутѣшитися въ васъ вѣрою общею, вашею же и моею*. Итакъ вотъ для чего Апостолъ желаетъ посѣтить церковь Римскую, видѣть Христіанъ Римскихъ: онъ желаетъ найти у нихъ общую вѣру и общеніе въ вѣрѣ ближайшимъ образомъ дознать и открыть, что Римляне точно единовѣрцы ему, и онъ единовѣрецъ Римлянамъ. И въ семъ дознаніи онъ уповаетъ обрѣсти *соутѣшеніе*, то есть, взаимное утѣшеніе, Римлянамъ отъ него, и ему отъ Римлянъ, и не просто утѣшеніе человѣческое, но *дарованіе духовное*, даръ Святаго Духа Утѣшителя. Если, Братія и мы хотимъ быть вѣрными сему Апостольскому направленію, сообразными сему первоначальному образу Церкви Христовы: то надобно, чтобъ и ваше предварившее приглашеніе, и мое къ вамъ настоящее пришествіе, имѣло не иную цѣль, какъ *вѣру общую, вашу же и мою*. Едино должно быть и у меня и у васъ желаніе, да обрящемся точно другъ другу единовѣрцы, по вѣрѣ истинной, православной, чистой, непорочной, отъ Господа Спасителя чрезъ Святыхъ Апостоловъ и Богоносныхъ Отцевъ преданной, и непрерывнымъ и неизмѣннымъ преданіемъ и до насъ достигшей; да въ общеніи мирныхъ сердецъ и несмущенныхъ совѣстей, *соутѣшимся вѣрою общею, вашею же и моею*, и въ семъ утѣшеніи познаемъ и ощущимъ благодатное *дарованіе*.

«Не домогаюсь покорить васъ моему слову: покоряюсь слову Евангельскому и Апостольскому, и въ покорении ему желаю быть вмѣстѣ съ вами. Послушайте еще, какъ оно проповѣдуетъ и заповѣдуетъ, не только вѣру каждому порознь, но и всѣмъ въ совокупности общеніе и соединеніе вѣры.»

«Когда Господь нашъ, отходя на вольное за насъ страданіе, Своею всемогущею къ Единосущному Отцу Своему молитвою на вѣки утверждалъ Свою Церковь: тогда, помолясь прежде о Своихъ Апостолахъ, проповѣдникахъ вѣры, столпахъ Церкви, строителяхъ таинъ, потомъ продолжалъ молитву Свою такъ: *не о сихъ же молю токмо, но и о вѣрующихъ словесе ихъ ради въ Мя, да вси едино будутъ. (Іоа. XVII, 21.)* Слышите: не о томъ только печется Начальникъ и Совершитель вѣры, чтобы вѣрующіе пребывали въ вѣрѣ, но и въ особенности о томъ, чтобы вѣрующіе всѣ были едино.»

Но мы конечно переписали бы все слово, если бы захотѣли исчислять всѣ высокія духовныя красоты его...

ИЗВѢСТІЕ О ЖИЗНИ И КОНЧИНѢ АЛЕКСѢЯ ѲЕДОРОВИЧА МАЛИНОВСКАГО.

26 Ноября, въ 10 часовъ вечера, скончался въ Москвѣ этотъ достопочтенный гражданинъ, одинъ изъ старшихъ Русскихъ Литераторовъ, и изъ первыхъ воспитанниковъ Московскаго Университета. Ему было 79 лѣтъ отъ рода. На службѣ онъ находился шестдесятъ два года, — въ одномъ мѣстѣ, въ Архивѣ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ. До послѣдняго дня жизни онъ оставался въ свѣжей памяти, и сохранилъ употребленіе всѣхъ умственныхъ способностей. За нѣсколько часовъ только онъ началъ забываться, и повторялъ очень часто: «пора ѣхать *домой, домой*, велите закладывать скорѣе карету.» Духовникъ предложилъ ему принять во второй разъ Св. причастіе. Въ первый разъ онъ пріобщался за мѣсяцъ). «Я нынче нѣ-

сколько смущенъ, не готовъ», отвѣчалъ онъ; «не отложить ли?»—Зачѣмъ же откладывать, сказалъ?» достойный Пастырь «Развѣ я такъ дуренъ? Хорошо, я прошу васъ.» Всѣ распоряженія о погребеніи онъ написалъ еще за годъ собственною своею рукою, назначилъ даже, кого приглашать, указалъ мѣсто погребенія, опредѣлилъ мѣру надгробной доски. Отпѣваніе происходило 29 числа, также по его желанію, въ церкви Страннопріимнаго Шереметевскаго дома. Умилительно было смотрѣть на этихъ бѣдныхъ стариковъ и старухъ, приходившихъ поклониться праху человѣка, который учредилъ, устроилъ ихъ мирное убѣжище, и двадцать лѣтъ наблюдалъ надъ исполненіемъ своей мысли.

Предложимъ краткое извѣстіе объ его жизни.

А. Ѳ. Малиновскій родился въ Москвѣ въ 1762 году, и воспитывался въ Московскомъ Университетѣ, вскорѣ послѣ его основанія. Въ библіотекѣ издателя есть рѣчь, говоренная имъ на Италіянскомъ языкѣ, въ 1777 году, когда Университетъ праздновалъ рожденіе блаженной памяти Императора Александра. Привязанность къ Университету онъ сохранилъ до своей смерти, подобно всѣмъ старымъ воспитанникамъ этого знаменитаго мѣста. Малиновскій принималъ живое участіе во всѣхъ постановленіяхъ, дѣйствіяхъ, происшествіяхъ, до Университета относившихся, и не могъ никогда проѣзжать мимо, какъ говорилъ онъ, безъ особеннаго чувства. Въ 1780 году онъ вступилъ въ службу Актуаріусомъ въ Архивѣ Московскомъ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ, и началъ заниматься Исторіею и Литературою. Онъ засталъ еще *Миллера*, котораго живо помнилъ. *Стриттеръ* былъ долгое время его начальникомъ, наконецъ не менѣе Миллера и Стриттера, почтенный Николай Николаевичь *Бантышъ-Каменскій*. Подъ руководствомъ этихъ людей продолжались его историческія занятія, а литературныя въ сообществѣ *Карамзина*, *Пушкиныхъ*, *Бекетовыхъ*, *Дмитріе-*

ва. Онъ любилъ тогда театръ, (и сохранилъ эту любовь до старости), и написалъ (одинъ, или съ кѣмъ-то) оперу «Старинныя святки», которую играли у насъ по торжественнымъ днямъ до тѣхъ поръ какъ смѣнилъ ее Пожарскій Крюковскаго. «Слава нашему солнышку» замѣняло нынѣшнее «Боже Царя храни», и принимаемо была всегда съ рукоплесканіями. Тогда же перевелъ онъ: «Бѣдность и благородство души Коцебу», которая производила восторгъ и плачь во всей Москвѣ, подобно «Ненависти къ людямъ и раскаянію». Онъ посвятилъ свой переводъ знаменитому актеру нашему В. П. Померанцеву. Нѣсколько другихъ піесъ Коцебу онъ перевелъ вмѣстѣ съ Г. Ждановскимъ. Извѣстенъ былъ его переводъ: «Духъ Бюффоновъ», который наши Риторы ставили рядомъ съ прежнимъ переводомъ, кажется Лепехина, и послѣдующимъ Карамзина, для показанія различія въ слогѣ. Разумѣется, отдавалось преимущество отрывку Карамзина.

Въ 1794 г. Малиновскій написалъ историческое и дипломатическое сочиненіе о Крымѣ, которое посвятилъ Императрицѣ Екатеринѣ II. Почти всѣ прочіе историческіе его труды предпринималъ онъ по особымъ случаямъ, или издавалъ ихъ въ свѣтъ; въ послѣднее время, когда наша журнальная критика вышла изъ границъ всякой благопристойности, Малиновскій рѣшился не выходить на сцену, чтобъ не подвергаться ея невѣжественнымъ и пристрастнымъ опредѣленіямъ.

Въ 1801 г. онъ поднесъ покойному Императору Александру изслѣдованіе о древнихъ сношеніяхъ Россіи съ Герцогствомъ Голстинскимъ.

Въ 1803 г. издалъ онъ *Описаніе Мастерской Оружейной палаты*, часть 1, въ листъ, съ картинами. Съ тѣхъ поръ онъ занимался продолженіемъ его и кончилъ въ 1836 году. Въ двухъ огромныхъ томахъ заключается много драгоцѣнныхъ матеріаловъ, коими искусная рука можетъ воспользоваться прекрасно.

Въ 1818, при открытіи памятника Минину и Пожарско-

му, онъ издалъ *Біографическія свѣденія о Князѣ Дмитріѣ Мих. Пожарскомъ.*

Въ 1820-хъ годахъ написалъ онъ жизни Сановниковъ, управлявшихъ Посольскимъ Приказомъ, Канцлеровъ и Министровъ иностранныхъ дѣлъ.

Важнѣйшимъ его сочиненіемъ, по богатству матеріаловъ, должно почесться *Описаніе Москвы*, котораго онъ не кончилъ (Кремль, Китай и Бѣлый городъ описаны).

Въ трудахъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, котораго онъ былъ старшимъ членомъ и нѣсколько лѣтъ президентомъ, Малиновскій помѣстилъ нѣсколько любопытныхъ статей, особенно объ отношеніяхъ Польши къ Россіи.

Кромѣ сихъ собственныхъ трудовъ его, мы должны напомнить здѣсь, что всѣ изданія Комиссіи печаганія Государственныхъ грамотъ и договоровъ, на иждивеніи Графа Румянцова, были предпринимаемы и совершаемы (Гг. Строевымъ, Калайдовичемъ, Прилуцкимъ и проч.) подъ непосредственнымъ наблюденіемъ Малиновскаго, который былъ главнымъ дѣятельнымъ исполнителемъ порученій покойнаго Канцлера. Въ перепискѣ ихъ должно найтиться много любопытнаго и важнаго для Русской Исторіи.

Говоря объ ученыхъ трудахъ его, замѣтимъ здѣсь кстати, что Малиновскій говорилъ очень хорошо по Русски, и принадлежалъ въ этомъ отношеніи къ малому числу мастеровъ. Рѣчь его не столько отличалась искусственностію, какъ настоящимъ духомъ Русскаго языка. Малиновскій напитался чтеніемъ нашихъ древнихъ памятниковъ. Любилъ искренно Русскую Словесность и до послѣднихъ дней своей жизни заставлялъ себѣ читать новѣйшія произведенія.

Отъ ученыхъ трудовъ Малиновскаго обратимся къ его службѣ.

Онъ сочинилъ уставъ Странноприимному дому Графа Шереметева, и съ 1803 года занимался строеніемъ онаго до 1810 года. Въ этомъ году онъ назначенъ былъ главнымъ Смотрителемъ, въ которомъ званіи и оставался до 1826

года. Его управленіе, отличавшееся порядкомъ и отчетливостію, послужившее примѣромъ и для преемниковъ, даетъ ему полное право на общественную признательность.

Въ 1812 году, предъ нашествіемъ Французовъ, Малиновскій препровождалъ Архивскія бумаги, рукописи и книги во Владимиръ, и сохранилъ въ цѣлости это сокровище Русской Исторіи.

Въ 1814 году Малиновскій назначенъ былъ главнымъ начальникомъ Архива, который онъ зналъ какъ свой кабинетъ, и любилъ безъ памяти, считая его какъ будто своею колыбелью и могилою. Привязанность, нынѣ уже рѣдкая, къ мѣсту своего служенія! Многіе наши знаменитые сановники начинали свою службу въ Архивѣ подъ его начальствомъ; напримѣръ Министры Д. В. Дашковъ, Д. Н. Блудовъ, Графъ В. Н. Панинъ, Д. П. Сѣверинъ и другіе и сохранили всегда благодарное воспоминаніе о своемъ первомъ начальникѣ. Блестящій періодъ Архива былъ около 20 годовъ. Множество молодыхъ людей, которые занимаютъ теперь важныя мѣста, служили тогда въ Архивѣ, и знакомились тамъ съ Русской Исторіей, Дипломатикою и Словесностію.

Замѣтимъ, что А. Ѳ. думалъ, будто драгоцѣнности Архивскія потеряютъ свою цѣну, если сдѣлаются слишкомъ извѣстными, и потому неохотно допускалъ пользоваться ими, развѣ людей извѣстныхъ, къ которымъ имѣлъ полную довѣренность; по крайней мѣрѣ никогда не вызывался съ ними, не указывалъ самъ на источники и пособія Архивскія, и правило о дипломатическихъ тайнахъ новаго времени распространялъ и на историческіе документы. Вотъ что подавало поводъ къ нѣкоторому роптанію изыскателей. По крайней мѣрѣ должно сказать въ честь покойному то, что сокровище, ему ввѣренное, онъ сохранилъ въ цѣлости для общественнаго будущаго употребленія; прилагалъ всѣ свои старанія увеличить оное, жертвовалъ въ библіотеку Архивскую всѣ рукописи имъ пріобрѣтаемыя, уговаривалъ другихъ, и съ

успѣхомъ, и завѣщалъ, кажется, Архиву свои бумаги. * Осторожность Малиновскаго можетъ быть имѣла свои причины, можетъ быть была слѣдствіемъ непріятныхъ опытовъ, тѣмъ не менѣе подавала поводъ, какъ мы сказали, къ жалобамъ.

Кромѣ безпрерывной службы въ Архивѣ, Алексѣй Ѳедоровичъ былъ членомъ Комиссіи о пособіи разореннымъ жителямъ Московскимъ послѣ Французовъ, и съ 1819 года назначенъ Сенаторомъ въ Департаментъ уголовныхъ дѣлъ.

А. Ѳ. Малиновскій скончался въ чинѣ Тайнаго Совѣтника, имѣлъ ордена: Бѣлаго орла 1 класса, Св. Анны 1 класса, Св. Владимира 2 степени, и Св. Іоанна Іерусалимскаго; сверхъ того имѣлъ счастіе получить отъ щедротъ Монаршихъ нѣсколько подарковъ и денежныхъ награжденій.

Имѣнія благопріобрѣтеннаго осталось послѣ его смерти 170 душъ — ясное доказательство его безкорыстія въ продолженіи шестидесяти двухлѣтней службы.

Изъ добродѣтелей, гражданскихъ и человѣческихъ, замѣтимъ еще о кротости и терпѣливости, съ коими онъ сносилъ оскорбленія. Никогда никто не слыхалъ отъ него ни единаго слова объ его непріятеляхъ. Не осуждалъ никого. Былъ честенъ въ исполненіи своихъ обязанностей. «Но, Господи,» такъ заключилъ достойный Духовникъ его свою надгробную рѣчь «аще беззаконіе назриши» кто постоитъ? Не вниде убо въ судъ съ рабомъ твоимъ, яко неоправдится правдою своею предъ тобою всякъ живый. Вонми гласу Святыя твоея церкви.... помяни упованіе его на твою благость и упокой его со святыми твоими, идѣже нѣсть болѣзнь, ни печаль, ни воздыханіе, но жизнь безконечная.» Да исполнится его молитва! Миръ его праху.

Изъ его завѣщательной записки видны христіанскія чув-

* Какая потеря для Русской Исторіи, что Малиновскій не успѣлъ пріобрѣсти для Архива Библіотеку Графа Алексѣя Ивановича Мусина-Пушкина, съ которымъ онъ нѣсколько лѣтъ жилъ въ дружеской связи, и который наконецъ соглашался пожертвовать ею для отечества. Говорятъ, что всѣ уже приготовительныя бумаги были написаны, какъ нагрянули Французы, Москва была сожжена.

ствованія, съ коими переселился онъ изъ этого міра въ другой.

«Приготовляясь къ отшествію въ вѣчность, испрашиваю прощенія у всѣхъ, кого я могъ огорчить, и Христіянски прощаю недоброжелательствовавшихъ мнѣ. Ежели за предѣлами гроба мольбы мои удостоятся досязать до Тріипостаснаго непостижимаго Божества, то не престану возносить ихъ о мирѣ всему міру, о нерушимомъ благоденствіи любезнѣйшаго мнѣ отечества и благоденственной жизни ближайшихъ сердцу моему.

«Сія завѣщательная записка, писанная и подписанная собственноручно мною въ здравомъ умѣ и твердой памяти, служитъ токмо наставленіемъ, какъ поступить въ день кончины моей и какимъ порядкомъ похоронить меня; но формальное за печатью духовное завѣщаніе мое внесено въ Моск. Опекунскій Совѣтъ.» Писано въ сельцѣ Мосѣевѣ 1839 Іюня 3.

ДВАДЦАТИЛѢТІЕ МОСКОВСКАГО ОБЩЕСТВА СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА.

21 Декабря, Московское общество Сельскаго Хозяйства праздновало торжественнымъ актомъ свое двадцатилѣтіе. Президентъ и основатель общества, Князь Д. В. Голицынъ, открылъ засѣданіе Рѣчью, которую читатели будутъ имѣть удовольствіе прочесть ниже. Здѣсь замѣтимъ, что знаменитый Президентъ не сказалъ ни одного слова о себѣ, и, напротивъ, уклонился искусно отъ всякаго упоминовенія о своихъ дѣйствіяхъ, какъ будто бы онъ не принималъ никакого участія въ трудахъ и успѣхахъ Общества; онъ приписывалъ всю честь другимъ членамъ, живымъ и мертвымъ и старался обратить на нихъ общее вниманіе. За это должно благодарить, говорилъ онъ, Г. Полторацкаго, это сдѣлалъ Г. Павловъ, это Графъ Толстой, Князь Гагаринъ, Гг. Гусятниковъ, Масловъ.

Послѣ рѣчи Г. Президента Непремѣнный Секретарь С. А.

Масловъ прочелъ прекрасное обозрѣніе, краткое и ясное, дѣйствій Общества въ продолженіи 20 лѣтъ его существованія. Мы надѣемся представить извлеченіе въ слѣдующемъ нумерѣ. Скажемъ здѣсь только, что членамъ пріятно было слышать, для національнаго самолюбія, о томъ лестномъ пріемѣ, какой сдѣланъ былъ Г. Маслову, въ обществѣ Германскихъ агрономовъ въ Брюннѣ; пріятно было видѣть, какъ Русскіе являются на Европейскую сцену, съ плодами мира, трудовъ, ума.

Г. Предсѣдатель предложилъ золотую медаль Г. Маслову, Непремѣнному Секретарю, исправлявшему эту должность всѣ двадцать лѣтъ, и служащему дѣйствительно средоточіемъ всѣхъ дѣйствій Общества, которому безъ него было бы очень трудно, чтобъ не сказать невозможно, поддержать свои обширныя связи внутри и внѣ Россіи.

Инспекторъ заведенія П. В. Бѣликовъ прочелъ отчетъ о состояніи школы.

Далѣе Общество представило золотую медаль членамъ своимъ: А. А. Прокоповичу-Антонскому, одному изъ первыхъ основателей Общества, опытному хозяину, за его услуги Сельскому Хозяйству, и также медали Гг. Грудеву, Князю Гагарину и Скалону.

Непремѣнный Секретарь прочелъ потомъ протоколъ чрезвычайнаго собранія членовъ, кои положили, въ знакъ благодарности Общества къ своему достойному Президенту и основателю, содержать на своемъ иждивеніи двухъ воспитанниковъ, подъ именемъ воспитанниковъ Князя Д. В. Голицына.

Прекрасная, святая дань благодарности, достойная того, кого благодарило Общество, и достойная тѣхъ, которые его благодарили!

Торжественный актъ начался гласомъ *православія*; ученики пропѣли: «Царю небесный, утѣшителю душе истинный.» Актъ кончился пѣснію въ честь нашего *Царя* земнаго.

Третій элементъ, любезная наша *народность*, проявился въ обѣдѣ, обѣдѣ роскошномъ, обильномъ, веселомъ, шумномъ. Унасъ выводятся такіе общіе обѣды. Напрасно. Для Русскаго человѣка, противно, послѣ торжественнаго акта, какого бы то ни было, разойтиться какъ послѣ пресвитеріанской предики, — прошу позволенія, у моихъ читателей, употребить простую поговорку нашихъ предковъ: «не солоно похлѣбавши». За обѣдомъ Русскіе люди становятся искреннѣе, дружелюбнѣе, соединяются между собою крѣпчайшими узами, умножаются другъ на друга, черпаютъ силу и твердость, выражаютъ любовь. Послушайте, какимъ залпомъ восклицаній покрылся тостъ благодарности Августѣйшему Покровителю Общества, щедротамъ Котораго обязано своимъ настоящимъ отличнымъ помѣщеніемъ! Развѣ нѣтъ здѣсь нравственной силы? Послушайте, какъ шумно выразилось желаніе здоровья почтенному Президенту Общества и ходатаю его передъ Престоломъ? Какія поздравленія посыпались одному изъ старшихъ членовъ, И. М. Гусятникову, которому Президентъ предложилъ золотую медаль? Президентъ пожелалъ наконецъ успѣховъ земледѣлію въ Россіи, и членамъ Общества въ ихъ трудахъ на пользу отечественной промышленности. Непремѣнный Секретарь въ туже минуту отвѣчалъ ему отъ лица Общества, что члены готовы трудиться, лишь бы онъ никогда не оставлялъ ихъ!

Позволяю себѣ сдѣлать здѣсь нѣсколько замѣчаній касательно нѣкоторыхъ толковъ въ публикѣ о трудахъ Общества. Все это очень хорошо, краснорѣчиво, звонко, говорятъ иные слушаяи читая разныя агрономическія разсужденія, но точно ли подвинулось у насъ земледѣліе, сельское хозяйство?

Милостивые Государи! Позвольте мнѣ предложить вамъ одинъ простой вопросъ: сколько лѣтъ назадъ началось у насъ сѣяніе картофеля, а далеко ли оно

распространилось? Я хочу сказать этимъ вопросомъ, что идеи, самыя простыя, ясныя, очевидно-полезныя, пускаемыя въ оборотъ о какомъ бы то ни было дѣлѣ, агрономическомъ, мануфактурномъ, ученомъ, гражданскомъ, идеи выростаютъ, являются съ плодомъ не на другой годъ, какъ сѣмена ржаныя или ячменныя, ввѣренныя землѣ, а гораздо позднѣе. Если нуженъ былъ Сенатскій Указъ Петра Великаго, полтораста лѣтъ времени, нѣсколько голодныхъ годовъ, чтобъ понять кое-какъ, отчасти, пользу, столько очевидную отъ картофѣля, то какъ же вы ожидаете блестящихъ успѣховъ раціональнаго хозяйства черезъ нѣсколько часовъ послѣ перваго слова объ немъ? Поручитесь ли вы мнѣ, что въ этой самой залѣ не было такихъ людей, которые считаютъ еще теорію гіеною, журналъ тигромъ, а общество—но я боюсь оскорбить общество предполагаемымъ сравненіемъ! Вотъ вѣдь еще какъ мы молоды въ этомъ отношеніи! Самое нетерпѣніе есть признакъ молодости. Подождите, потерпите, и благодарите тѣхъ людей, которые взяли на себя твердить вамъ безпрестанно, что опытное хозяйство очень хорошо, но что оно можетъ улучшаться при помощи науки и теоріи, что есть хозяйство въ такой-то странѣ вотъ какое, а тамъ еще иное. По моему простому мнѣнію, полезно уже и то, что такія слова произносятся часто, слушаются, передаются, уважаются, дѣлаются предметомъ споровъ и толковъ, иногда кривыхъ, но иногда и прямыхъ. Не ожидайте успѣховъ внезапныхъ, шумныхъ, общихъ, — но поѣзжайте по Россіи, и вы найдете вѣроятно въ какомъ нибудь захолустьѣ четырехпольное хозяйство съ явною выгодою для помѣщика; другой хозяинъ скажетъ вамъ, что молотильную машину получилъ онъ изъ Общества; третій похвастается Гималайскимъ ячменемъ; четвертый укажетъ домикъ, выстроенный по плану, помѣщенному въ Земледѣльческомъ Журналѣ, и т. д. Слѣдующее поколѣніе переймете что нибудь отъ нихъ, и наука, промышленность, польза, будутъ развиваться, разпространяться....

Я съ искреннимъ удовольствіемъ слушалъ многія мѣста

въ отчетѣ Г. Непремѣннаго Секретаря, и увѣренъ, что всѣ друзья добра и ревнители успѣховъ въ отечествѣ порадуются многимъ его дѣйствіямъ и намѣреніямъ.

Наши раціональные хозяева получаютъ доходу, положимъ меньше простыхъ хозяевъ,—но надо благодарить ихъ, что они приносятъ такія жертвы, которыя дадутъ плодъ только въ послѣдствіи. Сахаровары достаютъ безъ сомнѣнія меньше прибыли, нежели какъ сказываютъ въ своихъ отчетахъ,—утѣшайте ихъ вашею довѣрчивостію въ ихъ тайныхъ потеряхъ; для васъ это ничего не стоитъ, а промышленность въ отечествѣ выигрываетъ. Опыты и ошибки необходимы въ исторіи промышленности, какъ и всякой науки. Въ мнѣніи о происхожденіи Руси должны были непремѣнно заблуждаться десять человѣкъ, чтобъ наконецъ двадцатые приблизились къ прямому пути. Такъ и вездѣ. И потому, Милостивые Государи, не будьте слишкомъ взыскательны, требовательны, и помните, что всякое даяніе благо.

Хулить все, не находить ни гдѣ хорошаго, — это крайность; но есть и другая крайность, не менѣе вредная и противная, хвалить и превозносить все до небесъ.

Мы нейдемъ во всемъ гигантскими шагами; но стыдно думать даже, не только говорить, что мы стоимъ на мѣстѣ, или подвигаемся медленно. N. N.

Рѣчь Князя Д. В. Голицына.

Милостивые Государи!

Нынѣ минуло двадцать лѣтъ тому, какъ Общество наше открыло первое свое засѣданіе: вотъ, Милостивые Государи, мысль, которая соединила насъ сегодня. Двадцать лѣтъ пространство времени, подражая словамъ Тацита, въ жизни смертнаго великое (grande mortalis aevi spatium), въ теченіе котораго младенецъ успѣваетъ вырости юношей, юноша входитъ въ силы зрѣлаго мужа и зрѣлый мужъ становится старцемъ. Если четыре люстра—такое великое время въ физической жизни человѣка, то не менѣе велико

оно и въ жизни умственной. Да, Милостивые Государи! въ теченіе двадцати лѣтъ сколько успѣховъ сдѣлала наша наука! Сколько новыхъ мыслей пріобрѣтено нами! Члены, участвовавшіе въ первыхъ засѣданіяхъ нашихъ, могутъ теперь кстати припомнить, какъ еще молоды были наши тогдашнія понятія о земледѣліи.

Поле въ пять десятинъ, засѣянныхъ картофелемъ, казалось уже великимъ предпріятіемъ для самаго смѣлаго земледѣльца, и кто изъ насъ не припомнитъ того благороднаго негодованія, какимъ одушевлялся покойный сочленъ нашъ Г. Полторацкій, когда встрѣчалъ возраженія на новые опыты, которые предлагалъ онъ?

Мнѣ пріятно, ММ. ГГ. приписать успѣхи науки земледѣлія въ нашемъ отечествѣ, отчасти усиліямъ нашего Общества, единодушному дѣйствію его просвѣщенныхъ членовъ и дѣятельности, которая такъ быстро обнаруживается между мыслящими помѣщиками Россіи. Но прежде принесемъ благодарность мудрому нашему Правительству, котораго отеческая заботливость предупреждаетъ все, что только можетъ служить ко благу Россіи и такъ щедро питаетъ сію главную вѣтвь богатства всѣхъ народовъ.

Многіе изъ основателей сего Общества уже похищены отъ насъ смертію. Поставляя себѣ долгомъ, въ такой значительный для насъ день, передъ лицемъ Общества напомнить о тѣхъ, которые наиболѣе содѣйствовали къ утвержденію его прочнаго бытія и къ распространенію агрономическихъ познаній въ Россіи, — здѣсь я соединю вмѣстѣ признательность живымъ съ благодарною памятью о почившихъ.

Графъ Толстой и Князь Гагаринъ, ревностнымъ посѣщеніемъ нашихъ засѣданій, просвѣщеннымъ участіемъ въ трудахъ нашихъ, конечно одни изъ первыхъ заслужили все право на нашу глубокую признательность. Изображенія Графа Толстова до сихъ поръ недостаетъ между портретами основателей Общества, и я прошу васъ, ММ. ГГ. о позволеніи обогатить имъ мѣсто засѣданій нашихъ. Покойный Г. Полторацкій и Г. Гусятниковъ, радующій насъ

своими бесѣдами, весьма часто вносили новый свѣтъ въ разсужденія наши, представляя важные опыты, произведенные въ ихъ помѣстьяхъ. Сколько искреннихъ сожалѣній должна возбудить въ насъ потеря, еще недавно понесенная нами! Кто не отдастъ всей справедливости трудамъ покойнаго Н. Н. Муравьева? Сей просвѣщенный мужъ и агрономъ, вполнѣ мыслящій, въ тѣхъ лѣтахъ, когда человѣкъ уже требуетъ успокоенія, не устрашился посвятить остатокъ силъ своихъ и дѣятельности на пользу нашей наукѣ и въ особенности нашему Обществу. Но самое мѣсто нынѣшняго собранія нашего еще краснорѣчивѣе меня скажетъ вамъ о трудахъ его. Прибавлю только, что агрономическія его сочиненія и особенно примѣрная заботливость о успѣхахъ Общества, обязали насъ вѣчнопризнательною ему памятью.—Профессоръ Павловъ, первый положилъ основаніе нашей школѣ, и можно сказать по чувству справедливости, что первый онъ въ Россіи далъ понятіе о наукѣ Земледѣлія. Его сочиненіями утвердилась у насъ та истина, что практика не можетъ обойтись безъ теоріи, дающей основу наукѣ. Эта мысль обратилась въ такую аксіому на Западѣ, что новое Общество Земледѣлія, учрежденное въ Англіи, провозгласило ее какъ положительную истину, въ одномъ изъ своихъ засѣданій, гдѣ присутствовали три тысячи агрономовъ Англійскихъ. Слова самаго Общества переданы въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ нашего Журнала. Сіе Общество, украшенное многими почетнѣйшими именами Англіи, пожелало вступить въ переписку съ нами, и это желаніе его сообщилъ намъ сочленъ нашъ, Г. Гамель, участвовавшій лично въ томъ многолюдномъ засѣданіи.

Въ лицѣ основателя теоріи земледѣлія въ Россіи, въ лицѣ покойнаго г. Павлова, мы понесли для науки великую потерю, которая до сихъ поръ еще не замѣнена.

Благодаря дѣятельности и ученымъ трудамъ нашего неутомимаго Непремѣннаго Секретаря г. Маслова, Общество наше знаютъ теперь не только во всей Россіи, но и въ государствахъ иностранныхъ, гдѣ оно заняло мѣсто въ руя-

ду просвѣщеннѣйшихъ Обществъ Европы. Послѣднее путешествіе, совершенное нашимъ дѣятельнымъ Секретаремъ въ Брюннъ, гдѣ собирались всѣ агрономы Германіи, пріобрѣло ему уваженіе отъ нашихъ сосѣдственныхъ товарищей,—и мы съ удовольствіемъ видѣли желаніе ихъ вступить съ нами въ сношенія, болѣе живыя. Журналъ, издаваемый нашимъ Секретаремъ, первый возбудилъ въ агрономахъ Русскихъ умственную дѣятельность, столь необходимую для успѣховъ всякой науки: всѣ захотѣли обогащать нашъ журналъ разсказами о своихъ опытахъ и наблюденіяхъ, — и онъ явился достойнымъ посредникомъ между всѣми мыслящими земледѣльцами, разсѣянными по обширнымъ предѣламъ нашего Отечества: вотъ великая услуга наукѣ, — и я, по чувству своего собственнаго убѣжденія, полагаю, что наше Общество должно свидѣтельствовать свое полное удовольствіе и признательность своему Непремѣнному Секретарю за примѣрные труды его.

Итакъ, Милостивые Государи, въ теченіе двадцати лѣтъ наше Общество пріобрѣло себѣ ученое товарищество въ Европѣ; вступило въ переписку съ знаменитѣйшими Обществами однихъ съ нимъ занятій; содѣйствовало къ пролитію свѣта науки въ дѣлѣ Русской Агрономіи, до тѣхъ поръ остававшейся въ рукахъ одной слѣпой практики.... Пріятно же мнѣ думать, что въ теченіе этѣхъ двадцати лѣтъ мы существовали не безъ пользы для нашей Россіи и для нашихъ соотечественниковъ.... Но если бы кто, пользуясь злополучнымъ временемъ неурожая, постигшаго наше Отечество, захотѣлъ обратить это бѣдствіе въ неумѣстный упрекъ наукѣ, составляющей предметъ нашихъ занятій, то мы смиренно скажемъ такому: если мы и принесли какую нибудь пользу до сихъ поръ, то впереди предстоятъ намъ труды, еще величайшіе. Но сверхъ того, кто же не знаетъ, какое вліяніе имѣетъ Провидѣніе на труды полей? Кто не слыхалъ тѣхъ трогательныхъ молитвъ, которыя возсылаетъ земледѣлецъ къ Богу, прежде чѣмъ ввѣритъ сѣмена свои браздамъ земли?

Г. Непремѣнный Секретарь прочтетъ вамъ теперь, Милостивые Государи, болѣе подробный отчетъ въ трудахъ нашихъ и постарается оправдать передъ вами пользу нашего двадцатилѣтняго существованія.

ПОЧТОВЫЯ КАРЕТЫ МЕЖДУ МОСКВОЮ И ПЕТЕРБУРГОМЪ.

Ѣхавъ прошлаго года въ прекрасной почтовой колясклѣ съ Австрійскимъ почталіономъ въ продолженіи трехъ дней изъ Вѣны въ Тріестъ, видя его какимъ-то бариномъ, для котораго придуманы всѣ возможныя удобства, я вспомнилъ о нашихъ почталіонахъ, которые, бѣдняжки, трясутся въ перекидныхъ тележенкахъ по кочкамъ и ямамъ, подъ дождемъ и солнцемъ,—разбитые, измоченные, перезябшіе и припеченые, вспомнилъ и началъ на досугѣ думать, какъ бы облегчить, безъ ущерба казнѣ, такое часто мучительное положеніе, доставить публикѣ новое средство сообщенія по всѣмъ трактамъ, и употребить съ пользою мѣста, кои теперь пропадаютъ даромъ. Я хотѣлъ посвятить свой планъ доброму, любезному Ѳ. И. П., по милости котораго мы такъ спокойно проѣхали отъ Петербурга до Ковно. Принадлежа къ ученому цѣху, я началъ, разумѣется, сначала надобно, думалъ я, сдѣлать статистическое изслѣдованіе о долговѣчности почталіоновъ, найдти, въ какой пропорціи находится она къ долговѣчности прочихъ жителей Россіи. Если они живутъ менѣе, то... Говорить о трудностяхъ, безпокойствахъ, думалъ я, нечего: Русской человѣкъ не любитъ баловства. Потомъ.... Но еслибъ я сталъ разсказывать теперь весь ходъ этого процесса, совершавшагося въ умѣ, то не достало бы и мѣста въ этой книжкѣ. Довольно будетъ, если я скажу, что все это думанье и изслѣдованье было ненужное и излишнее. Отъ чего же? Отъ того, что не успѣлъ я пріѣхать домой, какъ и узналъ, что почтовыя кареты скачутъ всякой день изъ Москвы въ Петербургъ

и обратно, и Русскіе почталіоны катаются въ десятеро покойнѣе Австрійскихъ и Прусскихъ.

О *скорости* говорить нечего: 674 версты каретъ проѣзжаютъ въ 62 часа, т. е. по 11 верстъ почти въ часъ, а отъ Вѣны до Тріеста 72 мили, то есть 500 верстъ, мы ѣхали около 70 часовъ, съ небольшимъ по 7 верстъ въ часъ; дорога, правда, здѣсь гористая.

Отъ Праги до Вѣны 48 миль, т. е. 336 верстъ, 36 часовъ, по 9 верстъ въ часъ.

Отъ Бреславля до Глаца около 90 верстъ 15 часовъ; во Франціи и Англіи также отъ 7 до 9 верстъ въ часъ.

По *цѣнѣ* наши кареты нѣсколько дешевле: 674 версты стоятъ у насъ на первомъ мѣстѣ 70 руб., по 10 коп. съ небольшимъ за версту. Въ чужихъ краяхъ надо платить отъ 12 до 15 коп.

Всѣ прочія удобства на сторонѣ Русскаго заведенія: комнаты для пріѣзжающихъ и уѣзжающихъ пассажировъ у насъ отличныя, чистыя, даже щеголеватыя, съ прекрасною мебелью. Все придумано. Вы найдете даже рукомойники, чтобъ скорѣе умыться съ дороги. Нигдѣ не увидите вы ничего подобнаго: въ Вѣнѣ, въ Парижѣ, въ Прагѣ, въ Римѣ, въ Гамбургѣ, васъ оставятъ просто на дворѣ.

Но есть еще вопросъ объ одномъ свойствѣ, котораго нечего грѣха таить, не достаетъ у насъ во многихъ публичныхъ мѣстахъ: учтивости, которая заставляетъ простить нечистоту, неисправность, всякіе недостатки. Кто не страдалъ отъ этой варварской, отвратительной, дикой грубости, напримѣръ у.... напримѣръ въ.... — И въ этомъ отношеніи контора почтовыхъ каретъ есть контора Европейская. Нельзя довольно возблагодарить начальниковъ этого общеполезнаго заведенія! За то ни одно мѣсто не остается пусто. За то, кто хочетъ ѣхать въ почтовой каретѣ, тотъ долженъ недѣли за двѣ заготовить себѣ мѣсто. За то всякой путешественникъ благодаритъ искренно, отъ души; за то всякой воспоминаетъ съ удовольствіемъ о путешествіи въ почтовой каретѣ.

Пожелаемъ, чтобъ это заведеніе содержалось всегда такъ, какъ теперь.

Еще одно желаніе: о еслибъ завелось такое сообщеніе и по прочимъ трактамъ!

Предложимъ краткое извѣстіе о нашихъ каретахъ.

Онѣ отходятъ ежедневно, кромѣ Воскресенья,—по одной каретѣ и по одной брикѣ; сверхъ сего по вторникамъ и пятницамъ по двѣ брики съ тяжелою почтою (лѣтомъ по понедѣльникамъ и четвергамъ отходило по двѣ кареты, но не было брикъ).—Въ каретѣ два мѣста, внѣ кареты два и въ брикѣ два; слѣдовательно каждый день можетъ уѣзжать изъ Москвы 6 чел., а сверхъ того по вторникамъ и пятницамъ съ тяжелою почтою по 4 чел.—Отправленіе почты изъ Москвы въ 6 ч. по полудни; легкая почта идетъ 62 ч. съ минутами, а тяжелая трое сутокъ. — Отдыхи для пассажировъ: въ Клину, Твери, Торжкѣ, Вышнемъ Волочкѣ, Валдаѣ, Крестцахъ, Новгородѣ, Чудовѣ и Четырехъ рукахъ (здѣсь 15 м., въ уѣзд. гор. по 30 м., а въ губ. по часу.)—Въ зимнихъ экипажахъ наружныя мѣста еще гораздо лучше, нежели въ лѣтнихъ. Онѣ просторнѣе и глубже. Къ тому же закрываются фартукомъ, а сверху спускаются стекла, такъ что вы сидите какъ въ каретѣ. Цѣна мѣстамъ: а. Внутри кареты. 20 руб. сер. б. Внѣ оной. 14 и в. въ брикѣ съ легкою почтою 14 въ брикѣ съ тяж. почтою 10. М. П.

СТАТУЯ КІЕВЛЯНИНА, НАЗНАЧЕННАЯ ДЛЯ ФОНТАНА ВЪ МОСКВѢ.

Мы, въ Москвѣ, почти вовсе чужды художественныхъ наслажденій, которыми такъ изобильна Италія и которыя распространяются теперь по всѣмъ столицамъ Европы. Намъ вовсе незнакомо здѣсь удовольствіе: съ прогулки завернуть въ мастерскую художника и какой нибудь часъ провести передъ статуей, барельефомъ, картиной; поки-

нуть хотя на нѣсколько времени тяжелый міръ существенности и забыться легко и пріятно въ мірѣ идеальномъ. Да, весело жить въ томъ же городѣ, гдѣ творитъ рѣзецъ Торвалдсена, Тенерани, или кисть Брюлова, Бруни, Кауль-баха.... Тамъ не потеряна ни одна минута въ жизни, и самый отдыхъ отъ труда исполненъ мысли и чувства.

Намъ недавно случилось ощутить наслажденіе, подобное Римскимъ, въ нашей столицѣ, и мы тѣмъ охотнѣе передаемъ его, что это случается у насъ такъ рѣдко. На Чистыхъ Прудахъ живетъ у насъ, въ своемъ эстетически убранномъ домѣ, художникъ, котораго имя звучитъ по Италіянски, но который воспитаніемъ, языкомъ, сюжетами своихъ произведеній принадлежитъ Россіи. По статуямъ и бюстамъ, населяющимъ дворъ его, вы легко отгадаете, что это жилище Ваятеля. Зима нахлобучила на Ватиканскаго Юпитера бѣлый снѣжный колпакъ, въ родѣ Фригійскаго: богъ громовъ поникъ подъ нимъ и не въ силахъ своими бровями стряхнуть его. Извѣстно, что Фригійскій колпачекъ, въ древней скульптурѣ, является на головахъ плѣнныхъ царей: оно и кстати на головѣ плѣннаго царя Олимпа, который попалъ въ гости къ Русской зимѣ. Далѣе передъ домомъ два древніе воина въ латахъ: зима на ихъ латы наложила двойныя снѣжныя, и воинамъ какъ будто тяжело подъ холодною ношей.

Гостепріимный хозяинъ, Г. Витали, показываетъ гостямъ, кромѣ мастерской, и домъ его, который убранъ прекрасно лѣпною работой самаго художника и многими картинами, ему принадлежащими. Здѣсь соединилъ онъ рельефные бюсты великихъ художниковъ міра и друзей своихъ; здѣсь между прочимъ увидите вы и бюстъ Брюлова, мѣтко схваченный глазомъ и рукою артиста, который въ сходствѣ очертаній конечно не уступитъ первѣйшимъ ваятелямъ. Замѣчательно въ бюстѣ нашего Брюлова чело его, напоминающее юпитера Ватиканскаго.

Но пойдемте въ мастерскую Г. Витали. Тамъ ожидаетъ насъ наслажденіе изящное, готовая статуя, только

что слѣпленная художникомъ.... Она задумана по желанію просвѣщеннаго Вельможи, пекущагося объ украшеніи столицы, которая ему ввѣрена; она будетъ отлита изъ бронзы для фонтана передъ Иверскими воротами и останется собственностью нашей Москвы....

Вы помните въ лѣтописи Нестора простодушный и скромный разсказъ о подвигѣ Кіевскаго отрока.... Печенѣги, въ отсутствіе Святослава, обступили Кіевъ, гдѣ затворилась Ольга съ своими внуками.... Бѣда угрожала великая. Люди томились голодомъ и жаждою.... Не льзя было никому ни въ Кіевъ, ни изъ Кіева.... Воевода Претичь стоялъ на другомъ берегу Днѣпра и не зналъ объ опасности. Встужили люди въ городѣ и сказали: нѣтъ ли кого, кто могъ бы перейти на ту сторону и сказать Воеводѣ: коль не подступишь къ намъ съ утра, мы сдадимся Печенѣгамъ?—И сказалъ одинъ отрокъ: я перейду; а они ему: иди. Онъ вышелъ изъ города съ уздою; пробѣжалъ сквозь Печенѣговъ, говоря: не видалъ ли кто коня его? А говорилъ онъ по Печенѣжски, и враги думали, что свой. Прибѣжалъ онъ къ рѣкѣ, скинулъ одежду, бросился въ Днѣпръ, и поплылъ.... Печенѣги, смѣкнувъ дѣло, устремились на него, пустили стрѣлы, но не могли ничего сдѣлать. Память народа сохранила подвигъ юнаго спасителя Кіева, но не сохранила его имени.

Вотъ онъ передъ вами, этотъ великодушный отрокъ, въ идеальныхъ атлетическихъ формахъ изящнаго древняго ваянія.... Вы узнаете его по этой уздѣ, которую онъ держитъ въ правой рукѣ своей и которою обманулъ онъ Печенѣговъ.... Онъ только что добѣжалъ до Днѣпра.... Щитъ, мечь и шлемъ лежатъ у ногъ его.... Онъ сбрасываетъ съ правой руки свою рубашку.... Онъ готовъ уже броситься въ Днѣпръ.... Но отъ чего же на всемъ бѣгу, онъ остановился? Гнѣвно поднялъ вверхъ лѣвую руку, и обратилъ назадъ голову, исполненную негодованія и презрѣнія? Кому же онъ посмѣвается? Что взволновало такъ черты лица его? Отъ чего сморщилось это чело, надулись

этѣ ноздри и назадъ подались его губы? Съ чела, изъ ноздрей, съ устъ пышетъ гнѣвъ.... Волосы развѣваются по вѣтру, и показываютъ, что онъ еще бѣжитъ и остановился на мгновеніе.... Взгляните внизъ.... Вы видите эту стрѣлу, которая упала на щитъ и раздробилась объ него, не достигнувъ юноши.... Эту стрѣлу послали ему въ слѣдъ Печенѣги; но Богъ сохранилъ великодушнаго ... Онъ вѣритъ въ свой подвигъ, вѣритъ въ покровительство Божіе.... И стыдно бы было ему торопиться, какъ будто отъ страха.... Нѣтъ, на всемъ бѣгу онъ успѣлъ еще сдержать себя.... и отвѣчаетъ на крикъ и стрѣлы враговъ своихъ взоромъ гнѣва и посмѣянія.... и вскинулъ онъ лѣвую руку вверхъ, какъ будто говоря имъ: стрѣляйте вы сколько хотите! я не боюсь васъ!

Вотъ та минута, въ которую засталъ великодушнаго отрока Ваятель и вылѣпилъ его смѣлою рукою. Конечно не льзя было лучше придумать минуты и для славы героя, и для требованій того искусства, которымъ художникъ хотѣлъ изобразить подвигъ. И вѣрно и геніально замышлена эта остановка середи летучаго бѣга! Если бы Ваятель изобразилъ его въ ту минуту, какъ онъ со всѣхъ силъ бросается въ волны Днѣпра,—Ваяніе, любящее покой середи движенія, потеряло бы въ красотѣ, и слава самаго героя не явилась бы во всемъ своемъ блескѣ.

Постигнувъ мысль созданія, остановимъ взоры свои на чертахъ прекраснаго тѣла. Сильно и пластически протянута главная линія отъ лѣвой ноги до шеи, выражающая движеніе статуи. Ей въ силѣ соотвѣтствуетъ и правая нога, сдержавшая бѣгъ отрока. Изящны формы полнаго созрѣлаго тѣла. Живо и исполнено выраженія лицо. Оно напоминаетъ нѣсколько черты Аполлона Белведерскаго; но подражать высшимъ образцамъ древняго Ваянія, значитъ творить. Мощно напряглись мускулы повернутой шеи и не нарушили красоты быстраго движенія. Можетъ быть, слабѣе другихъ частей тѣла лѣвая рука, которую поднялъ юноша. Здѣсь красота округленной формы (такъ кажется

намъ) ослабила, можетъ быть, нѣсколько быстроту движенія, внушеннаго негодованіемъ. Но у всякаго искусства есть свои законы—и трудно побѣдить ихъ художнику. Съ какой стороны ни обойдите статую,— она отовсюду прекрасна, изящество пластическихъ линій нигдѣ не нарушается: это великое достоинство въ произведеніи, которое назначено для публичнаго открытаго мѣста и должно быть видно со всѣхъ сторонъ.

Кромѣ Кіевлянина, мы видѣли въ мастерской Г. Витали эскизъ Днѣпровской Русалки, которая назначена для того же фонтана, чтобы указать на Днѣпръ — мѣсто событія. Сладострастная дѣва лежитъ, облокотясь на урну, изъ которой льется вода: коса ея заплетена по Русски и повисла надъ водою.... До половины она дѣва.... Но туловище кончается двойнымъ чешуйчатымъ хвостомъ, который вьется по скалѣ, гдѣ лежитъ она .. Мысль прекрасная и идетъ къ произведенію.... По эскизу не льзя еще судить объ исполненіи. Должно надѣяться, что оно будетъ соотвѣтствовать статуѣ, которая, конечно, возбудила бы вниманіе любителей искусства всюду, гдѣ оно процвѣтаетъ.

Нельзя не подивиться тому, какъ г. Витали, живучи въ городѣ чуждомъ пособій художественныхъ., могъ сохранить такую свѣжесть пластическаго воображенія и такое чувство красоты, истинно древней.... Это признакъ дарованія геніальнаго.

Вездѣ такое произведеніе, какъ Кіевлянинъ г. Витали, привлекло бы вниманіе публики, и мастерская художника сдѣлалась бы предметомъ прогулокъ и посѣщеній.... Мы надѣемся, что многіе, прочитавъ этѣ строки, пожелаютъ взглянуть на статую и повѣрить собственными глазами то, что здѣсь мы передали слабо, по скольку можетъ слово выражать красоты рѣзца. Скромный художникъ, не разглашающій о своемъ прекрасномъ произведеніи, всегда

радъ добровольнымъ посѣтителямъ и охотно дѣлитъ съ ними свои наслажденія изящнымъ. *

С. Шевыревъ.

ОТКРЫТІЕ НОВАГО ТЕАТРА ВЪ МОСКВѢ 1840 ГОДА, НОЯБРЯ 8 ДНЯ.

Давно ужь Московскіе жители, то есть жители богатые, чувствовали нужду въ новомъ театрѣ: большой хорошъ для балетовъ, для такъ называемыхъ великолѣпныхъ спектаклей; а комедія, водевиль, драма теряется, исчезаетъ въ его неизмѣримомъ пространствѣ. Бѣдные актеры должны напрягать свои голоса изо всѣхъ силъ. Количество зрителей бывало также иногда несоразмѣрно съ помѣщеніемъ.

Правительство, покровительствуя изящныя искусства, подало значительную помощь, и вотъ Москва имѣетъ прекрасный, уютный, театръ, который, безъ всякаго сомнѣнія, лучше многихъ Европейскихъ.

Прежде всего надо бы сказать о наружности—но наружности новый театръ не имѣетъ никакой. Это только соотвѣтственное четвертое зданіе къ прочимъ тремъ, окружающимъ площадь, изъ которыхъ въ одномъ помѣщаются мелочныя лавки, въ другомъ гостинница, а въ третьемъ будутъ, кажется, бани. Вы не разберете слѣдовательно, въ которомъ нынѣ помѣщается театръ, слѣд. требованіе искусства не выполнено, и не могло быть выполнено художникомъ, который долженъ былъ выстроить театръ въ данномъ, такъ сказать, готовомъ домѣ.

Я слыхалъ впрочемъ отъ знающихъ людей, что гораздо выгоднѣе строить новое зданіе, нежели отстроивать старое, для какого нибудь новаго заведенія, и что напрасно въ такомъ случаѣ гоняться за дешевизною, которая превзой-

* Г. Витали живетъ на Чистыхъ прудахъ, по лѣвую сторону бульвара отъ Мясницкой, въ собственномъ домѣ.

детъ всякую дороговизну, при неминуемой жертвѣ изящнымъ въ искусствѣ.

Войдемъ во внутренность: театръ очень *удобенъ;* есть пять выходовъ къ подъѣзду съ крытымъ портикомъ, кромѣ 4 выходовъ боковыхъ; лѣстницы покойныя и просторныя прекрасные коридоры. Въ отношеніи *къ здоровью*, замѣтимъ, что всѣ мѣры осторожности взяты; температура вездѣ ровная: въ залѣ, сѣняхъ, коридорахъ и по лѣстницамъ. Зала въ Греческомъ стилѣ, очень красиво устроена съ большимъ вкусомъ, — и наконецъ главное достоинство театра: отовсюду видно и слышно. При новомъ театрѣ Московская публика получила изящное foyer, необходимую принадлежность всякаго Европейскаго театра. Есть foyer, будутъ и судьи, а можетъ быть образуются и знатоки. Прочность окажется временемъ. Честь и слава художнику Г. Тону! Благодарность Дирекціи за ея неусыпныя попеченія о доставленіи новыхъ средствъ публикѣ наслаждаться искуствомъ! Жаль только что такой прекрасный театръ открытъ такою пустою Французскою переведенною піесой, (Хороша и дурна, глупа и умна) въ которой нѣтъ ничего, кромѣ милой игры Г–жи Рѣпиной. Признаюсь, мы ожидали «Волкова» или хоть «Козака Стихотворца» «Ломоносова» словомъ какой нибудь Русской піесы,—хоть бы она была и не Хороша, и не Умна, какъ піеса какого нибудь Господина N. или S. или P.

Цѣна мѣстамъ: Бенуаръ 6 р. сер. Бель-этажъ 6. Ложа 1–го ряда 4 р. 50. к. Ложа 2–го ряда 3. Литерная 2–го ряда 4 р. 50 к. Ложа 2–го ряда въ амфитеатрѣ 50 к. Кресла 1 р. 50. Кресла въ Амфитеатрѣ 1 р. 50 к. Стулья 1 р. Галлерея 30 к.

N. N.

ПОСЛѢДНЯЯ ИМПРОВИЗАЦІЯ ДЖУСТИНІАНИ ВЪ МОСКВѢ.

17–го Ноября въ послѣдній разъ импровизировалъ Джустиніани въ Москвѣ—и, казалось, никогда еще не былъ онъ такъ исполненъ вдохновенія, какъ въ этотъ день. Это было

въ залѣ Его Превосходительства А. Я. Булгакова. Одна изъ первыхъ темъ, одушевившихъ сильно поэта, была: *на пріѣздъ Государя Императора въ Москву, во время холеры.* Три билета съ одною и тою же темой, выражали общее желаніе публики—и Джустиніани мимо жребія блистательно отвѣчалъ ему. Къ сожалѣнію, стенографы въ этотъ день не записывали импровизацій—и всѣ стихи исчезли навсегда, оставивъ на душѣ слушателей одно прекрасное впечатлѣніе. Сильно изобразилъ поэтъ бѣдствіе города, и прекрасно усладилъ картину достопамятнымъ пріѣздомъ Вѣнценоснаго утѣшителя. Исполнена граціи была піеса на тему: *Ангелъ Хранитель у колыбели младенца.* Поэтъ слагалъ ее октавами на риѳмы, подсказанныя ему изъ Тассова Іерусалима. Сонетъ *на пріѣздъ Наполеонова праха въ Парижъ*, могъ бы конечно стать выше той холодной декламаціи, которою недавно Викторъ Гюго привѣтствовалъ останки великаго мужа. Въ стихахъ Французскаго Лирика не менѣе девяти градусовъ мороза, какъ было въ день великолѣпнаго въѣзда. Джустиніани въ Москвѣ былъ вдохновеннѣе чѣмъ Гюго въ Парижѣ. У насъ осталась въ памяти одна заключительная мысль: «Франція отказала тебѣ въ престолѣ, за то даетъ тебѣ гробницу — и того, кто въ мірѣ гремѣлъ ея славою, ждетъ въ Парижѣ нѣмая келья (una muta cella).»—Всѣ посѣтители изумлены были послѣднимъ торжествомъ силы соображенія. Поэтъ сочинилъ на бумагѣ въ одно и тоже время три сонета, на три разныя темы, по однѣмъ и тѣмъ же риѳмамъ. Темы были: Колизей, Гюльнара, Рафаэль.

Но особенно тронулъ слушателей отлетавшій пѣвецъ стихами, въ которыхъ воспѣлъ свое прощаніе съ Москвою. Тутъ душа его разливалась чувствами.... Всякой стихъ вылеталъ изъ нея, теплый, полный и звучный.... Нѣсколько стиховъ изъ этой замѣчательной піесы удержано было необыкновенною памятью одной дамы, которая поэтическимъ чувствомъ своимъ понимала поэта и умѣла цѣнить его летучія вдохновенія.... Этѣ стихи, сооб-

шенныя намъ, мы съ благодарностью къ той, которая уловила ихъ мгновенное бытіе, передаемъ читателямъ, какъ послѣдній слѣдъ Джустиніани въ нашей столицѣ, какъ послѣдніе звуки его лебединой пѣсни въ Москвѣ, въ которыхъ выразилъ поэтъ чувство для насъ лестное:

Riposando l'ale stanche
Nella gran città di Pietro,
Il mio sguardo ancor indietro
Sul Cremlin rivolgerò.
Per sua patria tutto il mondo
Il Poeta riconosca;
Ma il cuor mio solo a Mosca
Dolcemente palpitò.

Вотъ слабый переводъ этѣхъ стиховъ:

На покой усталы крылья
Опустивъ въ Петровомъ градѣ,
Я назадъ, на Кремль великій,
Снова взоръ свой обращу.
Цѣлый міръ своей отчизной
Признавай поэтъ скиталецъ;
Но въ Москвѣ лишь чувствомъ сладкимъ
Сердце билося мое.

С. Ш.

ГДѢ НАШИ ЛИТЕРАТОРЫ?

Вѣрно нашимъ читателямъ пріятно будетъ узнать о многихъ нашихъ Литераторахъ, которые не ведутъ такой общественной жизни, и не даютъ знать о себѣ, какъ писатели Запада: гдѣ кто изъ нихъ живетъ, чѣмъ занимается, что дѣлаетъ, какую жертву готовится принести на олтарь отечества. Мы всегда читали и безпрестанно читаемъ не только въ иностранныхъ Журналахъ, но даже въ Русскихъ, что Дюмасъ хочетъ ѣхать въ Испанію, Ламартинъ воротился съ Востока, что Кине переѣзжаетъ въ Ліонъ, что Сулье любезничаетъ въ Баденъ Баденѣ съ Русскими дамами, а ни гдѣ не сказано ни слова, что сдѣлалось съ Го-

големъ, отъ чего происходитъ молчаніе Языкова, куда дѣвался Даль-Луганскій. На первый разъ сообщимъ краткое извѣстіе о мѣстѣ ихъ жительства.

Гоголь, больной живетъ въ Италіи. Прошлаго года онъ пріѣзжалъ въ Москву, прожилъ здѣсь полгода, и отправился опять въ Римъ.

Языковъ третій годъ уже лечится въ чужихъ краяхъ, подъ надзоромъ у знаменитаго *Копа* въ *Ганау*; часть этого времени онъ проводилъ въ Ниццѣ, а лѣто на водахъ. Здоровье его теперь поправляется, и онъ надѣется въ нынѣшнемъ году воротиться въ отечество.

Хомяковъ нынѣшнюю зиму будетъ жить въ Москвѣ.

Баратынскій возвратился изъ путешествія, и поселился въ Тамбовской деревнѣ.

Даль-Луганскій ходилъ въ Хиву, а теперь въ Оренбургѣ.

Надеждинъ изъ Одессы поѣхалъ путешествовать по Славянскимъ землямъ и теперь находится въ Вѣнѣ.

Собиратель нашихъ пѣсень, *П. В. Кіреевскій*, теперь въ Москвѣ. *И. В. Кіреевскій* поселился около Тулы. Больной *Мельгуновъ* живетъ въ Вѣнѣ.

Скажемъ здѣсь кстати, что въ Москвѣ живетъ еще старецъ, который помнитъ Тредьяковскаго, который былъ знакомъ съ Сумароковымъ, Эминымъ — нечего говорить уже о Херасковѣ и ему современныхъ авторахъ. Это *Н. М. Шатровъ*; его преложенія псалмовъ извѣстны всѣмъ любителямъ духовной Поэзіи.

Вельтманъ, *Ѳ. Н. Глинка*, *М. А. Дмитріевъ*, *Загоскинъ*, *Павловъ*, *Раичъ*, *Строевъ*, почтенный ветеранъ нашихъ драмматическихъ авторовъ Князь *А. А. Шаховскій*, имѣютъ постоянное пребываніе въ Москвѣ.

На первый случай этого довольно — въ слѣдующемъ нумерѣ мы извѣстимъ читателей нашихъ, кто чѣмъ занимается изъ поименованныхъ нами литераторовъ.

Ктожъ изъ литтераторовъ живетъ въ Петербургѣ, мы

*

не говоримъ, потому что это извѣстно по Петербургскимъ Журналамъ и Газетамъ; труды ихъ также.

Батюшковъ, сладкозвучный пѣвецъ нашъ, все еще живъ но болѣзнь его, сумасшествіе, увы! неизлечима. Онъ живетъ въ деревнѣ у своихъ родственниковъ.

Напомнимъ и объ семействахъ тѣхъ литераторовъ, которыхъ потерю мы должны были оплакать въ послѣдніе годы.

Осталось ли какое семейство послѣ знаменитаго Мерзлякова?

У *А. Ѳ. Мерзлякова*, нашего незабвеннаго учителя, критика, поэта, оратора, оказавшаго незабвенныя услуги Русской Словесности, послѣдняго классика, осталось три сына — старшій, кандидатъ Университета, служитъ въ Палатѣ Государственныхъ имуществъ; средній инженерный подпоручикъ; меньшій поступилъ въ Восточный Институтъ Гг. Лазаревыхъ на содержаніе почтенныхъ основателей.

А что дѣлается съ семействомъ трудолюбиваго изыскателя нашихъ древностей, Константина Ѳедоровича *Калайдовича?* Вдова получаетъ пенсію тысячу рублей отъ щедротъ Монаршихъ, и живетъ въ своей хижинѣ въ Москвѣ; сынъ оканчиваетъ съ отличіемъ курсъ въ училищѣ Правовѣденія; старшая дочь, благодаря добродушію покойной Г-жи Жарни, воспиталась, въ ея пансіонѣ, — двѣ меньшія ждутъ ваканцій для поступленія въ благотворительныя заведенія Московскаго Воспитательнаго Дома.

Послѣ скончавшагося недавно *М. Г. Павлова*, котораго Физика получитъ когда нибудь подобающую ей честь, осталось десять человѣкъ дѣтей, кои, погодки, записываются теперь всѣ кандидатами и кандидатками въ благотворительныя учебныя заведенія.

Семейство *Пушкина* живетъ въ Петербургѣ.

СПЕЦІАЛЬНАЯ ПАТОЛОГІЯ И ТЕРАПІЯ ШЕНЛЕЙНА.

Москва 1841.

Въ настоящее время врачи единогласно говорятъ о геніальности Нѣмецкаго Доктора и Профессора Шенлейна мужа посѣдѣвшаго въ опытности, отдаютъ ему первенство, (что едва ли бывало когда во врачебной наукѣ), и называютъ патріархомъ медицины настоящей эпохи, не смотря на то, что этотъ, всюду прославляемый человѣкъ, не написалъ въ свою жизнь ни о чемъ ни строчки, и по всей вѣроятности не будетъ никогда авторомъ. Судя по отзывамъ его слушателей, стекающихся къ нему ежегодно въ большомъ количествѣ, видно, что истинный талантъ Шенлейна является въ клиническомъ преподаваніи, у постели больнаго: тутъ онъ изумляетъ слушателей безпримѣрнымъ искусствомъ анализировать болѣзнь, указывая на ея характеристику, ходъ, возрастъ, осложненія, слѣдствія, словомъ на весь ея процессъ, на весь механизмъ, такъ, что въ случаѣ сомнительности и неизлечимости, трупосѣченія постоянно доказываютъ истину на его сторонѣ. Способъ его преподаванія въ учебной больницѣ имѣетъ свою особенность: онъ не бѣгаетъ съ своими слушателями отъ одной кровати къ другой, по всѣмъ заламъ, съ обыкновеннымъ разглагольствіемъ; но сдѣлавъ легкой и молчаливый осмотръ всѣхъ больныхъ, садится въ отдаленіи на обычное мѣсто, избираетъ предметомъ разсужденія одного, если время позволитъ, другаго больнаго, и тутъ-то, при совершенномъ спокойствіи духа, весьма тихимъ голосомъ, безъ всякаго хвастовства, разсѣваетъ могущественно патологическій хаосъ, и выводитъ умъ слушателей къ вѣрному заключенію. Нѣкоторые изъ этихъ уроковъ, обнародованные вопреки желанію скромнаго Шенлейна въ Шмитовомъ журналѣ, показываютъ большую начитанность, любовь и знаніе естественныхъ наукъ, искусство оцѣнивать наблюденія другихъ, талантъ повѣрять ихъ собственною наглядкою, удивительную скромность и наконецъ безкорыстную любовь къ наукѣ. Неправду говорятъ, буд-

то онъ всему предпочитаетъ патологическую анатомію: онъ столько же прибѣгаетъ къ ней, какъ къ физіологіи, физикѣ, животной химіи, метеорологіи; онъ во всемъ умѣренъ, изъ всего извлекаетъ только средства для своей цѣли, съ помощію ихъ созидаетъ собственное, колоссальное зданіе науки, украшенное свѣтлымъ взглядомъ на природу. Весьма замѣчательны, по словамъ путешественниковъ, спокойствіе и равнодушіе, съ которыми онъ занимается своимъ предметомъ: при всей его современной образованности, вы не найдете у него въ домѣ ни одной книги; внѣ больницы онъ никогда ни съ кѣмъ не говоритъ о медицинѣ; вы пріѣзжаете къ нему изъ за тысячи верстъ, рекомендуетесь, и онъ — не отвѣчаетъ вамъ ни слова; приходите къ нему въ больницу, и вамъ нѣтъ никакого предпочтенія, будете ли вы профессоръ или студентъ; въ его больницѣ вы не встрѣтите ни одной надписи на кроватяхъ, не найдете ни одной исторіи болѣзни; во всемъ васъ поражаетъ какая-то мертвенность и бездѣйствіе наружное. Словомъ, если кто привыкъ судить о людяхъ по шарканью ногъ, а о патологіи по надписямъ на кроватныхъ заголовкахъ, тотъ не долженъ ѣздить къ Шенлейну: это анахоретъ, это Присницъ въ своемъ мрачномъ Грейфенбергѣ. *Уроки Шенлейна*, съ жадностію записанные слушателями, печатаются и расходятся тысячами по Германіи; между тѣмъ авторъ ихъ съ хладнокровіемъ отвѣчаетъ публикѣ въ вѣдомостяхъ: *это не мое.* Съ такимъ упорнымъ отверженіемъ всѣхъ мелочныхъ разсчетовъ, всѣхъ формальностей житейскихъ, Шенлейнъ на вѣрное погибъ бы съ голоду въ другомъ благоустроенномъ государствѣ, но въ Германіи ему почстоянно сопутствовали *слава* и *счастіе*, даже въ то время когда онъ бѣжалъ отъ нихъ. Изъ званія простаго ординатора, безъ всякой протекціи, онъ сдѣланъ былъ главнымъ врачемъ величественнаго Іюльскаго госпиталя въ Минхенѣ; когда не могъ здѣсь оставаться долѣе, разныя учебныя заведенія на перерывъ приглашали его къ себѣ; но Шенлейнъ, предпочетшій всему природу и свободу, удалил-

ся въ Цирихъ. Тутъ онъ въ первый разъ напечаталъ отчетъ о своей больницѣ; всѣ кинулись узнать мысли славнаго діагностика, и однакожъ ничего не нашли, кромѣ означенія имени и чина каждаго больнаго! Наконецъ послѣ разныхъ толковъ объ немъ и переворотовъ въ его жизни, онъ призванъ въ Берлинъ, въ центръ Нѣмецкой учености, учителемъ практической медицины въ *Шарите*, съ огромнымъ окладомъ не въ примѣръ другимъ.

Теперь очень любопытно для врачебной публики знать мысли такого человѣка, и — вотъ на Руси явится скоро его терапія. Но можно ли по ней судить о Шенлейнѣ? Это только записки его лекцій, записки нѣсколькихъ слушателей, записки не изъ той казуистики, которою онъ снискалъ себѣ блестящую славу, а уроки спеціальной патологіи, записки на другомъ языкѣ, которымъ трудно выразить многообдуманныя выраженія Германской философіи. Не смотря на все это, если истина и геніальность, какъ добротныя качества, могутъ отсвѣчиваться и на другомъ языкѣ, чрезъ другихъ людей, то этотъ трудъ долженъ въ себѣ содержать и показать что-нибудь. Дѣйствительно, еще ни одна медицинская книга не представляла намъ предметовъ съ такою обдуманностію, съ такою оригинальностію, и вмѣстѣ съ такою простотою и ясностію изложенія. Рѣдкій порядокъ въ размѣщеніи явленій, безпримѣрное искусство въ генерализаціи, талантъ въ немногихъ словахъ выражать многое, и заставлять читателя мыслить, кажется, исключительныя качества Шенлейна. Вообще этотъ человѣкъ старается болѣе указывать, нежели объяснять, болѣе наполнять науку данностями, нежели пускаться въ предположенія о ихъ сущности. Такое фактическое изложеніе предметовъ должно дать этой книгѣ почетное мѣсто въ медицинской литературѣ, гдѣ требуются не предположенія, не діалектика, не восклицанія, а точность наблюденій и ясность изложенія, въ чемъ Шенлейнъ много превзошелъ другихъ патологовъ. Впослѣдствіи по появленіи сего труда на Русскомъ языкѣ мы разсмотримъ подробнѣе.

его содержаніе и достоинство, но теперь довольствуемся общимъ отзывомъ объ этомъ предпріятіи.

МѢНОВЫЙ ТОРГЪ СЪ КИТАЙЦАМИ.

Китайская, или Кяхтинская торговля, совершенно отлична отъ торговли всякаго другаго рода,—и состоитъ не въ обыкновенной продажѣ или покупкѣ, а мѣнѣ: Россіяне вымѣниваютъ у Китайцевъ чай на разныя Россійскія произведенія и мануфактурныя издѣлія. Мѣновый торгъ сей производится ежегодно, и начинается преимущественно зимою, а оканчивается въ началѣ весны; въ продолженіи этого времени вымѣнивается до 80 т. мѣстъ Китайскихъ чаевъ, изъ коихъ почти половина отправляется въ Нижегородскую Макарьевскую ярмарку, другая же въ Москву и нѣкоторые города Россійской Имперіи. Торгъ сей составляетъ важнѣйшую отрасль Россійской промышленности и имѣетъ во многихъ отношеніяхъ благодѣтельное вліяніе на торговые обороты, находясь постоянно въ цвѣтущемъ состояніи вслѣдствіе значительнаго потребленія чаю и выгоднаго сбыта такихъ произведеній Русской промышленности, кои мало употребляются въ Россіи. Провозъ и долговременная доставка Россійскихъ товаровъ въ Кяхту и Китайскихъ чаевъ въ Россію, занимаетъ народонаселеніе, живущее на пространствѣ 5000 верстъ, отъ Перми до Кяхты, и доставляетъ ему не только средство для пропитанія, но и значительныя выгоды: посему каждый благонамѣренный и безпристрастный наблюдатель коммерческихъ оборотовъ долженъ желать постояннаго успѣха Китайскимъ торговцамъ и бо́льшаго развитія сей торговли въ Россіи.

Произведенія Русской промышленности и мануфактуръ, отправляемыя для промѣна Китайцамъ, состоятъ преимущественно въ шерстяныхъ издѣліяхъ, особенно сукнѣ; сюда же относятся драдедамы, Годландскіе камлоты, стамедъ и проч.

Русскія суконныя фабрики, кои почитаются первѣйшими

при производствѣ въ Кяхтинской торговлѣ, и уважаются наиболѣе самыми Китайцами, суть: первая, получившая привилегію, и сверхъ сего по долговременному опыту и отличному усовершенствованію заслужившая всеобщее одобреніе, г. Мануфактуръ Совѣтника Александрова, который постигши совершенно въ семъ отношеніи строгую разборчивость торгашей Китайскихъ, удовлетворяетъ вполнѣ оной, и пользуется посему всегдашнею ихъ довѣренностію, что весьма важно въ сей мѣновой торговлѣ. Слѣдующія за оною и получающія также лестные отзывы фабрики: гг. Мануфактуръ-Совѣтниковъ и почетныхъ Гражданъ Московскихъ—Рыбникова и сыновей, братьевъ Бабкиныхъ, Доброхотова-Майкова, П. Исаева, и другихъ. Сукна, приготовляемыя для сего производства, отличаются нѣсколько отъ обыкновенныхъ, и бываютъ двоякаго рода: Масловыя и Мезирицкія, кои разнятся между собою по ширинѣ, мѣрѣ и самой цѣнѣ: штука Масловаго состоитъ изъ 40 аршинъ, включительно, ширина полагается въ 2 аршина 6 вершковъ, и покупается отъ 7 до 8 руб. за каждый аршинъ. Мезирицкія же шириною 2 аршина 4 вершка, мѣрою не болѣе 25 аршинъ, и покупаются штуками, изъ коихъ каждая платится отъ 150 до 175 руб. смотря по качеству шерсти, отдѣлки и уборки оныхъ. Въ прошломъ 1840 году произведено въ промѣнъ изъ числа сихъ суконъ до 10 т. шкукъ Масловыхъ и 30 т. Мезирицкихъ, что въ сложности составляетъ значительный капиталъ. Другія сукна, въ сей мѣновой торговлѣ, почти не употребительны.

Далѣе слѣдуютъ изъ издѣлій бумажныхъ: плисы, выдѣлываемые на Россійскихъ фабрикахъ, преимущественно въ Ригѣ, гг. Хлѣбникова сыновей и Пихлау, и Москвѣ гг. Волкова и Пономарева; также полубархатъ, нанка и другіе. Кожевенныя издѣлія, какъ-то: козлы, сафьяны, юфтевыя кожи, съ фабрикъ Петербургскихъ, Московскихъ и преимущественно Казанскихъ.

Кромѣ того въ составъ сего заграничнаго производства

входятъ также льняныя и нѣкоторыя металлическія произведенія.

Кромѣ сихъ издѣлій Россійской промышленности, употребляются для мѣноваго торга съ Китайцами: мягкая рухлядь или пушные товары: бобры Камчатскіе, Россійскіе, Сибирскіе, также разнаго рода бѣлка, выдра, выхухоль, корсакъ, кошка, лисица, преимущественно же значительное количество мерлушки Украинской, бѣлой обыкновенной, съ частію черной и пестрой; песцы, рысь, соболи, куницы, хорьки, лисья лапа и проч. Вотъ на какіе товары вымѣнивается столько нужный для Россіи чай.

Кяхтинская торговля занимаетъ значительные капиталы. Въ прошедшемъ 1840 году было привезено разныхъ Россійскихъ товаровъ въ Кяхту слишкомъ на 24 милліона руб., изъ коихъ довольно значительная часть осталась не промѣненною; вымѣнъ же Китайскихъ чаевъ простирался до 80 т. мѣстъ, изъ коихъ цвѣточныхъ высокихъ было до 35 т. мѣстъ, обыкновенныхъ цвѣточныхъ и торговыхъ, какъ квадратныхъ, такъ и полуторныхъ вообще, до 45 т. мѣстъ.

Всѣ сіи сорта чаевъ отличаются одни отъ другихъ, какъ по добротѣ, такъ и цѣнѣ. Зеленые чаи, имѣющіе совершенно особый видъ и вкусъ отъ обыкновенныхъ, вымѣниваются въ самомъ незначительномъ количествѣ, не болѣе какъ отъ 100 и 200 мѣстъ.

Еще есть особый родъ чаевъ, такъ называемыхъ кирпичныхъ, кои въ каждомъ обыкновенномъ мѣстѣ расположены въ видѣ нѣкоторыхъ плитокъ, похожихъ на кирпичи, даже крѣпостію; приготовленіе и употребленіе сего чая производится также другимъ особеннымъ образомъ, а именно: онъ варится съ примѣсью разныхъ припасовъ: масла, молока, соли, и нѣкоторыхъ кореньевъ, и въ слѣдствіе сего служитъ уже не обыкновеннымъ чайнымъ напиткомъ, но нѣкотораго рода пищею; количество сего чая добывается въ вымѣнѣ отъ 5 до 7 т. мѣстъ каждогодно. Кирпичный чай почти не употребляется Русскими, а продается Армянамъ и Татарамъ, кои отправляютъ его изъ Каза-

ни въ Астрахань, Саратовъ, Тифлисъ, столицу Грузіи, и нѣкоторыя мѣста восточной Сибири.

Но Кяхта изобилуетъ не однимъ чаемъ; Китайцы доставляютъ и другія произведенія, примѣчательныя по своему достоинству и цѣнности, хотя, разумѣется, несравненно въ меньшей степени; таковы суть: канфы, крепы, канчи, фанзы тушъ, краски, шторы, куклы, чубуки и проч., коихъ ежегодно вывозится въ Россію однакожъ не болѣе какъ на 30 т. руб.

Порядокъ, или теченіе сей мѣновой торговли, есть слѣдующее: производители, или ихъ повѣренные, пріѣзжающіе ежегодно въ извѣстное время для торга съ Китайцами, соединившись между собою, составляютъ прежде всего положеніе; опредѣляютъ нарицательную цѣну товарамъ, которую утвердивъ взаимнымъ согласіемъ, приступаютъ потомъ къ размѣнамъ товаровъ, поставляя для себя каждый непремѣнною обязанностію слѣдовать во всякомъ случаѣ правиламъ, изложеннымъ въ положеніи. Положеніе составляется ими единственно для легчайшаго производства сей мѣновой торговли и предохраненія себя отъ непредвидимаго ущерба; впрочемъ сбытъ чая производится вообще Китайцами успѣшнѣе въ сравненіи съ сбытомъ въ Кяхтѣ Россійскихъ товаровъ, ибо первыхъ привозится гораздо менѣе, и они всегда безъ остатка поступаютъ въ промѣнъ, между тѣмъ, какъ иногда значительная часть Россійскихъ товаровъ остается непромѣненною.

Изъ числа Россійскихъ негоціантовъ, производящихъ теперь значительный мѣновый торгъ съ Китаемъ, наиболѣе извѣстные и пріобрѣтшіе всеобщее уваженіе въ семъ родѣ промышленности, кромѣ общества Россійско-Американской Компаніи, назовемъ знаменитые торговые дома почтеннаго купечества Московскаго: Почетнаго Гражданина *Колесова*, 1-й гильдіи купца и Почетнаго Гражданина *Лобкова*, купцовъ *Боткиныхъ*, *Савина*, *А. Корзинкина*, и домъ Дворянъ и временно Московскихъ купцовъ братьевъ *Куманиныхъ*; изъ иногородныхъ, дома Кяхтинскаго купца

Баснина, Иркутскаго *Медвѣдникова*, Верховажскаго *Рудакова* и другихъ, посвятившихъ себя съ давнихъ временъ обширнымъ въ семъ родѣ коммерческимъ занятіямъ.

Торговля Китайскими чаями производится съ величайшимъ успѣхомъ нынѣ въ Россіи, и едва ли какая другая торговля Россіянъ можетъ сравняться съ нею; она требуетъ огромныхъ расходовъ на пошлину съ чаю и на провозъ его въ Россію, для котораго по отдаленности требуется и весьма долгое время. Мы сказали выше о пользѣ, какую получаютъ жители сей дороги и мѣстъ окрестныхъ: всего виднѣе эта польза обозначилась въ теченіи прошлаго 1839 года, когда по причинѣ неурожая хлѣба и дороговизны прочихъ съѣстныхъ припасовъ, жители подвергались неминуемой нуждѣ.

Заключаемъ: Кяхтинская торговля, по своимъ теперешнимъ оборотамъ, всеобщему потребленію и обширному развитію, можетъ почесться полезнѣйшею въ Россіи.

Для успѣшнаго производства нужны значительные наличные капиталы, долговременное постоянное упражненіе и готовность къ полезнымъ усовершенствованіямъ *.

Л.....

АБДЪ-ЭЛЬ-КАДЕРЪ.

Въ настоящее время взоры Европы обращены на этого воинственнаго питомца пустыни, и потому думаемъ, что очеркъ его жизни будетъ занимателенъ.

Гаджи-Абдъ-эль-Кадеръ-Улидъ-Ма-Гадринъ, который недавно вновь открылъ военныя дѣйствія противъ Францу-

* Издатель приноситъ усерднѣйшую свою благодарность неизвѣстному негоціанту, доставившему сію любопытную статью для всякаго ревнителя успѣховъ промышленности въ отечествѣ, и проситъ почтеннѣйшее Московское купечество украшать его изданіе подобными трудами. *М. П.*

зовъ, принадлежитъ къ древней фамиліи Марабутъ, * и происходитъ, подобно родственнику своему, Императору Марокскому, отъ Фатимитскихъ Халифовъ, потомковъ четвертаго Халифа Али и дочери Магомета, Фатимы. Онъ родился въ Густнѣ; въ этомъ мѣстѣ также, какъ въ области Гашемъ, вблизи Маскары, есть нѣчто въ родѣ семинаріи. Здѣсь Марабуты, предки его, собирали молодыхъ людей и преподавали имъ Богословіе и Правовѣденіе. Абдъ-эль-Кадеръ получилъ превосходное воспитаніе, по понятіямъ Арабовъ отъ отца своего, Сиди Магаддина, который старался раскрыть въ немъ умственныя силы и энергію. Еще бывши мальчикомъ, онъ не затруднялся никакимъ мѣстомъ въ Коранѣ; даже объясненія его были лучше объясненій самыхъ ученыхъ толкователей. Онъ прилежно занимался словесностью, исторіей, и столько успѣлъ въ нихъ, что почитается однимъ изъ лучшихъ ораторовъ своей земли, (преимущество важное между Арабами), и совершеннымъ знатокомъ въ лѣтописяхъ своего народа. Въ тоже время онъ не оставлялъ гимнастическихъ упражненій, такъ-что теперь, по сознанію, всѣхъ, онъ отличнѣйшій наѣздникъ въ Варварійскихъ владѣніяхъ. Эта любовь къ наукамъ сохранилась въ немъ и до сихъ поръ: онъ посвящаетъ имъ немногіе часы, которые остаются ему отъ дѣятельной жизни; во всѣхъ походахъ за нимъ возятъ небольшую библіотеку.

20-ти лѣтъ отъ роду онъ уже обладалъ всѣми качествами которыя нужны для правителя. Абдъ-эль-Кадеру теперь около 31 года; онъ росту средняго, немного дороденъ; черты лица его кротки и вмѣстѣ выразительны; глаза у него прекрасные, борода рѣдкая и черная; зубы неровные и синеватые; обхожденіе его ласковое, вѣжливое и исполненное достоинства: онъ рѣдко предается гнѣву, и почти всегда владѣетъ собою. Одинъ умный и безпристрастный Французскій офицеръ, котораго употребляли для сношеній съ туземцами со времени покоренія Алжира, такъ гово-

* Это слово значитъ «благочестивый»: такъ называются отшельники у сѣверо-африканскихъ Арабовъ.

ритъ объ немъ: «въ особѣ Эмира столь много очаровательнаго, что узнавши нельзя не полюбить его.»

Абдъ-эль-Кадеръ очень храбръ; но кажется у него болѣе способностей свойственныхъ правителю, нежели воину, потому что находясь въ затруднительномъ положеніи, онъ обнаруживаетъ иногда уныніе. Поведенія онъ строгаго; имѣетъ одну жену, которая нѣжно его любитъ. Три года тому назадъ, семейство его состояло только изъ четырехъ- или пятилѣтней дочери и сына, который родился за нѣсколько дней до занятія и разрушенія Маскары Французами. Въ этой столицѣ онъ занималъ прекрасный домъ, особенный отъ дворца. Онъ жилъ тутъ безъ всякой стражи, почти какъ частный человѣкъ. Отсюда всякій день рано утромъ онъ приходилъ во дворецъ заниматься дѣлами и давать аудіенціи. Вечеромъ возвращался домой и опять дѣлался частнымъ человѣкомъ.

Абдъ-эль-Кадеръ не любитъ пышности въ одеждѣ, носитъ платье простаго Араба, безъ всякихъ украшеній и отличій. Все его щегольство состоитъ въ оружіи и лошадяхъ. Прежде онъ носилъ саблю съ золотымъ темлякомъ; но когда его шуринъ, котораго онъ сдѣлалъ Кади надъ сильнымъ племенемъ, въ своей новой должности сталъ показывать пышность, подавшую поводъ къ неудовольствіямъ со стороны подчиненныхъ, то онъ призвалъ его къ себѣ и, сдѣлавъ выговоръ за этотъ неумѣстный образъ дѣйствій, сказалъ ему: «Подражай мнѣ: я богаче и сильнѣе тебя, а видишь, какъ я одѣтъ. Я даже хочу бросить этотъ темлякъ, что виситъ у моей сабли.» Съ этими словами онъ отрѣзалъ темлякъ, и послѣ никогда уже не было видно на немъ ни одной блестки золота.

Но во время войны онъ оказываетъ болѣе царской пышности, нежели въ столицѣ Тогда онъ живетъ въ роскошной и покойной палаткѣ, гдѣ занимается общественными и своими собственными дѣлами. Время, свободное отъ воинскихъ занятій, онъ проводитъ слѣдующимъ образомъ: вечеромъ послѣ дневнаго похода входитъ въ свою палатку

и оставляетъ при себѣ одного слугу; на другой день утромъ нѣсколько минутъ проводитъ въ умываньи и одѣваньи; потомъ принимаетъ секретарей, высшихъ воинскихъ начальниковъ, и занимается съ ними до четырехъ часовъ; послѣ этого становится у входа палатки и читаетъ молитвы, предписанныя Кораномъ; далѣе посвящаетъ около получаса на проповѣдь. Спустя нѣсколько минутъ онъ садится за столъ съ своимъ первымъ секретаремъ и другомъ Гилутъ-бенъ-Арахомъ, своими братьями, если они съ нимъ въ походѣ, а чаще всего съ какимъ нибудь Агою. Столъ его состоитъ изъ немногихъ, но хорошо приготовленныхъ блюдъ.

Абдъ-эль-Кадеръ имѣетъ религіозное чувство, но безъ всякаго фанатизма, и повидимому у него есть правильное понятіе о Промыслѣ. Онъ не боится спорить съ Христіанами о предметахъ вѣры, и предлагаетъ свои мнѣнія безъ всякой раздражительности и въ приличныхъ выраженіяхъ. Онъ честенъ; имѣетъ твердыя нравственныя правила и, при всей хитрости дипломата, всегда вѣренъ своему слову. Въ немъ вовсе не замѣтно жестокости: онъ правитъ Арабами справедливо, но кротко, вопреки мнѣнію тѣхъ, которые увѣряютъ, что одинъ страхъ можетъ обуздать этотъ кочующій народъ. Даже съ непріятелями онъ всегда поступаетъ милостиво и великодушно, если только это отъ него зависитъ. Въ его правленіе всего лишь двое казнены смертію, и то въ слѣдствіе судебнаго приговора: это были Кади Арзево и Сиди-эль-Гомарецъ шейкъ Ангадскій, котораго повѣсили въ Маскарѣ, въ Августѣ 1835 г. Рѣчь Абдъ-эль-Кадера жива и часто остроумна. Въ частной жизни онъ слыветъ бережливымъ; но какъ правитель, онъ умѣетъ быть кстати и щедрымъ. О финансасъ и торговлѣ понятія его сбивчивы. *

Этотъ замѣчательный человѣкъ теперь самый страшный непріятель Французовъ, которые стремятся утвердить

* Да это почти Саладинъ, если вѣренъ портретъ. Пр. Редактора.

власть свою надъ обширною полосою земли отъ Средиземнаго моря до Сахары и отъ предѣловъ Марокко до Туниса. Тогда какъ для достиженія своихъ честолюбивыхъ замысловъ они тратили деньги и людей, употребляли насиліе, измѣну, притѣсненія и жестокости, Абдъ-эль-Кардеръ, не страшась успѣховъ своихъ сильныхъ сосѣдей, посредствомъ храбрости, проницательности и терпѣнія, постепенно упрочилъ за собою довольно значительную часть той области, которую они всю безъ исключенія хотѣли присвоить себѣ. Въ то время, какъ Франція склонялась то на ту, то на другую сторону, подъ вліяніемъ системъ, смѣнявшихся также часто, какъ образъ правленія въ Парижѣ, а вмѣстѣ и генералъ-губернаторы въ Африкѣ, молодой Эмиръ постоянно слѣдовалъ своему плану и сдѣлался наконецъ для предпріятій Арабовъ средоточіемъ и предводителемъ,— такимъ предводителемъ, дарованія и храбрость котораго вполнѣ извѣдали его непріятели. Первая его встрѣча съ ними была при Мактѣ. Глубокое спокойствіе царствовало до этой битвы. Французы были почти заперты въ Оранѣ, но съ Абдъ-эль-Кадеромъ жили въ мирѣ и добромъ согласіи. Но когда Эмиръ приказалъ поколѣнію Дуаровъ, которые снабжали ихъ жизненными припасами, уступить ему лагерь вблизи Орана, тогда Генералъ Трецель, командовавшій въ этомъ мѣстѣ, выступилъ противъ него съ 3,000 человѣкъ, при Мактѣ былъ разбитъ. Для того, чтобы отмстить за это пораженіе, снарядили подъ начальствомъ Маршала Клозеля и Герцога Орлеанскаго страшную экспедицію противъ Маскары, главнаго города Абдъ-эль-Кадера. Эмиръ не имѣлъ столько войскъ, чтобы защищать свою столицу; Французы сожгли ее и превратили въ пепелъ. Тьеръ въ палатѣ депутатовъ оправдывалъ этотъ вандализмъ, говоря, что Абдъ-эль-Кадеръ сжегъ Маскару. По окончаніи этого похода, Клозель хвалился тѣмъ, что уничтожилъ силу Эмира, и въ донесеніи писалъ будто Абдъ-эль-Кадеръ доведенъ до самаго плачевнаго состоянія, оставленъ всѣми приверженцами и скитает-

ся на границахъ Марокко. Послѣ этого Маршалъ, желая нанести непріятелю окончательный ударъ, двинулся противъ богатаго города Тимзена и во второй разъ разбилъ молодаго Эмира. Но когда Маршалъ, спустя нѣсколько дней, предпринялъ обозрѣть устье Тафны, тогда Абдъ-эль-Кадеръ напалъ съ горъ на Французовъ съ такимъ искусствомъ и ожесточеніемъ, что Клозель принужденъ былъ поспѣшно отступить въ Тимзенъ. При отступленіи онъ оставилъ тутъ гарнизонъ изъ 500 человѣкъ, который и былъ осажденъ Абдъ-эль-Кадеромъ. Для выручки и подкрѣпленія гарнизона, сочли необходимымъ поставить лагерь при устьѣ Тафны; но и тутъ Эмиръ безпрестанно тѣснилъ Генерала д'Арланжа. Въ этѣхъ обстоятельствахъ Генералъ-Губернаторъ былъ вынужденъ просить подкрѣпленія изъ Франціи, и ему послали 5,000 человѣкъ подъ начальствомъ Генерала Бюжо; этотъ Генералъ, разбивши Абдъ-эль-Кадера, освободилъ отъ опасности д'Арланжа и гарнизонъ въ Тимзинѣ. Готовились было къ новымъ предпріятіямъ противъ Эмира; но теперь, кажется, думаютъ о сношеніяхъ болѣе мирныхъ. — Другой Государь этой земли, Бей Константины, внушилъ завоевателямъ подозрѣніе, и потому нашли полезнымъ вступить съ Эмиромъ хоть на время въ дружескую связь, для того, чтобы имѣть возможность устремить всѣ силы противъ Бея. Давнишняя зависть и частыя оскорбленія побудили Абдъ-эль-Кадера заключить этотъ союзъ. Правда, что такой поступокъ обнаруживаетъ недальновидность политики Эмира; но какъ бы то ни было, а онъ доставилъ ему независимость и возвелъ его на степень Султана, подавши случай его сильнѣйшимъ непріятелямъ уничтожить Ахмеда. Договоръ Тафнискій заключенъ въ Маѣ 1837 года. Въ силу этого договора Абдъ-эль-Кадеръ признаетъ владычество Французовъ въ Африкѣ. Французы въ провинціи Оранъ удержали за собою Мостагенемъ, Мазафранъ, и области Оранъ и Азревъ, такъ что предѣлы ихъ владѣній съ Востока идутъ по рѣкѣ Мокте и болоту, дающему начало этой рѣкѣ, а съ юга,

начиная отъ южнаго берега озера Обга, пролегаютъ до Рio Салада, параллельно съ Уедъ-Малу (Malu), по направленію Сади-Саида и отъ этой рѣки вплоть до моря. Въ провинціи Алжирской имъ принадлежатъ: Сагель (тоже, что равнина, но это слово означаетъ собственно часть Сахары, состоящую изъ мелкаго песку, тогда какъ почва послѣдней образована изъ крупнаго колчедану и камней) и равнина Метиджа на Востокъ до Уедъ-Кадры; Блидахъ (Blidah) вмѣстѣ съ областью, въ ней заключенною, на Югѣ параллельно Чиффѣ до холмовъ первой цѣпи малаго Атласа, и Колеахъ (Koleah) включительно съ областью на Западѣ вдоль Чиффы до ея соединенія съ Мазафраномъ и отсюда по намѣченной чертѣ до моря. Въ силу 3-й статьи договора, Эмиръ признанъ повелителемъ надъ провинціями Ораномъ, Тишери и частью Алжира, лежащею внѣ показанныхъ западныхъ границъ; онъ доставляетъ Французской арміи 30,000 фанегъ (фанега равняется $\frac{1}{4}$ шефеля) пшеницы, 30,000 ф. крупъ и 5,000 быковъ. Но у Французовъ позволено ему покупать порохъ, сѣру и оружіе. Франція уступаетъ Эмиру Рачгутъ, Тимзенъ и крѣпость Мечуаръ, вмѣстѣ съ воинскими снарядами. Утверждена полная свобода на счетъ торговли между Франціей и Алжиромъ; преступники взаимно должны быть выдаваемы. Эмиръ обязался ни кому не отдавать ни одного мѣста на берегу безъ согласія Франціи. Взаимная торговля производится въ одной только гаванѣ, которая принадлежитъ Франціи; той и другой сторонѣ предоставлено имѣть агентовъ, гдѣ заблагоразсудится. Договоръ заключенъ 30 Мая 1837 года, а Константина взята 13 Октября того же года, и послѣ этого событія горькіе упреки сыплются на тѣхъ, которые его заключили. Приверженцы партіи, одобряющей завоеваніе Африки, безпрестанно требуютъ у правительства уничтоженія этого договора. Но каково бы ни было слѣдствіе борьбы, на которую рѣшился бы Абдъ-эль-Кадеръ, и сталъ ли бы помогать ему, или нѣтъ, его старшій союзникъ Императоръ Марокскій; — во всякомъ случаѣ

Эмиръ будетъ имѣть на своей сторонѣ большую часть жителей городовъ, оскорбленныхъ нарушеніемъ торжественной капитуляціи, и — что важнѣе всего — обѣты и мольбы кочующихъ Арабовъ, которые до сихъ поръ вѣрны своей пословицѣ: «Богъ создалъ насъ не для городовъ, а для степей, и наша обязанность ихъ защищать.»

Отъ Издателя.

Нѣкоторыя изъ обѣщанныхъ извѣстій будутъ помѣщены въ слѣдующей книжкѣ, уступая здѣсь мѣсто стихотворенію нашего любимаго лирическаго Поэта А. С. Хомякова, которое, въ торопяхъ говоря галлицизмомъ, трепещетъ интересомъ минуты.

Въ слѣдующей книжкѣ мы помѣстимъ отрывокъ изъ оды В. Гюго, въ параллель произведенію Русскому: намъ пріятно замѣтить впередъ, что пальма въ поэтическомъ состязаніи остается за нашимъ Лирикомъ.

Небо ясно, тихо море,
Воды ласково журчатъ;
Въ безграничномъ ихъ просторѣ
Мчится весело фрегатъ.
Молніи сизыя трепещутъ,
Бури дикія шумятъ;
Волны бьются, волны плещутъ,
Мчится весело фрегатъ.
Дни текутъ; на ризахъ ночи
Звѣзды южныя зажглись;
Мореходцевъ жадны очи
Въ даль завѣтную впились
Берегъ! берегъ! передъ ними,
Къ небу синему взошла
Надъ пучинами морскими
Одинокая скала.
Здѣсь онъ! здѣсь его могила
Въ дикихъ вырыта скалахъ:
Глыба тяжкая покрыла

Полководца хладный прахъ.
Здѣсь страдалъ онъ въ ссылкѣ душной,
Молньей внутренней сожженъ;
Местью страха малодушной,
Низкой злостью истомленъ.
Вырывайтежь бренно тѣло—
И чрезъ бурный океанъ
Пусть фрегатъ вашъ мчится смѣло
Съ новой данью южныхъ странъ.
Онъ придетъ, онъ въ пристань станетъ.
Онъ его хранимъ судьбой:
Слыша вѣсть о васъ, воспрянетъ,
Встрѣтитъ пепелъ дорогой,
Съ шумомъ буйныхъ ликованій,
Поздней ревности полна,
Въ дни несчастья, въ дни страданій
Измѣнившая страна.
Было время, были годы—
Этотъ прахъ былъ богъ земли:
Взглянетъ онъ—дрожатъ народы,
Войска движутся вдали;
А пойдетъ онъ строгой, блѣдной,
Словно памятникъ живой:
Подъ его стопою мѣдной
Содрогнется шаръ земной.
Въ полѣ вспыхнетъ буря злая,
Вспыхнутъ громы на моряхъ,
И ложатся умирая
Люди въ кровь, и царства въ прахъ.
И въ тѣ дни своей гордыни
Онъ пришелъ къ Москвѣ святой,
Но спалилъ огонь святыни
Силу гордости земной.
Опускайтежь тѣло бренно
Въ тихой, темный, вѣчный домъ,
И обрядъ мольбой смиренной
Совершите надъ вождемъ.
Пусть изъ мѣди, пусть изъ злата,
Камней, красокъ и рѣзьбы,
Встанетъ памятникъ богатой
Той неслыханной судьбы!
Пусть надъ перстью благородной
Громовѣщущей главы,

Блещетъ саванъ зимъ холодной,
Пламя жаркое Москвы,
И не мечь, не штыкъ трехъгранной,
А въ вѣнцѣ полнощныхъ звѣздъ—
Усмиритель бури бранной—
Наша сила, Русскій крестъ.
Пусть, когда въ земное лоно
Пренесенъ чрезъ бездну водъ,
Бѣдный прахъ Наполеона
Тлѣнью отданный заснетъ,—
Передъ сномъ его могилы
Скажетъ міръ, склонясь главой:
Нѣтъ могущества, ни силы,
Нѣтъ величья подъ луной.

А Хомяковъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ:

стр.

Москва, Ѳ. Глинки..... 29
Видѣніе, Хомякова..... 51
Завѣтное мгновеніе, Ѳ. Глинки..... 53
Слѣпому поэту, М. Дмитріева..... 54
Прекрасный день, Шевырева..... 57
Буря, Языкова..... 58
Шутка, Кн. Вяземскаго..... 59
Изъ Фауста, К. Аксакова..... 61
Пегасъ въ ярмѣ (изъ Шиллера), Г-жи Глинки..... 62
Къ пѣсни, Стромилова..... 66
Сцена изъ послѣдней не конченной Трагедіи Шиллера Дмитрій Самозванецъ, Г-жи Павловой..... 67
Нѣсколько неизвѣстныхъ стиховъ Пушкина..... 74
Гроза, Милькѣева..... 75

ПРОЗА:

Пріѣзжій изъ уѣзда или Суматоха въ столицѣ. Повѣсть Вельтмана..... 131
Мѣсяцъ въ Парижѣ (изъ дорожнаго дневника), Погодина..... 76

НАУКИ:

Петръ Великій, Погодина..... 3
Взглядъ Русскаго на современное состояніе Европы, Шевырева..... 219
Италія..... 221
Англія..... 234
Франція..... 246
Германія..... 268
О Россіи..... 287

стр.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ:

Знакомство Дмитріева съ Карамзинымъ (изъ Записокъ И. И. Дмитріева)..... 31
Собственноручная записка Карамзина..... 39
Собственноручная записка Ломоносова..... 40
Стихи Князя Антіоха Кантемира..... 42
Жалоба Сумарокова..... 43
Объясненіе Державина, представленное Императрицѣ Екатеринѣ II..... 44
Два письма Петрова..... 49

МОСКОВСКАЯ ЛѢТОПИСЬ:

Заложеніе новой Единовѣрческой церкви..... 297
Извѣстіе о жизни и кончинѣ А. Ѳ. Малиновскаго..... 300
Двадцатилѣтіе Общества сельскаго хозяйства..... 306
Почтовыя кареты между Петербурга и Москвою..... 314
Статуя Кіевлянина Г. Витали..... 316
Открытіе Театра въ Москвѣ..... 321
Послѣдняя Импровизація Г. Джустиніани..... 322

СМѢСЬ.

Спеціальная Патологія и Терапія Шенлеина..... 325
Гдѣ наши Литераторы..... 324
Кяхтинская торговля..... 328
Абдъ-эль-Кадеръ..... 332

Стихотвореніе А. С. Хомякова на перенесеніе Наполеонова праха..... 341